

“Храни Вас Бог...”

10.05.2008 г.

— Станислав Юрьевич! Это Вам звонит Валентина Николаевна из Кусы. Не обижайтесь на меня, Вы человек очень занятой, я Вас от дел отрываю...

— Ну что Вы, Валентина Николаевна! Я всегда рад слышать Вас. Как Вы там живёте на Южном Урале?

— Да трудно, Станислав Юрьевич. Безработица... Был один заводик, где водку делали, да и тот закрылся... Народ с потухшими глазами ходит. Разве такие будут Ваш журнал читать? Им ни до чего дела нет. А за журнал всё равно спасибо. Он, несмотря ни на что, светит, души излечивает, которые ещё не до конца отчаялись...

Валентина Николаевна всю жизнь проработала в маленьком городке Куса библиотекарем. Несколько лет тому назад впервые позвонила мне по телефону и рассказала, что по здоровью, да и по годам вышла на пенсию, но библиотеку не бросает, проводит там всяческие литературные конкурсы, викторины, недавно испытывала своих читателей, кто из них знает героев повестей Валентина Распутина, и рада тому, что многие старшеклассники показали хорошие знания распутинской прозы, а потому она меня просит, чтобы я прислал в Кусу несколько книжек Валентина Григорьевича с его автографами. Она будет этими книжками победителей награждать.

Когда мы несколько лет тому назад начинали наши телефонные беседы, я спросил её, какую пенсию она получает, и ахнул: так Вы же полпенсии со мной проговорили! Но она не умеет говорить кратко, по-деловому, ей нужно по душам поговорить.

— Я рада, что Вы в Иркутске у Распутина побывали. Он у меня со своей дочкой Машей сфотографированный на стене висит. А рядом с ним Достоевский, Шукшин, Юрий Власов, Коля Бурляев. Тут же мои мама, папа, братья... целая семья... Нас много! Спасибо за журнал. Только вот и у Вас иногда печатается такое, что я не могу уговаривать своих знакомых, чтобы они подписывались на “Наш современник”. Вот у Личутина в очерке была частушка с матерным словом. Не надо этого, Станислав Юрьевич...

Голос у неё тихий, застенчивый, ей не хочется меня ни в чём упрекать, но совесть промолчать не даёт... У неё есть в маленькой Кусе свои питомцы.

— У нас, Станислав Юрьевич, существует литературное объединение “Кусинские зори”. На днях юбилей будем отмечать. Очень прошу Вас — пришлите телеграмму. Поздравьте нас, а я Ваше поздравление зачитаю. Вы не представляете, как такие слова нам нужны. Ведь столько людей вокруг ходят с потухшими глазами... Храни Вас Бог!

Вот она, русская душа, живущая в библиотечной работнице, полуницей пенсионерке. Она ведь не меньше значит для России, чем солженицынская Матрёна. Но она — дитя советской эпохи, чего Александр Исаевич понять бы не мог: как это в советской оболочке живёт такая трогательная и чистая русская душа...

От имени недавно ушедшей из жизни Валентины Николаевны, чьи убеждения сложились во многом благодаря “Нашему современнику”, от имени наших авторов — Валентина Распутина, Василия Белова, Юрия Кузнецова, Вадима Кожина — обращаюсь и к нашим писателям, и к читателям со словами Валентины Николаевны — “Нас много”, и мы можем увеличить подписку на журнал, если осознаем эту истину, которую скромная русская женщина чувствовала своим сердцем... Подписывайтесь, читайте, пишите! “Храни вас Бог!”

НАШ СОВРЕМЕННОК

Журнал писателей России

№ 5 2019

**ПОБЕДА —
ВДОХНОВЛЯЮЩАЯ
И ТРЕБОВАТЕЛЬНАЯ**

* * *

Стол накрыли в тесной комнате.
Май пришёл — святые дни.
Люди выпили и вспомнили
то, что русские они.

По столу стаканы стукали,
словно пули по броне.
Говорили деды с внуками
о судьбе и о стране.

Ошалев от спирта чистого,
славя давнюю весну,
хор нестройный грянул истово
про священную войну.

И сквозь речи нетвердые,
сквозь забывшееся зло
что-то верное и грозное
просияло... И ушло.

Марина Струкова

“Из всех зрительных образов детства глубже всего запали в Матвееву память прежние русские странники, как лёгкой машистой походкой идут они сквозь житейскую толчею, степенные и опрятные, от всего отрешённые старики, пропахшие берёстой и полынькой. Не гнетут их забота и хворость, не горбит имущество стоимость в медный грош. Солнышком да росами выбеленный азам на плечах, да холстинка на отход души в полупустой котомке, и как будто нездешняя, не наша пыль на их лаптях — в каком из простых сердец не будили они вздоха благородной зависти?.. Так идут они с вешнего половодья до первый снежок, вникая в происходящие по сторонам великие тайности, именно обыденностью своею сокрытые в природе от постороннего глаза. И всё попутное, благое и тёмное мнится их бесстрастному глазу игрою одушевлённых стихий — гроза и роща под ветром, пожар или ярмарка, — от зорьки до зорьки шагают, благоговейным помыслом нацелясь на никому незримые дивные обители с пылающими куполами и башнями розового кирпича, пока не призовут на ночлег сладчайший дымок из попутного селенья, звон вечерного молока о подойник”.

Это цитата из великого и до сих пор по-настоящему не прочитанного романа Леонида Леонова “Пирамида”, который вместил в себя всю жизнь и писателя, и его Отечества второй половины XX столетия.

Многодумие, пророческие откровения, густой, полнозвучный русский язык (поучиться бы ныне многим у Леонова!) — вот черты его прозы.

Он многое предрёк в нашей жизни ещё в “Русском лесе” — в противостоянии Вихрова и Грацианского. А в предисловии к “Пирамиде” сам дал необходимый ключ к её прочтению:

“Громада промежуточного времени, от нас до будущих хозяев омоловившейся планеты, уплотнит историю исчезнувших предшественников в наконец-то прочитанный апокриф Еноха, который объясняет ущербность человеческой природы слиянием обоюдно несовместимых сущностей — духа и глины”.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Д. Н. НИКОЛАЕВ,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
З. ПРИЛЕПИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
А. Ю. УБОГИЙ,
В. Г. ФОКИН,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ,
С. А. ШАРГУНОВ,
В. А. ШТЫРОВ

Содержание

Проза

- Захар ПРИЛЕПИН
Некоторые не попадут в ад.
Роман-фантазмагория 8
- Галина ПОЛЯКОВА
Девушка, звёзды и два моря.
Документальная повесть 94
- Зоя ДОНГАК
Я жив, и мой конь жив.
Рассказ 114

Поэзия

- Иван ГРИШАНОВ
Я сын полка 3
- Борис ОРЛОВ
Отцы-фронтовики! 6
- Валерий САМАРИН
Я слушаю сердца людские 88
- Георгий НОВИК
Мы играли в честную игру... 91
- Елизавета МАРТЫНОВА
А в будущем – весна 107
- Юрий ПАВЛОВ
Живое тянется к живому,
пока вращается Земля... 111
- Виталий МУХИН
Афганские сны 117
- Поэтическая мозаика 123

Очерк и публицистика

- Георгий ЦАГОЛОВ
Какой строй нам нужен? 136
- Александр ПРОХАНОВ
Вихри русской мечты 140
- Александр РУДЕНКО
Отец 150
- Анатолий СМЕРДОВ
Трофей победителей 162
- Камиль ЗИГАНШИН
Валовое национальное
счастье 170

Редакция

Приёмная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
*первый заместитель
главного редактора* —
(495) 625-01-81

С. С. Куняев —
*заместитель главного
редактора,
зав. отделом критики* —
(495) 625-02-81

Отдел прозы —
(495) 625-30-47

К. К. Сейдаметова —
зав. отделом поэзии —
(495) 625-02-81

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техцентром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

А. А. Жуков —
юрист —
(495) 625-57-45

Валерий БАДОВ
Вольный потомок
казацкого рода против
“Ордена столоначальников” 176

Слово читателя

“В каждом номере
много интересного” 192

Мир Свиридова

Александр БЕЛОНЕНКО
Шостакович и Свиридов:
к истории взаимоотношений 201

Память

Сергей КУНЯЕВ
Вадим Кожинов 223

“Не горой, мама, не грусти...”
Письма с фронта 238

Критика

Сергей КУЧИН
Женская доля глазами
русских литераторов 250

Ирина МОНАХОВА
“Звонкие живые летописи” 267

Эдуард АНАШКИН
...На большую дорогу... 283

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и публикует наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией. Срок хранения рукописей один год. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Адрес редакции: **Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2** (пн.-чт. с 11 до 17 ч.)

Адрес электронной почты: **n-sovrem@yandex.ru** (рукописи по e-mail не принимаются)

Адрес сайта в интернете: **www.nash-sovremennik.ru**

Юрист редакции оказывает юридическую помощь читателям журнала

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

При изготовлении оригинал-макета журнала использованы шрифты ООО НПП “ПараТайп”.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов. Оператор: Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Подписано в печать 06.05.2019. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ № 0090-2019. Тираж 4000 экз.

Отпечатано в АО “Красная Звезда”, 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-21-12, (495) 941-32-09 www.redstarph.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

ИВАН ГРИШАНОВ

Я СЫН ПОЛКА

* * *

Жизнь моя на ласки не богата,
Не имел я их и не искал:
То детдом, то воровская хата,
А потом — войны крутой оскал.

В жизни той милей дневного неба
Был блиндаж с накатом в пять слоёв.
И в каком аду я только не был
В круговерти гибельных боёв!

Я забыл, откуда вышел родом,
Мир войны — мой первый детский класс.
Ну, а дни стекали, словно в воду
Капли слёз из воспалённых глаз.

Отвечаю чётко на вопрос вам:
Я родился сразу злым и взрослым.

ГРИШАНОВ Иван Иванович родился в 1932 году в деревне Шепелёво Кромского района Орловской области. В разгар боёв на Курской дуге был принят в качестве наблюдателя-разведчика в отдельный истребительный противотанковый дивизион и неоднократно переходил через линию фронта. После окончания войны поступил в Курское суворовское училище, а окончив его в 1953 году с отличием — в Одесское военное училище. Имеет звание “Заслуженный изобретатель Молдавской ССР”, автор более 50 изобретений. Проживает в г. Дедовске Московской области.

* * *

Я сын полка. Топоразведка.
Для батарей мы ищем цели.
Тыл и во сне-то видим редко,
Свою судьбу с пехотой делим.

За речкой пушки как ослепли
Без наших данных для обстрела.
От скирд горящих все мы в пепле,
И страхи — судорогой в тело.

“Ты — ребячёнок, вешишь мало,
Но ты — последняя надежда”, —
Так говорил комбат устало,
Сминая в куль мою одежду.

Вода от взрывов стала пенной,
И пулемёт по ней — как плёткой.
На берег тот — на край вселенной —
Не проскользнуть ни вплавь, ни лодкой.

Тем двум, что яростно рискнули,
Прервали путь у середины:
Цветной строкой прожгли их пули,
Волной накрыли злые мины.

И я без слов, и слёз, и брани
С мотками провода для связи
Шагнул в немислимом старанье
В ту жуть из пламени и грязи.

Как плыл, как шёл, по дну ступая,
И кто встречал, коль это было, —
На откровения скупая,
Всё это память утопила.

Река, скажу, совсем не Волга,
Но речь я потерял надолго.

ПАХНЕТ НОЧЬ РОМАШКОЮ И РОЖЬЮ...

Пахнет ночь ромашкою и рожью,
Влажной дымкой светится роса.
Поле спит. А в тёмном бездорожье
Шелестят, как листья, голоса.

Мы разведка, мы глаза и уши.
Нам приказ — доставить “языка”.
И в смятенье дышат наши души,
Как в оврагах близкая река.

Влажный след в траве оставив телом,
Мы ползём, беззвучны и близки.
Вижу я покрашенные мелом
Впереди ползущих каблукки.

Проскользнув под проволокой колючей,
Стынем в блеске вспыхнувших ракет.
Мысли — камнем, падающим с кручи:
“Сорвалось! А может, может — нет?”

Темень вновь упала чёрным шёлком,
Скрыла нас от выстрела в упор.
Вот бросок, вот хрип! И всё умолкло:
Лёг навечно вражеский дозор.

Живы мы, идём с живым трофеем,
Будто вновь для жизни рождены,
И заря, как счастье, розовеет,
И как будто нет совсем войны.

* * *

У ржи золотистой
 Растут васильки —
Любимой сорняк — украшеньё.
Умоюсь я чистой
 Водой из реки...
Мой мир и моё утешенье.

И здесь я подростком
 Вставал на расстрел
И падал под пулей не мнимой...
В том времени жёстком
 И воздух горел.
Я выжил, родными хранимый.

Родными цветами,
 Струёй родников
И полем волнистым без края,
И тем, кто не с нами,
 Но здесь был таков...
А день горизонтом сгорает.

У ржи золотистой
 Растут васильки —
От горечи давней спасенье...
В росе серебристой
 Трава у реки.
Здесь мир мой, моё воскресенье.

БОРИС ОРЛОВ

ОТЦЫ-ФРОНТОВИКИ!

* * *

Оставили, пройдя сквозь пламя драм,
Нам чувство справедливости и долга
Отцы-фронтовики! Спасибо вам
За жизнь, что оставалась мирной долго.

Святые души. Светлые умы.
Смотрели мы на вас, как на икону.
Но вы ушли. А вслед уходим мы
И держим круговую оборону!

* * *

Анатолию Руптанову

Мы были будущим страны,
Играли, нацепив медали.
Отцы устали от войны —
О ней при нас не вспоминали!

ОРЛОВ Борис Александрович родился в 1955 году в Ярославской области. Окончил Ленинградское высшее военно-морское инженерное училище им. Ф. Дзержинского и Литературный институт им. М. Горького. Служил на Северном флоте. Капитан первого ранга. Автор 12 стихотворных сборников. Лауреат литературных премий, председатель правления Санкт-Петербургской организации Союза писателей России.

Молчали — а душа в огне! —
И, выпивши, сжимали зубы.
А мы судили о войне
По кинофильмам в сельском клубе.

Друзья погибли — рядом нет.
Без них беседа — не беседа.
Над миллионами побед
Кружила общая победа.

* * *

Иеромонаху Александру (Фауту)

Я брезгую попасть с попсою в такт,
Она лелеет и грехи, и тело.
Открыто душу выстужу, но так,
Чтобы моим теплом других согрело.

Мне ближе тот, кто, не приемля лжи,
Готов отдать последнюю рубашку.
И раньше жил, и дальше буду жить
С душою, что открыта нараспашку.

* * *

Площадей пятна. Скопища зданий.
В скверах шпили торчат из листвы.
Сонный город, как ёжик в тумане,
Сиротливо бредёт вдоль Невы.

Облака, как листочки крапивы,
Он уносит на шпилях легко,
Чтоб затем из большого залива,
Как из блюдца, лакать молоко.

ЗАХАР ПРИЛЕПИН

НЕКОТОРЫЕ НЕ ПОПАДУТ В АД

РОМАН-ФАНТАСМАГОРИЯ*

До Бати было рукой подать. Мы соседствовали. Казарму нашему свежесобранному разведывательно-штурмовому батальону определили поздней осенью. Местом расположения стала разворованная в хлам ледяная гостиница, носившая имя чешской столицы и торта.

Гостиница действительно была похожа на старый, подсохший, надрезанный торт.

Скульптура солдата Швейка слева от стеклянных дверей располагалась почему-то посреди клумбы: словно солдат, не успевавший вернуться в расположение по нужде, побежал отлить на травку — и окаменел, настигнутый окриком небесного дежурного.

Только сейчас вспомнил — скажу, пока не забыл, потом уже не до них будет: в батальоне служили два чеха, добровольцы. Один — огромный, бородатый, совершенно бандитского вида, приписанный к группе быстрого реагирования, еле по-русски говорил, я поначалу думал — чечен; но нет, мне сказали: чех. Комбат назначил его следить за порядком, потому что наша ГБР реагировала в основном на залётчиков внутри бата; так эта орясина была своих совершенно безжалостно. Другой — мелкий, молчаливый, немного,

ПРИЛЕПИН Захар — прозаик, публицист, музыкант, обладатель премий “Национальный бестселлер”, “СуперНацБест” и “Ясная Поляна”... Известность ему принесли романы “Патологии” (о войне в Чечне) и “Санька” (о молодых “нацболах”), “пацанские” рассказы — “Грех” и “Ботинки, полные горячей водкой”.

* Журнальный вариант. Печатается с сокращениями.
В интернет-версии “Нашего современника” не публикуется.
Полностью читайте в отдельном издании: Издательство “АСТ”, 2019.

ВАЛЕРИЙ САМАРИН

Я СЛУШАЮ СЕРДЦА ЛЮДСКИЕ

* * *

Пушкин. Салазки.
Зорька в окне.
Россия из сказки
Явилась ко мне.

Светятся живо
У отца ордена...
— Пап, расскажи мне,
Какая война?

Лает собака
На таких же дворняг.
— Война — это драка,
Но лучше без драк.

Смотри-ка, в тельняшках
Цветы на лугу...
И я по ромашкам
В тельняшках бегу.

И дальше — сквозь годы
Бегу напрямик
В России, свободной
От всяких вериг...

И время не ржавит
Отца ордена —
Лишь он не расскажет,
Какая война...

Но светит красивая
Зорька в окне —
Как сказка, Россия
Явилась ко мне.

САМАРИН Валерий Серафимович родился 17 апреля 1952 года в с. Нижние Мельницы Уразовского района Курской (ныне Белгородской) области. Автор семи книг, в том числе “Обретение истины”, “Жива Россия — и совесть на земле жива”, “Моя судьба ни на чью другую не похожа!”, лауреат премий С. Есенина, А. Платонова, Я. Полонского. Член Союза писателей России.

* * *

Искусство требует оброка
Из чувств и мыслей в том числе.
Как тяжело даются строки
О нашей собственной земле!

Загадка — русская дорога,
Что даже во вселенской мгле
Показывает образ Бога,
Чтоб жили с правдой на земле.

Ещё загадочней в России
Её судьба, её народ.
Я слушаю сердца людские,
Как журавлиный перелёт...

И память очень-очень строго
Просматривает жизнь мою.
А в ней — Россия и дорога,
Та, на которой я стою.

ХРАМ ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО

Дивный храм Василия Блаженного
В поднебесье мчится не спеша...
Ничего в нём нет второстепенного:
Песня в камне да ещё душа.

В честь события весьма серьёзного:
Взятия Казани — будь здоров! —
Он возник в душе Ивана Грозного
И в работе русских мастеров.

Только после, как гласит предание,
Ослепили очи мастерам —
Будто это воля государева,
Чтоб нигде не встал подобный храм!

Но бывает: людям что-то чудится...
И для просветленья их очес
Этот храм давно духовно трудится,
Собирая зренье у небес.
У него великое служение:
Сквозь столетья мчатся не спеша,
Чтобы на земле во всех сражениях
Побеждала русская душа!

* * *

“Ученье — свет, а неученье — тьма”, —
Одно из тех ходячих выражений,
Которые как двигатель ума
Почти не вызывают возражений.

Вот молния сверкнула... Дикий гром
Потряс мне сердце и мою планету.
Неужто всё кончается добром,
Коль человек всегда стремится к свету?

* * *

Вдали от шума городского
Нашёл местечко я в глуши,
Где лес да речка — всё весомо,
Всё благодатно для души.

Гляжу, как радуется речка,
Как в ней танцует солнца свет...
Отсюда, с берега-крылечка,
Не видно мне вселенских бед.

Вот бабочка летит... Откуда?
Из детства, из ребячьих грёз.
И наша жизнь не есть ли чудо,
Что может волновать до слёз?

Не для меня ль кует кузничик
Подкову счастья не спеша?..
Трудись, мой добрый человечек,
Моя родимая душа!

Вон даже серая ворона
Не может каркнуть вдалеке —
Так хорошо и удивлённо
Танцует солнце на реке.

И это солнечное танго
Очаровательно в глуши,
Где бабочка летит, как ангел,
На лёгкий свет моей души!

ГЕОРГИЙ НОВИК

МЫ ИГРАЛИ В ЧЕСТНУЮ ИГРУ...

* * *

Командир, все мы ждём твой последний приказ,
чтобы выйти с тобой из огня,
Командир, я же знаю, ты будешь за нас
от Крещения до Судного дня.
Пусть шакалы шептали тебе, мол, живи,
как в раю, где совет да любовь.
Но мы верим в тебя, в твой последний приказ,
и в твою неуёмную кровь.

А в бою — как в бою, гонишь мысли свои,
а эфир всё молчит и молчит.
Заливаются пули, ну, как соловьи,
и отчаянно сердце стучит.
И как будто уже никому не до нас
и не сходит с небес благодать.
Командир, все мы ждём твой последний приказ,
да и рано ещё умирать.

Думал, не было счастья, не то я ценил,
не к тому приклонялся венцу.
Горы рвут нас на части, и нет больше сил,
пот холодный бежит по лицу.

НОВИК Георгий окончил школу рабочей молодёжи в Москве, был призван в 1978 году в погранвойска на советско-афганскую границу, участвовал в военных действиях 40-й армии в Афганистане. После службы работал в Москве крановщиком. Печатается впервые.

Нам бы в этом ущелье, где всё против нас,
 в добрый час пить за дружбу вино,
 Командир, все мы ждём твой последний приказ,
 и другого уже не дано...

Мать Россия несёт свой особенный крест,
 обращаясь с молитвою к нам.
 Командир, ведь тебе по плечу Эверест
 и почти что Монблан.
 Пусть тебя кто-то судит на собственный лад,
 пряча злости и желчи патрон.
 Но мы пьём за тебя, за надёжных ребят
 и за золото русских погон.

* * *

Кушкíнский крест имеет вес для офицера и солдата.
 Давно легла граница здесь — мы возвращаемся, ребята.
 Смахнёт слезу седой комбат, седой комбат из-под Кабула.
 Мы возвращаемся назад, ребята, — домом потянуло.

В Союз уходят шурави сквозь рокот гор в родные дали.
 Кушкинский крест блестит вдали, а на груди блестят медали.
 Молчит наш ротный капитан, глаза колючие застыли.
 Уходит вдаль Афганистан, где мы под пулями ходили.

Ведь было трудно нам порой, но мы делили хлеб и беды.
 Мы возвращаемся домой без поражения, без победы.
 Пусть в нашем сердце — боль утрат,
 пусть в нашем сердце — все мы живы,
 Но старшина отводит взгляд, а мать рыдает у могилы.

А кто-то снова хочет в бой, ему он долго будет снится.
 Мы оставляем за собой чужой земли чужие лица.
 О чём задумался, бача*, невеста, может, не забыла...
 А солнце снова, как свеча, броню и душу раскалило.

* * *

Мы играли в честную игру, человека брали на прицел,
 И кому-то так не по нутру, что он задыхался и пыхтел:
 “Нет, неправда, как же, как же так, а такого нет, не может быть!”
 Потому что он свистеть мастак, ну, о чём с ним можно говорить?

Мы играли в честную игру,
 Кандагар нас ждал, Баграм, Панджшер...
 Каждый думал: “Нет, я не умру, верит мать, что я в СССР!”
 И, спасая павших под огнём, вырывая их из пасти скал,
 Каждый верил: всё равно дойдём, налетая грудью на металл.

Мы играли в честную игру: кровь за кровь, медали да кресты.
 Кто-то скажет — честь не ко двору — и сожжёт последние мосты.
 Чёрный кружит в облаках тюльпан,
 неподъёмный тащит “200 груз”...
 Губы шепчут: “Я вернуся, мам, всё равно когда-нибудь вернусь...”

* Юноша (тадж.)

Мы играли в честную игру, в окруженье неприступных гор
Проклинали вечную жару, аж душа сочилась из пор.
Там, как прежде, ходит караван,
и тюльпаны в сопках прячут змей...
Ты скажи мне просто: "За Афган!" Да ещё за наших всех налей...

* * *

Родниковой водой и душистою, сладкою мятой
Утро дарит простор и покой в васильках у ручья.
Небо, словно ковёр, облаками седыми измятый;
Засветился восток золотым ободком калача.

Полюбил навсегда не за ласку, но и не за плети —
За раздолье души, бесшабашность навеки твою.
Пусть на русских полях озорует и ластится ветер,
Я ему соловьём величальную песнь подпою.

Пусть церковей купола лечат раны людские и души,
И спасёт от беды нам судьбою подаренный крест.
Я к тебе возвращусь, чтобы снова тебя не послушать,
Чтоб вернуться опять из чужих и непонятых мест.

* * *

Вы простите меня за всё, что на улице дождь и снег,
Вы простите меня за то, что уже не моложе всех,
Износились тормоза и не вовремя светфор...
Вы простите меня за всё, за беспечность мою и вздор.

Вы простите меня за смех, и за слёзы, и рифмы сбой,
Вы простите меня за грех, что я русский, а не голубой.
Иней осветил мне виски, случай выпал, но не помог,
Кто повесился от тоски, кто от женщины занемог.

Вы простите меня за бред о небесном и неземном,
Но любовь не сойдёт на нет молодым озорным вином...
Нету смерти — есть только жизнь, на другую не обменять,
Так покинь же, тоска, покинь... Как прикажешь тебя унять?

Вы простите за карамболь, за веселье и за пургу,
И за вашу родную боль, ту, которую берегу.
Да и поздно искать уже счастья райские берега.
Льётся золото по душе с неба чистого на луга...

ГАЛИНА ПОЛЯКОВА

ДЕВУШКА, ЗВЁЗДЫ И ДВА МОРЯ

Документальная повесть о Герое Советского Союза лётчице Евгении Рудневой

В городе-герое Керчи меня поразили один памятник — девушке-лётчице, сгоревшей над Керчью во время Великой Отечественной войны. Конечно, мы знаем про легендарный женский полк, громивший фашистов с таким изяществом и находчивостью, что немцы прозвали их “ночными ведьмами”. Но когда понимаешь, что все они были ещё совсем молодыми девушками, — комок к горлу.

“Часто думаю: вот писатели берут судьбы, характеры изломанные какие-то, — вспоминает партторг полка Мария Ивановна Рунт. — Я понимаю, через отступление от нормы — показать норму. А в нашем полку все девушки были цельные, гармоничные натуры. Каждая могла бы стать положительной героиней любого литературного произведения. О каждой можно рассказывать бесконечно — все смелые, отчаянные, но по-своему каждая была индивидуальностью. И многие девочки были красивы, до чего красивы! До сих пор удивляюсь: откуда набрали столько красавиц!..”

Жене Рудневой прочили большое будущее в науке. В ней было редкое сочетание блестящих способностей, усидчивости, настойчивости и упорства. В 1939 году в бюллетене №3 Всесоюзного астрономо-геодезического общества была напечатана её первая научная работа: “Биологические наблюдения во время солнечного затмения 19 июня 1936 года”.

“Я хочу посвятить свою жизнь науке, и я это сделаю, — писала Жена в дневнике. — Все условия создала Советская власть для того, чтобы каждый мог осуществить свою мечту, какой бы смелой она ни была. Но я комсомолка, и общее дело мне дороже, чем своё личное (именно так я рассматриваю свою профессию), и если партия, рабочий класс этого потребуют, я надолго забуду астрономию, сделаюсь бойцом, санитаром, противохимиком”.

Она словно предвидела свою судьбу. И, читая о разгуле фашизма в Германии, делала выводы: “Надо во что бы то ни стало изучить пулемёт”.

На фронте Руднева стала штурманом 46-го гвардейского Таманского Краснознамённого ордена Суворова авиационного полка лёгких ночных бомбардировщиков. Только в районе Керченского полуострова она совершила 115 боевых вылетов. 645-й её вылет оказался последним. В ночь на 9 апреля 1944 года. Над целью самолёт был поражён огнём вражеской зенитки,

но штурман точно сбросила бомбы в скопление гитлеровской мотопехоты. А самолёт горящим факелом упал на землю...

“Мы бомбили Багерово и Тархан. Руднева вылетела проверять молодую лётчицу Пану Прокофьеву. Самолёт сразу поймали несколько прожекторов. Вероятно, снаряд попал в бензобак, так как машина падала, объята пламенем. От огня воспламенились ракеты, и из кабины во все стороны летели снопы разноцветных огней. Все, кто летал в ту ночь, видели эту страшную картину...” (из книги лётчицы, Героя Советского Союза, командира эскадрильи 46-го Таманского гвардейского ночного лекабомбардировочного полка, гвардии майора М. П. Чечневой “Небо остаётся нашим...”).

Летая над Керчью, Жёна как будто сливалась своей болью с болью всех жителей и защитников города, переживших такой ужас! Про Аджимушкайские каменоломни написано немало книг, сняты фильмы. Понять это могут ленинградцы, прошедшие блокаду, жители и защитники Бреста, те, кто отстаивал до конца до основания разрушенный Сталинград...

Мне посчастливилось прочитать многие её письма к подругам, к преподавателю, руководившему когда-то её научной работой, к любимому... Все они прекрасны, эти письма, автором их мог быть только незаурядный человек.

Вот поэтому так не хочется переходить на собственный авторский текст, оставить его по минимуму. Всё остальное пространство отдаю мыслям и чувствам этой потрясающей девушки, которые она так искренне изливала в своих письмах, и воспоминаниям боевых подруг.

“Бессонная ночь. Хорошо, что завтра нет полётов, — погодные условия не позволяют. Зато есть возможность поговорить обо всём, но всё же в последнее время мы всё чаще задаём себе вопросы и мучительно ищем на них ответы: почему с нашей страной так чудовищно поступили? Мы же подписали Акт о ненападении. Почему некоторые наши одноклассники не дожили и до 20? Почему мы лежим не в тёплых уютных постелях, а дрожим на мокрых сеновалах? Почему мы не ходим на танцы и на свидания, а бросаем бомбы? Почему? Не надо быть и семи пядей во лбу, чтобы понять: им всем — от Наполеона до Гитлера — нужна наша земля, наши богатства, но без нас... Но я и все мои девочки знают, как бы ни пафосно это звучало, что победа будет за нами, правда, доживут до неё не все...”

Родилась Жёна в Бердянске, что на Азовском море, таком родном, любимом и тёплом. Но не меньше любила она и другое, Чёрное, которое широко раскинулось совсем близко, и это казалось ей чудом. Заканчивался отпускной сезон, отдыхающие разъезжались, и юная фантазёрка в одиночестве бродила по безмолвному берегу. Только шуршание волны по гальке... А воображение рисовало бурную жизнь навсегда ушедших в вечность городов и народов. Странно: вот всё так реально, откроешь глаза — и нет ничего. А ещё она смотрела на звёзды так же заворожённо, как и на волны. Так в её жизни и сложились: эти две могучие стихии — безбрежные морские глубины и бесконечное небо стали её судьбой.

А однажды она почувствовала свои звёзды. Заснула под мерное шуршание волн по гальке: прилив — отлив, прилив — отлив... И услышала тихий перезвон... Открыла глаза — всё тихо. Ночь притаилась за шкафом, занавеской, дверью. Но стоит только встать, так, чтобы не скрипнула половица, на цыпочках подобраться к двери и внезапно толкнуть! Чуть-чуть приоткрыв глаза, чтобы ночь подумала, что она ещё спит, Жёна тихонечко встала и ступила босыми ногами на половику, связанный мамой, скользнула по полу, приоткрыла дверь в кухню, мерцающую таинственным отблеском луны, — немного замёрзли подошвы ног на гладком крашеном полу, — нажала на дверь в сени, та подалась, и вот она — ночь! Светит, мерцает, мигает и переливается серебряными колокольцами! И от края и до края — звёзды над гладью моря! Да, да, именно они, — подумалось тогда девочке, — были, есть и будут свидетелями всего, что происходило, происходит и обязательно будет происходить на планете Земля.

Любовь к истории у Жёны от папы. Особенно он интересовался древними мирами, древним Крымом. И заразил этим дочь. Она то и дело рисовала

в воображении различные картины прошлого, о том, например, как в причерноморских степях появились недружелюбные к другим народам скифы, войско, окутанное огромным облаком пыли, а там, внутри — скрип кибиток, стук копыт, мычание коров, бляение ягнят...

Могла ли Женя представить себе тогда, что все эти истории она будет рассказывать в недалёком будущем своим однополчанкам. “В ожидании погоды, — вспоминала Чечнева, — когда над аэродромом чуть не до земли опускался туман, или небо закрывала низкая облачность, мы обычно сидели под плоскостями машин и тогда обязательно просили Женю вспомнить что-нибудь... Балладу Жуковского сменяли сказки о подвигах рыцарей, Пушкина — Лермонтов. Память у неё была удивительная. Слушая, мы невольно забывали, что существует на свете дождь, туман, холод...”

“Вот плывёшь, берег пропадает... Море как бы втягивает тебя. И дно под тобой всё глубже и глубже, ты вся во власти этого гиганта, его бездны, и, может, оно не даст тебе вернуться... Или вдруг начнёт подниматься прямо на тебя! Качнуло, виден горизонт. И вновь необъятная морская равнина рвётся к тебе... А прибой: море тихо ласкает берег и как будто лениво пятится назад, шурша галькой”.

— Хотите, я расскажу вам грустную историю о древнем царе и его государстве? — И Женя рассказывала подругам о грозном царе Митриде Евпаторе, властелине Пантикапея, как тогда называлась Керчь. Своим нежным и певучим голосом она могла говорить часами, не уставая. Негромко, неторопливо, иногда умолкая, чтобы подруги могли прочувствовать то, о чём она рассказывала. Шумел дождь, стучал о доски сарая. Протекала дырявая крыша. Весёлые струйки воды, танцуя, падали вниз и исчезали в соломе. Тесно прижавшись друг к другу, девушки сидели, полулежали на сырой соломе, в промокших комбинезонах, не замечая дождя и холода, забыв о войне и отступлении. Перед ними поблёскивало море, и вдали на волнах качался корабль...

— Женя, расскажи ещё что-нибудь!”

Ещё в школе Женя записалась в Московское отделение Всесоюзного астрономо-геодезического общества при Академии наук СССР. Занималась в отделе изучения переменных звёзд и в отделе изучения Солнца. Луна её тоже интересовала. *“Моя судьба решается — я записалась в коллектив наблюдателей. У меня разбежались глаза, когда увидела, сколько книг по астрономии! Я, кажется, особенно симпатизирую Солнцу, а Луна ассоциируется с героиней пушкинской “Барышни-крестьянки” — Лизой-Акулиной, поэтому обязательно пойду на заседание лунного отделения”* (из дневника Жени от 12 декабря 1937 года).

После выпускного вечера всех бывших школьников повезли на пароходе от Москвы до Горького и обратно. *“Сейчас кто-то чудно играет на скрипке. Я очень люблю скрипку — больше всех музыкальных инструментов. Под неё хочется мечтать, вспоминать лучшие дни и минуты своей жизни. Десятый час вечера. Пароход скоро отходит. Мы сидим на верхней палубе и прощаемся с Горьким. Вот он стоит на горке, над рекой, сияя ночными огнями. Торжественный момент. Совсем не хочется говорить о простом и обыденном. Сидим тихо. Мы мечтаем и... боимся мечтать. Но мечтать хорошо! Ведь если бы не было мечты у человека, жизнь была бы скучной, невесёлой. Вот я смотрю на звёздное небо, на Орион, Сириус и мечтаю о том, как я буду астрономом, как буду изучать их спектры, я вижу себя в обсерватории... А на самом деле? Ведь сколько мне ещё учиться! Но я уже сейчас смотрю на небо, как на свою будущую собственность. Мечта делает меня уверенной в своих силах, помогает заглянуть в будущее”* (из дневника Жени от 5 августа 1938 года).

Читаешь эти строки и невольно задаёшься вопросом... На дворе страшное время для страны: “тройки”, аресты, “десять лет без права переписки”, разделённые семьи, лесоповалы, сироты, лагеря, смерть и страх, отчаяние и боль, доносы ближних... Мечтать тогда надо было с крепко закрытыми глазами... А Женя?.. Она искренне верила, что живёт в самой лучшей в мире стране, самой миролюбивой и справедливой, где не может быть ничего плохого, она не могла бы поверить, что на её родине может

происходить всё это. Она хотела стать учёным, изучать звёзды и приносить пользу своей стране.

Доцент Московского авиационного института (МАИ) Феликс Зигель вспоминал: *“Она чувствовала поэзию профессии и поэзию звёздного неба — космическое чувство прекрасного было открыто ей. И не только. Если бы она могла, то посвятила бы себя и изучению морских глубин, и истории древних цивилизаций, и истории своей страны от самых, самых глубин. Эту замечательную девушку ожидала интересная, и не менее замечательная, как она сама, жизнь”*.

Женя добилась своего. Прекрасно закончив школу, поступила в Московский университет им М. В. Ломоносова, выбрав физико-математический факультет. *“В июне 1941 г. мы сдавали сессию. Сколько радужных планов было на лето! Но 22 июня перевернуло жизнь всей страны. Не прошло и двух месяцев, как все кардинально изменилось! Мы вместо мужчин, ушедших на фронт, работали в колхозе. И тоже решили уйти на фронт. А сейчас вставали в прозрачные рассветы и до солнца в зените метали и собирали в стога сухие и душистые травы. Мозоли — во всю ладонь! Пробовала косить — коса то по траве скользнет, то в землю зароется. Руки или далеко выбрасываю, или еле-еле взмах делаю. Ничего-то я не умею! Но ничего, я упорная, научусь. А тут сводки — наши отступили! Оставили местность после тяжёлых, кровопролитных боёв. Заберусь ночью в сено — душистое, сладкое — и плачу от жалости ко всему, ко всем, к себе. Решили с девушками-сокурсницами, твёрдо решили: как вернёмся — в райком комсомола или сразу в военкомат. Как решили, так и сделали. Катя Рябова, я и ещё девчонки пошли к военкому. Разговор был коротким.*

— Студентки?

— Из университета.

— Стране нужны специалисты. Учёба — ваш фронт.

Смертельно уставший, не выспавшийся, с запавшими щеками, военком уже не смотрел на нас, а мы всё стояли и ждали. Неужели трудно понять — общее дело дороже личного. Такое творится! А мы должны сидеть в аудиториях, будто ничего не случилось.

*“Посвист пуль вдалеке звенит,
рвутся мины, снаряды стальные,
безучастные звёзды глядят
на безумные ночи людские...
Эти пули в меня летят,
эти бомбы меня бомбят,
эти ночи во мне кричат...”*

Восьмого октября не успела в университет войти — навстречу Катя Рябова.

— ЦК комсомола объявил набор комсомольцев-добровольцев в армию! Там решили, что по комсомольской линии этим буду заниматься я, — сказала она...

Посмотрев на меня, поняла всё без слов, что я не упущу такой возможности, и внесла в списки мою фамилию. Точно знаю, если бы этого не случилось, меня же никто не неволил, презирала бы себя потом всю жизнь, единственное, что меня смущало, что не возьмут: одним из условий было хорошая спортивная подготовка. А я со спортом была на “вы”, — физические упражнения — не “мой конёк”... Потом на всех парусах понеслись в ЦК комсомола. Перед зданием — огромная очередь, вестибюль забит до отказа одними девушками. Шум, разговоры, смех... Узнаём — Марина Раскова, легендарная Марина Раскова формирует женскую авиационную часть. Бросило в жар: вот бы попасть! А тут ещё впархивает группа девушек, такие уверенные в себе, громкие... Спрашиваем — откуда? Из МАИ (Московского авиационного института). Мои надежды почти рухнули... Кому, как не им, в авиацию. Но я неплохо изучила пулемёт... Ладно, там видно будет... Высокая, тяжёлая дверь, обитая чёрной клеёнкой, с трудом, будто нехотя, наконец, пропустила и меня. Все изучающе смотрят”.

Комиссия ЦК комсомола — молодые, чуть старше Жени. Девушка услышала строгий голос, обращённый к ней:

— Фронт не танцы — это тяжёлая, суровая, изнурительная работа. У вас красивое платье, туфли, кудри выются, а там — слякоть, грязь, жара, мороз... Спать на голой земле придётся в любую погоду. И голод терпеть, и всякие лишения...

— Я готова на это. Я комсомолка.

— Там стреляют, могут и убить.

— Это война, и решение моё твёрдое.

— Вы на каком курсе?

— На четвёртом.

— Видите! Ещё немного — и вы астроном! Вас ждёт научная работа. Подумайте об этом...

— Без свободной родины не может быть и свободной науки (я ответила с пафосом, почти дерзко — нужно убедить комиссию!).

— А родители? — устало спросил председатель. Это был его последний козырь. Я заметила его измождённый вид, посмотрев прямо в глаза, и увидела в них ответ — понимание и сочувствие.

— Согласны...

— Можно порекомендовать в часть майора Расковой..." (из дневника Жени без даты).

9 мая 1976 года тот самый председатель комиссии Рязанцев дал интервью газете "Комсомольская правда". Там есть эпизод, посвящённый и Евгении Рудневой: "Мы тогда набирали добровольцев из институтов, с фабрик и заводов для работы в подполье, в диверсионных группах, в армию по разным специальностям. Приходили девушки — тоненькие, прозрачные, почти дети. До сих пор помню их образы — задорные, остроумные, весёлые, а какой напор в них был — сдержать совершенно невозможно! И поведение было настолько искренним, и выражение лиц такое, что и меня, и всех, кто фактически решал судьбу этих девчонок, не покидало двойственное чувство. С одной стороны, радовалось, что у нас такая молодёжь, с такой преданностью и любовью готовая защищать свою Родину, с другой — всё внутри болело, ведь ясно: не все они вернуться с войны... Многих мы старались отговорить, — в тылу люди не менее нужны. Да и поступок этот должен быть ответственным, ведь приходили люди, связанные семейными узами, детьми, больными и престарелыми родителями и др. Но они понимали всю ответственность — ведь война!.. Всё для фронта, всё для победы! Выбор был большой. Оказалось, у нас столько девушек-спортсменок по разным видам спорта, парашютисток из авиашкол, лётчиц. Когда началась война, многие лётчицы писали Марине Расковой, — они рвались на фронт, бить фашистов. Посоветовавшись с секретарём ЦК комсомола Михайловым, она обратилась в ЦК партии с инициативой создания женского боевого авиационного полка. Там её тоже поддержали — и была объявлена мобилизация по линии комсомола. Так Расковой было поручено сформировать женский авиаполк, а ЦК комсомола — помочь укомплектовать полк личным составом по специальностям: лётчицы, штурманы, механики, вооруженцы. По московским первичным организациям разослали оповещения — ЦК комсомола производит набор добровольцев. Всё происходило достаточно оперативно... Помню ли я Рудневу? Смешливая, задорная, весёлая, хорошенькая. Переживала: возьмут — не возьмут... Несколько раз входила со своими подружками, поддерживала каждую. И девочки тоже не только о себе говорили, но и о ней, ручались, ходатайствовали. Уже тогда было понятно, Женья — высокоинтеллектуальный человек. Слушала вопросы внимательно, отвечала взвешенно, обдуманно, аргументированно"...

"До войны я окончила Херсонскую лётную школу, где подготавливали лётчиков со штурманским уклоном для аэроклубов. 30 сентября 1941 г. во время завтрака начальник группы объявил, что пришла телеграмма, в которой сообщается, что Демченко, Гвоздиков и Розанова направляются в распоряжение Расковой. В академию им. Жуковского — сборный пункт формируемой женской авиачасти — прибыли 2 октября. Ночью заснуть не могли —

рассказывали разные истории, анекдоты, хохотали... Утром стали приходить новички — они расположились отдельно. В ночь на 16 октября выдали обмундирование. Мы расстроились — всё велико, не по плечу. Но не унывали, наша самодеятельная портновская мастерская работала всюю: резали, подшивали, ушивали... К утру приобрели более или менее Божеский вид. Нас построили с вещмешками, в кобуру — вату, бумагу, — и строем направили на Курский вокзал. Вагоны товарные. Меня сразу назначили каптенарму-сом — делили поровну хлеб, сахар, селёдку... Штурманская группа ехала отдельно в одном вагоне, там же были все университетские и Жёня. Я их ещё не знала. Ехали две недели — “зелёная улица” была только по направлению к Москве: из Сибири безостановочно, на полном ходу летели поезда, спешили войска на защиту столицы; на платформах — танки и пушки, закрытые брезентом, и часовые...” (из рассказа штурмана полка Ларисы Розановой).

“...В городе завывли зенитки — вскинули ослепительные головы прожектора! — воздушная тревога! Такая ненависть внутри поднялась — бомбят Москву!!! Мою Москву! Мой Университет. А я бессильна. Никогда больше не испытывала я такой горечи, отчаяния...” “Как же мы все ждали приказа “на фронт”. Скорее на фронт! Каждый день, прожитый в тылу, жёг бессмысленной потерей времени. Хоть на минуту, час, на день приблизить День Победы! И вот, наконец, приказ об отпущении, не на фронт — на обучение. Надо, надо учиться, чтобы профессионально бить эту самонадеянную фашистскую сволочь!.. Наш товарняк стучит по рельсам. Мы едем на фронт. Не заметила, как стемнело. И стало как-то уютнее. Печурка весело потрескивает, и отсветы огня падают на лица, стены, потолок... Кто-то зашел: “Страна моя, Москва моя, ты самая любимая!!!” Память, любовь, разлука. Мы только покинули Москву суровую, солдатскую Москву с разрывами бомб, с уханьем зениток с непоколебимой решимостью стоять до конца!..” (из дневника Жёни от 16 октября 1941 года).

А в любимой столице мимо Большого театра понуро движется стадо истощённых коров... Может, из Белоруссии или Смоленщины... Над памятником Пушкину висит дирижабль... “Позади все волнения и страхи, позади тёмная тяжёлая дверь, за которой решалась моя судьба, — призовут, не призовут... Сейчас мы — солдаты! — в гимнастёрках, шинелях, кирзовых сапогах. Наш товарный состав подолгу стоит на станциях. Тогда бежим за кипятком и пытаемся раздобыть топлива для печурки, или просто размяться. На нас смотрят с уважением, любопытством. А вечером вспоминаем дом, родных, близких и любимых, у кого они есть... Рассказала девушкам, как любила слушать, как папка пел “Красноармеец умирал...” Он поёт, а я плачу. Говорит, раз плачешь, — петь не буду! Обниму его и плачу, — жалко красноармейца. “Ты, конёк вороной, передай, дорогой, что я честно погиб за рабочих...” Колёса вагона стучат на стыках... я предложила, хотите, расскажу вам сказку...” (из дневника Жёни от 20 октября 1941 года).

“Все мы, университетские, были зачислены в штурманскую группу. Полк имел уже солдатский состав и был распределён по группам. Лётная группа — лётчицы из аэроклубов и гражданского воздушного флота. Штурманская, где девушки уже имели звание штурманов, и мы, студенты с техническим образованием, направлялись в группу авиамехаников по вооружению, приборам, эксплуатации. Почти две недели добирались до места обучения — город Энгельс, что на Волге. Долго, конечно, но не столько была утомительной дорога, сколько ожидание — все стремились скорее начать обучение, тем более, что многие только там впервые в жизни должны были, можно сказать, вблизи, увидеть самолёты — истребители, бомбардировщики. При мирной жизни познание всех премудростей по лётно-техническим специальностям рассчитывалось на три года. А тут отводилось совсем мало времени — полгода! Уставали просто ужасно! Выручали молодость и энтузиазм. Занятия шли с учётом всей суровости военного времени — по десять, двенадцать часов в день! Штурманская группа изучала навигацию, аэродинамику, бомбометание. Учились стрелять из пистолета и пулемёта, изучали устав, проходили строевую подготовку. Помню такой случай: как-то перед очередным занятием кто-то сказал: “Чтобы не унесло ветром штурманское снаряжение, необходимо всё

привязывать”. Женья Руднева была настолько добросовестна, что тут же исполнила сказанное: раз привязать, — значит, привязать. Но как? Куда? И... обмотала ниткой блокнот, ветроchèт, карандаши и крепко-накрепко намотала нитки на пуговицы... и, довольная собой, встала в строй. Что тут началось! Прыснула одна, другая, третья... Потом повалились друг на друга и стали хохотать! Женья недоумённо оглядывалась — порядок перепутала? Не по правилам привязала? Марина Раскова сдвинула брови, в упор посмотрела на девушку. Закусила губу, махнула рукой, отвернулась и пошла куда-то в сторону... Женья поняла и засмеялась вместе со всеми. Опять включился её принцип — всё делать чётко и безукоризненно. У нас не было ещё понятия о военной службе, дисциплине. Да и что можно было усвоить за 2-3 месяца? Только азы. Даже в светлое время, на бредущем теряти ориентировку... Да, и в начале полётов почти все обморозились. Кабины на ПО-2 открытые, доступные всем ветрам...” (из рассказа Героя Советского Союза Екатерины Васильевны Рябовой).

“Сегодня у нас был обычный день, а вот вчера... его я запомню навсегда. Вечером мы приносили присягу. Я страшно волновалась, и вообще, весь день был такой торжественный! Везде белые хризантемы — на столе, на окнах, даже на полу. Я представляла себе заранее, как подойду к столу, возьму листок со словами присяги и начну читать — чего волноваться! Всё так и вышло, но вот только с волнением справиться так и не смогла: всё плыло перед глазами в каком-то величественно-торжественном танце, и это не я шла, а какая-то другая девушка — собранная, подтянутая. Серьёзная и страшно счастливая! В звонкой тишине услышала свой голос:

— Клянусь... Клянусь... Клянусь... — И “оковы” пали. Я почувствовала себя лёгкой, воздушной, куда девалась моя неловкость!” (из дневника Жени от 8 ноября 1941 года).

*“Вот мудрости конечный вывод:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идёт за них на бой”...*

Помнишь школьные годы, когда мы по-немецки учили этот отрывок из “Фауста”? Проклятые варвары, они позорят память великого Гёте тем, что говорят на его языке!..” (из письма Жени к школьной подруге от 3 марта 1944 года).

В тонкой папке — письма Жени, фронтовые фотографии: станция Ивановская, что на Кубани, 1943 год, у колодца — три девушки. Приветливые, улыбающиеся, молодые, волосы коротко стриженные; групповое фото — все весёлые, портретные, на фоне самолётов, с цветами и веточками рябины в руках, и много, много других... Вот Никулина ведро наклонила, Женья жестяную кружку держит — струя воды ударяет в дно кружки. Карпунина, улыбаясь, смотрит на них...

“Внешне мы приспособились к военному времени: гимнастёрки, брюки, сапоги, шинели, всё как у настоящих солдат. Но вот волосы! Волосы ещё довоенные, девичьи — или уложенные в косы, или длинные, или пушистые, или до плеч... И вдруг распоряжение начальника сборов особых полков Расковой: “Для всего личного состава устанавливаю единую причёску: перед — на пол-уха и под полку затылок. Признаться, мы загрузили: было больно расставаться с тем, что напоминало ту, другую — мирную, домашнюю жизнь. Но приказ есть приказ”... (из рассказа Екатерины Рябовой).

Фотографии из Жениного дневника — с группой из молодого пополнения проводит занятия штурман полка — она, Евгения Руднева, — 1943 год... Открытая, светлая поляна. Полукругом на траве сидят девушки, на коленях — штурманские карты. Справа — Женья:

— Как по солнцу определить место самолёта?

— Высота солнца измеряется с помощью оптического прибора — секстанта.

— Какая высота солнца должна быть в произвольно намеченной точке?

— Вычисляется по специальным таблицам.

— Если измеренная высота больше, значит, мы дальше от солнца и, наоборот. Каждая минута дуги равна морской миле.

Тишина, девушки внимательно считают, чертят на картах. Женя почти ласково смотрит на них — молодцы, старательные, глаза понимающие...

— Как действовать? С чего начать в воздухе? Запомните: путь самолёту штурман должен указать самостоятельно!

— “А вдруг перепутаю? Высчитаю неточно? Вдруг не учту скорость ветра? Да мало ли что ещё?” Думаете так?

— Конечно! — раздался голоса.

— И я так думала. И это нормально. Решила — буду работать, пока не разберусь окончательно, до всех тонкостей, до мельчайших подробностей. Так же должны и вы, других путей нет... Перерыв!

Вздых облегчения. Захлопнулись тетради, блокноты... Женя тоже нашла на дужайке уютное место и легла на спину, положила руки за голову, вытянулась по струнке. Закрывает глаза, полежала немного. Нет, больно так, мысли разные закружились, воспоминания нахлынули, до слёз... Моё море, мои звёзды, мои родные, подруги и... Девушка-штурман распахнула глаза и просто утонула в безбрежном небе: причудливые облака, меняющие форму, завораживали: вот мишка косоплыв проплыл, а теперь вот — дракон трёхглавый, милая лохматая собака, такая домашняя, какой была соседская дворняга Зайка... Война... Зачем? За что? Почему? Отчего с самого своего рождения человечество не может жить в мире, ведь ему подарена просто так, даром, такая красота! Вот травы, такие зелёные, даже изумрудные в лучах солнца, нежные, красивые цветы, а какие цвета — ни один художник не придумает!.. И окутало очарование, нежность, спокойствие, ласковость и нега. И как с этим со всем войной уживается? Как не страшно этой чёрной, злой силе взирать на это благодушное величие, такое простое и такое мощное, сильное?.. Нет, зло никогда не победит, может оказаться в лидерах, но ненадолго. И так будет. А пока — война, и ужасно обидно, что люди так и не научились понимать друг друга, так и не нашли иного способа разрешать конфликты и противоречия, кроме как уничтожая себе подобных. Тогда почему же человеку присвоили звание разумного?..

Женя села. Ветерок распушил русые волосы. Откинулась, оперлась руками о землю, подставив лицо свежему ветерку. Какая благодать! Глаза то открывала, то закрывала. Женины глаза — голубые озёра: притягивают, завораживают. В них — строгость, серьёзность и озорство, застенчивость и лукавство. Глубина — целые миры. И ещё — готовность к жизни, счастливой, мирной, глубокой, интересной и многосторонней.

“Представь мою радость — 5 января впервые в жизни была в воздухе. Этого ощущения не описать, не передать словами! Мне казалось потом, на земле, что я вновь родилась в этот день. Но через два дня самолёт вошёл в штопор и сделал один переворот! Я была привязана ремнём и не сразу всё поняла, качалась-качалась, и вдруг — небо не над головой, а подо мной! Облака плывут, рукой можно потрогать. И знаешь, о чём я подумала в то мгновение? Что при вращении стакана жидкость из него не выливается, — значит, я не вылечу. И это длилось 22 минуты, и я их не заметила (т<ак> и<азываемое> субъективное время). Я только почувствовала, что это больше, чем в первый раз. А вчера моё наслаждение длилось уже 24 минуты!..” (из письма Жени школьной подруге от 9 января 1942 года).

“Учебные полёты! Сколь угодно горького и комичного можно о них рассказать. Занятия шли в ускоренном режиме и подолгу. Да ещё постоянные тревоги, дежурства в морозные ночи и многое, многое другое. Зима тогда стояла лютая. Морозы доходили до 40 градусов. Птицы замерзали на лету и падали на землю льдышками. Трескалась кора деревьев. Мы тоже промерзли до костей — превратишься в хрустящую сосульку, прежде чем выполнишь все полёты. А каково было техникам и вооруженцам? Но ведь нас предупреждали, что будет лихо, поэтому выстоять было делом чести, и у нас был негласный договор — “не пищать!” (из рассказа Екатерины Рябовой).

“Зима 41-го запомнится надолго. Мороз! Сквозные ветры, метели заносят аэродром с головой. Еле выволакиваем самолёты на стартовые дорожки,

а ещё нужно сесть в кабину, провести учебный полёт, отбомбиться! А металлические кабины покрываются инеем от нашего дыхания... А ночью! Заходим на цель раз, другой, бомбим, а упрямые “фонари” светят всюю! “Фонари” — костры на полигоне — воображаемые вражеские объекты. Но уж когда удаётся “погасить фонарь” — радости нет предела!” (из письма Жени подруге от 9 декабря 1941 года).

Пока лётчицы, штурманы, механики первого женского авиационного полка готовились, учились и мечтали побыстрее попасть на фронт, по всей линии фронта — от осаждённого, голодного Ленинграда до окопов Крыма и Аджимушкайских подземных каменоломен — шла ожесточённая, героическая битва всего советского народа, битва, какой человечество ещё не знало.

“Вылетели на фронт 23 мая. Первая посадка — у небольшого хуторка. Выскочили из самолётов — ахнули: весь луг усыпан июньскими цветами! А аромат — с ума сойти можно! Голубые, розовые, белые, красные — в ярком цветении зелени. Украсили пилотки, кабины самолётов — часть луга унесли с собой в небо... За Сталинградом — окопы, рвы, воронки — земля, перепаханная войной. Потом первый боевой вылет. Тихая безлунная июньская ночь. Цикады заливаются, волнами гуляет прогретый травяной воздух. На аэродроме начальство: командир дивизии полковник Попов, командиры из штабов дивизии, командир полка и командиры эскадрилий, заместители, лётчики, штурманы. Первое боевое задание. Все собраны, серьёзны, только вот сердце вдруг подкатит к горлу и ринется вниз, так что голова закружится. Но вида никто не подаёт — подготовка, команды, рапорты... Первыми вылетели командир полка Бершанская и штурман Бурзаева. Полёт в неизвестное. Что будет? Как сложится дальше наша фронтовая судьба? Первый женский авиационный полк должен ещё доказать свою жизнестойкость. Никто ещё не забыл, как сурово, недоверчиво комдив принял наш полк. Молча ходил от самолёта к самолёту, на девушек не смотрел. Украдкой посмотрела на небо — там птицы так уверенно и вальяжно купаются в воздушных потоках. Кто это? Наверно, ястребы или соколы, и не вальяжно и лениво, как кажется на первый взгляд, а зорко высматривают добычу. А лётчицы и штурманы стояли расстроенные и приунывшие, у всех плечи опущены... Раскова, видя наше настроение, умело подбадривала:

— Носы не вешать! Нам оказали исключительное доверие, разрешив создать единственную, полностью женскую авиачасть. Мы обязаны оправдать это доверие. И мы его оправдаем! Залогом тому — ваше мастерство, патриотизм, работоспособность, любовь к Родине и стремление бить захватчиков!..

Время, кажется, остановилось. Уже истёк срок полёта, а в небе — тишина! Но вот — знакомый гул! Родной самолёт вырывается из облаков... Уверенный рапорт командира полка: задание выполнено! Вышли на цель, отбомбились. Видели огонь, взрывы.

Мой вылет завтра, в ночь. Написала заявление: “Хочу идти в бой коммунистом! Клянусь до последней капли крови громить фашистских оккупантов!” — отдала комсorghу Ольге Фокиной. В душе всё трепетало. Не помню, как села в самолёт, только всё время твердила: “Всё пройдёт отлично!” Слишком долго я ждала этого момента... Я в кабине. Ветер обдувает лицо, звёзды, мои родные звёзды мерцают тихо и ободряюще: “Держись, Женья!” Мои родные, я вас не подведу! Передо мной лётчица Нина Распопова. Загудели моторы, самолёт качнулся и легко оторвался от земли. Наш легкокрылый ПО-2. Летим низко, слежу по карте за маршрутом. Мы у цели. Цель! Тяну за шарики бомбосбрасывателя, наши “подарки” фашистам достигли цели. Самолёт вздрагивает, внизу взрыв, пламя! Но ни прожекторов, ни зениток! Странно... Разворачиваемся. Курс — домой. Напряжение постепенно спадает, только чувствую, как одеревенела спина, и дрожат руки и ноги. Откидываюсь на спинку. Слежу по карте — время быть аэродрому, но кругом полная тьма и никаких опознавательных знаков. Заходим ещё и ещё — полная неизвестность. Сели по расчётам. Точно. Без навыка не заметили замаскированного аэродрома”. (из дневника Жени от 22 июня 1942 года).

“Когда экипаж вернулся с задания, я одна из первых поздравила девочек с их первым боевым вылетом. Женья взволнованная, с горящими глазами

говорила: “Товарищ комиссар, я чувствовала себя в воздухе очень хорошо. Вела ориентировку, следила за воздухом, а цель я сразу узнала. На линии фронта видела перестрелку с двух сторон, враг активничает. Когда подошли к цели, я говорила лётчице: “Бросаю бомбы!” — и потянулась за шариками бомбосбрасывателя. Самолёт чуть дрогнул, я кричу: “За Родину!” Лётчик круто повернула самолёт, и мы увидели на земле два мощных взрыва. На сердце — неописуемая радость! Я могу своей рукой уничтожать врагов! Нет, кажется, лучшего счастья на земле, чем быть полезной Родине в момент опасности!..” Так состоялся самый первый боевой вылет. Впереди было ещё 644 и ...645-й. Но ведь не только полёты, бомбёжки, приказы были у Жени и у всех других героических девушек. На войне особенно обострённо человек жаждет тепла, внимания, любви. Да, да, именно любви” (из рассказа комиссара полка Евдокии Рачкевич).

С кем дружила Жёня? Что ценила в людях? Как поступала в тех или иных обстоятельствах? “...Это было 24 июня 1942 года. Рудневу назначили ко мне штурманом экипажа. С этого дня и началась наша совместная боевая работа. Сначала первые полёты проводила осторожно, даже робко, но как работала над собой! Её целеустремлённость меня поражала до глубины души. И потом, её обаяние, искренность, доброжелательность вселили уверенность в полёте, всегда знала — она не подведёт. По её расчётам точно выйдешь на цель, точно отбомбишься и, самое главное, точно вовремя вернёшься домой. Помню полёт, когда не отбомбились, и со стокилограммовой бомбой нужно было произвести посадку! Я, честно говоря, запаниковала. Но, услышав голос Жени, говорившей чётко и спокойно, пришла в себя: “Дина, это посадка будет опасной, бомба уже без ветрянки, и если она хотя бы несильно ударится о землю носом, мы с тобой в воздухе”. Мы сумели написать записку в воздухе, предупредили о причине такой посадки с бомбой, ситуация, прямо скажем, не из приятных, минусовая в твоей лётной работе. Но умница Жёня — как я гордилась ею в тот момент! Нашла выход — подсветила мне лётное поле ракетой, и я сумела осторожно сесть!” (из воспоминаний командира полка Дины Никулиной).

С первыми боевыми вылетами начались и первые потери — девушки теряли подруг, не вернувшихся с задания. Страшно, больно, но всё понимали — на войне, как на войне. И никаких рыданий, истерик... Все внутри, а если слёзы, то не напоказ. После гибели штурмана эскадрильи Веры Тарасовой штурман полка Лариса Рязанова назначила Жёню на её место. К этому моменту она была уже уверенным, грамотным штурманом. Получила звание младшего лейтенанта. “Как же после этого мы работали две последние ночи! Не бомбили — “Героическую симфонию” в небе разыгрывали!” (из дневника Жени от 15 сентября 1942 года).

13 сентября, почти через год пребывания Жени в армии, её наградили орденом Красной Звезды.

В жизни каждой девушки рано или поздно случается чудо — она встречает любовь. И эта встреча кардинально меняет её жизнь: кого-то она делает счастливой, сначала невестой, потом женой и мамой, а потом и бабушкой в окружении любящих внуков, а кого-то ломает, калечит жизнь и судьбу. Пришёл и час Жени. Она полюбила пылко и искренне. И ей ответили тем же.

“Удивительно, идёт война — горе, кровь, слёзы, а у меня самое счастливое время. Возможно ли это? Да! Да! Да! Такой полноты жизни я не ощущала никогда. Я нужна — я на переднем крае борьбы и тревог. И я люблю. Да, люблю и любима! Это может показаться кощунством, но истина такова... Слава, любимый Славка! Ты сделал мою жизнь полной и такой осмысленной, что порой всё кажется нереальным. Я заглянула в тайну счастья... За что такая милость, чем я лучше других?” (из дневника Жени от 20 декабря 1943 года).

“Мы познакомились в ноябре 1943 года, когда я летала в отпуск в Москву. 17 ноября еле дотянули до Батайска. Упал густой туман. Пришлось под ним “загорать”, взлёт не разрешали. А утро выдалось лёгкое — небо голубое и высоченное, как весенний свет. Ветер распространял запах увядающей

травы, остывающей земли, шорох листвы. Такое мирное, ласковое утро, что хотелось кричать от радости бытия. Я, как губка, вбирала звуки, свет, объёмность простора и шалела в предчувствии счастья... Идёт война, и я так слилась с ней, что забыла, что есть же другой мир! Мир, в котором живут для родных и любимых, и ради которых мы так жаждем победы. Мы только что были в небе, и вдруг совершили посадку, и этот внезапный вопрос лейтенанта, казалось бы, что тут особенного? Простая случайность. Но почему от звука его голоса я почувствовала радость, и она была во всём. Не помню, что ответила, что он говорил, как мы отошли от самолёта и пошли в поле... Факт его появления был чудом. Его лицо — чудо: светлые волосы, серые, распахнутые миру глаза, прямой нос, красивые, чёткие губы — всё было чудом”.

“Моя милая Женечка! Вот прошло двое суток, на протяжении которых стараюсь внушить себе мысль, что на скорое свидание с тобой рассчитывать не могу. Смягчает мою тоску по тебе подаренная тобой фотография. Огромное спасибо за неё. Когда грустно и тоскливо, сажусь где-нибудь в уединении и долго смотрю на тебя, и вспоминаю, как прекрасна ты была в свой день рождения: раскрасневшиеся щёки, блестящие голубые глаза, волнистые золотые волосы и чарующая улыбка. И ещё твой смех, а тембр твоего голоса всё звучит во мне... Благодарю, что тогда сама сказала мне о своём ко мне чувстве, что разрешила поцеловать тебя. Я и сейчас чувствую тепло твоих губ. Я вспоминаю, как держал тебя в своих объятиях. Да, я нашёл своё счастье, тебя, моя милая Женечка. И у меня теперь есть цель — стать достойным тебя. Всю свою жизнь я посвящаю тебе... Ты мне очень и очень дорога! Думаю, что не обижу тебя, если скажу, что считаю тебя своей невестой, моя милая Женечка! Крепко целую, твой Слава” (из письма от 26 декабря 1943 года).

В архиве Центрального Комитета комсомола есть наградной лист Е. М. Рудневой. В нём, в частности, отмечается: “В ночь на 16 апреля 1943 <года> товарищ Руднева произвела бомбометание по отступающим войскам противника по дороге от пункта Славянская. В результате точного бомбометания был сильный взрыв. По подтверждению последующих экипажей рвались машины с боеприпасами... За период работы тов. Рудневой эскадрилья произвела 34600 боевых самолётовылетов с боевым налётом 4200 часов без единого невыполнения боевой задачи по вине штурманской службы”.

“Случилось ужасное. Ну, почему в марте у нас что-то происходит? Необратимое. Мистическое и трагическое. Так было и в прошлом году. В ночь с 31 марта на 1 апреля на четвёртом развороте девушки Полина Макагон и Лида Свистунова столкнулись с самолётом Юли Пашковой и Кати Доспановой. 2 апреля Лиду и Полину похоронили, Юля умерла сегодня утром, а Катя, возможно, выживет...”

Об этом же событии написала и парторг полка Мария Рунт: “...Вот прошло время, сейчас им было бы за пятьдесят, но я их помню и знаю молодыми. Лида Свистунова — изумительный человек, а глаза: большие, тёмные, бархатные. Прекрасный штурман. И при этом мягкая, женственная, душевная. Очень добрая. Прекрасные качества для педагога, ведь после войны собиралась вернуться в школу. Видела однажды, как она собирала фиалки — такой восторг на лице, прелесть! Это не поза, не игра — это была искренняя радость... Потом — Лида мертва. Как плакал один лётчик из соседнего полка, как плакал! “Какая это была девушка! Вы же не знаете, какая это была девушка! — повторял он в отчаянии...”

Заместитель командира полка по лётной части Серафима Тарасовна Амосова вспоминает: “В войну каждый полёт — риск. Но не было чувства страха — мы работали. Летали на цель, предварительно тщательно изучив её. Вот вылетают первые, кружат над целью — немцы молчат, не демаскируются. Сбросим бомбы — тут же прожектора, зенитные пулемёты — зелёные, красные, жёлтые, белые трассы пуль — красивое зрелище!”

“1 мая встречала в воздухе. В 00:14 вместе с гвардии капитаном Амосовой “поздравили” фрицев. Летали ещё и ещё, душу отводили. Всего 15 вылетов. Теперь меня усиленно оставляют дома. Хочу цветов! На комоды стоят два букета отцветших тюльпанов. Хочу музыки! Бесконечно завожу “Неапо-

литанскую ночь”. После войны комната у меня всегда будет в цветах. И всегда будет звучать музыка! Как хочется поскорее увидеть этот долгожданный конец войны!” (из дневника Жени от 12 мая 1943 года).

“В одну из ночей полетели с Мариной Чечневой на Керчь. Решили ударить в лоб. Нурыли между прожекторов, ускользали от щупалец, снизились, подошли к цели — сбросили бомбы, высунулась из кабины — полыхает внизу! Прожектора стали искать нас выше. Марина переключивала самолёт с одного крена на другой, ныряла среди слепящих столбов света. Какое это зрелище! Если бы могла нарисовать всё это! Вокруг всё полыхает светом, крутится, вертится, разбивает тьму, но она смыкается и спасает нас...” (из дневника Жени от 2 апреля 1944 года).

“Ещё один рассвет встречаем в полёте. Этот — над моим Азовским морем... Шесть раз поднимались в воздух, сбрасывали бомбы, видели огонь, взрывы, нас подбрасывало волной, вертели в разрывах “зениток” и “эрликонов”. Сейчас тишина. Мерно урчит мотор и клонит в сон. Невидимые тиски отпустили сердце — оно счастливое и лёгкое. Мы сделали своё дело и сделали, кажется неплохо. Густая чернота воздуха просветлела, серебристая дымка окутывает землю. А в небе ещё яркие звёзды...”

— Жёня, какую звезду любишь больше всего?

Не сразу поняла, что вопрос обращён ко мне. С трудом вернулась из “далёкого путешествия” в родной дом — уютная теплота родительского крова отступила, остался холодный звёздный мир.

— Бетельгейзе.

— Вон та, белая и яркая?

— Это Сириус, самая яркая звезда неба из созвездия Большого Пса. А Бетельгейзе — вторая по яркости звезда, оранжево-красная...

Рассказываю о любимых звёздах и невольно думаю: когда это было? Занятия в астрономическом обществе... Наблюдения... Школа, экзамены, университет. Сейчас ночь, летим с боевого задания: только мы с лётчицей и звёздное небо... Когда же закончится война? Когда снова смогу войти в родные студенческие аудитории и слушать с наслаждением любимых профессоров? Кажется, я всё забыла-перезабыла, и начинать придётся с азов. Но с каким бы наслаждением начала бы я долбить эти азы! Эти мысли мелькают мгновенно, моя лётчица и не догадывается о них, потому что я почти без перебоев рассказываю ей:

— Бетельгейзе — красный гигант из созвездия Ориона. Эта звезда в 450 раз больше нашего Солнца! И если их, скажем, поменять местами, то мы оказались бы глубоко в её недрах. Внутри звезды оказалась бы и орбита Марса” (из дневника Жени от 14 февраля 1944 года).

Одна из последних дневниковых записей Евгении Максимовны Рудневой. Она, как последнее письмо, как прощание навсегда, но без боли и отчаяния. “Ночь с 8 на 9 апреля предельно напряжена. Непрерывно бомбим вражеские позиции. Только из грохота, огня возвращается вздрагивающая, разгорячённая машина — тут же вооруженцы, техники снаряжают её в новый полёт. Экипажи порой не вылезают из кабин. На разведку лечу с Юшиной. Полночь. Взяли курс на Булганак в районе Керчи. Район лично мной обследован в разведке и тщательно описан. К цели подойти не успели — шквал прожекторов и зениток обрушился на нас... Сейчас полечу с Прокофьевой.

Как-то тревожно на душе. Сердце жмёт от предчувствий. Мамуля, как ты себя чувствуешь? Папочка, всё ли у вас в порядке? Славочка, милый, родной Славочка, светлячок мой, радость сердца, всю свою дальнейшую жизнь, если ничего не помешает, я хочу посвятить тебе, нашим детям, и ещё у меня есть одно тайное желание, я расскажу о нём только вам, родные. Я хочу открыть звезду. Звезду счастья, Победы... Любимые мои, при ясной погоде смотрите на Сириус, как условились, и думайте обо мне. Я тоже буду смотреть и думать о вас... Я всегда, ещё с детства знала, что звёзды — история человеческого общества. Их изучали, по ним предсказывали судьбы, ими угнетали и призывали к свободе. Были звёзды несчастий и страхов, радости и всепоглощающей любви. Нет простых звёзд, каждая эпоха имела свою звезду. Были и поэтические звёзды. Небо Венеры, например, Данте сравнивал

с риторикой, а они в то время были как сёстры-близнецы... Ну, всё, пора, надо заканчивать, ведь о звёздах я могу писать, не останавливаясь...

Тьму рванули прожектора — в перекрестье их лучей бился маленький самолёт. Он казался светлым, беззащитным мотыльком. Снизу застрочила автоматическая зенитная пушка “Эрликон”. Лучи прожекторов крепко держали светлый самолёт, — он был в самом центре разрывов. На самолёте блеснуло красное пятно. Может, показалось? Нет! Пятно быстро увеличивалось, и вскоре огонь охватил всю машину. Самолёт, не разворачиваясь, летел на запад. И вдруг земля окрасилось фонтанами огня! По цели бил горящий самолёт! Четыре бомбы, одна за другой рванули вражеский тыл. А сам падающий горящий самолёт вдруг заискрился разноцветными огоньками: зелёные, белые, красные... Это рвались ракеты, ведь ими всегда полна кабина штурмана...

В своё время Жёня переписала в свой дневник рассказ Джимми Коллинза о смерти самого себя... Как предчувствие? Или она видела свою смерть и переживала её чужими ощущениями? Этот вопрос так и останется без ответа... А это уже про неё...

...Слепят прожектора. Разрывы хлопают выше и ниже. Самолёт вздрагивает, трясётся. Потом как будто “тюкнуло” в нос — язык пламени, облизывая бок, ударил в крыло. Сбить, надо сбить пламя!

— В пике! Уходи в пике!

В ответ молчание. Неужели лётчица убита? Нет, ранена — самолёт продолжает полёт...

И вдруг — огненная печь. Мне показалось, мы попали в огненную печь. “Эрликон”, это “эрликон”. Мы горим...

Бомбы, бомбы, успеть сбросить бомбы!

Надо нажать со всей силой, всей собой — и бомбы летят вниз, знаю, что летят, самолёт стал легче. Он трещит, как сухая лучина на растопке. Качнулся от взрывной волны. Попали, значит, попали!

Мы летим, летим... вниз. В волны бы!

...Это комета из космических глубин. Метеорит. А я — душа его. Я не чувствую себя, мне так легко. Меня нет, и я есть одновременно! Нет, я ещё есть — и я думаю о вас, родные мои. И о Славике. Думаю и жалею. И всех вас жалею!

Пустая гулкая улица... Удер-ж-а-ать, удерж-а-а-а-ать!

Ракеты рвутся — не вижу, но чувствую, знаю. И свист, сви-и-и-ист! Он разрывает всё, он не кончается. Он кричит: “Жи-и-и-ить! Жи-и-и-и-и-ить! Жи-и-и-и-и-и-и-и-ить...”

Р. С.: Жёня не успела открыть свою звезду. За неё это сделали другие и назвали в её честь, только не звезду, а планету. В газетах от 27 марта 1977 года сообщалось: “Астероиду под номером 1907, открытому 11 сентября 1972 года сотрудницей Крымской астрофизической обсерватории АН СССР Л. И. Черных, присвоено имя “Руднева”. Малая планета названа в честь Героя Советского Союза Евгении Рудневой, отдавшей жизнь за победу своего народа.

В 1971 году у здания школы №15, которая носит имя Героя Советского Союза Евгении Рудневой, установлен памятник. На высоком постаменте — скульптурный портрет штурмана 46-го гвардейского полка, красивой девушки с одухотворённым лицом, отдавшей жизнь за Родину, за свой народ. Авторы памятника — скульптор Р. В. Сердюк, архитектор А. Н. Морозов. Похоронена Е. М. Руднева в Керчи на воинском кладбище.

ЕЛИЗАВЕТА МАРТЫНОВА

А В БУДУЩЕМ — ВЕСНА

* * *

Что в будущем? А в будущем — весна,
И даль — прекрасна, хоть и не ясна.
Синее — шапки гор, черней — долины,
И солнце смотрит на меня в упор,
И нежит небо ветер журавлиный.

Почти ручные, вокруг меня грачи,
И голуби воркуют и пируют,
По грунту пробираются ручьи,
Капель на талой крыше озорует.

И все они — о будущем, о том,
Что жизнь моя — нелепа и печальна,
Душа не заживает под бинтом
Снегов последних, но дрожит ручьями.

Ещё я по окраине пройду,
Но в поле отдалённое не выйду.
Когда меня ледком поранит грусть,
Когда мне больно, не подам я виду.

МАРТЫНОВА *Елизавета Сергеевна* родилась в Саратове в 1978 году. Окончила Саратовский госуниверситет. Кандидат филологических наук. Главный редактор журнала "Волга. XXI век". Автор книги "Письмо другу" (2001), "На окраине века" (2006). Лауреат премии Ю. П. Кузнецова (2008). Слушательница семинара А. Казинцева и С. Куняева на Форуме молодых писателей в Липках. Живет в Саратове.

* * *

Чёрное платье с белыми кружевами —
Радость быть прежней,
такой же, как я была,
Помнила школу, облако в светлой гамме,
Чайку над Волгой — тонкие два крыла.

Зренье бесценно.

Смотри, как лоза над оградой
Ловко взбегаёт по красной кирпичной стене.
Я бы изнанку двора разглядеть была рада,
Ставни открыла в простом деревянном окне.

Я не жила здесь,

но что же безудержно манит
В улицы эти, бегущие мимо реки?
Запах воды — или красные звёзды герани?
Чайки на волнах качаются, как поплавки.

* * *

Стоял подсолнух огневой,
Оранжевый, вихрастый,
Качнул упрямой головой,
Как будто молвил: “Здравствуй”.

О чём он с солнцем говорил?
О радости, о детстве?
Или о том, как после жил,
Как в рыжих лепестках растил
Подсолнушьё наследство...

Не такова ли ты, душа,
Не к свету ль ты стремишься,
Пока цветёшь — дыша, греша,
Заботясь о земном, спеша —
О будничном, о лишнем...

* * *

Жизнь моя — горящая свеча.
Льётся воск по золотому стеблю.
Хороша она и горяча,
Если тишине широкой внемлю.

Посиди немного за столом,
Белый свет неспешно вспоминая.
Хоть моё невелико тепло,
Я твой взгляд холодный согреваю.

Исчезают люди дней моих.
Смерти нет — зачем они уходят?
Я давно уже простила их,
Погружаясь в сумерки мелодий.

Только ты пока ещё со мной.
Не спеши в далёкую дорогу.
Между темнотой и вечной тьмой
Выживет свеча — и слава Богу.

* * *

Пока мы говорили, выпал снег.
Я приоткрыла дверь, и вот внезапно
Блеснула белизна, и белизне
Судьба досталась — не дожить до завтра.

Не тяжкий рок, а просто малый срок
Отпущен золотому первоснежью.
Снег чист и нежен, хоть бери перо,
Рисуй сурово иль пиши небрежно, —

Ведь он растает ночью всё равно,
И я уйду, ты в доме свет потушишь,
Но светлый след протянется за мной,
Объединяя судьбы, сны и души.

* * *

Бог нас помнит, как дерево — листья свои,
Как снежинки, летящие с неба,
Оттого нежный миг — это весть о любви,
Это время, в котором ты не был.

На краю белой бездны, в неведомость дней
Окунётся летящая память.
Что я знаю о прожитой жизни своей,
Чтоб тебя от несчастья избавить?

Только то, что невольно любила тебя,
За метелью стояла незримо,
Где под снегом прозрачные листья скорбят
О кострах без огня и без дыма.

Бестелесное время просилось на свет,
И враги, и друзья умирали.
Ты живёшь, но меня не коснёшься в ответ,
Только взглядом насмешливым смотрит портрет
Твой в большой позолоченной раме.

Только Бог тебя, милый, спасёт от беды,
Отведёт от опасной дороги,
И ступая, как прежде, в свои же следы,
Ты сотрёшь снегопада живые черты
И уйдёшь от постылой тревоги.

* * *

У вокзала музыка звучала,
И хотелось жизнь начать сначала,
Улицами синими идти
С молодой любовью по пути.
Там, где тополя, грачи и встречи,
Радостные, горестные речи,
Небо в лужах и ручьях без дна
И ещё разлука не видна.
А видна одна сирень слепая
И дуга весёлого трамвая,
Где, пока звенит листвою сад,
Я иду, куда глаза глядят.

* * *

После жаркого дня отдыхает земля в темноте
Под журчанье сверчков и цикад, гул манящий ночных самолётов.
Мне хотелось бы тоже куда-нибудь ночью лететь
И на землю смотреть с высоты небосвода.
На моря и на горы глядеть, на мерцающие города,
Бледный пояс огней примерять к августовскому небу.
Наблюдать, как чернеет внизу, засыпает речная вода,
Осыпаются звёзды, подобные снегу.
Или, может быть, медленным поездом ехать сквозь степь —
В перестуке колёс неустанным, мелькании вёрст и вокзалов?
Будут звёзды в окошке гореть, как на чистом листе.
Так давно эту книгу небесную я не листала...
Так мечтала сойти, — чем случайней, удачней тем, —
В неприглядной степи, прикоснуться к траве одичалой,
После жаркого дня без пути, без дороги идти —
Это счастье, когда можно жизнь начинать всю сначала.

ЮРИЙ ПАВЛОВ

ЖИВОЕ ТЯНЕТСЯ К ЖИВОМУ,
ПОКА ВРАЩАЕТСЯ ЗЕМЛЯ...

* * *

Я забыл, как лошадь запрягают...
Н. Рубцов

Я не забыл, как лошадь запрягают,
Ещё горит в душе моей костёр...
И эта память детства дорогая
И греет, и волнует до сих пор.

Науку деда я постиг нутром,
Вертел дугу, тянул чересседельник.
Прошли года... Я вырос — не бездельник:
Работать — хоть пером, хоть топором!

Но грустно мне в краю моём родном.
Под замершие звоны колоколен
Какой тоской неизлечимо болен
Случайный гость на празднике чужом?

Уж кажется: была ли та пора,
Когда народ под шутки, смех и гомон

ПАВЛОВ Юрий Сергеевич, поэт и прозаик, родился в 1950 году. Окончил факультет русского языка и литературы Владимирского пединститута, по окончании которого работал учителем сельской школы. Член Союза писателей России. Автор девяти книг поэзии и прозы. Лауреат литературных премий. Живёт в городе Владимире.

Душой тянулся к празднику другому —
Под музыку пилы и топора...

И вот племянник мой топор берёт,
Боясь хоть словом помешать ему, я
Вдруг постигаю истину земную
И чувствую, и вижу наперёд:

Жив русский дух — времён нетленных нить!
Он не подвластен смерти и болезням:
Творить добро! Учеников растить!
Пока с лица земли мы не исчезнем!..

* * *

Вот опять надо мной журавли...
Память вновь возвращается в детство,
К белой роще, где словно наследство,
Мне два холмика бурой земли...

Каждый раз, никого не спросясь,
Сердце с птицами рвётся упорно —
В том краю мои крепкие корни,
Продолжается вечная связь...

Я спрошу себя: так ли живу,
Тем ли следую жизненным меркам? —
Дорогие черты не померкли,
Как сейчас вижу вас наяву.

Вот, обед завернувши в холсты,
Бабка в пойму спускается лугом,
Где шагает багровый с натуги
Дед мой, землю ворочая плугом,
Словно памяти вечной пласты...

* * *

Есть светлая радость работы
В осеннем саду в тишине —
До крепких мозолей, до пота,
До сладкой ломоты в спине.

В такие мгновения года
На скрытом земном рубеже
В труде вдохновенном природа
Созвучна усталой душе...

И хлеб мой не так уж и горек,
И в эти погожие дни
Отрадно взглянуть на пригорок:
Не едет ли кто из родни?!

* * *

Земных придерживаясь правил,
Переступая свой предел,
Уж день сиянья поубавил,
И лес внезапно поредел.

И я в лесу том поредевшем,
В насквозь проветренном лесу,
Калиной яростно зардевшем,
Последний свой дозор несу.

Глашатай музыки и света,
Являя солнце и зарю,
Благодарю, что было лето,
Что был порыв, — благодарю!

Придёт пора лесов тенистых,
На то и Божья благодать...
Ну, что с того — спадают листья?
Чтоб новым почкам набухать!

* * *

Заголубели небеса,
Призывно засветились дали
И в дымке розовой леса
По горизонту засияли.

Весна, весна — пора любви!
Преображается мир сонный,
Вновь сердца бег неугомонный
С пожаром трепетным в крови!

Весенний грач в моём саду
Всё исходил и всё обмерил,
И, дав “добро”, он вновь доверил
Начать извечную страду.

И в ожидании гостей
Супруга замесила тесто,
И в этом сонмище страстей
Надеюсь, мне найдётся место!

* * *

Уж сколько раз твердил себе: “Довольно!
Остановись, остынь и не спеши...”
Но опускались каждый раз невольно
Земные крылья неземной души.

И вновь я — в круговерти, в хороводе,
Средь суеты немыслимой земной,
Но сруб растёт — как на дрожжах подходит,
И сохнут травы, скошенные мной.

Зверьё моё кудахтаньем и лаем
Меня встречает сытое, в тепле,
И я другой судьбы не пожелаю,
Пока дышать дано мне на земле...

Чтоб край любить задумчивый и отчий,
Покуда пламень в сердце не потух,
За то, что в нём ваятель я и зодчий,
Мастеровой, ремесленник, пастух!

И сердце не желает лучшей доли,
Чтоб не забыть волнение и дрожь,
Душа моя — не сеяное поле,
Ты праздная, и что с тебя возьмёшь?!

ЗОЯ ДОНГАК

Я ЖИВ, И МОЙ КОНЬ ЖИВ

РАССКАЗ

Семья Даржаа, как и все араты, живёт в юрте. Юрту ставят без топора. Была бы кошма, решётчатые стены, волосяные верёвки-перетяги — и жильё готово. Лёгкая юрта удобна для кочевника-пастуха. Особенно хорошо в ней летом — свежо, прохладно. Чувствуешь, что ты рядом с природой, на земле. Жена Севил шьёт одежду. Очаг в юрте горит весело, в чугунной чаше потрескивает жёлтое просо, становится коричневатым. Младший сын Калзан держит в руках деревянную мутовку и перемешивает кашу. Дым ест глаза, щёки пылают огнём, но Калзан терпит, перемешивает, вдыхает вкуснейший запах жареного зерна. Калзан любил помогать отцу с матерью. Они всегда хвалили его и просили сделать ещё что-нибудь.

Вдруг он почувствовал, что со дна раскалённого котла идёт дым. Неужели пережарил? Просяные зёрнышки начали лопаться от жара и вылетать из чаши. Мать первая учуяла дым, проворно вскочила:

— Ой, халак, ой, беда! А ну, дай мне скорей! — вырвала из рук сына мутовку, высыпала почерневшее зерно в деревянное корытце. — Да ну тебя! Не берись, если не умеешь. Лучше погляди за ягнятами и козлятами.

Калзан опрометью бросился из юрты. Увидел табун лошадей и среди них — своего коня-любимчика. Он хорошо запомнил ту счастливую весну,

ДОНГАК Зоя Шомбуловна родилась и живёт в Туве. Врач. Отличник здравоохранения РСФСР. Окончила Высшие литературные курсы Литературного института имени М. Горького. Аспирант на кафедре теории литературы и литературной критики. Автор девяти книг прозы и поэзии. Профессиональный переводчик на тувинский язык. Член Союза журналистов России (2003). Член Союза писателей России (2010). Член Российской академии "Русский слог" (2017). Лауреат, призёр и победитель федеральных конкурсов журналистского и литературного мастерства.

когда на кылбык-празднике, трёхлетию, ему подарили жеребёнка. Мальчик рос крепким и сильным, был на голову выше сверстников. А вместе с ним рос и его жеребёнок Эмдик-Ой. Старший брат, Анчы, обучал младшего всему: как укротить скакуна или заставить его лечь, чтобы нагрузить мешками с мукой, как поймать хариуса или подбить на лету куропатку...

Потом Эмдик-Ой стал занимать призовые места на скачках. Как сына контры, шамана, Даржаа репрессировали, и коню Эмдик-Ой, прозванному тоже контрой, запретили участвовать в скачках.

Калзан всегда помнил слова отца:

— Конь, сынок, это половина мужчины. Даже если с голоду будешь умирать или замерзнуть в степи, конь тебя вывезет. Возьмёшь немного крови у него, дашь отдохнуть ему — и не пропадёте оба. Это самый близкий друг человека, учись ценить его. Недаром на нашем аратском гербе всходит солнце, и арат вместе с солнцем летит на коне.

Так оно и есть! Самое неприхотливое животное, которому и нужны всего-то чистая вода, пастбища да дружба человека. И эта дружба, скорее, больше нужна, конечно, человеку. Если кто пока не понял этого, жизнь заставит понять: настанет время, когда конь защитит своего друга и хозяина.

В 1941 году тувинский народ гнал скот, в холод, в дождь, в снег, чтобы накормить советских солдат на поле боя, одеть в тёплые носки, варежки, согреть их израненные души, дать им силу воли выиграть войну и вернуться героями в родные края. Сыновья Даржаа с самого начала войны просились на фронт. Старшему отказали, как внуку шамана — контры. Коня Эмдик-Ой-контру забрали на фронт ещё в начале войны. А младший, Калзан, ушёл добровольцем в 1943 году, когда отца оправдали.

29 января 1944 года на подступах к украинскому селу Деражно тувинский гвардейский полк получил приказ взять населённый пункт. 31 января в четыре часа утра они ворвались в Деражно на своих тувинских лошадях. Среди них и Калзан. В схватке с врагом погибли двое — Тюлюш Сенгин и Монгуш Сат. Их здесь и похоронили.

Калзан с земляками между боями, в первую очередь, ухаживал за лошадьми. Ему всё снился любимый конь Эмдик-Ой. Калзан так и говорил: “Пока не накормишь лошадь, самому кусок в горло не лезет. Мне кажется, мой конь Эмдик-Ой где-то рядом”.

Как-то ночью разведчики Алдын и Седен приволокли “языка” — немецкого офицера. После допроса переводчик сказал тувинцам:

— А знаете, как вас, тувинцев, немцы называют? Шварце тод.

— Что это значит? — спросил Калзан.

— “Чёрная смерть”. “Язык” говорит, что немцы очень боятся солдат из “дикой дивизии”, которая прибыла из Сибири и состоит из свирепых азиатов.

Калзан с улыбкой вспомнил, как в тувинский эскадрон были зачислены десять девушек-добровольцев. По прибытии 8 декабря 1943 года на учебный пункт в деревню Снегирёвку Смоленской области командир подразделения капитан Кечил-оол доложил командиру 31-го гвардейского кавалерийского полка, что все девушки обучены стрельбе и джигитовке.

Ефим Абрамович Попов прошёл перед строем, внимательно всматриваясь в скуластые лица. Удивленно хмыкнув, остановился перед хрупким подростком.

— Как тебя зовут? Сколько тебе лет?

Юная тувинка подтянулась, но смущённо молчала.

— Она плохо знает русский, — объяснил Кечил-оол.

— Ну и ну! — Попов глянул на заместителя. — И её, и всех остальных... барышень — на кухню. У меня кавалерийский полк.

Кечил-оол перевёл слова командира. Тувинка птицей взлетела на коня и пустила его с места в галоп. Перемахнула придорожную канаву, выхватила клинок, взмахнула несколько раз. Срубленные с кустов ветки уткнулись в снег. Бросив поводья, сорвала с плеча карабин, звонко прокричала по-тувински...

— Видите шишку на вершине сосны? — перевёл Кечил-оол.

Прогремел выстрел. Шишка разлетелась на мелкие щепки. Тувинка Ооржак Байлак повернула коня, вернулась в строй.

— Все у вас такие, капитан? — командир полка не скрывал восхищения.

— Все, товарищ гвардии полковник. Дети гор и степей, с детства в седле...

— Приказ отменяю! Эскадрон тувинских добровольцев в полном составе зачислить в полк.

Бой на улицах Ровно. Жарко было, ой, как сопротивлялись немцы! Напролом шли. Без передышки. Хладнокровно. Многие земляки Калзана положили здесь головы. Везде стреляют, но надо идти только вперёд. И страшно, и сложно. Но всё зависит от самого бойца, от его подготовки и сметливости. Если ты слабый, то пропал. А если, как птичка, бодрый, то всё тебе нипочём. Один только раз Калзана ранили. Падая с лошади, закричал по-тувински: “Эмдик-Оюм, кайда сен? Мени камгалап кор! — Где ты, мой Эмдик-Ой? Спаси меня!” И вдруг услышал знакомое ржание своего коня. Жаркое дыхание, знакомое с детства, такое родное... Пришёл в себя, а рядом — Эмдик-Ой. Обнял его, заплакал от радости. И шапка, и тулуп продырявлены, со лба течёт кровь, но жив, жив!

ВИТАЛИЙ МУХИН

АФГАНСКИЕ СНЫ

ДЖЕЛАЛАБАДСКАЯ БАЛЛАДА

1

Ты верни меня, память, назад
в город-зной, в город-сон, в город-сад.

Алыча там цветёт круглый год,
птица-рыба на пальме живёт,

и меж сопок, земли и небес
катит волны Дарунтская ГЭС*.

2

А ещё поутру там мулла
говорит всему миру “Алла́!..”

— Аладдин! — это эхо в горах
на зелёных гарцует лугах:

* Дарунта – посёлок (ныне пригород Джелалабада), где в 1960-х годах советские инженеры-мелиораторы построили первую в Афганистане гидроэлектростанцию. Джелалабад – столица Нангархарской провинции; название города образовано от перс. “Джелал” (“Слава”) и иранск. “Абад” (“Место, где растут сады”, “Райское место”; “Город”).

МУХИН Виталий Олегович родился в 1948 году в Москве. С 1951 по 1962 год жил в Казахстане (Петропавловск, Караганда, Алма-Ата). Первая публикация стихов – в газете “Ленинское знамя” ЛКСМ Казахстана. Член Союза писателей России.

вот он!.. Вот он, джигитам пример —
воин Господа, франт, офицер.

3

Там, за речкой, спадёт только зной,
он ведёт караван с наркотой,

Ну, а здесь он для всех — шурави,
вместе с нами поёт “Журавли”.

И летят журавли, вот летят!..
Как вертушки, на алый закат.

4

Мы летим и поём в темноте
на незримой для мин высоте.

Сердце бьётся с волнением в груди:
да неужто война позади

и всем в дембель?! Неужто домой
я вернусь неприлично живой?

5

И награды, что надо, — горят!
Краше — в гроб иль в Москву на парад.

Всхлипнет мама и чуть ли не в рёв:
“Ведь писал же, что цел и здоров”.

Я ей слёзы тихонько утру:
“Мама-мама... Не стой на ветру...”

6

Ну, конечно, я жив и здоров,
как сто сорок армейских козлов.

Каждый Рембо в стрельбе превзойдёт,
а Джеймс-Бонду и морду набьёт.

Не согласна дыра в рукаве?
А плевать — заросла ж в голове.

7

— Так-так-так... Говоришь, не звенит?
— Где звонит, пусть майора свербит!

— Ну, тому по всему трын-трава,
замполит у него голова.

— Голова ты моя, голова...
— Куда ж делась твоя голова?

8

Покатилась отважная с плеч
упрежь всех в поминальную речь,

по дороге сыграла в футбол:
прыг-прыг-прыг — и скорее на кол

взгромоздилась: “Ура! Исполаты!..
Что такое? Ни зги не видать”.

9

Свет включили. В ногах — гул винтов,
и бетонка — в коросте бинтов,

поперёк горизонта ума
слева — дурка, а справа — тюрьма,

а в конце — то ли взрыв, то ли сад..
Что уставился в точку, солдат?

10

Вот жена, рядом с нею малец —
незаживший на сердце рубец.

И ждала, и любовь берегла,
а потом вдруг к другому ушла.

Впрочем, что нам о том поминать
и пустые бутылки считать?

11

От Кремля до Китайской стены
свет без света, вина без вины.

И кровавый в полнеба закат,
и никто не вернётся назад,

если даже вернётся домой..
Только тлеющий мир за спиной.

12

Только тлеющий мир в темноте
на какой-то мгновенной версте.

Кто в порталах и дырах времён
вспомнит шум наших древних знамён,

свет без света, страну без страны?..
Плач давно отзвеневшей струны.

13

Плачь, родная! И сбудутся вновь
и страна, и война, и любовь.

Трассерами расшит небосвод,
птица-рыба о счастье поёт...

Там у царских, тяжёлых ворот
положили душманы мой взвод.

Мы лежим, как один, в темноте
на последнего мира версте.

Алыча тут цвела круглый год,
а теперь и репей не растёт.

Аладдин, ты же — друг, ты мне брат,
почему нашей встрече не рад?

Я вернулся — броня на броне,
раскалённый калаш на ремне,

крокодилы* дырявят закат,
осы-стингеры навстречь скользят.

Зазевался — усни в темноте
на незримой для всех высоте.

На незримой для всех высоте
мы летим, словно миф, в пустоте,

окликаем друг друга в бою:
“Может, свидимся как-то в раю?”

Там и нам — всем погибшим подряд! —
светит солнце — наш Джел...

Алла!..

Алла!..

Алла!..

Светит солнце — наш ДжелАллабад!

ЯХША АРТА

Станиславу Куняеву

Над Сырдарьёй недвижны облака,
в песок истёрлись каменные сходни —
как прошлое, как память о веках,
когда была немного полноводней
река от слёз и кровь лилась рекой.
Те годы отшумели безвозвратно,
но азиатский, мраморный покой
ещё хранит их родовые пятна.
И потому нередко, как рабынь,
здесь женщин держат под прицельным взором,
и не нарсуд, а нож иль карабин
межплеменные разрешает споры.

А там свисти, милиция, ищи
преступника по всем глухим аулам —

* Транспортно-боевые вертолёты МИ-24.

авось, в каком и подберёшь ключи,
оброненные в спешке под Джамбулом
горячим беглецом... Ну, а пока
лети, как пёс, выпытывай у встречающих:
— Скажи, дедунь, у вас наверняка...
Пожмёт плечами древний аксакал:
— Моя не понимает твои речи.

И снова отстранённый взор туда,
где Сырдарья с барханами играет.
Внезапно выдохнет: “Яхша арта”^{*}.
— Что, что?!
— Давно не понимает...
И как ни бейся с пеною у рта,
как ни дави, что надо обезвредить,
на все расспросы только “Эх!..” да “А?..”
“Яхша арта” — вот весь итог беседе.

А что в нём — полубред или намёк,
не суйся, русский, не в свои заботы,
загадка мудреца или упрёк,
что с каждым днём мелеют жизни воды?
Поди тут разберись, когда никто
значенья этих слов уже не знает —
и знает, если до седых хребтов
их гулкая природа повторяет.

Скользнёт из роши джидовой змея.
“О, несравненная!” — орёл на солнце
завьётся с ней в тугие вензеля.
“Яхша арта”, — мгновенно отзовется
багрянец зачерпнувшая волна
и вновь отхлынет... Отдымятся росы
в сверкающей траве. И тишина.
И саксаул, загнувшийся вопросом.

О, Сырдарья — жемчужная река!
“Яхша арта! — так в древности иранки
в серебряных браслетах и серьгах
в дни замирений, в дни затиший кратких
к тебе зывали. — Пусть слеза моя,
для жениха вобрав твой жгучий отблеск,
дороже будет лучшего коня
и ярче солнца высветляет доблесть
храбрейшего из храбрых, чтобы он
не забывал в погоне за добычей,
что все жемчужины любых племён —
ничто пред красотой моей девичьей”.

Всё пронеслось — и сполохи знамён,
и волны грив, и свист стального жала.
Лишь песня — будто стон былых времён —
лишь песня до сих пор не отзвучала.
Пусть Сырдарья давно уже не та,
она, как прежде, души наши ранит...
А кто, скажите, двигая горами,
не сотрясал в низинах города?

* Несравненная жемчужина — древнеиранское название Сырдарьи.

* * *

На русскую славу и пламенный Спас
слепых откровений ударил мой час,
слепых откровений.

Не вороны-вепри за Бугом кричат,
не гибель геройскую ищет солдат,
а ужас прозренья

на тросах лебёдок, качаясь, скрипит:
ещё одного, блин, прибрали на щит,
ломал — и сломался.

Из шахт пусковых до ледовых высот
за солнцем! По вечному кругу — вперёд.
А ну, подымайся!

Живым только мёртвые верность хранят,
и только она, как стрела наугад,
сшивает столетья.

Что в землю ушло, то взойдёт из земли,
о счастье недолгом поют ковыли
и грезят бессмертьем.

Но нет и не будет его никогда.
Пожар, недород, то другая беда
легка на помине.

Но колокол веры — и вечность как миг...
Лишь русской тревогою держится мир
и в прошлом, и ныне.

* * *

Кричи! — никто не прибежит.
Зови! — кому ты нынче нужен?
На костылях вторая жизнь
за водкой хлупает по лужам.

Эй, инвалид, и я с тобой!
Ты не останешься внакладе.
Всей заковыристой судьбой
прибавку к пенсии оплатим.

Твой Кёнигсберг и мой Афган
летят по вычурному кругу.
Трясущийся в руке стакан,
век недопитые сто грамм —
от друга к другу.

И с каждым днём тесней кольцо,
всё бойче лживые преданья,
и всё слышнее пред концом
тех недобитков ликованье.

ИМЯ ТВОЁ — ЖИЗНЬ

ЕЛЕНА ТЕМЧЕНКО

БОГОРОДИЦА

Имя твоё — свет,
Вспыхнувший в Вифлееме.
Света того след
Не погасило время.
Имя твоё — весть
О Боге, сошедшем с неба.
Имя твоё есть
В духе земного хлеба.
Имя твоё — боль,
Что по земле разлита.
Имя твоё — Любовь,
Вечная, как молитва.
Имя твоё пою
Тихо, когда опять я
Рядом с тобой стою
Подле Его Распятья.
Слышу в ответ: “Держись.
С нами Христова Тайна...”
Имя твоё — жизнь,
Та, что исповедальна.

Подмосковье

ИГОРЬ ЛУКЪЯНОВ

* * *

И поэтов сегодня,
Как в мае мошки.
Но увы —
Ни одной
Бьющей в душу строки,
Где стихи — не стихи,
Где слова — не слова:
“У забытых могил
Пробивалась трава”.

* * *

Далёкие светлые годы.
Где первые в жизни грехи...
Где лучшие в жизни погоды.
Ветра, поцелуи, стихи.
Мы лезли на верхние полки,
Глядели вперёд належке.
И в стоге искали иголки,
И шило таили в мешке...

* * *

Доведут нас эти “фейки”.
Эти “хайпы”, эти “лайки”...
Покоримся этой фене
И залаем, как собаки...

* * *

Трындеть
 бессрочно можно
 о морали,
Кто нынче
 в мире прав
 и кто — не прав.
А наши предки
 землю целовали,
Родную землю,
 на колени встав...

г. Борисоглебск

АЛЕКСАНДР МАКАРОВ-ВЕК

* * *

Хлеб сжат.
На чистые поля
свои мазки наносит осень
иконописью бытия,
где каждый штрих прозрачно-точен.
Кто он,
неведомый Рублёв,
лазурью,
охрою покрывший
поля, и возвестивший вновь
печали праздник наивысший, —
не спрашивай!
Не знаю я.
Наверно, он —
кто нас веками
так мучает,
любовь храня,
и умирает вместе с нами.

* * *

Дед мой, Пётр, умер на Крещение.
Целый день мы жгли костёр,
Рубили ледяную землю
И грелись водкой...
И ведром

помятым выгребали.

Плоть могилы...
Я пришёл в избу
и моё тело
было леденее тела деда...
Долго руки мыл водой в жестянке,
но остались на ладонях знаки —
вспухшей крови
и земли набухшей...
Почему я не могу уехать,
жить у моря,
сеть тянуть
и обжигать ладони
о весло,
горячее, как солнце...
Может, потому,
что стылым летом
дедова могила мне напомнит
грядку в огороде,
на которой —
тело репы
в запахе медовом...

г. Москва

БОРИС СВЕРДЛОВ

* * *

Мы собрались, мы снова вместе.
Для нас поэзия — закон.
Стихи прольются — будут песни
Под семиструнный перезвон.
Вино из чашки вместо чая
Я добросовестно допью
И непременно прочитаю
Стихи, которые люблю.
Стихи Есенина и Блока,
Стихи о вечном и родном
Из уст моих звучат неплохо
За нашим дружеским столом.
Опять поспорили напрасно,
Чьи книги нынче нарасхват.
Сказал мой друг:
— Оставим распри!
Виват, поэзия, виват!
Неугомонные поэты!
Но не дано, увы, иным
Так удивляться белым светом
И грезить небом голубым!

* * *

На Лебедином озере туман
Расходится и тает понемногу.
И лебедь, продолжая свой роман,
Зовёт подругу в дальнюю дорогу.

Великолепен города уют
В дремотный час стихающего гуда.
Старинные часы на башне бьют,
Опаздывая вечно на минуту.

Всё чередом, как было, так и есть:
Старинный стиль хранят ещё Исады.
Мой милый город, я с тобой, я здесь,
И ничего мне более не надо.

О, Астрахань, судьба моя и рок,
И родина от центра до задворок.
И если покидаю твой порог,
То знаю, что как сын тебе я дорог.

Над городом опять задул норд-вест.
Лист за листом слетает на запруду.
А вдалеке над колокольней крест
Хранит всех нас и Кремль, подобный чуду!

г. Астрахань

ИГОРЬ БЕЛКИН-ХАНАДЕЕВ

СЕВЕР

Рассыпается долгая ночь. Сонно ухают филины
В бесполезной надежде сдержать отступление тьмы.
Самовластие снега. И насыпь, и лес обессилены
Затянувшимся бременем лесоповальной зимы.

Но и здесь, в бесконечно растущих еловых торосах,
Где не слышно десятками лет человеческих слов,
Как ружейными выстрелами, от великих морозов
Наполняется бор оглушительным треском стволов....

Успокоилось эхо. Доносится глуше и глуше
Трепыхание птиц, притворившихся битыми влёт.
Снова выстрел... И снова седые еловые уши
Прижимаются к мёртвой земле придорожных высот.

Обрекая озёра туманов, холодно-апрельских,
На короткое небытие, словно ржавая сталь,
Рассыпается ночь. И, звеня в замороженных рельсах,
Догоняет вагоны, давно унесённые вдаль.

Снова радужно-чистое небо, как будто весна в нём
Размела облака. И не знавшая грусти звезда
Загорелась нежданно-негаданно воспоминаньем
Обо всех проходивших под синим лучом поездах.

* * *

Счастливого пути, родной зелёный скорый!
Под выцветшим гербом идёшь на перекрас.
Гудок, ещё гудок. И ветры вторят хором:
“Приятных перемен! Удачи! В добрый час!”

Пошёл на всех парах. Тебя тепло встречали:
“Подкрасим колоски — и высохнут к утру...”
Уютное депо увито кумачами:
“Живее всех живых...”, “Даёшь ударный труд...”

...Не стало в октябре багряного наряда.
Упал последний стяг. Отвинчены гербы.
Ржавеет паровоз, собака воеет рядом.
И нет уже труда, и жизни, и борьбы...

...Скелеты корпусов. Торчат наружу рёбра —
Опорные столбы не устают стареть.
Ушедшим временам вослед глядят недобро
Вожди бродячих стай — вельможи пустырей.

А глобус на гербе — как шар из пыльной лузы —
Достанут, подновят, когда наступит год
На глеющих костях Советского Союза
Зажечь, очаровать и обдурить народ...

* * *

Старый дом при дороге. Смородина зреет в пыли.
Остывает в рассветных лучах перегретая “Волга”-
Прикатили под утро. И внука с собой привезли.
Жалко, сами побудут недолго.

Дочь в косынке, как в прежние юные дни,
Будто вовсе не ведали города
светлые очи...
Не спала, и в прохладной придомной тени
Рядом с мамой усердно хлопочет.

Озаряет светёлку счастливого внука лицо —
На раздолье пускай поживёт перед школой.
Он всю ночь на переднем сиденье с отцом
По водительской карте прокладывал путь через сёла.

Отдохнули с дороги — и утром на местный базар:
Банка краски, цветы, полкило карамели.
Повезут на машине — к улыбчивым светлым глазам,
Что на скромном овальном портрете три года светлели.

Аккуратный простой обелиск со звездой, без креста,
Подновят и оставят в ограде конфетную россыпь.
Будут ярким кармином лучи на рассвете блистать
И раскрашивать спелые русские росы.

А теперь и не звана, и звана родня — приходи повидать!
Для далёких и ближних готовы дары и пиры из столицы.

И приносят в ответ с огородов нехитрую дань,
...И степная дорога от быстрого шага пылится.

ПИДЛАСКО НИКОЛАЙ

ПОЖНИ

Осени чёрные пожни
Родины тихой, степной,
С далью туманной, тревожной,
Не позабытые мной.

Стылая зелень отавы
И обнажённость дорог,
И в придорожных канавах
Пыльный ковыль, полынок.

Рядом село на просторе,
Кладбище в поле вросло,
Но у дощатых заборов
Мне, как и прежде, тепло.

Есть лишь в душе тяжесть ноши:
Что там, в тревожной дали?
Этой и ближе, и горше
В мире не знаю земли...

ВЕСИ

Этот тёплый кусочек земли...

Н. Рачков

Вам поклон — позабытые веси,
Сердце в грустной тревоге моё.
Память годы под старым навесом
Растрепала, как ветер бельё.

На полях колосилась пшеница,
Вдоль плетней цвёл душистый левкой.
От колодезной чистой водицы
Сняло боль на душе, как рукой.

Степь раздольем бескрайним манила,
Свежий ветер мне падал на грудь,
И молчали на взгорке могилы...
И не выдохнуть.
И не вдохнуть.

г. Коллино

ВИКТОР ШИЛОВ-МАНАЛАКИ

УЧИТЕЛЮ

Учительнице старенькой своей
Я принесу букетик роз весной.
Поведаю о сокровенном ей,
О встречах тайных с кем-то под луною.

Мы вспомним о товарищах моих,
О том, как славно жили жизнью школьной.
И что-то отзовется в нас самих,
Как — будто время тронуло нас больно.

Скажу, что сделал, что ещё могу,
Волнует что, гнетёт и занимает.
На память ей стихи свои прочту —
О том, чего, увы, никто не знает...

* * *

А я люблю тебя, ах, как люблю!
И розовые в босоножках пятки,
И волосы в классической укладке —
Я вспоминаю их сто раз на дню.
Что ж говорить про тело и лицо?
Они мне в сердце врезаны резцом
Ваятеля по имени судьба,
И снова я шепчу тебе: любя.
Ещё осталось вспомнить о душе:
Разлады, ссоры — всё ушло вотще.
За прошлое я кланяюсь тебе
И свечку ставлю Богу и судьбе.

ПОПОЛАМ

С половиной моей мы тихонько живём:
То смеёмся вдвоём, то хлеб серый жуём —
Не хватает на белый деньжонок у нас.
И кого тут винить — разберёшься не враз.
Может, время плохое с собой унесёт;
Может, выпадет карта, и нам повезёт.
А пока мы с хозяйкой хлеб серый жуём,
Без заварки чай пьём и смеёмся вдвоём.

1993

г. Саянск Иркутской области

АРТЁМ КОМАРОВ

ЗИМА В ПРИЛУКАХ

*Божьей правды, так уж мир устроен,
Фифти-фифти в тишине и в звуках —
Там, где въюжит, там, где упокоен
Ненормальный Батюшков в Прилуках.*

Ю. Кублановский

...Туда лететь — какие муки!
Но тянет в древние места...
Стоят на речке Вологде Прилуки,
И маковки церквей, и колоколен звуки
Здесь появились неспроста...

Тут похоронен Батюшков, поэт,
А снег выюжит, дороги заметает.
Окрест разлит Фаворский первый свет.
Но не кончается сюжет...
А память, словно снежный ком, лежит, не тает.

...Но как напишет позже Кублановский:
“Снег что-то вроде ценности щемящей...”.
Пейзаж, увидев незатейливый, неброский,
Руси расслышав прежней отголоски...
...Такой простой, святой и настоящей...

* * *

*Ах, утону я в Западной Двине
Или погибну как-нибудь иначе, —
Страна не пожалеет обо мне,
Но обо мне товарищи заплачут.*

Г. Шпаликов

Меня забудьте навсегда,
Как будто март, и с крыш вода.

Как будто пахота, страда...
Меня забудьте навсегда.

Раз и два... и горе — не беда...
Уйду однажды в никуда.

Стихи о рае, позолота
Здесь и останется. Всего-то.

Я продолжаю жить, творить
И с ветром в поле говорить.

Меня забудьте хоть чуть-чуть...
Вот поле, ветер, труден путь.

Я одиночество приемлю,
Как этот крест, дорогу. землю.

Саратов

ВЛАДИМИР ДЕЛБА

ОСЕНЬ В АБХАЗИИ

Лето уходит, и золота цвет
Осень вплетает в венок,
Поздних рассветов загадочный свет,
Пляжей прохладный песок.

Белые шапки холодных снегов,
Синюю дымку холмов,
Зелень далёких альпийских лугов.
Красные крыши домов.

Огненных перцев нежнейший коралл,
Жёлтых лимонов цедру.
Цвета безумство, осенний хорал,
Ода земле и труду!

Осень в венке и в одежде цветной
Радость даря и задор,
Горы раскрасила, пенный прибой,
Бзыбь перешла и Кодор.

Запах каштановых досок и пчёл
Шумный сверкающий рой
Над виноградною аурой сел
Тучей янтарной, хмельной.

В пацхе уютной садимся за стол,
Вечер осенний, сырой.
К цепи очажной прикован котёл,
Словно фольклорный герой.

И как веками сложилось, встаём,
Пенится в роге мачар,
Низкий поклон Небесам отдаём,
Благости принявши Дар!

Тосты по кругу, традиции дань —
За процветанье страны!
Предкам почтенье! Ушедшим за грань!
Слава Героям Войны!

Доброй энергии дивный букет,
Тостов неспешный вьюнок...
Лето уходит, и золота цвет
Осень вплетает в венок.

Республика Абхазия

ИГОРЬ ЛУКЪЯНОВ

ОЗЕРО

Дочери Ирине

Озеро, окружённое
Елью, берёзой, сосной,
Холодно, отстранённо
Блещет осенней волной.
Дремлют забитые дачи.
В лес предвечерний, чужой,
В лай отдалённый собачий
Вслушиваюсь душой.
Малость побуду. Уеду.
И не вернусь никогда.
В сердце заплещется следом
Озеро — небо, вода...

* * *

На берегу пруда
Пасётся мирно мерин.
Покоится погост.
Трепещет костерок.
Я с удочкой стою,
В сухой степи затерян.
Гляжу во все глаза
На подлый поплавок.
Что эта лошадь мне!
Что храп её печальный...
Что этот мне погост —
Приют чужих могил?..
И что для них я сам?
Так, человек случайный...
Но вдруг —
Как будто жизнь
Свою всю здесь прожил —
Такой родной землёй
Пахнёт от мглы окрестной,
От первых летних звёзд
Над стихнувшей водой.
— А ты откель, земляк? —
Прикурит житель местный.
— Да тут недалеко, —
Махну в простор рукой...

г. Борисоглебск

НАТАЛЬЯ РАДОСТЕВА

ПРИВОРОТ

За водою на колодец не от жажды, а со смыслом —
Почерпнула. Пригубила блики солнца из ведра.
Ощущаю, как изящна, усмиряя коромысло,
Как колышется водица выше уровня бедра.

Редкий случай, где походка не стремительна, а — павы,
Где на статные берёзы смотришь — словно им под стать.
И песком искрится тропка, по краям которой травы:
Вышла в люди — окрылиться, день из лучиков сверстать.

Улыбнись, коль кто приветлив, а смурного не отмечу.
Если ж с поводом проводят, через сени в дом войдя, —
Из ковша подав напиток, и настырного привечу,
Не без шуток отвечая, глаз вприщур не отводя.

Первой мне не предлагайте, вслед хлебнуть — себе дороже.
Не без вызова раскрою: это был бы приворот!
Ещё бабушка учила — пить за кем-либо негоже,
От глотка воды за кем-то — к несвободе поворот.

Пусть не каждого и жалко, не рискуйте зря — пустое.
Не сгублю грехами душу — паутин любви не вью.

Не настаивайте. Смелость мне доказывать не стоит.
Всё равно — не убедите. Всё одно — не отопью.

Уж и так ресничным трепет ловит плавные движения:
Как зачёрпнута водица, как с улыбкой подана.
Без воды приворожила. А не будет продолженья —
Не чудесницы проказы, не чудесницы вина.

ОСОЗНАНИЕ

Не вскричите надо мной, вороны,
Как о папы моего смертушке!
Всё одно — стоп-краны лет сорваны,
На притоп “смирненной жить” — нетушки!

Не купил капитализм платьями,
Поменяла б на Союз благости.
Заменяла бы тряпье латами —
Лишь равно бы людям жить в радости.

Заменяла бы перо вилами —
Разметала бы хапуг адовых,
Кабы можно было то — силою,
Но не силою, смотрю, надо бы...

Нам, советским, проще бы выдюжить,
Кабы за подачки не сватались.
Обобравшим кукиш бы выкушать —
Кабы мы в песок не попрятались.

Эх, вы, люди — глупые детушки...
Так озлоблены почто внутренне?
К сорока душа иных — ветошью,
Хоть галкуетесь порой к утрене.

По диванам за чайком рубите
Правду-матку по больным поводам,
А во креслах утонув, сгубите —
Не Христа, так точно уж — Овода!

Злят вас и идейность, и искренность.
Кем-то справедливости поиски...
Душ горячих цените истинность —
Лишь коснутся вдруг самих происки.

С добродетелью печаль путая —
Учинению грехов следствием,
От мороза бед сердца кутая, —
Вы и есть причина всем бедствиям.

Сладко ль жить мещанскими страхами?
Привыкать не замечать гадского?
Хоть за плечи вас мечись-встряхивай
От приспособленчества рабского.

...
А давайте-ка мы все — с поезда!
Или просто: “Нетушки!” — выскажем...
Ради предпоследнего повода —
Ради младшеньких из нас — выдюжим!

Не зажѣг бы зря Творец солнышко
И дождями не кропил чистыми,
Недра полны — не узреть донышка...
Осознаем — Русский Мир выстроим!

Воркута

ТАТЬЯНА БАТАЛОВА

* * *

Дом бедного — как детская ладонь,
Открытая дождям и снегопадам,
Где невесомый топчется огонь —
Следы обид чьего-то недогляда.

В ней оживает камешек любой,
Осколочек стекла иль изумруда.
И Бог играет детскою рукой,
Нацеленной на ожиданье чуда.

Дом бедного — капризник и чужак.
Ему поют вихрастые метели,
Мигают звѣзды, светит полумрак,
Мукою снежной забивая щели.

И дом живѣт, как детская ладонь,
Всѣ принимая с радостью отдачи,
Бросая льдинки в солнечный огонь,
Как леденцы, в расчѣте на удачу.

И снежный Ангел на глухой тропе
Полощет в небе сполох изумруда.
О детская ладонь! Соблазн в руке,
Приют надежд и сотворенье чуда.

Подмосковье

АЛЕКСАНДР КЛИНДУХОВ

СЛУЧАЙНЫЙ МОТИВ

Ко мне, как всегда, издалѣка
Приходит случайный мотив.
Наверно, всё это — от Бога,
Наверно, но ветер затих.

Затих и опять налетает,
И делает странный замес.
И всё, мне не нужное, тает,
И светится свет до небес,

В котором я вижу картину,
В которой и ветер затих,
И кто-то плетѣт паутину
Невидимый, вольный, как стих.

* * *

Темно. Средь деревьев луна одиноко
На небо полночное вышла до срока
И пялится глазом одним
На землю. Но радует путника это,
Шагать стало легче ему до рассвета —
Он будет в ночи не один.

Вот так же и я, среди бед, круговерти,
Всё думаю вновь не о жизни — о смерти,
О бренности чаши земной.
И только средь ночи могу я, в раздумье,
Болтать о своём стародавнем безумье
Вдвоём с одинокой луной.

Вятка

ОЛЬГА КОЗЛОВЦЕВА

РЯЖЕНКИ

С косичками, с кудряшками,
Румянец на щеках,
Идут девчонки ряжские
На тонких каблучках.
Проходим улыбаются,
Им весело до слёз.
Никак не получается
Ответить на вопрос
Простой, но удивительный,
Волнующий девчат:
“Коль ряжские мы жители,
То как нас величать?”
Москвички и рязаночки
Давно известны всем,
А жительницы ряжские
Запутались совсем.
“Выходит, что мы ряженки!” —
Звенит девичий смех.
Накрашены, наряжены,
На свете лучше всех!

*г. Рязск
Рязанской обл.*

ГЕОРГИЙ ЦАГОЛОВ

КАКОЙ СТРОЙ НАМ НУЖЕН?

Призрак бродит по России – призрак левого поворота. Опросы общественного мнения показывают, что около двух третей граждан в последние годы систематически отвергают сложившийся в нашей стране бюрократическо-олигархический капитализм с его неэффективностью, несправедливостью, вопиющими социальными контрастами и высказываются в пользу социализма. Не случайно февральское ежегодное президентское Послание Владимира Путина Федеральному собранию носило ярко выраженный социальный характер. Несмотря на то, что правящий класс цепко держит идеологическое поле и главные СМИ в своих руках, растущие цены и пустеющий холодильник воздействуют на общественное мнение сильнее официально рисуемых картинок. Хотя украинские и прочие международные темы по-прежнему заполняют центральные каналы телевидения, вытесняя оттуда обсуждение внутренних проблем жизни страны, последние временами всё же так или иначе проскальзывают на голубой экран.

13 марта на НТВ в продолжение передач Андрея Норкина “Место встречи” в позднем прайме открылся новый цикл его общественно-политических ток-шоу под названием “Изменить нельзя”. Тема первого выпуска оказалась весьма интригующей – “Россия завтра: новый капитализм или новый социализм”?

В состоявшемся поединке скрестили шпаги восходящая звезда левого фланга нашего политико-медийного спектра Николай Платошкин и маститый представитель правых сил, экс-министр экономики РФ при Ельцине и Гайдаре Андрей Нечаев. В самом начале передачи и в её конце проводилось голосование зрителей в студии. В анонсе отмечалось, что отобранная аудитория отражает демографическую карту российского общества и является репрезентативной. В обоих случаях большинство присутствующих выступило за новый социализм, причём в завершении ток-шоу число сторонников капитализма снизилось с 27 до 17%, а ратующих за социализм возросло с 58 до 67%. Остальные – 15 и 16% – воздержались.

Прежде чем изложить ход дебатов и высказать комментарии к ним, – кратко об оппонентах.

Николай Николаевич Платошкин – 1965 года рождения. Родители работали в совхозе. Среднюю школу закончил с отличием и в 1982 году поступил в МГИМО, где получил красный диплом. После этого в течение двадцати лет служил в российских дипломатических представительствах в ФРГ и США, овладел несколькими иностранными языками. В нулевых годах защитил кандидатскую и докторскую диссертации на исторические темы.

В настоящее время заведует кафедрой международных отношений Московского гуманитарного университета. Автор многих монографий, учебных пособий и статей. С год назад стал выступать в качестве эксперта в различных

теле- и радиопередачах. В начале текущего года объявил о намерении создать общественно-политическое движение “За новый социализм”. Один из упрекавших Платошкина в том, что он представляет собой очередной “кремлёвский проект”, разуверившись в этом, недавно публично извинился перед ним на интернет-канале “Комсомольская правда”.

Андрей Алексеевич Нечаев, 1953 года рождения, после окончания экономического факультета МГУ и аспирантуры защитил кандидатскую диссертацию, работал в академических институтах. Сблизился с Е. Гайдаром, А. Чубайсом, П. Авендом и другими “младореформаторами”. В 1991 году стал заместителем директора по научной работе Института экономической политики народного хозяйства при Правительстве СССР, руководимого Гайдаром. После назначения Гайдара Б. Ельциным в правительство Нечаев становится первым заместителем министра экономики и финансов РСФСР (с ноября 1991 года), а затем – министром экономики РФ (февраль 1992 – март 1993).

Уйдя с поста, возглавлял госструктуру “Российская финансовая корпорация”, позже преобразованную в банк. В 2013 году, после передачи банка “Ростехнологии”, Нечаев учредил политическую партию “Гражданская инициатива”, выдвинувшую в конце 2017 года Ксению Собчак кандидатом на пост президента России. В конце 1990-х Нечаев защитил докторскую диссертацию по экономике, позже получил звание профессора.

Открывая дискуссию, ведущий попросил экс-министра прокомментировать столь небольшое число сторонников капитализма. “Не связано ли это с тем, что было сделано и как было сделано?” – поинтересовался Норкин.

Отвечавший начал с рассуждений о дефинициях, заявив, что, по его мнению, понятие “капитализм” теперь устарело и нигде в мире не используется, кроме “сугубо теоретических работ политэкономов”. Всюду-де вместо этого говорят о “рыночной экономике”.

Так ли это? Нет, конечно.

Во многих странах термин “капитализм” по-прежнему широко применяется, причём кое-где считается высшим достижением человеческой цивилизации или, как выразился американский социолог японского происхождения Фрэнсис Фукуяма, достойным “завершением истории”. Другие так не считают, но тоже употребляют это выражение. Так, в январе текущего года на Давосском форуме из уст его основателя Клауса Шваба прозвучало: “Финансовый кризис нас ничему не научил. Капитализм в его прежней форме больше не соответствует нашему миру. Давайте искать решения!”

С понятием “социализм”, по Нечаеву, дела обстоят и того хуже. Были, дескать, утопии от романтика Сен-Симона до Маркса, и был реальный социализм либо в исполнении Сталина с его ГУЛагом, отсутствием паспортов для крестьян, их чуть ли не рабским трудом и другими “прелестями”, либо более поздний социализм его наследников от Хрущёва до Горбачёва – помягче, но тоже с жёсткой планово-административной системой, отсутствием рыночных свобод и засильем бюрократии, что обуславливало неэффективность строя и, в конечном счёте, привело к его неизбежному краху.

Отвергнув предложенную “дихотомию”, Нечаев однозначно высказался в пользу рыночной экономики, к которой он вместе с другими реформаторами перевёл якобы стоящий на глиняных ногах социалистический колосс. “Шоковая терапия” сломала хребет плановой экономике, стараясь как можно быстрее достичь “точки невозврата” прежнего строя. Чубайс не скрывал, что они не очень-то задумывались, по каким ценам распродавать государственные предприятия, так как важнее всего было поскорее вбить осиновый кол в могилу коммунизма. Пытаясь обелить проводившиеся реформы, Нечаев утверждает, что на момент прихода либералов в правительство разваливать в стране было нечего, советская экономика находилась в состоянии коллапса, и они вынуждены были прибегать к “радикальным мерам” в соответствии с “требованиями того времени”.

Пороки же реально сложившейся в России “рыночной системы” бывшие младореформаторы объясняют не их действиями, а иными обстоятельствами. В передаче на экран вывели следующие слова Гайдара: “Нам не нравится капитализм, который формируется в России, – вороватый, коррумпированный, социально несправедливый, весь в родимых пятнах от социализма”. Вот, дескать, где собака зарыта. Продолжатель гайдаровского почина Нечаев этим не ограничился и сослался на “путинский период”, когда произошло

резкое усиление роли государства в экономике. Именно это якобы “усиливает социалистические тенденции” и наносит ущерб столь любимой им рыночной экономике.

Выслушав эти тирады, Платошкин, прежде всего, посоветовал своему визави не сваливать вину с больной головы на здоровую. Он напомнил, что за время нахождения Нечаева на посту министра экономики в правительстве Гайдара инфляция поднялась на две с половиной тысячи процентов (!). Это напрочь обесценило сбережения граждан. Шок действительно получился, но терапии не вышло. Плановую экономику наспех уничтожили, а общество сбросили в болото хаоса и криминала. Создалась не рыночная экономика, а карикатура на неё. Стало быть, прозвучавшие оправдания ошибочных и преступных акций не стоят и ломаного гроша. И в том, что в ныне существующей системе нашего капитализма большинство населения перебивается на нищенские зарплаты, а жируют миллиардеры и их союзники во власти, виноваты, в первую очередь, именно те, кто совершил и людоедские реформы в 1990-х.

“Почему число миллиардеров и их капиталы у нас растут быстрыми темпами, а реальные доходы подавляющего большинства населения сокращаются, подобно шагреновой коже? Почему разница в доходах между 10% самых богатых и 10% самых бедных граждан (децильный коэффициент) в нашей стране, по официальным данным, достигает почти 15,7%?” – спрашивал Платошкин. Ведь в Австрии он составляет 5%, а Норвегии – 4%. Да потому, что у нас налоги на богатых составляют 13%, а в Австрии – 35%, в США – 39%.

Николай Николаевич подметил и то, что барды “рыночной экономики” сами предпочитают работать в госструктурах. “Почему же вы, – обратился он к оппоненту, – уйдя с поста министра, не занялись ни шаурмой, ни чистой обуви, а 20 лет рулили государственной РФК? Не потому ли, что там удобно списывать на народ убытки, а приватизировать прибыли? Почему горячо любимый вами Чубайс – апостол рынка – сам никогда не занимался частным бизнесом, а возглавлял государственные корпорации, где проваливал дела одно за другим, но всегда, по его же словам, оставался в шоколаде и получал кучу денег?” Кстати сказать, имеющая богатую собственность в Георгиевском переулке в доме №1, где расположена Госдума, РФК была заподозрена в финансовых махинациях: выводе за рубеж в период с 2007 по 2013 год 28 млрд рублей и в продаже элитной недвижимости по заниженной цене имущества банка РФК близким родственникам его руководителя.

В прежнем социализме, по мнению Платошкина, наряду с недостатками было много хорошего и справедливого. И нам необходимо заменить нынешнее правительство, в котором восседают друзья Нечаева, Чубайса и Гайдара. Надо незамедлительно повернуть политический руль в сторону экономического курса, направленного на защиту интересов народа, а не узкой прослойки миллионеров и их союзников во властных структурах.

В ходе передачи её ведущий с помощью скайпа подключал к дискуссии и других участников. Одна из них – успешная предпринимательница, первый вице-президент агропромышленного комплекса Эвелина Агурбаш. Она представилась сторонницей социал-демократических взглядов и высказалась за смешанную экономику, как в Китае, где сохранилось централизованное планирование, госсобственность охватывает основные сферы хозяйства, но вместе с этим присутствует частная собственность, а стало быть, рынок и капитализм в других сферах. Разумно поддерживаемый баланс придаёт всей экономике не только эффективность, выражающуюся в высоких темпах экономического роста, но и возможность постепенного решения социальных задач. Такую систему она охарактеризовала социалистической рыночной экономикой.

В целом соглашаясь с ней, заметим, что сложившийся в Китае строй правильнее называть интегральным, совмещающим преимущества социализма и капитализма. Именно этот симбиоз, существующий ныне и во Вьетнаме, и в ряде других стран мира, приходит на смену и социализму в его прежнем понимании, и старому капитализму. Впрочем, не будет ошибкой сказать, что интегральный строй представляет собой содержание того, что имеют в виду сторонники “нового социализма”.

В целом же дискуссия могла бы быть куда более содержательной и интересной, если бы её участники следили за литературой по этому вопросу. Два года назад, к примеру, вышла посвящённая ему книга “Новое интегральное

общество”. Её авторы, среди которых немало звёзд социальной мысли первой величины, убедительно показали, что на смену капитализму и социализму приходит новое интегральное общество, комбинирующее лучшие черты предшествующих формаций и сводящее к минимуму их недостатки. В работе указан и ориентир российского будущего, и магистральные тенденции развития человечества*.

Осилят ли левые силы сопротивление бюрократическо-олигархического Левиафана? Внутри них пока нет единства, ведётся конкуренция. Враждебный им лагерь пытается усложнить их задачи, проводя законы Клишаса и им подобные, применяя иные меры. Но не следует забывать слова Виктора Гюго: “Ни одна армия мира не сможет остановить идею, для которой назрел момент”.

* Новое интегральное общество. Общетеоретические аспекты и мировая практика. Под редакцией Г. Н. Цаголова. Авторы: О. Т. Богомолов, Г. Г. Водолазов, С. Ю. Глазьев, С. М. Меньшиков и др.

Потрясены сообщением о смерти Георгия Николаевича Цаголова. Талантливый, динамичный, успешный, Георгий Цаголов был блестящим экономистом и пламенным публицистом. Редакция журнала “Наш современник” гордится тем, что свои основные статьи он опубликовал на наших страницах.

Редакция журнала “Наш современник”

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ

ВИХРИ РУССКОЙ МЕЧТЫ

ЗЕМЛЯ СВЯЩЕННЫХ РОЩ

Марийская мечта – это мечта о целостности и гармонии мира, о целостности, могуществе и красоте нашей многонациональной России, о мире между нашими народами.

У каждого народа есть своя заповедная, своя сокровенная мечта. Она, эта мечта, объединяет нравы, обычаи, культуру, язык, ведёт народ от поколения к поколению, из века в век, а иной раз – от тысячелетия к тысячелетию. Эта мечта живёт среди мечтаний других народов, и иногда может показаться, что эти мечтания соперничают, что среди них возникает распря. Но это лишь на первый взгляд. По мере того как мечта одного народа становится всё возвышенней, всё небесней, она начинает соприкасаться с мечтаниями других народов на том же возвышенном, небесном уровне, и там эти мечтания сближаются, а иногда совпадают.

Русская, российская мечта состоит из мечтаний множества народов, населяющих нашу державу. И эти мечтания, как цветы, которые собираются в великолепный букет. Мудрый, просвещённый правитель собирает эти мечтания, эти божественные цветы, складывая их так, чтобы из них получился букет, а не сухой заскорузлый веник.

Жизнь водила меня по континентам и странам, я искал мечту среди разных народов, пытаюсь найти её воплощение. Теперь я оказался среди марийцев, удивительного народа, который, работая на ультрасовременных заводах, участвуя в российской политической жизни, с дипломами профессоров и с погонами боевых генералов, – этот народ несколько раз в году уходит в священные рощи и там, среди священных деревьев, возносит свои мольбы к солнцу, к воде, к матери-земле, поклоняется травам, цветам, птицам, обожествляя природу, обожествляя мироздание, обожествляя весь космос.

Марийский машиностроительный завод – не просто градообразующее предприятие в центре Йошкар-Олы. Это государствообразующий завод. Из таких заводов состоит государство Российское. Работа этого завода есть вклад марийцев в общероссийское оборонное дело. Завод выпускает могучие самоходные установки, прикрывающие с воздуха сухопутные войска. Ракеты этих комплексов сбивают небесного противника на расстоянии сотен километров.

Директор завода Борис Иванович Ефремов – человек народный, деревенский, весь в непрерывных великих хлопотах по сбережению и развитию

Продолжение. Начало в №1-4 за 2019 год.

предприятия. Отправляет на полигоны партии готовой тяжеловесной продукции, переводит управление грандиозного оборонного производства на цифровой лад, осваивая эту загадочную цифровую реальность. Компьютеры управляют заводом. Компьютеры следят за мировым рынком, где конкурируют боевые системы различных стран. Компьютеры вслед за изделиями завода отправляются в Сирию, и там в боевых условиях отслеживают точность и надёжность систем. Директор – технократ, оборонщик. Вклад завода, вклад Марийской республики в обороноспособность России неоценим.

Марийцы – народ-государственник. Сюда в военные годы с запада перекочевали десятки предприятий. Здесь великий Вавилон в 1943 году ставил свои уникальные физические опыты. Отсюда на фронт уходили солдаты и возвращались с Золотыми Звёздами Героев на груди. И уже сегодня несколько марийцев носят звание Героев России. И так удивительно было слышать от генерального директора Бориса Ивановича Ефремова, когда он увлечённо рассказывал о своих директорских хлопотах, откровенные признания: если дело кажется безнадёжным, он просит высшие силы, просит духов, населяющих небо, просит солнце и радугу помочь заводу. И те, как утверждает директор, помогают.

Тысячеголовое козье стадо в России – редкость. А тут, в Марий-Эл, – огромные белоснежные козы стада, бредущие среди бескрайних изумрудных полей. Пастух, как кудесник, что-то пропоёт, промурлычет, и козы идут за ним послушно и преданно всем своим белым рогатым скопищем. Агрохолдинг, занимающийся разведением коз, продающий козье молоко, творящий из козьего молока простокваши, йогурты, сыры, – явление уникальное и славное по всей России. Руководитель этого процветающего холдинга – Владимир Тарасович Кожанов – объясняет, почему занялся столь редким для России делом – разведением коз. Да потому, говорит он, что козье молоко целебно. Им отпаивают безнадежно больных, оно возвращает старцам молодость, а немощным – силы. Козье молоко идёт на изготовление детского питания, потому что здесь, в этих лугах и полях, на этих козьих фермах, в козье молоко не попадает ни генетических добавок, ни химикатов.

Я дегустировал сыры. Вкус – великолепный и у лёгких, прозрачных сыров, и у сухих, тяжёлых, и у сыров с плесенью, на манер камамберов. Поля, среди которых стоят животноводческие фермы и раскинулись козьи пастбища, окружены рощами. Тёмно-зелёные, они похожи на острова, спустившиеся с неба в зелень полей. Конечно, основные заботы хозяина – в том, как бы успешней сбыть товар в Йошкар-Оле или в Москве, а то и за границей, как увеличить пастбища, как справиться с налогами и самодурством чиновников. Но, несмотря на все очевидные хозяйственные и экономические заботы, мне кажется, что в основании всех этих хлопот, в основании этого удивительного увлечения лежит всё та же марийская особенность: поклонение природе, её чистоте, её целительным силам, её волшебному могуществу, побеждающему хвори и смерть.

И я искал эту марийскую тайну, эту сокровенную марийскую мечту, посещая замечательные театры – украшение Йошкар-Олы. И в недавно возведённом Марийском государственном театре оперы и балета, сияющем ониксом и мраморами, беседуя с министром культуры, художественным руководителем театра Константином Анатольевичем Ивановым, я вдруг почувствовал дыхание этой марийской тайны. Константин Иванов, солист балета, пятнадцать лет танцевал первые партии в Большом театре в Москве. Его усилиями возведён этот восхитительный, похожий на храм театр. И он признался, что, создавая великолепные спектакли, такие, как “Юнона” и “Авось”, “Иисус Христос – суперзвезда”, “Маугли”, он мечтает поставить здесь “Весну священную” Стравинского, ибо эта священная весна, эта священная музыка, эти священные обряды – не где-то в прошлом, а здесь, рядом, в марийских священных рощах, в марийских песнопениях, в живых марийских мифах и сказках, в марийских танцах и в изумительных марийских костюмах: белоснежных, шитых алым шёлком, с бусами и монистами, в которых найдёшь ещё серебряные деньги стародавних царских времён.

Эта марийская культура, не тронутая цивилизацией, устоявшая перед натиском городов и заводов, обитает здесь, рядом, и готова питать, поить из своих деревянных ковшей творчество художников, музыкантов, поэтов.

В художественной галерее, куда меня привёл Константин Анатольевич Иванов, среди добротных реалистических картин я вдруг увидел созданные совсем недавно картины, которые сами художники называют этнофутуризмом. На этих картинах, писанных яркими красками, создаются метафоры, магические символы, среди которых летают священные птицы, растут священные деревья, восходят и заходят солнца и луны, горят домашние очаги, благоухают караваи хлеба, сияют, как красные ягоды, вышивки на домотканых холстах. Это не наивное народное искусство, не стилизации под клеёнчатый коврик. Это работа современных философов, знакомых с мировым искусством и вносящих в это искусство неповторимое мировоззрение марийского народа, выраженное в удивительных символах и орнаментах.

И вот я увидел, наконец, священную марийскую рощу, этот заповедный лес. Сюда на моление из далёких городов и соседних сёл стекаются люди. Оставляют свои машины в стороне, в полях и идут пешком в белоснежных одеждах, подпоясанные алыми кушаками. Женщины – в платках и долгополых юбках. Мужчины – в рубашках, косоворотках. Серьёзные, вдохновенные вступают в рощу, как вступают в храм. И не узнаешь среди этих людей, кто – простой крестьянин, кто – боевой генерал, кто – прокурор, а кто – прославленный художник или писатель. Все равны. Все торжественны, все в белоснежных одеждах. В рощах горят костры, и над ними в огромных кипящих котлах варится жертвенное гусиное мясо. Гусь, утка – священные для марийцев птицы.

Под дивной высокой берёзой, сияющей, как серебро, уходящей своим чудесным стволом в поднебесье, установлен длинный деревянный стол, и на него все приходящие кладут свои дары. Кто караваи, кто пироги, кто блины. Горят тонкие церковные свечи. Жрецы, волхвы (их здесь называют “карты”) в белых войлочных колпаках выслушивают прихожан, вызнают об их просьбах, заботах, об их хворях, о дурных делах и поступках, которые им суждено было совершить. Подхожу и я. Не исповедоваться. Я из другой, православной, веры, у меня свой духовник. Но карт в белом колпаке смотрит на меня своими спокойными, глубокими глазами, и мне кажется, он угадывает мои чаяния.

Начинается молебен. Несколько картов, обратив лица к берёзе, собрав за своей спиной явившееся на молебен многолюдье, читают на марийском языке молитвы, просят мать-природу, просят солнце и небо послать людям благо, мир и здоровье, семьям достаток, благоденствие. Просят избавить людей от злых помыслов, от недугов, соединить их в братское сообщество, живущее среди природы гармоничной возвышенной жизнью, нашедшее свой покой, свой смысл в гармонии со всем мирозданием – с каждым цветком и с каждой звездой, с каждым древесным стволом и с каждой поющей птицей.

Один карт сменяет другого, одно молитвенное песнопение, то глухое, рочущее, то возвышенное, певучее, сменяет другое. И я чувствую, как меняется вокруг меня окрестный мир. И кажется, на это молитвенное песнопение слетелись птицы со всего леса и поют, щебечут – вторят молитвам.

На десятой-двадцатой минуте молебна я вдруг чувствую, как начинает благоухать окружающий меня лес, как пахнет горячей сосновой и еловой хвоей. Как благоухает берёза, словно её распарили, и она превратилась в огромный щедрый веник поднебесной бани, где из людей вытапливаются и уходят прочь все их недуги, все их порчи, все их дурные мысли, и люди светлеют лицами. У некоторых на глазах – счастливые слёзы.

Я спрашивал у верующих, что они чувствовали. И все они на разные лады говорили, что они испытывали счастье. Счастье это было в полноте, в возвышенных чувствах, в любви, которой они соединялись друг с другом, со своими умершими предками, со своими пока не родившимися потомками, со священными лесами, с птичьими голосами. И мне казалось, что здесь, в священной роще, я понял сокровенный смысл марийской мечты. Она, мечта – в гармонии, в соединении распавшегося, расчленённого мира в единый благоухающий лес.

И по сей день в глазах моих движутся эти белоснежные вереницы, похожие на праведников, что изображаются на русских иконах и фресках. До сих пор я вижу священную берёзу и марийских волхвов, славящих мироздание.

С главой республики Александром Александровичем Евстифеевым мы говорили о марийской мечте. И он, опытный политик, хозяйственник, укрощавший в своё время безумные суверенитеты, готовые расслоить и распылить в прах молодое государство Российское, он, как и все главы регионов, мучительно переживающий экономический спад, хозяйственные неудачи и неурядицы, он полагает, что вклад этой небольшой приволжской республики с немногочисленным древним народом в общерусское дело, в общерусскую вековечную мечту, этот вклад – неповторимое марийское мировоззрение, это драгоценное состояние души, которое в эпоху агрессивной цифросферы, в эпоху рационализма и жестокосердия привносит в человеческую жизнь божественную, разлитую в природе благодать. И его мысль – посадить в Москве священную рощу. Ведь есть же в Москве множество православных храмов, есть и кирхи, и костёлы, и баптистские молельные дома, и мечети, и синагоги. Так почему бы этой уникальной, восхитительной марийской религии, являющейся религией официально признанной, не утесняемой, не иметь в Москве свой лесной молитвенный храм?

Марийская интеллигенция, как и всякая другая, со своими внутренними раздорами, присущим интеллигенции недовольством, эта интеллигенция, перед которой я явился со своими духовными поисками, была едина в одном: все они – хранители марийского языка, марийской неповторимости, марийского духовного чуда; оберегают это чудо – кто в книжном деле и писательстве, кто в живописной мастерской или на театральной сцене. И в общении с ними я понял и утвердился в том, что марийская мечта в своих высочайших проявлениях сливается с русской мечтой, с ненецкой мечтой, с татарской мечтой. Это мечта о целостности и гармонии мира, о целостности, могуществе и красоте нашей многонациональной России, о мире между нашими народами. О мире в городах и семьях. И эта марийская мечта не уносится марийцами в свои священные рощи, а стремится в мир, в многолюдье, в нашу грохочущую реальность, желая сделать её лучше, добрее, возвышенней.

Пишу это, а сам слышу, как поют в священной роще птицы, вижу, как солнце сверкает в листве священной берёзы, как горит свеча в руках у молящегося волхва.

МЕЧТА — ЭТО СИМВОЛ ВЕРЫ

Беседуют главный редактор газеты “Завтра” Александр ПРОХАНОВ и художественный руководитель Марийского государственного театра оперы и балета имени Эрика Сапаева, министр культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл Константин ИВАНОВ

Александр ПРОХАНОВ: Константин Анатольевич, я сейчас путешествую по России, по разным её землям, бываю в гостях у разных народов в поисках нашей общей российской мечты. Мечтал побывать и в вашем регионе, чтобы понять, выведать, что есть марийская мечта. И вот я здесь.

Константин ИВАНОВ: Приятно, Александр Андреевич, что вы мечтали увидеть нашу республику, Марий Эл. Для меня мечта – это всё-таки какая-то цель. А вы – романтик.

– Да, ближе всего к мечте – цель. Но цель отличается от мечты. Отличается тем, что цель достижима, а мечта недостижима. Мечта прекрасна именно тем, что – она вечная путеводная звезда. И поиск мечты – это больше, чем романтизм. Это религиозность. Человек хочет понять смысл существования своего народа, людей в целом и себя самого как часть всего этого. И не дай Бог заменить мечту целью. Потому что, если эта цель будет достигнута, может возникнуть страшная растерянность. Или же эта цель потерпит крах. Мечта же не терпит краха никогда. Ты можешь сидеть в кандалах в тюрьме – и всё равно мечтать. Или народ может попасть под оккупацию, а всё равно мечтает.

Задача сформулировать мечту очень сложна. Но она необходима. И все крупные культурные народы должны её сложить, должны её высказать. Потому что это – символ веры.

Я, конечно, буду сам фантазировать и искать ответы на эти сакральные вопросы, но хочу посмотреть на волнующие меня проблемы вашими глазами.

Ведь мечта Марий Эл – это мечта не только марийцев, но это мечта русских, это мечта татар, башкир, которые здесь живут. Все эти народы имеют свою мечту, но они эту мечту вливают в единую реку. И это вообще почти не определимо – что такое марийская мечта. Как её определить, не учитывая мечтания ненцев, татар, русских, башкир? А вы, Константин Анатольевич, как бы определили мечту всей земли Марий Эл и мечту марийского народа в частности?

– За весь марийский народ говорить невозможно, к тому же, у каждого человека мечта своя. Но, общаясь с людьми, с моими родственниками, прежде всего, с друзьями – марийцами, татарами, чувашами, русскими, всеми людьми, которые живут на нашей земле, – думаю, могу сказать, что наша земля своей духовностью, своим светом ведёт нас к гармонии. Мечта марийского народа – в гармонии: с собой, с природой. Поэтому у нас настолько сильна любовь к природе, и отношение к ней проникновенное. Мы обожаем свои леса, озёра, реки, своё небо и любим свои поля. Потому мы, марийцы, много путешествуем по родному краю. И в своих поездках по республике, в священной роще, которую вы посетите, вы сами убедитесь, сколько людей, живущих в разных частях Марий Эл, соединяется в тех или иных значимых для всех нас местах. У нас есть общереспубликанский праздник “Пеледыш пайрем”. Сначала “Пеледыш пайрем” прошёл по всем районам республики. И когда в Йошкар-Олу на общий праздник приехали все, так скажем, мечтатели, это потрясло: единение народа вокруг цели обретения гармонии попросту в воздухе витало.

– **Сама по себе природа есть символ гармонии. И выпадение из природы очень часто рождает ужасную дисгармонию, губит и тех, кто выпал из природы, и саму природу. Конечно, слава Богу, что к нам, хотя и мучительно, но возвращается то, что мы называем “экологическое сознание”. И обычно это сознание связано с рекультивацией. “Вот давайте будем беречь березняк, реку, давайте природу восстанавливать. Давайте, строя дорогу, думать, что мы строим её среди трав, среди ежей, среди муравейников”. Но сказать, что марийцы – это экологический народ, сказать мало, я думаю.**

– Мало или ничего не сказать.

– **Мне кажется, что марийцы, как вы сейчас правильно определили, находятся в состоянии обожания – то, что называется благоговением перед жизнью. Мы, русские, в частности, утратили это состояние во время наших работ, перемещений, революций. А марийцы привносят в нашу общероссийскую жизнь это божественное качество. В этом, на мой взгляд, огромная задача марийцев.**

– Наверное, это задача, прежде всего, сохранения этого чувства, этого отношения. И важно, что мы такую задачу ставим перед собой. А насколько она будет востребована в дальнейшем для всех, покажет время.

– **Вы правы, нет такой определённой задачи, но, может, она появится – задача привнесения в нашу общую жизнь гармонии. Кому её нести, как не тем, кто этой гармонии достигает?**

– Сложно говорить за весь народ, потому что это зависит от каждого человека. Но относительно обожания нашим народом природы вы абсолютно правы.

Я родился здесь, в 9 лет уехал учиться в Московскую академию хореографии. Работал в Большом театре, потом вернулся из каменной Москвы, из этой полувоензированной жизни, темпа совершенно безумного, движения. Куда и зачем? Понятно, куда, а вот зачем – всякий раз задавал себе этот вопрос.

И когда возвращаешься на свою землю, понимаешь, что в этой гармонии всё по-другому. И на жизнь смотришь по-другому. Темп жизненный здесь другой. Расстояния, перемещения другие. И это всё влияет на взаимоотношения между людьми. Ведь в каком темпе ты живёшь, так ты начинаешь общаться с людьми. Здесь – более размеренно, несуетливо. И взаимопонимание между людьми лучше, чище. Хотя всякое бывает. Всё-таки люди – это характеры, прежде всего, и у каждого он свой.

– **Вы связаны с культурой всей своей судьбой. Вы – министр культуры, солист Большого театра. В каких постановках вы участвовали?**

– У меня было 14 лет счастливой жизни в Большом театре. Я перетанцевал практически все классические постановки репертуара Большого театра.

– **А прекратилась она, потому что век танцовщика...**

– Нет. Прекратилась, потому что я параллельно с работой в Большом театре начал работать здесь. В то время Владимир Васильев был художественным руководителем и генеральным директором Большого театра, и он мне позволил совмещать работу и в Большом, и здесь. И 20 лет назад я создал в Марий Эл балетную школу, балетное училище. Но далее руководство Большого театра сменилось, и мне пришлось выбирать: либо работать в Большом, либо в Марий Эл. Выбор для меня был очевиден, потому что в тот год Большой театр закрыли на реконструкцию, коллектив переехал в соседнее здание, и я понял, что для меня именно здесь, в Марий Эл, открывается большая перспектива созидания.

Зданию Марийского государственного театра оперы и балета всего 4 года. Мы его строили. И было волнующее ощущение, что ты возводишь что-то новое и великое. Для нас это не просто здание, не просто дом. Для нас это храм, где мы можем создавать те спектакли, которые хотим, которые желает видеть зритель. Это самое главное. Из Москвы меня увело желание созидать. Я понимал, что нужно, полезно быть у себя на родине.

– **Этот храм, как вы сказали, – это миссия жизненная, это духовный подвиг, который вам открылся. Может быть, это в какой-то части, в каком-то смысле есть воплощение тех мечтаний, о которых мы с вами говорили?**

– Конечно.

– **Вы правы, что само по себе такое явление, как театр, очень загадочно и таинственно. Это же не просто зрелищное учреждение. Там огромное количество тончайших энергий. В театре эти энергии собираются и потом транслируются в общество, в народ, в судьбы.**

– И у театра, к тому же, очень большая ответственность. Зрители в Марий Эл знают чистоту спектаклей, которые мы делаем. Мы не допускаем пошлостей, ничего, что бы отторгло публику. Всё-таки театр должен нести эстетику. Потому что грубости, хамства, пошлости, увы и ах, хватает и в жизни.

И каждый зритель, пришедший на спектакль, должен в какой-то степени стать чище, что-то для себя унести, обогатиться чем-то. Поэтому мы никогда не берём постановки спектаклей, где есть насилие, грубость, пошлость.

– **Что сейчас идёт на вашей сцене?**

– Оперное искусство для нас очень важно. У нас идут практически все оперы Римского-Корсакова, Мусоргский идёт, Чайковский. Мы приверженцы русской классики.

Ставим и спектакли итальянских композиторов, Верди хорошо представлен.

Если говорить о балетах, то весь спектр классических спектаклей, весь Чайковский.

В нашем репертуаре есть уникальные спектакли, которые идут только у нас. Балет “Мастер и Маргарита” в постановке хореографа из Эстонии Май-Эстер Мурдмаа. Блестящий спектакль. Булгакова редко кто ставит. Этот спектакль когда-то шёл в Эстонии, сейчас идёт только у нас, в Марий Эл.

У нас единственных идёт триптих Карла Орфа “Триумф”: “Carmina Burana”, “Песни Катулла” и “Триумф Афродиты”. Тоже в постановке Май-Эстер Мурдмаа. С успехом прошла премьера рок-оперы “Иисус Христос – суперзвезда” Уэббера. Это крайне тяжёлый спектакль в постановке. Мы к этой постановке абсолютно по-другому подошли, нежели в других странах. И пока подтвердил правильность нашего подхода.

Было непросто, возникали конфликтные истории, когда церковь говорила: нельзя! Я приглашал на репетиции и спектакль служителей церкви, чтобы понять их ощущение от спектакля. В итоге мы провели большую работу и доказали, что нашли правильный подход. У нас очень светлый финал, он зритель заставляет сопереживать и плакать.

– **Но чтобы ставить такие сложные спектакли, необходима школа. Нет ничего страшнее, когда великое произведение исполняется неумело, косно. Вы построили этот храм, значит, вы строили и весь клир этого храма.**

– Мы сначала стали строить основу, фундамент. А фундамент – это школа. В 1999 году мы создали профессиональную балетную школу. Сегодня в провинциальных театрах в труппах практически 80%, а во многих вообще 100% – приглашённые артисты. Наш театр единственный, где 98% балетной труппы – это местные кадры: родились в Марий Эл, здесь закончили школу, затем закончили ГИТИС по специальной республиканской программе. (Есть программа, по которой после окончания нашей 8-летней балетной школы наши студенты заканчивают ГИТИС. То есть мы повышаем их уровень, кругозор, мы воспитываем совершенно других артистов, нежели просто провинциальных танцовщиков.)

Помимо музыкальных школ, у нас есть замечательное музыкальное училище, но, к сожалению, нет консерватории. Есть уникальная, единственная в России школа-интернат с замечательными условиями для одарённых детей. Построен настоящий замок, дворец, где мы воспитываем детей. Собираем по всей республике лучших из лучших, самых перспективных, одарённых художественно, музыкально. Дети заканчивают школу, затем училище, затем консерваторию. И сейчас мы ведём политику, чтобы максимальное количество ребят, которые уехали из Марий Эл, вернулись и продолжали работать в театре. У нас, к счастью, это начинает получаться. В том числе потому, что есть прекрасное здание театра.

– **Был золотой век русской оперы, композиторы, объединившиеся в “Могучей кучке”. Они писали, ставили оперы, которые теперь считаются эталонными, классическими. Но ведь в основе этих опер во многом лежал фольклор: саги, мифы, исторические притчи, русские притчи. То есть в основе этих опер лежит народная жизнь. Эта народная жизнь была вынесена на петербургскую и московскую сцены и превращена в классику – высокородную, высоколобую, аристократическую. Вы живёте в Марий Эл, где всё дышит фольклором, фольклор здесь продолжает жить. Так где, как не здесь, ставить “Весну священную”?**

– Это моя мечта!

– **А почему не создать оперу или, может быть, какой-нибудь новый жанр, где присутствовала бы энергия фольклорной марийской красоты и верований? Почему теперь, когда всё это так остро, больно и высоко, не найдётся композитор, хореограф, который создал бы это?**

– Я уверен, что так будет. Уверен, потому что вижу молодых композиторов. Вижу поиски талантливейшего композитора, дирижёра нашего театра Григория Архипова. Даже порой слышу, как он на рояле музыку подбирает – ищет. И чувствуется, что он на правильном пути. Мы сейчас “Весну священную” упомянули. Материалы композиторы приносят, и я слышу там цитаты Стравинского. Но хочется, чтобы нашли своё, настоящее. И найдут, уверен, найдут.

– **Я замечал, что, если в чистом виде фольклор переносить на сцену, он может показаться слишком архаичным, может вдохновить ограниченное число людей. А фольклор, связанный с модерном, с современными представлениями о музыке, красоте, ритме, достигает потрясающего результата. По существу, и “Весна священная” – это же соединение “Мира искусства” Серебряного века с мистерией языческих тайн.**

– Да. Потрясающий спектакль. Я видел много постановок. Наталия Касаткина и Владимир Васильев в Театре классического балета в Москве делали постановку, по-моему, в начале 80-х годов, и для меня она практически эталонная.

В качестве хореографа я не готов к такой постановке прикоснуться, потому что до мозга костей – классик, а здесь совершенно другой подход нужен.

Абсолютно правильно вы сказали – фольклор. Но фольклор, если мы говорим о балете, должен быть положен на профессиональную музыкальную основу, с цитатами определёнными. Обещаю – этот спектакль появится.

– **Зовите на премьеру.**

– Обязательно. Мы к нему идём, мы его чувствуем. У нас витает дух, что спектакль должен состояться, потому что труппа прошла практически все стадии. Мы перетанцевали и всю классику, и модерн, и джаз. То есть тела артистов готовы к тому, чтобы качественно станцевать спектакль на нерве, на разрыве между фольклором, современной хореографией, пластикой и язычеством. Труппа готова.

– **Вы смотрели фильмы Параджанова?**

– Конечно.

– **Там, мне кажется, пример соединения мистической реликтовой культуры с современным кинематографом, с ритмами, с модерном, с техносферой, которая пришла в искусство. “Цвет граната”, “Тени забытых предков”. Я думаю, что здесь, у вас, есть эта клумба восхитительных цветов. Кому, как не вам, собрать букет с этой клумбы.**

– Уже сейчас активно идёт программа реализации проектов к 100-летию Марий Эл. И одна из программ, рассчитанная на 2018–2020 годы – это создание фильма. И мы хотим создать не просто кино ради кино, а чтобы это был глубокий документально-художественный или художественно-документальный фильм о марийской земле, о марийском народе. Исторически правдивый и при этом художественно наполненный. Наполненный тем, о чём мы с вами говорили: мощными, красивыми вставками художественными – языческими, из жизни народа, из глубины веков.

– **Это задача очень сложная. Одна фальшивая нота губит всю ораторию.**

– Мы задачу для себя поставили архисложную. Но я думаю, что решим её. Не хочется, чтобы или не получилось, или получилось неправильно.

– **Это восхитительная задача. Я считаю, что великое искусство во многом мифологично. И современное искусство – это тоже искусство, создающее мифы. Даже если это искусство связано с урбанистикой, с современной политикой, цивилизацией. Потому что в недрах мифа искусство чувствует себя свободнее. Оно ведь и имеет своим происхождением миф. И возвращение к мифу как к художественному приёму позволило бы очень многое вместить в него. И архаику, и модерн, и привнести что-то абсолютно своё, откровение художественное. Интересно, что вы близки к этому.**

Что на вас как министре лежит, кроме изнурительной заботы о библиотеках, финансировании, о музыкальных школах? В чём концепция вашей культуры?

– Спектр огромный: от СМИ, межнациональных отношений и культуры до архивов. Что касается архивов, то они живут очень правильно, по-научному, система там налажена. Если говорить о культуре, её надо разделять. Есть профессиональное искусство, и есть народное творчество. Народное творчество у нас, слава Богу, очень активно, чётко выстроено, и есть люди, которые не просто работают, а живут фольклором, живут в национальной культуре. Причём Марий Эл – многонациональная республика, и сказать о том, что здесь все народы живут дружно, – это ничего не сказать. Это не высокопарные слова, это действительность. Много смешанных браков.

Что касается профессионального искусства, может, поэтому глава республики меня и назначил министром культуры, что увидел достижения Театра оперы и балета. Я руковожу театром 17 лет. Возглавил театр, когда мне было 27, был самым молодым, наверное, художественным руководителем музыкального театра в мире в тот момент.

В музейном деле совершенно другие проблемы и вопросы, их много. Мы сегодня открываем новые музейные площадки. Но при этом не должны забывать, что у нас есть Национальный музей. И слава Богу, что к 100-летию Марий Эл мы вновь получаем средства федерального бюджета, которые в сочетании с республиканскими ресурсами позволяют сделать его капитальную реконструкцию.

– **У вас нет пока культурной доктрины?**

– Доктрина сложилась. Но для меня самое главное и самое важное – не навредить. Очень многое выстроено грамотно, чётко. И опять же на первое место я для себя ставлю образование. У нас есть сегодня профессионалы, но их не много, скажем мягко. А образование – это будущее поколение. Мы думаем о завтрашнем дне, потому и затеяли привозить детей из нашей провинции в специализированную школу-интернат, чтобы у нас было будущее. Ищем таланты повсюду! В фольклорных ансамблях, в профессиональном искусстве. Если мы будем вести нашу образовательную историю, то всё будет хорошо.

– **Но ведь у этого направления, будь оно у вас или у ненцев, или у русских, есть мощные персонифицированные враги. Грубо говоря, в сознание и молодёжную субкультуру врывается рэп. Он ворвался и громит всё,**

что вокруг него: всю музыкальную, поэтическую культуру, всю этику, пластику. Он до вас добрался? Врывается в ваш хрупкий мир?

– Он очень сложно врывается. Приезжают группы данного направления, но развития своей такой культуры у нас нет. Может быть, интереса нет. Есть любопытство. Приезжают коллективы, собираются полные залы. Коллективы уехали, залы разошлись. И последствий бурного развития рэпа я, например, не вижу. Хотя в молодёжной среде, безусловно, это есть, но массово этого не ощущаешь.

– **В центре Йошкар-Олы есть площадь с возведёнными на ней знаковыми зданиями – мировыми достопримечательностями. Это уменьшенная копия Спасской башни, Биг-Бен, Ласточкино гнездо, Домик Петра, готика, ратуша... И это порой вызывает улыбку. Но я думаю, что над этим не надо иронизировать, это нужно воспринимать очень глубоко и серьёзно. Марийцы – угро-финны, а угро-финнами населена планета. И марийцы, в отличие от других угро-финнов, сохранили свой орнамент, традицию, у них есть своя тайна, свои верования. Поэтому марийцы находятся в центре угро-финской цивилизации. И возведение этих зданий в центре своей столицы – может быть, это стремление марийцев вернуть себя в доминанту мировых культур.**

– Интересный взгляд. Внутри здания – копии Спасской башни – мы открыли музей. И получилось очень оригинальное музейное пространство. У нас город памятников, фонтанов, музеев.

– **А ваш Театр оперы и балета стал культурным центром?**

– Да. Причём сразу, как только мы его открыли. Так и не закрываем: у нас, по сути, не заканчивается театральный сезон. Зрители любят театр. Продажа билетов составляет в среднем 95%. А 5% как пригласительные уходит. Свободных мест на спектаклях практически нет.

– **Значит, театральное дело в России не исчезает, оно находится на подъёме? Как вам кажется?**

– В разных городах по-разному. Я езжу очень много, посещаю города, республики, регионы, по провинции езжу. Иногда мне, к сожалению, приходится говорить коллегам: “Извините, это у вас не балет”. Если девочка встала на пальцы, и мальчик её чуть приподнял – это ещё не балет. Балет – это самый сложный вид искусства, это наука, по сути, владеть собственным телом, использовать своё тело, как художник – краски.

Так что везде по-разному дела обстоят.

– **Меняется мышление, меняется система образов, и способен ли театр уняться за изменениями, или он всё-таки уступает место другим формам?**

– Мне кажется, наоборот, у нас театр набирает популярность. Я часто на эту тему задумываюсь, с коллегами разговариваю. Сейчас век интернета, телевидения, любое шоу можно посмотреть, любой спектакль великого театра, разные формы, постановки, можешь посмотреть воплощение того или иного произведения. Но наша задача – найти свой язык общения со зрителями. Повторюсь: мы никогда не будем показывать пошлость, насилие. Никогда в нашем театре не покажем грубость. Даже если в произведении что-то такое есть, мы уберём, оставим за кулисами. Пусть человек прочтёт либретто, но на сцене этого не будет. Мы такой язык избрали. Кто-то избирает язык точного воплощения произведения, как говорится. Вот оно так, да мы тебе ещё покажем вот эдак, как в “Бандитском Петербурге”, чтоб было горячо...

– **Русский театр всегда был отчасти театром прямого действия. Всегда был двигателем политических представлений, идеологии. Чеховский театр или Станиславского и Немировича-Данченко – это в каком-то смысле прелюдия нового общества, нового представления будущего России. “Вишнёвый сад” – это же, по существу, пророчество. Поэтому спектакль и был так востребован, что люди видели вымирание этого вишнёвого сада, его вырубание, предчувствие конца. Или театр Горького. Это же грандиозный социальный авангард. Или театр Маяковского – это просто мощнейшая коммунистическая проповедь, ирония, скептицизм. Молодая Волчек, театр “Современник”. Он тоже был театром прогрессивным, тоже толкал развитие общества. Был бравирующим театром. Не говоря уже о Таганке. Таганка всегда была фрондой. Туда ходило всё наше диссидентство, ходили все протестанты в той или иной степени...**

Согласитесь, что и захаровский спектакль “Юнона” и “Авось”, хотя казалось, это история давно минувших дней, содержал элемент протеста социального. Хотя бы потому, что там стихи Вознесенского. Вознесенский – протестант, его присутствие на сцене воспринималось тоже как форма протеста.

Хотя он не был явно протестующим. И кстати, это был русский спектакль. В ту пору не очень-то говорили о России. Советский Союз был страной интернациональной, страной социалистической. И вдруг возникла работа, ностальгическая по существу, по царским временам, по истории той, царской России.

А теперь театр – это просто эстетика?

– Театр сегодня тоже можно рассматривать через призму того, что происходит в обществе. И возьмём спектакль “Юнона” и “Авось”, который два года назад в нашем театре поставила Надежда Репьёва. Тогда как раз против России начались санкции, проблемы с Украиной продолжались, в обществе накопилось непонимание, были вопросы какие-то, возникающие здесь, потому что регион региону рознь. У нас, например, более обострены чувства.

И наш спектакль “Юнона” и “Авось” просто пропитан патриотизмом... Там, безусловно, тема любви, но очень сильна и тема служения Отечеству, отчизне. И слова “уповаю на Бога и Россию” особенно подчёркиваются, воспринимаются обострённо. Так что и сейчас театр – это не просто эстетика.

(Продолжение следует)

АЛЕКСАНДР РУДЕНКО

ОТЕЦ

МЕМУАРНЫЙ ОЧЕРК

Отец умирал. Поверить в это было ему трудно, осознавать не хотелось и — тем не менее...

Перед Новым годом, собираясь к жене и сыну в Болгарию, я зашёл к нему. Отец лежал на диване, вставать ему уже было нелегко, однако настроение у него “по таким пустякам” не сильно портилось.

— Эх, если бы мне было сейчас хотя бы шестьдесят... — пошутил он и подмигнул мне.

Сунул руку под тельняшку на груди (ему нравились тельняшки), вынул крестик:

— Видишь, это мне священник повесил — твоя сестра сегодня приводила... Хороший мальчик, мы с ним душевно поговорили. Теперь осталось партийный билет себе на хрен приспособить, и у меня будет полный комплект...

Потом сестра рассказала: тот священник (бывший десантник) проговорил с отцом больше трёх часов, деньги взять отказался и заявил, будто это он должен быть благодарным за то, что судьба свела его с таким человеком.

— Может, мне сейчас не уезжать? — спросил я.

— Поезжай, поезжай, — ответил отец, — тебя ждут. А я пока умирать не собираюсь. Вернёшься — ещё увидимся.

Но увидеться уже не пришлось. Через несколько дней я вылетел обратно в Москву — на похороны. Ушёл он 2 января — как бы специально пережив первое число, чтоб старший сын Владимир не связывал день своего рождения, 1 января, с днём его смерти.

А тогда...

— Знаешь, Катя, — сказал он моей сестре, — наверное, всё-таки я умираю. Сказал спокойно, без горечи.

“Смерти не боюсь, — слышал я от него раньше, — боюсь старости”.

Было ему семьдесят шесть лет. За два года до этого с ним приключился инсульт. Сестре (она врач по профессии) удалось сразу же отвезти отца в больницу, где очень быстро сделали операцию. И уже через три месяца на даче он “ласточкой” прыгал в речку с берегового бугра.

* * *

Мать умерла на пять лет раньше. На поминках отец налил себе полный стакан водки:

— Как я встретил её — так и провожу...

Выпил. Тут же налил снова, столько же.

Не закусывая, выпил... И ушёл спать.

Встретил он мать в Днепропетровске, в ресторане — пришла она туда (это уже по её рассказу) со своими однокурсниками по медицинскому институту. И сразу приглянулась ему — молодому лейтенанту, недавно окончившему лётное училище. Он попытался познакомиться, но девушка не обращала на него внимания, целиком поглощённая выступлением какого-то местного поэта. Было это в 1936 году.

С тех пор поэтов отец не жаловал. И когда окончательно уяснил для себя, что я собираюсь стать поэтом, отмечал иронично:

— Поэзия? “Моя корова захотела понюхать свежих лепестков”...

Тогда, в ресторане, чтоб не остаться незамеченным, он налил себе стакан водки, встал из-за своего стола и выпил за здоровье моей будущей матери. А через несколько минут для усиления эффекта повторил.

* * *

Однополчанин отца, в годы войны ещё совсем юный моторист Алексей Крайнюков, ставший затем известным художником, оставил его изображение на двух картинах, написанных по фотографиям и по памяти. Оригинал одной из них, “Командир эскадрильи Руденко”, где отец (там ему нет и тридцати) в лётном шлеме и в зимнем комбинезоне, перетянутом парашютными ремнями, стоит возле пропеллера своего самолёта, находится где-то в частной коллекции. В семье остались только фотоснимки картины.

Другая — большой портрет отца в военном кителе со всеми орденами, подарок художника, — висит на стене у моей сестры. Портрет очень строгий, взгляд отца — прямой и жёсткий, бескомпромиссный. Таким ли был этот человек — сталинский сокол, как его называли?

Иногда пересматриваю хороший документальный фильм, который легко найти в интернете, — “Последний парад Василия Сталина”.

Это уже где-то в 1952 году. Скорее всего, в Кубинке (там находился штаб Военно-воздушных сил Московского военного округа) или где-то рядом. Хотя, может быть, и ошибаюсь: в этом очерке я решил рассчитывать только на свою память и ни в интернете, ни в семейном архиве ничего не уточнять. Вот — на трибуне — офицеры, смотрят в небо на пролетающие самолёты. Василий Иосифович Сталин, командующий ВВС МВО. Рядом с ним — начальник политотдела (или исполняющий обязанности) — Анатолий Владимирович Руденко — в белой парадной форме, всё ещё с полковничьими погонами; как раз тогда ему должны были присвоить генеральское звание. Он улыбается — красивый и мужественный. Ему тридцать восемь лет. А меня ещё и в замысле не было...

После войны отец прослужил три года в Германии в составе оккупационных войск, в Бранденбурге и познакомился с прилетевшим туда по каким-то армейским делам Василием. Оба они были, как теперь говорят, харизматическими личностями. Посидели вместе, выпили, поговорили, понравились друг другу, и Василий пригласил боевого комиссара полковника Руденко на службу к себе в Московский военный округ.

Мать моя относилась к Василию настороженно, не любила его за то, что, по её словам, он втягивал отца в офицерские попойки. Двух лётчиков связывали не только служебные отношения, они дружили. И выпить отец мог при случае много, однако голову никогда не терял. Это мать признавала.

— Василий был и пьяница, — говорила она, — и бабник... И куда шли жаловаться обиженные им, то есть обманутые в своих ожиданиях женщины? В партийную организацию. Требовали, чтоб на Василия повлияли. А что отец мог сыну Вождя по этому поводу сказать?!

Видя, как морщится мать, я воздержался от по-юношески хамского вопроса: “А на папу и жаловаться бабам, наверное, было бы некому?..”

Хамства мне, семнадцати-восемнадцатилетнему, хватало... Но в интересах истины отмечу: отец, скорее всего, в воспитательных целях, не раз поучал меня, заявляя, что он однолюб, что все у нас в роду были такими, соответственно, и я должен быть таким...

“Как же так? — пытался я возражать ему. — Ведь твой отец, мой дед, женился дважды. А прадед или прапрадед — тот, что был мелкопоместным дворянчиком в Хохляндии, — по твоим же словам, прогулял и проиграл в карты своё имение, а потом выкрал цыганку из табора...”

“Дед твой женился во второй раз, когда овдовел, — одёрнул меня отец. — Что касается прапрадеда, то, во-первых, не в Хохляндии, а на Украине. А цыганка, ну, что ж, — это жизнь... Он же не просто поразвлечься её выкрал — она ему детей родила. Так что и в тебе есть цыганская кровь”.

Когда я расспрашивал его о Василии Сталине, отец отвечал коротко:

- Смелый был лётчик.
- А как человек? — не унимался я.
- Человек “заводной”, увлекающийся.
- Правда, что бабник?
- Ну... бывали случаи...
- Например?

— Что ты всякой ерундой интересуешься? Например, например... Сам я свидетелем не был. На фронте с ним не служил. Рассказывали... Отдан, например, приказ о наступлении, а Васю два дня найти не могут — на хуторе у какой-то молодухи завис...

В сентябре 1939 года отец участвовал в так называемом Польском походе Красной армии, затем в том же году — в зимней войне с Финляндией. Вернулся оттуда с обморожениями (морозы стояли ниже тридцати градусов). Тему этих двух войн он не желал комментировать.

Служить вернулся в прирезанный у поляков Львов. Там они и обретались с матерью до самого начала Великой Отечественной.

За первый день войны отца наградили орденом Боевого Красного Знамени (в дальнейшем он станет полным кавалером этого ордена).

О том первом дне — 22 июня, когда германские войска перешли границу, — стоит рассказать.

Офицеры ночевали в ближнем к своему аэродрому селе. В ту ночь несколько лётчиков, в том числе и отец, до утра засиделись за игрой в карты. И уже на рассвете, услышав взрывы, поначалу решили, что идут какие-то военные учения, о которых им не сообщили. А это немцы бомбили аэродром...

Ещё не понимая до конца, что происходит, лётчики на машинах рванулись к аэродрому. Многие самолёты горели на земле, а немецкая атака продолжалась.

Четыре “истребителя” удалось поднять в воздух, и они тут же вступили в бой. Вёл их отец... Тогда, в том первом бою он сбил два вражеских самолёта. За это и получил орден.

Фронтные газеты не раз писали о нём. Помню названия статей: “Командир эскадрильи Руденко”, “Подвиг майора Руденко”, “Летающий комиссар”...

Да, отец был одновременно и лётчик, и политработник — “летающий комиссар”, а таких насчитывалось немного.

Чтоб стать комиссаром, специального образования не требовалось, достаточно было членства в партии и умения руководить людьми. Это уже после войны отец заочно окончил Военно-политическую академию им. В. И. Ленина.

* * *

Помню, как ещё совсем маленьким мальчиком я очень гордился, когда отец в военной форме с орденскими планками выходил со мной из дома. Казалось, что все мальчишки вокруг мне завидуют. Такую же гордость испытывал, рассматривая и перебирая его ордена. Особенно мне нравился орден Александра Невского, больше, чем Орден В. И. Ленина...

И, недоумевая, как такое возможно, глазел на лежавшие в коробке с орденами серебряные часы, чуть оплавившиеся на руке отца в горящем самолёте.

- Почему же ты с парашютом тогда не выпрыгнул? — спросил я позже.
- Прыгнул, но не сразу — ранен был, — ответил он.
- А страшно с парашютом прыгать?

— В такие минуты о страхе не думаешь. Просто вылезает из кабины на крыло и — вниз...

Летал отец на истребителях. Сначала на так называемых “ишаках” (И-16, “истребитель шестнадцатый”), потом на “Мигах”. Прыгал с парашютом из подбитых самолётов три раза. И однажды, спасая повреждённую в бою машину, сумел посадить её в поле на нашей территории.

На его счету – около четырёхсот боевых вылетов и четырнадцать сбитых немецких самолётов. Четыре “мессершмитта” он сбил в любовых атаках.

– Папа, это же сумасшедшее самоубийство – идти друг на друга лоб в лоб! А если никто не отвернёт в сторону? Оба самолёта расшибутся!

– Случалось во время войны. Очень редко. Но обычно немцы не выдерживали. На подлёте уходили вверх. Тут главное успеть брюхо ему очередью вспороть. Или хвост поджечь, если вниз уходит...

– А ты немцев убивал? Так, чтоб из пистолета, чтоб в глаза смотреть, или гранатой? – спрашивал я, по-детски замирая.

Отец хмурился:

– Я сбивал самолёты. Тут обычно гибель врага не видишь. А то, о чём ты спрашиваешь, – нет, не было.

Его самого, прыгнувшего с парашютом, немецкий лётчик пытался расстрелять из пулемёта в воздухе. Одна пуля задела ногу, другая чиркнула по большому пальцу правой руки. Тогда отец перетянул стропы парашюта, чтоб ускорить падение, и спасся.

* * *

Когда немцы стремительно продвигались к Львову, отец передал для матери записку, чтоб срочно эвакуировалась.

Офицерским жёнам дали несколько часов подготовиться к отъезду. Все начали быстро упаковывать вещи. А мать собрала какой-то узелок, схватила в охапку моего старшего брата Володю (родился он перед войной – в сороковом году), села в военную попутку и поехала на аэродром – успеть увидеть отца. Как она рассказывала потом, добираясь к своим родителям на Урал в Сарапул, в дороге за три дня съела только головку лука.

В Сарапуле она и работала как врач в военном госпитале. За время войны несколько раз приезжала к отцу на фронт.

А вот один из весёлых эпизодов. Отцу надо было перелететь вдоль линии фронта с одного аэродрома на другой – почему-то на сельскохозяйственном самолёте “Аэропыле”, которые тогда использовались для срочных транспортных перевозок. Жёну взял с собой в кабину. Шёл низко, пытаюсь, по возможности, остаться незамеченным; а немецкие самолёты могли объявиться в любой момент. Они и объявились. Вроде, не заметили. А матери именно тогда очень приспичило по нужде...

И так настойчиво, не знаю уж, в каких выражениях, стала она убеждать отца, чтоб он где-нибудь посадил машину, что тот по своему мягкосердечию послушался. Посадил “кукурузник” (как потом условно-неточно стали иногда называть и те самолёты) на опушке леса. Мать отбежала в кусты, вернулась. Они взлетели. И – их углядел лётчик “мессершмитта”, что, видимо, был в “свободном поиске”. Погнался за самолётом отца, а тот, лавируя, стал уходить на совсем бреющем полёте. При таком раскладе атаковать “мессершмитту” было трудно. И тут, к счастью, в воздухе показались два наших истребителя, и немец поспешил улететь...

Дорого моим родителям могла бы обойтись забегка матери в лесной туалет. Я, извините за эгоизм, и на свет мог бы не появиться.

* * *

Об их жизни в Германии знаю мало. Отец служил, ездил на охоту с офицерами. Мать от избытка свободного времени вышивала гобелены. После смерти отца сестра “отжалела” мне мой любимый большой гобелен “Казак в степи”, который я повесил в своём болгарском доме; смотрю на него – вспоминаю о матери.

Это уже мать рассказывала: была у них в Бранденбурге немка-домработница Марта, “изнасилованная” нашими солдатами. Как это случилось? Когда русские вошли в город, пронёсся слух, что всех женщин будут насиловать. Марта разделась, легла в постель и стала ждать. В конце концов явились солдаты, ну и... Дождалась.

* * *

Вспоминаются слова из песни Высоцкого: “А у Попова Вовчика отец пришел с трофеями. Трофейная Япония, трофейная Германия... Пришла страна Ливония — сплошная чемодания...”

Ходит легенда, что после войны к Иосифу Виссарионовичу попросился на приём крупный военный чин — генерал-полковник — с письменной просьбой распорядиться, чтоб на границе освободили задержанный вагон с трофейными вещами, которые тот пытался вывезти из побеждённой Германии. И Сталин якобы поставил резолюцию: “Верните полковнику его барахло”.

Тот изумился: “Но ведь я — генерал-полковник...”.

“Нет, — презрительно отрезал Сталин, — вы полковник”. Допускаю, что это могло быть правдой. Сталину были свойственны подобные “шутки”.

Хотя так называемые “трофеи” в нашей армии были делом обычным, если речь шла о мелочах (например, ординарец приволок Анатолию Владимировичу ящик найденных где-то наручных часов, что тут же были им розданы в полку), однако за мародёрство тогда, случалось, показательно расстреливали. При одном таком расстреле двух солдат пришлось присутствовать отцу. Он попытался было заступиться за них, смягчить наказание. Но “особистов” уговорить не удалось...

Родители, конечно, привезли кое-что, — не задаром взятое у немцев, но купленное матерью (полагаю, “за недорого”). Из одной красивой чугунной статуэтки ручной работы (старый немецкий солдат с ранцем за плечами и прислонённой к бедру трубой) отец через годы сам соорудил настольную лампу. Сейчас она стоит у меня на письменном столе. Остались германские охотничьи трофеи — рога косуль... Стоит в углу моего кабинета в Москве, упираясь остриём в пол, и действительно трофейная вещь — парадная чуть изогнутая офицерская шпага без ножен. Парадная-то она парадная, но столь великолепно гибкой и хорошо отточенной стали, что могла бы стать и смертоносным оружием в умелых руках.

* * *

В 1953-м, в год моего рождения, умер Вождь. Его смерть изменила и жизнь моих родителей. Василия вскоре арестовали (после по милости Хрущёва отправили на жительство в Казань, где он впоследствии и умер от цирроза печени). К отцу претензий не было, его даже не разжаловали, однако за близость с сыном Сталина на всякий случай сослали в Чугуев начальником политотдела лётного училища. Это было очень сильное понижение в должности. “Затерялось” в инстанциях и второе представление к званию Героя Советского Союза (о первом рассказу позже) — за количество сбитых самолётов и боевых вылетов.

Мать, которая тогда была беременна мной, настоятельно попросили перебраться в Москве из генеральской квартиры в жильё поскромнее. Всё это, конечно, печали, однако — невеликие.

За некоторое время до тех событий отцу предлагали отправиться в Корею и ещё повоевать в составе 67-го авиационного корпуса уже против бывших союзников — американцев. Но, полагаю, войнами он был сыт по горло, мать только что перенесла инфаркт, да и Василий не хотел с ним расставаться и удержал. Потом отец иногда жалел об этом. Двое его подчинённых, поехавших на Корейскую войну, затем высоко поднялись... И служба отца могла бы, вероятно, сложиться по-другому. Однако сделанного не вернёшь.

* * *

В известной частушке поётся: “По реке плывет топор к городу Чугуеву...” Такой “железкой” под Чугуевом оказался я — двухлетний. Офицеры с женами устроили пикник на берегу Днепра, меня родители взяли с собой. Взрослые сидели, выпивали, разговаривали. Ребёнка пустили на свободу. Затем мать огляделась: а сын-то где? Отец кинулся к берегу и увидел меня под обрывочком плавающим в холодной воде в осеннем детском пальтишке. Оно

и спасло — не позволило сразу пойти ко дну. Отец спрыгнул вниз и вытащил мою персону за шкуру.

* * *

А вот уже чисто физическое воспоминание. Тоже за шкуру отец поднимает меня, четырёхлетнего, над сдавливающей нас со всех сторон толпой на Красной площади под вечер в День Победы — 9 Мая. И держит у себя над головой на руках. Не сомневаюсь, он хотел показать сыну свой великий праздник, потому и привёл на площадь. Но, если бы вовремя не поднял в воздух, могли бы меня задавить насмерть.

* * *

Если уж заговорил о толпе, помяну и такой момент... Мне лет десять-одиннадцать, большая группа дворовых мальчишек (и я с ними) отправляется на поле у стадиона ЦСКА воровать плитки твёрдого пенопласта из стоявшего там вроде бы без надзора самолёта. Пенопласт — истинное богатство, из него можно вырезать хоть лодочку, хоть что угодно. Двое мальчишек постарше уже безнаказанно вернулись с добычей и теперь ведут “на дело” со товарищей... Вот те же двое забираются в открытую дверцу самолёта и начинают сбрасывать вниз пенопласт. Мальчишки хватают по несколько толстых плиток... Я для начала скромно беру одну, прижимаю к груди. И тут — откуда ни возьмись — то ли из ангара, то ли из сарая в стороне появляются двое солдат с винтовками и бегут к нам.

Всю гоп-компанию охватывает паника, и мальчишки толпой дают дёру... За ними гонятся солдаты, а я, повернувшись к этому ужасу спиной, медленным шагом со своим пенопластом иду к дыре в заборе неподалёку. Вздрагиваю от выстрела (конечно — в воздух), однако не убыстряю шага. И, уже спрятавшись за забором, вижу, как солдаты возвращаются с охапками пенопласта.

Дома во всём признаюсь отцу.

— И что же ты из всего этого понял? — спрашивает он, хмурясь.

— Что не надо бегать со всеми, — отвечаю, — а идти самому по себе...

— Экой ты умный растёшь! — мрачно усмехается отец. — А что воровать не надо — в голову тебе не приходит? Вот теперь иди “сам по себе”, верни украденное на место!

Понимая, что отвертеться не удастся, со слезами на глазах выхожу из дома и хитро выбрасываю пенопласт в поле через ту же дыру в заборе.

* * *

В возрасте сорока трёх лет отец, обиженный чугуевской ссылкой, ушёл “в запас”. На этом закончилась его армейская жизнь. Семья обосновалась в Москве. Отцу дали военную пенсию, мать пошла работать врачом в поликлинику. Памятуя голодные дни войны, она постоянно тревожилась, как бы дети не похудели, и откармливала меня и сестру шоколадными конфетами, что ей каждый день дарили пациенты (если в качестве благодарности пытались дать деньги — швыряла их обратно). Зря она это делала — и одно, и другое... Вообще они с отцом пытались по возможности укрепить впрок вовсе не плохое здоровье своих маленьких детей и по три месяца летом держали нас на море в Анапе, которая славилась как детский курорт. Там нас откармливали большими порциями клубники со сметаной и сахаром. Отправлялись на юг мы с отцом (он был свободен), потом в свой отпуск приезжала мать. У старшего брата были свои взрослые студенческие интересы, и в восемнадцать он уже собирался жениться.

В Анапе отец научил меня плавать, ловить бычков, барабульку, морских и пресноводных карасиков на удочку с самодельным поплавком из гусяного пера. Как-то раз местные рыбаки уже под вечер вытаскивали прямо на пляж

сложенную вдвое длинную сеть с таким количеством кефали, что рыба выпрыгивала из неё. Это было настоящее, как теперь говорят, шоу для курортников, которые ещё оставались на пляже. Люди заходили в воду с двух сторон сети, глазели, пытались поймать руками выпрыгивавшую крупную кефаль. Рыбаки нервничали, ругались. Одну рыбину на лету подхватил отец. И, помнится, её в тот же вечер пожарила нам квартирная наша хозяйка Нина Семёновна.

Ещё помню, как отец в Анапе на улочке у нашего дома дал по морде пьяному мужику, пристававшему к прохожей. Свалил его одним ударом. Без разговоров. Тот долго не вставал, полз в пыли... Это так потрясло меня, пятилетнего, что, как пел Высоцкий, “бить человека по лицу я с детства не могу”. Правда, не могу. А жаль, иногда надо бы... Но и этим – точно – в не лучшую сторону отличаюсь от своего отца. Он – мог.

Так, ещё в 1944 году – в плане мордобоя – с ним приключился опасный инцидент. Подполковник, комиссар полка, только что представленный к званию Героя Советского Союза, отец публично набил физиономию начальнику СМЕРШа (название этой службы расшифровывалось как “Смерть шпионам”). Заступился за девчонку – медсестричку или радистку, которую тот пытался грубо потащить в постель. Вообще в 90-е годы, когда на телевиденье стали появляться различные “чернушные” фильмы, в том числе о лёгкости фронтального секса, отец возмущённо говорил, что подобной “мерзости” на войне не было. Случалось всякое – люди влюблялись, начинались отношения, но в целом и офицеры, и солдаты принимали служивших рядом с ними женщин как своих сестёр...

Вот и тогда он не сдержался... В результате – за драку со “смершевцем” отцу грозил трибунал. Но весь полк поднялся за него, и до суда дело не дошло. Однако то первое представление к званию Героя отозвали.

* * *

Кстати, меня он никогда ни разу не ударил, хотя я и заслуживал. От матери получил в юности пару оплеух. А от него – никогда. Так, для примера, в свою литинститутскую студенческую бытность, собираясь на весеннюю охоту на Брянщину со своим другом Николаем Никишиным, я выпросил у отца его кожаную лёгкую куртку на меху, память о войне, дорогу для него вещь, и пообещал относиться к ней очень бережно. Погода была мерзкая, несколько километров мы протопали с Никишиным под дождём со снегом – промерзли, вымокли до костей; да ещё пришлось заночевать в лесу. Согрелись у костра водкой, заснули крепко выпившие на еловом лапнике. Куртку я пытался высушить, подвесив у огня. И потом обнаружил её скукоженной и прожжённой в нескольких местах – хоть на помойку... Вернувшись в Москву, пришёл к отцу с повинной: мол, извини, нагадил, но знай, что твоя куртка спасла меня в лесу... Ожидал я от него чего угодно, только не быстрого прощения. А он простил сразу.

* * *

Когда я пошёл в первый класс школы, отец уже работал партийным секретарём военно-строительного управления Москвы (ВСУМ).

* * *

Сейчас, оценивая прошлое, вижу: детство у меня было счастливое.

На своё детство Анатолий Владимирович тоже не жаловался. Одно из его любимых воспоминаний было о том, как со своим старшим братом Женей, моим дядей Евгением, они на лодке подплывали по Днепру к баржам, гружённым арбузами, и стаскивали их в воду длинным багром с изогнутым гвоздём на конце...

Их родная мать умерла рано; её заменила мачеха, по словам отца, по добромому заботившаяся о хулиганистых пасынках.

Об их отце – моём деде Владимире, умершем незадолго до войны, знаю только, что при власти Советов какое-то время служил он начальником тюрьмы в Днепропетровске, а до этого пел в Киевской опере, поскольку обладал

замечательным голосом (то ли тенором, то ли баритоном). Интересная судьба. Почему перестал петь — мне неизвестно.

Голос его в большей степени, чем отцу, передался дяде Евгению. Но когда они вдвоём в застолье мужским дуэтом запевали украинские песни (“Дивлюсь я на нэбо тай думку гадаю...” или “Разпрягайте, хлопци, конив...”), выходило очень красиво... Пели и военное, часто — про “стальную эскадрилью”: “Пропеллер, громче песню пой, // неся распластанные крылья...” Потом песня эта помогала мне сдавать экзамены в Литинституте. Я выходил из дома, направляясь на экзамен, а в голове звучало: “За вечный мир в последний бой // летит стальная эскадрилья...” И сам я начинал чувствовать себя “стальным”, негибачимым, который не может осрамиться.

* * *

До лётного училища отец поработал токарем на заводе, был там секретарём комсомольской ячейки. Участвовал в вооружённых поездках по сёлам — с другими коммунистами и комсомольцами изымал зерно у кулаков, считая это абсолютно правильным. Искренне верил большевистской агитации и советской власти. Потому и был рекомендован в лётчики, когда пришла пора призыва.

Но к доносчикам всегда относился брезгливо.

И сильно мне помог советом в первый год моего студенчества в Литературном институте. Однако не буду лезть, как он говорил, “поперед батько в пекло”, то есть — забегать вперёд.

Полтора года мне пришлось побыть студентом инженерного ВУЗа — Московского автомобильно-дорожного института, который окончил мой старший брат. Отец настаивал, чтоб я получил нормальную человеческую профессию: мол, стихами не проживёшь... Да и в семнадцать лет не был я ещё уверен, что мой жизненный выбор — поэзия. Послушался. Хорошо сдал экзамены в МАДИ. Но очень скоро почувствовал себя несчастным в этом учебном заведении. И тут уже проявил характер: ушёл. Стал готовиться в Литинститут. Отец, кстати, через шесть месяцев сильно удивился, что меня приняли. Но на эти полгода, чтоб я не “бездельничал”, а всё же научился чему-то полезному, он определил меня на работу учеником плотника.

На стройке под умелым руководством своего мастера Владимира Илларионова я неплохо научился выражать матом почти все эмоции и незатейливые мысли, и переучиваться потом пришлось долго. Однако пресловутая в те времена “рабочая биография” сослужила и полезную службу при моём поступлении в “писательский” Литературный институт имени М. Горького.

Именно с рабочей биографии, а также с героического военного прошлого моего отца начал разговор суроволицый человек в сером костюме в кабинете заместителя ректора, куда меня вызвали прямо с лекции. Человек этот не таился, сразу же предъявил служебное удостоверение Комитета государственной безопасности и просветил меня, что во всех институтах среди студентов есть люди, которые им помогают.

Неприятно у меня засосало под ложечкой, поскольку моментально понял, в каком направлении пойдёт сие “собеседование”, а всевластие КГБ ни для кого не было тайной.

На моём курсе якобы учился парень, замешанный раньше в студенческих волнениях в университете, откуда он и перешёл в Литинститут... Это сообщил кгбшник и обратился с просьбой-предложением “понаблюдать” за ним: какие у него настроения, высказывания, с кем общается... Ну, и обо всём подозрительном ставить Комитет в известность.

Мой юношеский максимализм требовал возмутиться: вы меня, мол, в доносчики записать хотите?! Стучать на товарища?! Нет! Никогда! Ни за какие коврижки! Но что-то внутри подсказывало: не горячись, не то и тебя в диссиденты произведут, ты всего лишь первокурсник — могут и погнать из института; расскажи обо всём отцу...

Короче, у человека в сером костюме взял я номер телефона, по которому обещал позвонить через две недели. А в тот же вечер явился к отцу с докладом.

Анатолий Владимирович выслушал меня внимательно и очень спокойно, спросил:

— Подписывать он тебе ничего не давал?

— Нет.

— Ну, и позвони ему, как договорились. Встреться с ним. И сыграй под дурачка. Ты, мол, со всей душой... Следил, мол, в компанию втирался, на разговоры о партии, о советской власти раскручивал, хотел скрытого врага выявить... Однако, к сожалению, пока ничего не замечено. И не стесняйся идиотом показаться. Чем глупее будешь выглядеть, тем быстрее они от тебя отстанут.

Так я и поступил. Через две недели позвонил, пришёл в некий гостиничный номер, которым располагал мой знакомец для подобных встреч, и за полчаса сумел выставить себя воистину правоверным кретином. Подробности, вероятно, могли бы заинтриговать читателя, но это — не тема данного очерка. Больше на предмет стукачества мною не интересовались. Полагаю, на моём курсе нашлись другие...

* * *

Стукачей, как рассказывал Анатолий Владимирович, в своё время он определял по бегающим глазам... Ещё его раздражали люди, подходившие к нему сзади или пытавшиеся разговаривать, стоя у него за спиной. Такое восприятие осталось у него с войны — память лётчика-истребителя: “Не терплю, когда мне заходят в хвост!..”

* * *

Теперь заглянем в 1967 год, в Крым, под Севастополь. Мне четырнадцать лет. Мы с отцом — на морской рыбалке, в лодке, ловим ставриду на “самодур” (снасть со многими крючками с привязанными к ним раскрашенными птичьими перышками). Ставрида в начале августа ещё ловится плохо, и я с позволения отца решаю поплавать ближе к береговым скалам с маской и гарпуном, что он мне подарил недавно.

Глубина — где-то метра три... Вижу на дне, на плоском камне громадного бычка — отличная добыча. Нырять, приближаюсь к бычку, нажимаю на спусковой крючок подводного ружья. Гарпун пробивает рыбу насквозь и отскакивает вверх, ударившись о камень. Раненый бычок забивается головой под скалу, виден только хвост, за который я и пытаюсь его вытащить. Но бычок ускользает под острые зубцы скалы всё дальше, хорошо ухватить его не удастся, и я все глубже просовываю руку за ним... И рука моя застревает, не могу её освободить.

Я запаниковал — у меня кончается воздух... В голове тоскливая мысль: “Вот она — смерть”. Очень жалко себя, жалко и отца, сидящего в лодке. И тут приходит ясность: вырваться надо любой ценой!

Отчаянно — через острую боль — дёргаю и выдёргиваю из-под скалы руку, широко обдирая кожу с мясом... Почти задохнувшись, выплываю наверх. Вся рука в крови. Ружьё осталось на дне. Плыву к лодке.

— Чего так долго под водой?! — кричит мне отец. И вдруг видит, в каком я состоянии...

Пока рассказываю о том, что случилось, он перевязывает мою руку более-менее чистой тряпкой. Смущённо, как мне кажется, качает головой...

— Да-а-а... — говорит, — похоже, ты вырос, мальчик. Это тебе урок: боля бояться нельзя. Если жить хочешь.

* * *

По-настоящему взрослеть я начал позже — примерно к тому времени, когда ушёл из МАДИ, когда появились собственные мысли о происходящем в стране (они сильно расходились со взглядами отца), когда стал осознавать, что стремлюсь быть независимой личностью.

Отца во многом я перестал понимать. Казалось, он слишком жёстко — по-военному — навязывает свои представления о правильном и неправильном, пытается сам задавать мне жизненные уроки и таким образом воспитывать. Чужды были ему и мои поэтические увлечения, хотя мать их поощряла и даже гордилась мной. (Смирился с поэзией он только после выхода моей второй книги.)

Но в свои восемнадцать лет я уже категорически не хотел жить под одной крышей с родителями. На этой почве часто возникали конфликты. И отец решил пойти мне навстречу — отселить.

В своём военно-строительном управлении он мог без проблем получить “на отселение сына” отдельную однокомнатную квартиру. Об этом он сказал позже. Но тогда — специально, чтоб жизнь мёдом не казалась, — поселил меня в двухкомнатной коммуналке, где в другой комнате жила семья — муж, жена и ребёнок. Отец считал, что сыну будет полезно пройти через эти трудности, через такой урок...

“Многие могли бы только мечтать о комнате в Москве”, — были его слова.

Урок действительно был нелёгкий. Соседи, что сами надеялись вселиться в ту комнату, ненавидели меня. Там я прожил пять лет. Туда же привёл свою первую жену — болгарку Иванку, которой и в страшном сне раньше не привиделась бы жизнь с соседями, ненавидевшими и её тоже, с общей кухней, ванной, туалетом и телефоном. Она выдержала.

Но, если и сейчас меня спросить о самом счастливом дне в моей жизни, без колебания назову тот день, когда соседи, родившие второго ребёнка, съехали, и квартира перестала быть коммуналкой.

Надо ли мне благодарить отца за тот жизненный урок, от которого ему было бы легко меня избавить? Говоря честно, — не уверен. Хотя допускаю, что моё творческое воображение стало бы значительно беднее без такого опыта.

* * *

Об Иванке... Володя, мой старший брат, не скрывал, что женитьбой на иностранке я могу испортить ему карьеру. Отец же не сказал мне ни слова поперёк... Чувствителен был к женской внешности.

Болгарские отцы в деревнях, когда сын собирается жениться, говорят: “Главное, чтоб невестка своим лицом куриц мне во дворе не пугала...”

Куриц Иванка не пугала бы точно — очень она была красива. Мать тоже её приняла.

Родители мои приехали в гости в Болгарию. Помню, как лихо отец плывал в Дунае против течения. Тогда ему было немногим за шестьдесят. И он казался мне безусловно старым.

* * *

Лучше понимать друг друга мы стали во время горбачёвской “перестройки”. Я чувствовал себя уже вроде бы зрелым человеком, постепенно избавлялся от несдержанности в суждениях и словах. Да и отец снизил обороты своей партийной категоричности.

К слову... Встал я на улице в длиннущую очередь за сахаром. Наш с Иванкой сын Анатолий, названный именем моего отца, четвероклассник, был со мной. Выдержал полчаса (очередь двигалась медленно), затем отошёл в сторону, подобрал с земли какую-то толстую щепку, подбежал — сунул свою находку к моему рту, будто микрофон, и, уподобляясь берущему интервью журналисту, громогласно произнёс:

“Папан, — несколько слов о твоей собачьей жизни...”

Люди в очереди покатались со смеху.

Смеялся и Анатолий Владимирович, узнав об этом подвиге внука:

“А ведь прав мальчишка, действительно, жизнь такая — собачья!”

И не пытался, как сделал бы раньше, выступить с назиданиями, мол, надо научить ребёнка по-другому смотреть на временные трудности в стране.

Не сильно ругался он и когда внук демонстративно снял с себя пионерский галстук (возможно, был первым не только в той школе, заявившим:

“Больше я не пионер!”). С дирекцией школы, конечно, мне пришлось разбираться. Но времена менялись. И выгонять малолетнего отступника, который был твёрд в своём выборе, не решились.

Тогда же я сказал отцу:

— Я сам скоро выйду из КПСС, и вот увидишь: придёт час — вообще запретят эту партию.

— Такого не может быть и не будет! — возмутился он. — Мы жизнь за неё отдавали!

И как же был он поражен после прихода Ельцина моей правотой: запретили коммунистическую партию! Правда, ненадолго — на год, если память не подводит.

— За что же ты сражался? — жестоко уязвил я отца в то время в одном споре. — Нет больше ни Советского Союза, ни Советской власти, ни партии.

Он задумался на минуту:

— Выходит — за Родину.

* * *

А вот урок, за который я всегда буду благодарен отцу... Это моё личное знакомство с живой легендой — Алексеем Маресьевым, героем “Повести о настоящем человеке”, лётчике, с протезами вместо обеих ног управлявшем на войне боевым истребителем. Причём до своего ранения и ампутации ног он сбил три вражеских самолёта, а уже с протезами — семь. Пишу об этом, поскольку даже в России многие молодые люди сегодня не знают, кто такой Алексей Маресьев.

Ещё до Литинститута я написал в стихах об удивительном для меня случае. Копая котлован под фундамент жилого дома в подмосковном посёлке Апрелевка, экскаваторщик наткнулся на сбитый немцами в 1941 году самолёт, зарывшийся при своём падении в рыхлую землю. В самолёте нашли останки лётчика. И только по номеру ордена, который был на нём, удалось выяснить имя погибшего: Василия Пойденко.

Этот лётчик, считавшийся без вести пропавшим, был из полка моего отца, и они вместе летали в воздушные бои, обороняя Москву.

О Василии Пойденко и о войне была моя небольшая поэмка, юношеская, ещё очень непрофессиональная, слабенькая... Но тогда я этого не понимал и хотел где-то опубликовать. Показал отцу. Он, в принципе не любивший стихи, но одобряя тему, всё же подсказал поправить кое-какие неточности и послал меня в Совет ветеранов к своему знакомому Маресьеву: “Может, Алексей Петрович твоё произведение порекомендует куда-нибудь... Или как-то оно пригодится...”

В кабинете Маресьева я увидел пожилого человека в строгом тёмно-синем костюме и в грубоватых чёрных ботинках. “Протезы...” — догадался я. Действительно, об этом можно было только догадаться. Потому что Маресьев спокойно, ровной походкой расхаживал по кабинету, пока я говорил о своей поэме. В нём чувствовалась большая внутренняя сила и какое-то ненавязчивое — скромное — величие.

Прав был отец, подумал я, “боли бояться нельзя, если жить хочешь”.

Полчаса Маресьев потратил на меня, мальчишку, — передал привет отцу, взял рукопись: “Посмотрим, что можно будет сделать...”

Поэмка нигде не пригодилась, и хорошо. Иначе потом было бы мне очень стыдно.

* * *

Говорить о том, что скажу сейчас, я не собирался. Хотел промолчать. Однако поделился в застолье со своим молодым другом Павлом Трапезниковым идеей написать этот очерк, и тот, помнящий моего отца, с горячностью заявил: “Если не расскажешь о брате, перестану тебя уважать!”

Страшная угроза Паши заставила меня призадуматься. Может, действительно, не стоит пытаться скрыть жизненную историю, которая кому-то покажется не рядовой, кому-то, возможно, — интересной...

Короче говоря, мой старший брат Владимир оказался по крови не родным, как я думал всегда, а двоюродным братом – сыном моего дяди Евгения от женщины, которая умерла при родах в 1940 году во Львове.

Дядя был военным человеком – сапёром – и в тот момент находился где-то в другом месте. Сапёр, как известно, ошибается один раз в жизни. И он не ошибся, обратившись к отцу с просьбой поговорить с моей матерью – забрать новорождённого и дождаться его возвращения во Львов. Затем он планировал временно пристроить ребёнка в какой-нибудь детский дом, поскольку офицер на службе никак не смог бы сам заботиться о малыше. Представляю себе, как ково было тогда на душе у дяди.

Отец с матерью выполнили его просьбу. Но, когда тот приехал за сыном, мать сказала, что ни в какой детский дом и никому они этого ребёнка не отдадут – усыновят его. Полагаю, дядя Евгений тогда вздохнул с облегчением. И они договорились: мальчик никогда не должен узнать, что Евгений его настоящий отец, а мои родители по сути – дядя и тётка.

Договорённость соблюдалась абсолютно. Володя всю жизнь считал моих родителей своими папой и мамой, а Евгения – дядей. И до сих пор считает их – всех уже ушедших – такими.

Тайну эту мать перед своей смертью открыла моей сестре и попросила молчать. Я не знал ничего. Уже после смерти отца нашла сестра документы об усыновлении Владимира, который был и остаётся нашим братом. Возник вопрос: сказать ли ему? Сестра посоветовалась со мной, и мы после многих колебаний решили: нет, не надо. Пусть всё будет, как есть. Не нужна ему эта информация, что может оказаться болезненной. Решили за него, сами. И документы уничтожили. Возможно, это наша ошибка, наша вина. А может быть, и нет.

После Победы дядя женился на женщине (моей тёте Тамаре), у которой в войну под бомбами погибли муж и двое детей. Трудно, наверное, подняться после такого удара. Она смогла. И во втором браке была счастлива. И родила ещё двух дочерей. Вот – сила жизни, так думаю.

И всегда думал: до чего же Володя похож на моего дядю! Копия. До такой степени, что в юношеских неумных мыслях своих я иногда грешил на мать: уж не от дяди ли Евгения родился мой брат?..

А любовь между ним и дядей была обоюдной. Они отлично общались, с удовольствием проводили время вместе – ходили в лес за грибами, веселились по праздникам, часто с отцом и ещё с кем-нибудь из друзей семьи “расписывали пульку”, то есть играли в преферанс (жалко, меня этой карточной игре не научили). Бывало, брат советовался не только с отцом, но и – отдельно – с дядей о своих планах и проблемах.

Никогда дядя не подал вида, что Володя для него – больше, чем племянник. И для отца он был настоящим кровным сыном.

Не уверен, что поступаю правильно, делюсь этим с читателями. Одно меня утешает. Презентовать эти записки брату я воздержусь. Вряд ли иным путём очерк попадёт к нему в руки, поскольку у него своих забот, помимо моего творчества, хватает. А если вдруг и попадёт, то что ж... Говорят, “всё тайное когда-нибудь становится явным”...

АНАТОЛИЙ СМЕРДОВ

ТРОФЕИ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

ШЕСТЬ НОВЕЛЛ

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

Вас беспокоит Смердов Анатолий Витальевич из посёлка Вохма Костромской обл. Мы практически земляки – ветлугаи (местное прозвание жителей Поветлужья), потому что Пыщуг – соседний с нами райцентр, а Вы в детстве, в войну, там жили. Благодатный наш край, к великому сожалению, в условиях “дикого капитализма” и бездорожья хиреет и обезлюживается. Мощные лесспромхозы давно ликвидированы. От сельскохозяйственных предприятий (колхозов и совхозов) тоже почти ничего не осталось. Фермерство из-за удалённости от рынков сбыта и низких цен на продукцию неконкурентоспособно. Соотношение цен таково: если в 70–80-е годы на приобретение трактора МТЗ-80 от хозяйства хватало трёх откормленных до четырёхсот килограммов бычков, то теперь, чтобы купить трактор, нужно в десять раз больше. Леса у колхозов давно изъяты. В личных подсобных хозяйствах всё меньше скота и обрабатываемой земли. Из-за отсутствия работы и условий молодёжь в родных местах не остаётся. К уехавшим и устроившимся детям неизбежно тянутся и пожилые. Так называемая государственная “оптимизация” (на самом деле сокращение и уничтожение) бывших сельсоветов (теперь сельских поселений), школ, больниц, очагов культуры и прочих структур окончательно всё добивает. Такие вот “перспективы” коренного русского Нечерноземья.

Очень ценю Ваши стихи, прозу и публицистику. Журнал “Наш современник” раньше выписывал, а теперь и в районной библиотеке последние номера имеются лишь за 2016 год. Прочитал в “Правде” интервью с Вами В. Кожемяко. Целиком и полностью разделяю и уважаю Ваши взгляды, оценки и мнения. Поэтому рискнул послать на Ваш суд кое-что из окололитературных вещей провинциала из сельской глубинки.

С уважением,
секретарь Вохомского районного отделения КПРФ А. Смердов

СМЕРДОВ Анатолий Витальевич родился в 1950 году в д. Ванеево Вохомского района Костромской области в крестьянской семье. Окончил Костромской сельскохозяйственный институт “Каравеево” по специальности учёный-агроном. Служил в армии, работал агрономом и председателем в колхозах района, в сельхозотделе райкома партии, преподавателем в СПТУ, главным агрономом управления сельского хозяйства, секретарём районного Собрания депутатов, заведующим отделом экономики в редакции газеты “Вохомская правда”. Публиковался в областных журналах, в газете “Сельская жизнь” и “Литературной газете”. В различных издательствах вышли книги “Вохмяки”, “Лисичкин гостинец”, “Звенел колокольчик”, “Ветлугаи” и “Старый говор Вохомского края”, “Спасибо тебе, солдат!”. Член Союза писателей России. Живёт в посёлке Вохма.

Кавалер орденов

В Первую мировую войну солдат и унтер-офицеров за личный подвиг представляли в России к награждению медалями и Георгиевскими крестами четырёх степеней. Высшее достижение – обладатель всего банта медалей и орденов – полный Георгиевский кавалер. В советские времена, в Великую Отечественную войну, аналогами их были медали “За отвагу”, “За боевые заслуги”, а с 1943 года солдаты, сержанты, старшины и младшие лейтенанты ВВС награждались орденами Славы трёх степеней на георгиевской ленте. Орден Славы III степени выполнен из серебра, а представляли к награждению им от командира дивизии и выше. Орден Славы II степени выполнен из серебра и золота, награждали им военачальники не ниже командующего армией и флотом. Орден Славы I степени выполнен из золота, им награждал Президиум Верховного Совета.

Основанием для представления к награждению орденом служил также личный солдатский подвиг: первый ворвался в расположение противника, из личного оружия уничтожил не менее десяти вражеских солдат, уничтожил пулемёт или миномёт из противотанкового ружья, подбил не менее двух танков, оставался раненый на боевых позициях, спас знамя части, спас командира. За время войны орденом Славы III степени было награждено 980 тыс. человек, II степени – 46 тыс. человек и I степени – 2562 человека, среди них четыре женщины.

Знак высшей солдатской доблести – все три степени ордена Славы. Обладатель их – полный кавалер ордена Славы, что приравнялось к званию Героя Советского Союза. Среди них и наш земляк – Василий Андреевич Криницын. Василий Андреевич был призван в 1942 году. Воевал на Южном фронте миномётчиком. Стрелял метко, быстро и смело, выдвигался на передовые позиции. За те бои награждён орденом Красной Звезды. Был неоднократно ранен. За мужество и отвагу, проявленные в боях при прорыве обороны на Висле, сержанта Криницына наградили первым орденом Славы.

За участие в разгроме обороны врага на немецкой границе, в прорыве Бранденбургского укрепрайона был награждён вторым орденом Славы, а за сражение под Берлином – орденом Славы I степени. В мирной жизни этот герой и кавалер пяти орденов был человеком скромным, трудягой, привилегий не требующим. Работал трактористом в строительных организациях райцентра. Не стало Василия Андреевича 8 мая 1989 года. В Вохме живут и работают его дочь – Галина Васильевна Гончарова и внучка – Людмила Николаевна Андрианова, а правнук Павел – школьник.

Трофеи победителей

Мой дядя Глеб Иванович и сосед Борис Никанорович были призваны в кадровую армию ещё до войны, в 1940 году. Служили в артиллерии, в конной разведке, на самом северном краю России – в городе Печенга. Защищали наше Заполярье, брали потом город Киркенес в Норвегии, воевали в Прибалтике, Польше, а закончили войну в Германии, на острове Рюген. Домой вернулись в 46-м году, brave сержантами, в орденах и медалях, с ранениями, контузиями и... трофеями.

Родные

Был дядя старшим из трёх сыновей Ивана Илларионовича, вернувшимся с той войны единственным из всех деревенских семей в полном составе. Женится он последним, в тридцать с хвостиком, холостяковал и гулял долго, живя вдвоём с дедом, тоже бывшим солдатом, воевавшим с немцами ещё в Первую мировую войну. Тот и заставил его, в конце концов, жениться, облюбовав скромную, работающую и добрейшую девушку из соседней деревни, на 11 лет моложе – Надежду. Из-за военной контузии дядя рано и в мир иной ушёл – в 70 лет, но всё в жизни успел: человеком и работником был уважаемым, троих дочерей вырастил и внуков дождался.

В этой фамильной ветви я старший из шести дедовых внуков, а раннее детство запомнилось ярко и радужно. Пришлось деду, пока здоровье было, со мной и понынче, потому что девять родителям меня было некуда, оба

простые колхозники, в работе с раннего утра до позднего вечера. К нему и уводили на весь день. Какого было старому и больному человеку справляться с бойким и неутомимым отпрыском — можно представить. Игрушек в те времена не было, и дед забавлял меня, чем мог. То мячик из овечьей шерсти сделает, то свистульку из липы, то “самоходку” из катушки из-под ниток.

Из мира иного

Главными же предметами моего вожделенного внимания были дядины награды и трофеи, привезённые с войны, из Германии. Последние дед хранил бережно и давал поиграться редко, потому как мог утащить, потерять, просто сломать. Вещи были необычные, изумительно красивые и интересные.

Маленький перочинный многолезвийный ножик с отливавшей малахитом перламутровой рукояткой, где большое и малое лезвие, открывашка для консервов, миниатюрная пилочка и штопор с шилом. На него разрешалось только посмотреть и потрогать, без потуг к применению (а так хотелось!).

Плоский металлический карманный фонарик коричневого цвета, каких другим ребятам и видеть не довелось, без батарейки и лампочки, но с цветными выдвижными дополнительными стёклышками. Три рычажка на передней крышке, нажимаешь поочерёдно и выдвигается то красное, то синее, то жёлтое. Если бы через них ещё и свет включать... но и так здорово!

Губная деревянная гармошка сияла серебром боковин с инкрустациями и ярко-красным верхом. Подудеть в неё дед давал мало, больше полюбоваться, но ежели доводилось, то оглушал его бестолковой и непрерывной какофонией.

А ещё привёз дядя бургерскую франтовую шляпу, в которой дед летом иногда любил щеголять, одеваясь, как он выражался, “навильюдые”. Светло-серый добротный и мягкий фетр, закруглённые вверх поля, чёрная лента с бантом и белоснежная шёлковая подкладка с золотистым клеймом внутри. Вот бы пройтись в ней по деревне! Но дед не давал, боясь, что замызгаю враз, и вешал её на гвоздик в матице потолка, куда мне было не добраться.

Не стало деда, когда мне было пять лет. Шляпу и фонарик дядя Глеб великодушно подарил. Шляпу отец вначале тоже от меня берёг, но уже в первые школьные годы от её былого великолепия я ничего не оставил. Фонарик же в скором времени всё-таки разобрал, после чего восстановлению он не подлежал. Цветные стёкла выковырял, за что был отцом нещадно выпорот его старым армейским ремнём, которым он подпоясывал фуфайку и точил на нём опасную бритву. А судьбу немецких перочинного ножика и губной гармошки не знаю, не помню.

“Вальтер”

Были в деревне нашей и другие трофейные вещи, занесённые с той войны. Запомнилось, что более старшие ребята Микишевы иногда надевали немецкий китель мышинного цвета с накладными карманами и чёрным воротником.

У нас дома отец хранил гаечные ключи в металлическом аккуратном футляре-чемоданчике, в котором в войну немецкие связисты носили полевой телефон. Служит он и мне по тому же назначению. Не заржавел, жёсть крепчайшая, крупповская, наверно, даже сероватая краска не облезла и на крышке номер оттиснут белой не сходящей краской — 3239. Металлический безотказный затвор, ручка для переноски в крышке и две сбоку, для ремня. Будучи подростками, наткнулись мы и на вещь серьёзную и запретную. Отцы наши перекрывали тесовую крышу на одном из старых, но добротных домов, а мы помогли, отдирая старые подгнившие доски. Валька Ванеев и заметил первым что-то, завёрнутое в тряпицу и аккуратно упрятанное между одной из слег и тесиной. Мужики были на другом конце дома, и мы спрятались за печной бором, развернув находку... Это был пистолет. Взрослые заинтересовались нашим перерывом в работе, и Сашка быстренько спрятал его под фуфайку. Под вечер в Сашкиной бане мы отдраили его до воронёного блеска, удалив соляной проступившие кое-где пятна ржавчины. В патроннике находилось ещё четыре пузатых патрона с тупыми пулями. Это был офицерский восьмизарядный “вальтер”, стоявший в войну на вооружении немецкой армии. Детально ознакомившись и вынув магазин, прощёлкали курком вхолостую — всё

работало! Договорились днём в лесу и опробовать в стрельбе, да не довелось. Заподозрив неладное, выследил и накрыл нас в своей бане Борис Никанорович. Пистолет отобрал, надавав всей троице подзатыльников. Сказал потом, что сдал в милицию. Знали, оказывается, мужики смутные слухи об этом “вальтере”. Один из сыновей старого хозяина дома был офицером, он и привёз трофейный пистолет с фронта, укрыв надёжно в промасленных тряпках. Сам в город подался, но пожил недолго, догнали военные раны. . . А мы долго сожалели о необычной утрате.

“Турка”

Сейчас трудно представить жизнь и найти современников конца XIX и первых десятилетий XX века, да и память человеческая склонна к забвению. Людей тех времён уже не найдёшь и не спросишь, а потомки их затерялись и расселились из родных мест по российским просторам, в близких и дальних городах и странах. Что-то помнится из детства об этой необычной истории и теперь пытаются восстановить и дополнить, тоже по детским воспоминаниям моего дяди Бориса Фёдоровича Князева, живущего в Эстонии, и тётки Тамары Фёдоровны Герасимовой из деревни Чучино.

Был в Хорошевском сельсовете починок Екатерининский (деревня Маслобои), исчезнувший сорок лет назад. В десятке домов проживали Моисеевы, Молодцовы, Дёмины. Во второй половине XIX века крестьянский сын Александр Дёмин по рекрутскому набору был забрит в солдаты на 25 лет и отправлен на юг России. Там и нёс тяжёлую солдатскую службу, не надеясь увидеть родные северные берёзы и близких людей. В 1875-1876 годах южные славяне — сербы и болгары — подняли восстание против пятисотлетнего турецкого ига, но силы были неравные. Россия же была сильной страной, с собственными интересами, своих братьев и единоверцев поддержала, вступив в войну с Турцией. Наши войска двинулись на Балканы, начались боевые действия. Так солдат Дёмин в составе Кавказской армии оказался в Болгарии и воевал почти два года. Воин был храбрый и толковый, имел две медали, участвовал во взятии Плевны. Большой и хорошо вооружённый турецкий гарнизон крепости сопротивлялся умело, и русские войска потратили почти полгода на стояние и осаду, взяв город штурмом только со второго приступа. Дёмин был тяжело ранен, лазареты переполнены, и по уходу за ранеными привлекалось местное население. За несколько веков в окрестностях города обосновалось и жило и турецкое население. Там и свела судьба русского солдата и смуглую красавицу турчанку. Было ему под сорок, а она только вступала в пору девичества. Природа заставляет южных женщин расцветать и созревать рано и не северной, ровной красотой, а ярко, призывающе. Общение шло на болгарском языке. Выкарабкался солдат, поправился, раны под нежными девичьими руками затягивались. А вот от женских чар не устоял, взыграло ретивое. Гульнида тоже влюбилась в необычного, надёжного и доброго, крепко сбитого русоволосого мужика, найдя в нём и мужа, и старшего брата, и отца одновременно. За геройство и по ранению солдата списали домой досрочно. Видимо, их чувства были таковы, что она решила сменить мусульманскую веру, окрестившись в православном храме. Накрепко прикипели они друг к другу. Добился Дёмин венчания у полкового батюшки и разрешения командиров вдвоём следовать в Россию. Как и сколько они добирались до нашей глухомани, теперь неизвестно.

В родной деревне Александр и Гульнида прожили долго и счастливо, родив и воспитав сына Николая и двух дочерей, подняв внуков, а она дождалась и возилась с первыми правнуками. При крещении давали ей другое имя, но муж называл ласково — Гуля, а соседи — Галя. Дёмин в солдатах обучился грамоте и счёту. Пытливый ум его был ко многому восприимчив, приобрёл там и портняжные навыки. Кроме крестьянствования, семья кормилась нехитрым пошивом — вначале домотканой, холстинной одеждой, а потом, с увеличением достатка населения, и рубках, брюках и пиджаках из покупного материала. Со временем осилили и приобрели швейную машинку “Зингер” — великую в ту пору редкость. Машинка та служила роду сотню лет, передаваемая по наследству, вначале сыну, потом старшей внучке. Побывала она и схороненной в яме во время коллективизации, воровала её у Насти завистливая

соседка, но нашли и вернули. И даже первые в жизни серьёзные штаны (не на помочах, а под ремешок) сшил мне на ней перед школой Николай Александрович.

Александр Емельянович, по воспоминаниям, старик был солидный, с седой, ухоженной бородой. Роста среднего, а в плечах широк. Степенен и строг, но не сердит. Люди к нему шли, а дети льнули. Выписывал, читал и комментировал газеты, вставляя к месту любимое слово “например”. Прожив долгую и интересную жизнь, умер в начале 30-х годов. Русская женщина и “в сорок пять – ягодка опять”, а удел большинства южанок – раннее увядание красоты. Смуглая кожа старит, чернявость сменилась сединой, рот из-за потери зубов запал, выдвинув вперёд острый клин подбородка, нос с горбинкой превратился в ястребиный клюв, и только тёмно-карие глаза молодо сверкали из-под густых бровей. Внешний вид Гули людей, а тем более детей, отпугивал. Но была она очень ласковой и старательной, великой труженицей и подвижницей. Не верила, что здесь не могут расти плодовые деревья и многие растения. Развела яблоневый сад и кустарники, возделывала овощи. Доставать семена и выращивать всё было необычайно трудно, в нашей местности тогда мало что знали и понимали в этом. Зная её пристрастия, наезжающие гости привозили яблоки. Она вынимала и хранила семена; с осени высаживала их в подполье на завалинке, рано весной перемещала в рассадник, окутывала, утепляла. Вырастив, перемещала в обильно удобренные ямы и лелеяла. Умерла Гуля перед войной, передав сыну и внукам прозвище “турка”, непоседливость и огромную работоспособность. Два последних качества унаследовали и правнуки. Само прозвище не оскорбляло. О них отзывались с уважением: “Так ведь они – турки”.

У Николая Александровича было четыре сына и три дочери. Ветви нашего рода и Дёминых-турок дважды и одновременно переплетались. Старший брат матери, Авдей Фёдорович, женился на старшей Гулиной внучке, Анастасии Николаевне, жили в деревне Зайчата, и было у них девять детей. Старший внук её Сергей был женат на сестре матери Клавдии, но овдовел, вновь женился и жил в деревне Егорово (теперь Павинский район), у него было шестеро детей. Ещё одна внучка Евдокия жила в селе Хорошая, но детей не имела. От трёх Гулиных внуков и внучки, обосновавшихся в Архангельске, есть своя немалая “поросль”. В четвёртом поколении – правнуках – уже полностью исчезли и внешние признаки примеси другой крови, и только некоторым из женщин передался мягкий “грудной” голос. Мои двоюродные братья и сёстры – характерные русичи, а одноклассник Лёшка Дёмин парнишкой был светлорус, конопат и курнос.

Думы мои, думы...

– И почто мне белый свет не мил стал, без всякого антиресу живу? – думал Виссарион Прокопьевич, ворочаясь на кровати у тёплого печного бока. И перина хрустит, и подушку комит, и старуха на диване всё сопит, и кошка по полу топочет. Ох-хо-хо! К-х-ха! Н-да-а... Придумал же поп нам имечки по святцам! Пантелеймон, Агафья, Харитон, да и меня угораздил. Ну Лизавета – куда ни-то. Полегли братовья в войну, и сестёр теперя нет... Висарик! Тятка с мамой ласково звали... И где-то на Печоре ваши косточки догнивают, когда в тридцать первом кулачили да увезли? А мы-то как выжили – диво! Кабы не дедко, дак и **похезли** бы. До учёбы ли? А ведь смышлёный был, задачки, как семечки, щёлкал. Три зимы – всё образование. В роботушке-то столь, сколь и себя помню. Ну, дак оно и не хуже. Для того и живём, чтоб чего-то делать да уметь, робёнок вырастить, какими тоже люди не **похармуют**.

Эх, Натолька! Сколь на тебя надеи было. На анжинера выучили... Как там ты в Мурманске со своей Нонкой-стерьвой? Матка все глаза выревела, тебя ожидаючи. И почто ты такой податливой? Всё бабу слушаешь? “Вы несовременные. А-на-хор-низм!” Тьфу! И не выговоришь. Это же надо так обозвать. Сама ты “хренизм”. Ниверситет, вишь кончала... И дитёнка не завели. Нету продолженья роду и фамилии. “Для себя жить в первую очередь”. А на хрена такая жизнь? Пять с половиной десятков мужику, а волос на голове осталось, как у телушки на одном месте. Разжирел. Прежние штаны и рубахи уж не налезят. Мне послал. А на что? И своё не доносить. Уж и пенсию ему назначили.

Да я в его годы трёхсаженные кряжи поднимал. А он **позалонись** был, дак на первом **покосиве** от меня отстал. “На юг ездим, к морю”. А врозь-то почто? Одно непотребство. Эх, Натолька...

Да-а... А Настя-то моя **баская** девка была. И на работу **ухватистая**. Не-величка, а всё ломила, другому мужику невоготу. Ну, дак и я-то с войны пришёл — было на что поглядеть. Гимнастёрочка офицерская, галифе, сапожки хромовые, медали позванивают. Придём к ним в деревню на **игрище** — глазами постреливала. Когда в кругу “ветлугая” плясали, всё друг дружке и сказали. Как там она **зачинала**:

*Гуси по небу летели,
Я по тропке лесом шла,
На сегодняшне гулянье
Из-за **дролечки** пришла.*

А я и **откаблучиваю**:

*Мы нездешние — приезжие
Из **Вохмы** из села.
Погуляй, моя головушка,
Покуда весела.*

И другие ухажёры заглядывались, да отшибала. Поди, с месяц только и дролились. В сельсовет поехали, **уписываться**:

*Колокольчики забрякали
Под крашеной дугой.
Собирай, **матаня**, юбочки —
Приехал за тобой.*

Пятьдесят шесть годков прожили... Оборони Бог, ежели она первой по-мрёт. Спервоначалу на войне-то и не страшно. А и какой ум-от у семнадцатилетнего парнишка? Это потом, после ранений да госпиталей **шибко** жить захотелось. Ведь даже девок не довелось целовать. На роду, что ли, мне написано боле с топором да деревом **валандаться**? Вытянуть бы те переправы в одну линию — поди не одна сотня километров. Полбатальона на Днепре легло. У Аркашки Худякова, Митьки Князева да Васьки Герасимова и могилок нет. Бомбами порвало да утопли. На Висле Володьку Пономарёва убило, а на Шпрее уж без земляков был. А сколь нас у мелких рек, в болотах осталось... В атаку не ходил. А попробуй с мосинской винтовочкой на гольном берегу от фрицевских автоматчиков отбиться? То-то!

Девки, слава Богу, в нас пошли. Тоже выучились. И зятья не уросливые, не пообижусь. Нинка вон начальником стала в какой-то ихней управе на Украине. Фамиль только спотыкистская — Надыкто. И внуки-хохлята к нам со всем почтением. Что Тарасик, что Миколка. Звонят, а приезжать стали реже. Границы, вишь, теперя меж нами. Порезали государство на куски, как пирог. Одна маета народу.

Тонька в Сибири худее живёт, и мужик попивает. Не анкаголик, зря не скажу. Да и уважительный Пашка-та. Внучка, опять Настя. В академии четвёртую зиму учится. Не пойму — на кого. На какого-то меняжира. Эта кажное лето у нас. Старуха на неё только не молится. Уж не просидит, не гулливая, да и лицом на бабку **смахивает**.

Едрит-твою налево! Как нога-то раненая **можжит**. Поди, к метели. Опять от наших Чертей до соседнего Рая на лыжах выбираться. Борисоглебская — писаное название деревне. А вот поди ты, только Чертями зовут. Черти и есть. Поля уже сколь лет не паханы. Березняк к **осырмам** подступил. Домов тридцать было, десять осталось. А жилых изб пять. Старичьё одно — хлам да вывих. От колхоза нашего передового “Новый мир” остался один пшик. За что жизни ломали и клали? А робыли-то как, нонешним и не снилось. Тарелку вон внуки к стене пришпандорили. Гляди телевизор хоть все три **уповода**. А и то. Чем нам с старухой заниматься? От скотины во дворе и запах исчез. Земельку ковыряем. Картох маленько, огурцы, помидоры, лук да **галанка**. Круг избы, тропки да заулоч только и окашиваю. Да-а! Дожились. Правду **бают** — до

старости легко дожить, а вот до смерти как? Раньше дров **беремя** принесу – на всю истоплю. А **надьсь** упал у **брундучка** с пятью полешками. Старуху переполошил, едва отводилась. В голове кобылки стрекочут, в груди котятка играют. А ну как и преставлюсь в одночасье? И **домовины** нет! Сколь всего всем за жизнь смастерил, и домовин тоже. Себе-то почто запаста не надоумился? **Обмишурился**. К председателю завтра торкнусь, в Рай, к Николаичу. Не сельсовет теперя, а сплошное поселенье. Эт, удумали, головы садовые! **Варнаков** разных ране высылали на поселенья. Нас-то всех оставшихся почто скопом так зачислили? Презирают, не иначе. Николаич – мужик свойский. Просьбишку мою на карандаш возьмёт. Гроб закажу по самоличной моей мерке. С материей. Привезёт из Вохмы. На **поветь** занесём. Без запаса никогда не живал, непривычно. Ну, опосля сколь-нибудь и ещё потретьпыхаемся.

Дышит ли Настя-то? Дышит, посапывает. Ты, что ли Мурка, приладилась усами щекотить? Ложись дава-ко, маленько соснём.

Звенел под дугой колокольчик

Расписная дуга с колокольчиками, ошейник с бубенцами, сбруя в медных бляшках. Украшения на узде, седёлке и шлее от неупотребления и без ухода стали покрываться голубой окисью, подопрело кое-где их сыромятное крепление. . .

Всё это осталось от отца, а у него – от деда, у того – от прадеда. А прадед был с Вятки. Сколько же поколений близкой и дальней родни радовали и услаждали они и видом, и звуком? Какие воронье, гнедые, буланы, соловые, чалые, саврасые да каурые красавцы-кони их носили? И была такая парадно-выездная амуниция далеко не в каждой деревне, только у справных мужиков, настоящих лошадиников. Ею гордились и берегли, передавали по наследству.

У отца, например, и из других сельсоветов за упряжью гонцы с великой просьбой бывали, да не каждому её доверял. Были у него колокольчики и бубенчики сменные, подобранные комплектами, в такт и тон. Ну, а уж если у кого-то в родне свадьба – он непременно ездовым у молодых, по несколько лошадей так украшенных в свадебном поезде. Ещё ленты цветные да кисти приладят. За многие километры были слышны переливы “малинового” звона. Любо!

Правил он лошадьми с особым шиком, вожжи – струной. С гордо поднятой головой конь – как парил. Сам впереди молодых на облучке специальной для таких выездов кошёвки. Шапку хромовую и в мороз не развязывал, только с уха на ухо иногда боченил. Рукавицами вязаными почти и не пользовался, под сиденье клал. В дублёном чёрном полушубке, серых валенках с двумя заломами на голенище и ухарски спущенной ногой сбоку.

А как он тешил всю деревенскую мелкоту в Масленицу! В той же снаряде через все деревни в ближнее село катал. Писк, визг, звон, скрип полозьев, снег из-под копыт, пар из лошадиных ноздрей, да гордый бас ямщика всем встречным: “По-о-берегись!” Не забыть. . . и не повторить.

Бубенцов на нашем ошейнике девять. Это такие шарообразные колокольчики с круглыми или продольными отверстиями, с большой дробинкой из закалённой глины внутри, чаще кустарные и бронзированные. Звук у них короткий и приглушённый. Бывает их в ошейниках от семи до одиннадцати штук. В центре, под шеей коня – самый крупный, а к гриве всё мельче. Крепили бубенчики, бывало, и на хомут, края седёлки, к кистям. Называют их ещё ожерёлки, воркунцы, шаркунцы.

А вот о колокольчиках поддужных сказ особый. Три их на дуге. По центру, под згой – большой, “мужиком” зовут, а по бокам подзвонки – “бабы”. У каждого свой, отличный от других вид и тембр. Даже в наших краях они теперь редкость. Не сохранили, в цветной лом поддавали за бесценок по темноте да недомыслию. А ведь это исконно наша русская культура, история, искусство. Особо ценны колокольчики XVIII века, с гербами и клеймами мастеров, с надписями по юбке или внутри донышка. Ещё гранёные, с кольцами, с орнаментом или сеткой. Особая статья – колокольчики с голосом чистым и высоким.

Предки мои толк в этом деле знали. Есть на что подивиться. Вот большой ямской валдайский колоколец, отлитый в 1816 году мастером Григорием Митрофановым, с надписью: “Дар Валдая. С серебром”. Много колокольчиков вятских, из Слободского: братьев Поповых, Ситниковых, Макушиных, а самые древние – 1806-1807 годов, с особым звучанием – Луки и Ильи Каркиных. Больше всего колокольчиков нижегородских – всех размеров и видов. В селе Пурех лили их более сотни лет, вплоть до двадцатых годов прошлого века знаменитые династии Трошиных, Ключиковых, Веденеевых, Чернигиных, Молевых. И рязанские сюда затесались, из Касимова, мастера Ивана Кислова, тридцатых годов XIX века.

На отличку два среднего размера колокольчика с надписями под славянскую вязь: “Купи не скупись, ездй веселись” и “Кого люблю, того и дарю”. По почти сношенным ушкам видно, что были они особо уважаемы и позвенели под дугой долго и много. Начищенные, и сейчас сверкают солнышком. Звук “динь-нь-нь-ь” от удара их язычка ничем не передать. А резонансное эхо в тулове чуть не минуту. Это и есть изделие и мастерство высшей пробы.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

ВАЛОВОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ СЧАСТЬЕ

В королевство Бутан мне давно хотелось попасть по двум причинам. Первая – влекли Гималайские горы, древние крепости, монастыри, девственные леса. Вторая – страна долгое время была закрыта для внешнего мира. Это позволило ей сохранить не только природу, но и самобытность уклада жизни, национальный колорит в почти неизменном виде.

Поэтому, когда один из лучших знатоков Бутана, выдающийся путешественник России Евгений Ковалевский пригласил меня в очередную экспедицию, я согласился без колебаний.

Полёт в Бутан в связи с пересадками и неудачными стыковками занял 36 часов.

На финише пощекотала нервы посадка в Паро – международном аэропорту королевства. Она считается одной из самых сложных, так как совершается в таком узком и извилистом ущелье, что порой кажется – ещё немного, и крыло зацепит скалу. Все полёты к нему осуществляются бутанской авиакомпании Drukair. Другие авиакомпании сюда не летают: сертификаты на посадку самолёта в этом аэропорту имеют всего восемь пилотов.

Урр-ааа! Обошлось!.. Сели!

Мечта исполнилась – мы в королевстве, зажатом мистическим Тибетом и тропической Индией в восточной части Гималайских гор!

Было крайне приятно увидеть на месте аэровокзала не серое бетонное сооружение, а довольно большое красивое здание из натурального дерева, любовно украшенное затейливой резьбой и многоцветными орнаментами. Уже от одного этого у меня возникло предвкушение праздника.

На входе в него красовалось симпатичное изображение Его Величества Короля Бутана с супругой и сыном. Такая верность традициям вызывала уважение.

Через эти ворота мы въехали в столицу Бутана – город Тимпху (численность населения 80 тысяч человек).

Город с первой же минуты опроверг утверждение Википедии о том, что Бутан – одно из беднейших государств мира. На удивление много машин, чисто. Люди красиво одеты.

А уж то, что я увидел впоследствии, обрадовало ещё больше. Ощущение, не покидавшее меня во всё время пребывания в этой стране, можно описать одной фразой – я попал в сказку!

Похоже, это королевство окружено какой-то особой позитивной энергетикой. Она даже нас, приезжих, постепенно наполняла по-детски радостным отношением к жизни.

Хотя, должен признаться, поначалу всё то, что я видел в Бутане, воспринималось, как сменяющие друг друга красочные декорации грандиозного спектакля. Только на третий день стало доходить: “Камиль, ведь это не декорации – это реальность, в которой царят любовь и доброта”.

Повсюду приветливые, улыбающиеся лица, и эти улыбки искренни.

Этой атмосфере любви и спокойствия, безусловно, способствует исповедуемый бутанцами тибетский (тантрический) буддизм. Бутан – его последний оплот, ибо прежнего Тибета больше нет. Несомненно, сказывается и облагораживающее влияние на людей высочайших в мире гор – Гималаев. А под конец поездки я осознал, возможно, не менее значимую причину – мудрое и справедливое управление страной королём.

Бутан – конституционная монархия. Площадь страны сравнима с площадью Швейцарии (она чем-то даже похожа на неё), но население в одиннадцать раз меньше: 820 тысяч человек на начало 2019 года. С учётом того, что на одного умершего приходится трое родившихся, оно достаточно быстро растёт.

Плодородные долины, тесные, поросшие громадными соснами, ущелья, водопады, ледники, затерянные в облаках, создают живописную и величественную панораму.

Территория, занимаемая королевством, – одна из самых труднодоступных и труднопроходимых.

Высочайшая точка – гора Гангкхар Пуенсум (7570 м) – находится на севере страны, на границе с Тибетом. Всего в стране насчитывается 22 горных пика высотой более семи тысяч метров.

Кстати, Гангкхар Пуенсум является самой высокой горой на Земле, на вершину которой не ступала нога человека. И теперь вряд ли ступит: в 1994 году король, чтобы не тревожить покой горных духов, запретил восхождение выше 6000 метров, а с 2003 года альпинизм в стране был запрещён полностью.

Нынешний правитель Бутана – Джигме Кхесар Намгьял Вангчук – унаследовал трон от своего отца в 2006 году, когда тому был всего 51 год (мог бы ещё править и править). Перед этим он лично написал Конституцию страны, в которой определена главная задача правительства – делать людей счастливыми. Одновременно он учредил двухпалатную Национальную Ассамблею. Корону сыну передал со словами: “Счастье народа важнее процента валового внутреннего продукта (ВВП)”. Золотые слова!

Поскольку богатые не всегда счастливы, а счастливые обычно считают себя богатыми, король-отец и король-сын на семейном совете решили, что приоритетом нации должен стать не ВВП, а ВНС (валовое национальное счастье). Для развития и изучения этого состояния были созданы Государственная Комиссия по ВНС во главе с премьер-министром, Департамент исследования ВНС (его ошибочно иногда называют Министерством счастья) и Институт, разрабатывающий оптимальные пути по его увеличению.

За этим показателем здесь строго следят. Дважды в год по специальным комплексным опросникам сотрудники Департамента выясняют, на сколько же процентов счастливы жители. В нём 150 вопросов. Они составлены таким образом, чтобы исключить субъективные ответы из серии “сегодня я несчастлив, потому что вчера сломалась машина”.

Год от года индекс счастья растёт и сейчас достиг 97%. Неудивительно, что короля бутанцы не просто чтят, а все до единого боготворят.

Понятие “валовое национальное счастье” состоит из четырёх важнейших блоков.

- 1. Сохранение природы и окружающей среды.**
- 2. Сохранение культурного и духовного наследия.**
- 3. Честное правительство, обеспечивающее скоординированное и последовательное управление.**
- 4. Равное социально-экономическое развитие для всех.**

Постараюсь пояснить, как реализуется каждый блок.

1. Сохранение природы и окружающей среды

На территории Бутана запрещено охотиться, ловить рыбу, добывать полезные ископаемые. Горы буквально утопают в девственных лесах (наверное, поэтому воздух здесь невероятно вкусный). Лес рубится только для собственных неотложных нужд. За незаконную вырубку грозит пожизненное заключение. Деревья при строительстве дорог максимально сохраняют.

Запрещён ввоз химикатов и продуктов с ГМО. Удобрения используются только органические. Здесь нет загрязняющих среду предприятий, за исключением нескольких цементных заводов.

Подержанные и не соответствующие экологическим нормам автомобили ввозить в страну запрещено. Чтобы ещё больше ограничить число машин, бутанец при покупке автомобиля обязан уплатить в бюджет налог в размере 100% стоимости машины!

Эти деньги идут на строительство “чёрных дорог” – к 2022 году, в соответствии с пятилетним планом, асфальт должен быть проложен до каждой деревни (и это в стране, где преобладает горный рельеф!).

Национальные парки и заповедники занимают 35% (!!!) территории страны.

На южных равнинах растут вечнозелёные тропические и субтропические леса. (Там мне побывать не удалось.) В предгорьях Гималаев (от 1500 до 3500 м) – смешанные и хвойные; далее – субальпийские, ещё выше – альпийские луга, а после 5500 м – вечные снега и ледники.

Температура зависит от высоты. Центральный пояс страны с высотой в пределах от 1500 до 3000 метров – зона прохладного умеренного климата. Так, температура в городе Тхимпху, находящемся на высоте 2200-2500 м над уровнем моря, в июне-сентябре составляет 15-26°C, но в январе понижается ночью до -4°C, а иногда и до -12°C. На равнинном юге страны температура летом достигает +40°C.

Растительный и животный мир здесь уникален и разнообразен. Так, в Бутане растёт голубой мак – высокогорный цветок, которого нет больше нигде в мире. Многочисленны красные еноты, тапины, яки, гималайские медведи, горалы. На юге в тропических лесах обычны панды, слоны, носороги, тигры.

Для сохранения редчайших чёрношейных журавлей создан специальный заповедник.

Домашние животные спокойно разгуливают по дорогам – знают, что их никто не обидит. (Обидишь – испортишь карму.)

А это уникальные местные эндемики – тапины. Не поймёшь, то ли корова, то ли козёл.

А собаки и вовсе так избалованы уважительным отношением, что места им лежат прямо на проезжей части, не реагируя на приближение автомобиля. Водители вынуждены осторожно объезжать их.

2. Сохранение культурного и духовного наследия

В Бутане большинство людей носит национальную одежду. Мужчины – в халатах гхо до колена, а женщины – в длинных юбках кира и жакетах теги. Без кира с теги или гхо не пустят ни в учреждение, ни в дзонг, ни в школу, ни в муниципалитет. Костюмы представлены всего двумя размерами: “побольше” (российский 48-й) и “поменьше” (российский 44-й). Но бутанцам этого хватает. Встретить среди местных человека с избыточным весом невозможно.

Радиостанции транслируют только национальную музыку и песни. Курение в стране запрещено. Употребление спиртного ограничено. Здесь вы не встретите западных сетей типа “Макдональдс” и т.д.

Что ещё бросается в глаза? Большинство домов построено в традиционном тибетском стиле. Первый этаж – каменный, второй – деревянный.

Дерева при постройке дома не жалеют. Половые доски толстые, широкие – до полуметра, оконные рамы – толщиной 15 см! Карнизы, наличники резные. Стены и двери вручную расписаны изящными многоцветными орнаментами. Они украшают абсолютно все здания страны, вплоть до трансформаторной будки.

В числе художественных элементов росписи – довольно реалистичные пенисы. Бутанцы верят, что их изображения отгоняют злых духов и приносят в дом удачу. Частенько на стенах можно увидеть снежного льва и птицу гаруду. Популярен и такой сюжет: внизу, под высоким деревом, – слон, у него на спине – обезьяна, на ней расположился кролик, а на самом вершине пирами-

ды – птица, которая достаёт яблоко. Убедительная иллюстрация преимуществ коллективного труда.

При этом внутри дома всё очень скромно: стол, несколько стульев. Кроватей нет, только стопка матрасов и подушек, укрытых покрывалом. Бутанцы чистоплотны. Посуду моют сразу, как только поели. Вместо ванны – “каменная баня”: большие чаны с водой, нагретой раскалёнными камнями.

На каждом доме – деревянные таблички двух цветов, синего и зелёного. На них – адрес на двух языках: государственном дзонг-кэ и английском. (Бутан в прошлом долгое время был протекторатом Англии.)

На улицах, даже в деревнях – идеальная чистота. Кругом урны зелёного – “природного” – цвета, надписи на которых напоминают: “Не забудь про меня”.

В стране широко отмечаются все религиозные праздники, проводятся национальные фестивали.

В городах и деревнях многочисленны молитвенные барабаны, которые местные жители крутят при первой возможности (один оборот равносителен стократному прочтению молитвы).

Некоторые молитвенные барабаны постоянно вращаются стекающей с гор водой.

На деревьях, мостах и некоторых склонах гор развешаны разноцветные флажки, символизирующие пять стихий: жёлтые – земля, красные – огонь, белые – вода, зелёные – воздух, синие – пространство.

Впечатляют густо стоящие, как правило, у обочин дорог высоченные шесты с белыми флагами.

– Это молитвенные флаги в честь усопших, – поясняет наш проводник Дарджи. – Ветер, развевающий полотна, несёт душе покойника удачу в новой реинкарнации.

В домах популярны тханки. Самая популярная – “Восемь символов благоденствий”. Она приносит в дом достаток и мир.

В столице Тхимпху на горе установлен громадный, видимый со всех сторон монумент – Большой Будда. Его высота 51,5 м, он весь покрыт листами золота. Внутри – большое помещение, в котором находятся десятки тысяч маленьких Будд.

Помимо этого, по всей стране построено 14 тысяч ступ. Особенно много их на месте слияния рек и речушек – ступы препятствуют проходу в долины злых демонов.

Многочисленные монастыри стоят, как правило, на самых оживлённых перекрёстках торговых путей. Так как они окружены высокими, мощными стенами с узкими бойницами с великолепным обзором, в прежние века они играли ещё и роль неприступных крепостей.

С пожарной безопасностью везде порядок.

Монахи не чуждаются сотовых телефонов. Благо, покрытие связью в Бутане 97%.

3. Честное правительство, обеспечивающее скоординированное и последовательное управление

В одной из статей Конституции записано: “Если правительство не может обеспечить счастья своих подданных, то нет смысла в существовании такого правительства”. Замечательный подход! Правительство в королевстве состоит из 10 министров. Премьер-министр избирается поочерёдно из числа членов правительства сроком на один год. Он подчиняется королю. Пока у бутанцев нет оснований быть недовольными работой министров – за последние десять лет ежегодный прирост ВВП составляет 6%.

В Бутане практически нет коррупции. Пример тому подаёт король, переселившийся из дворца в небольшой дом. Опасаясь поглощения страны западным капиталом, он ограничил проживание здесь иностранцев, а тем более, ведение ими бизнеса.

Преступность – нулевая. С 2010 года зарегистрировано одно убийство, и то по неосторожности.

Безопасность Бутана гарантируется договором о дружбе с Индией и королевской армией. Она хотя и небольшая, но прекрасно оснащена и подготовлена. Принято (хотя и не обязательно), чтобы в армии отслужил один сын из каждой бутанской семьи. В случае необходимости может собираться народное ополчение.

4. Равное социально-экономическое развитие для всех

В королевстве каждый имеет право на бесплатное образование и бесплатное медицинское обслуживание. Образование двенадцатилетнее, трёхуровневое (6 лет – начальный уровень, 4 года – средний и 2 года высший). Оплачиваются декретные, совершенствуется пенсионная система. Все селения электрифицированы. Крестьяне освобождены от платы за электроэнергию.

Король ставит интересы своих подданных превыше всего, и это не обычный популистский лозунг. Талантливых молодёжь отправляют учиться за границу за счёт казны. По госпрограммам предоставляют бюджетное жильё беднякам. Цены на всё фиксированные и строго контролируются. Средняя зарплата – порядка 28 тысяч рублей.

Словом, страна развивается. А сами бутанцы умеют радоваться жизни и ценить простые вещи.

Монастыри-крепости (дзонги) Бутана и по сей день являются крупными центрами духовной и культурной жизни.

В них находятся редчайшие буддистские святыни, образцы тибетской культуры и храмовой живописи.

Доля монахов-лам, проповедующих древнейшую религию мира – тибетский буддизм – в Бутане выше, чем в любой другой стране. Основатель буддизма – принц Сиддхартха Гуатама – Будда (624 год д. н. э.) считал, что его учение – не религия веры, а религия опыта: она не говорит людям, ЧТО они должны делать, а только учит, КАК думать.

Что же меня больше всего поразило в этой стране? Здесь нет привычного для нас стресса. Люди расслаблены и довольны жизнью – они видят, что она с каждым годом улучшается не на словах, а на деле.

Наверняка, тут тоже хватает проблем, и люди так же, как и мы, страдают от болезней, старости, потерь. Но главное – это их отношение ко всему происходящему. Основа мировоззрения бутанца – благодарность. Благодарность за то, что имеешь. Философия простая: если ты проснулся утром и жив, это уже повод порадоваться; если здоров, то считай, что ты уже самый счастливый. А если есть крыша над головой, еда и близкие рядом, то больше и желать нечего. При этом буддизм не отвергает материальный комфорт и благополучие, а лишь напоминает, что в приоритете должна быть духовность, что богатство само по себе не может сделать человека счастливым.

Психологи доказали: благодарность – это лучшее лекарство от депрессии. В бутанском языке даже нет слова, означающего депрессию. Вывод простой: если каждый день практиковать благодарность с полным пониманием и **принятием того, что есть**, то депрессия человеку не грозит. (Правда, если каждодневно видишь не улучшение условий жизни, а ухудшение, то и буддизм не поможет).

В каких бы тяжёлых условиях бутанец ни жил, какую бы тяжёлую работу ни выполнял, он никогда не бывает угрюмым, раздражённым. Бутанцы не привязываются к материальному. Они считают, что, когда деньги и вещи становятся смыслом жизни, сама жизнь теряет смысл. Поэтому главное для них – не давать материальному управлять тобой, ценить то, что имеешь, и благодарить богов за это.

Детей любят. В деревнях – 4-5, в городах – 2-3 ребёнка.

Бутанцы искренне верят, что, отдавая, человек накапливает позитивную карму, и это обязательно положительно скажется и в этой, и в последующих жизнях. Поэтому их отличает щедрость и бескорыстие. Речь идёт не только о щедрости материальной, когда делишься всем, что имеешь. Они всегда готовы потратить своё личное время, проявить внимание.

Могу привести такой красноречивый пример. Мы сидели за столиком в уличном кафе. На росшем рядом дереве красовались лимоны. Я вслух воскликнул: “Какие крупные и красивые!” Официант тут же сорвал парочку и с улыбкой положил передо мной на стол.

Тибетский буддизм учит, что все живые существа рождаются, умирают и снова рождаются. В связи с этим бутанцы относятся с почтением даже к букашкам. Ведь возможно, в одной из прошлых жизней они были родственниками, соседями или друзьями. Наверное, поэтому люди очень своеобразно обращаются к друг другу. Если женщина постарше, к ней обращаются Ама (мама), помладше – Ана (тётя), молодой скажут Усын (сестра) и т.д.

Взаимоуважение, доброе отношение – основы общения. Вы не встретите на дороге ругающихся водителей, никто не стремится прорваться вперёд,

наоборот, все стараются уступить. Согласитесь, среди таких людей очень приятно находиться.

Бутан является красноречивым примером того, что, даже не имея промышленности и не распродавая свои природные богатства, можно обеспечить народу достойные условия жизни.

За счёт чего же обеспечиваются экономическое благополучие королевства и рост благосостояния народа?

Основное – это гидроэнергетика

На горных реках за последние 20 лет построены гидроэлектростанции, вырабатывающие более 10000 МВт электроэнергии (для сравнения: в Крыму общая мощность электростанций в десять раз меньше, а население – в три раза больше), продаваемой, в основном, Индии и Бангладеш. (Как вы помните, сельское население Бутана от уплаты за электричество освобождено королём).

На втором месте – сельское хозяйство

Крестьянам, желающим заниматься сельским хозяйством, король дарит землю в размере до трёх гектаров. Выращенный урожай (в основном, рис, картофель) организованно вывозится по заявке крестьян на ярмарку на границе с Индией. После продажи на аукционе выручка передаётся крестьянину. За машину картофеля он получает от 200 до 240 тысяч нгултрумов (это до 260 тысяч рублей). Поскольку в Бутане климат позволяет снимать два-три урожая в год, крестьянам грех жаловаться на заработки.

В последние годы набирают обороты доходы от туризма

В недалёком прошлом посетить Бутан можно было лишь по приглашению короля. Сейчас ограничений нет. При этом, чтобы минимизировать разрушающе влияние Запада на самобытную национальную культуру, ставка делается на VIP-туризм высшего качества. Поэтому Бутан – страна не массового, а индивидуального туризма для обеспеченных людей. Сутки пребывания в стране – фиксированные 250\$, из них 65\$ сразу перечисляются в бюджет. Иностранцам перемещаться по стране без проводника запрещено (с проводником – особых ограничений нет).

Чётко работает ГАИ

Его сотрудники стоят даже возле “зебр” – следят за тем, чтобы права пешеходов не нарушались.

Водители в Бутане каждые 3-5 лет проходят повторное обучение и сдают экзамен на знание правил и вождение (чем больше штрафов, тем чаще переэкзаменовка). Цена на бензин – порядка 70 рублей за литр.

Номера на частных и государственных машинах отличаются только серией. На частных автомобилях – серия ВР (Бутан, приват), на государственных – ВG. А серия RBG – у королевского автопарка. (У бесчисленных такси – номера жёлто-чёрные).

Из видов спорта развита только стрельба из лука. Она здесь популярна не меньше, чем у нас хоккей. Стреляют великолепно – попадают в круг размером в 10 сантиметров с 200 метров.

Что ещё не отметил? О! Про еду чуть не забыл. Из напитков особой любовью пользуется солёный чай с молоком и маслом яка. Популярны гороховые тёртые супы, салаты, подливы к рису и картошке, рисовые лепёшки. Вся еда бутанцев из-за любви к красному перцу очень острая. Перец здесь не специя, а скорее обычный овощ. Поэтому, если не хотите обжечь рот и спалить желудок, предупреждайте: “Прошу без чили”.

Меня, сосем не любителя острого, выручали “мо-мо” – пресный аналог мантов, только поменьше размером (тесто с разной начинкой).

В общем, королевство интересное, экзотическое, и человечеству есть чему поучиться у него. Можно сказать, Бутан – это колокол, бьющий в набат: люди, разорвите цепи материальной зависимости; вспомните о душе, о нравственности.

Полгода назад ушёл из жизни Владимир Данилович Попов, умелый управленец, талантливый публицист, член Редакционного совета журнала “Наш современник”. О Владимире Попове вспоминает его друг, журналист Валерий Бадов.

ВАЛЕРИЙ БАДОВ

ВОЛЬНЫЙ ПОТОМОК КАЗАЦКОГО РОДА ПРОТИВ “ОРДЕНА СТОЛОНАЧАЛЬНИКОВ”

“И вся ещё не прожитая жизнь...” — суровая, откровенная книга-исповедь незаурядного, дерзкого, умелого управленца из не востребовавшего поколения...

... Сборник памфлетов “Последние из великороссов? Мысли о немыслимом” вышел в свет в издательстве “Вече” в 2003 году — нежданное вторжение в отечественную публицистику топ-менеджера из сферы большого бизнеса Владимира Даниловича Попова.

В узком кругу топ-менеджеров большого бизнеса поступок Владимира Попова по умолчанию сочли вызывающим и безрассудным. И не столько задевало за живое инакомыслие автора, сколько его безоглядное решение пожертвовать завидной успешной карьерой, положением в “приличном” обществе.

Помилуйте, чего ради? Сомнительной славы сочинителя-вольнодумца, провидца, насмешника, который красного словца ради... и проч. Несолідно... Разве что Салтыков-Щедрин до того, как пристать к писательской братии, служил в чине вице-губернатора в Вятке. Но то когда ещё было, господа-товарищи...

Зачем преуспевающему топ-менеджеру крупной нефтегазовой компании, никоим боком не причастному к политической сутолоке и партийным распрям, ночами просиживать над чистым листом бумаги, вынашивая страницу за страницей полемические статьи и памфлеты на злобу дня?

Искомый ответ, иносказательный, содержится в третьей по счёту книге Владимира Попова “Косово поле великороссов”. Речь идёт про старинную конфуцианскую заповедь: “Разве можно назвать человеком того, кто, затаив за пазухой драгоценность, безучастно следит, как его страна сбивается с пути”.

Вот этим всё и сказано. Причина волевого решения уйти без оглядки из большого бизнеса — нравственная.

Что и говорить, было чем жертвовать. Карьера — в зените. Репутация отменного кризисного менеджера. Ранг старшего вице-президента корпорации

“Итера”, второй после Газпрома на газовом рынке. Владимир Попов – таково было условие его контракта – отвечал за весь бизнес корпорации в Российской Федерации. Под жёсткой его рукой – 1,5 миллиарда долларов годового финансового оборота. И дела шли в гору... Решение Попова об отставке – как гром среди ясного неба.

Однако, даже покинув ключевую позицию старшего вице-президента, Данилыч, как называли его друзья и соратники, не отрёшился от дел. И в новом качестве советника президента и собственника “Итеры” Игоря Макарова завершил все начатые им бизнес-проекты.

В кругу менеджмента “Итеры” к ошеломительному его уходу из компании отнеслись по-разному. Одни – с сожалением, горечью, другие – чуть ли не с ликованием...

Вслед за Поповым поочередно покинули “Итеру” опытные управленцы. Сплочённая команда, с которой он, лидер, выстраивал заново системный, прозрачный, отсекающий коррупционные проделки, вывод больших сумм на сторону стратегический менеджмент. Мало кто знает, что в корпорациях частного бизнеса воровство и “серые” схемы практикуют никак не меньше, чем в госкорпорациях. После ухода Попова из “Итеры” вся честная компания воспрянула.

...Предчувствие, что отныне закат “Итеры” не так уж и далёк, возникло у многих сведущих людей.

Невесёлое Рождество в Гере

Прежде чем продолжить рассказывать, какими судьбами корпоративный финансист с годами перевоплотился в известного публициста, автора шести книг, памфлетов, очерков, философских эссе, удостоенных премии Союза писателей России, придётся вернуться на целых четверть века назад. В старинный немецкий город Гера, в атмосферу весёлого карнавального Рождества на улицах.

Поздно вечером в пивном погребе у ратуши за настоящим “Пльзеньским” собралась мужская компания.

Прямо напротив меня – второй секретарь посольства СССР в ГДР. Вид у него вполне респектабельный. Но ни капли вышколенности, присущей частным к дипломатическому корпусу. Про таких жизнелюбов обычно говорят “искроглазый”. В безупречно интеллигентном облике проглядывало неуловимо казацкое происхождение. Угадал! При знакомстве оказалось, что Владимир Данилович – сибиряк, но все его предки, до седьмого колена, родом из хутора Попов возле станции Вешенская.

В городе Гера пути наши сошлись по случаю традиционного фестиваля Союза Свободной немецкой молодёжи и Ленинского комсомола. Праздновали широко, весело, с задором... Празднества, манифестации в Берлине, Лейпциге, Саксонии... Но в тени мажорной атмосферы фестиваля настроения были не радужные. С немецкой стороны в дискуссии высказывалось, недомолвки, а то и в открытую, запальчивое неприятие нежданной идеологической метаморфозы в Москве. Перестройка, гласность, плюрализм... Тиражирование в “Московских новостях”, которые рвали из рук, самиздатских антисоветских опусов... Вся эта эйфория гласности ничего, кроме горькой усмешки, у коллег-журналистов немецких молодёжных изданий не вызвала.

Нас попрекали: “Разве не кажется вам, камрады, что горбачёвское “новое мышление” всего лишь ремейк злосчастной “Пражской весны”? Чешские товарищи ведь тоже начинали со здравниц “социализму с человеческим лицом”, а скатились к махровому антикоммунизму”.

“Окстись, Клаус!” – на моё восклицание немец только махнул рукой.

В Москве настроения были совсем иные. На Этаже, как на нашем редакционном сленге называли редакцию “Комсомольской правды”, самые смелые тексты ставились на полосу “с колёс”. Воодушевление было всеобщим. Даже стреляные воробьи, заставшие ещё хрущёвскую оттепель, дивились смелости и задуховности вновь избранного Генерального секретаря. “Новое мышление” у всех было на слуху, хотя что это за “философский камень”, оставалось неведомым. А в ГДР, на непосредственном идеологическом рубеже противостояния с Западом, утвердился тот самый исконный, немецкий социалистический *орднунг*. Ревизионистам негде разгуляться. А главное – в Республике воспиталось не одно поколение, преданное идеалам социализма.

Ходила молва, что в окружении Эриха Хоннекера перестройку “не праздновали”. И подозревали будущего “лучшего немца” в предательстве, намерении сделать ГДР разменной монетой в торге с Западом. Не ровён час, Германская Демократическая Республика — твёрдый замковый камень всего Варшавского договора — исчезнет с политической карты Европы.

Что и говорить, на душе скребли кошки. Быть может, не зря всполошились товарищи в Берлине?

Все эти смутные толки и пересуды, казалось, находили опровержение в радостной, оптимистичной дружеской атмосфере фестиваля. Верилось, что всё ещё образуется... В тот вечер под Рождество мы разговорились с моим новым знакомцем. Слово за слово, подступились к теме глухой размолвки между Старой площадью и Александер-Плац. А я про себя подумал: ну да, так и скажет дипломат правду-матку. И немало был удивлён, когда услышал в ответ откровенное и обескураживающее: “Всё, что мы в дни фестиваля видим, считай, в последний раз!” Коротко и недвусмысленно, с холодной, спокойной интонацией, присущей людям пытливым, самостоятельного образа мыслей. Признаться, я не поверил, но призадумался. Посыл ледяной реал-политик?

Перед самым возвращением в Москву, в фойе отеля “Штат Берлин” меня ухватил за локоть разгорячённый политэмигрант из Чили. Из его гневной филиппики по-испански, с нотками отчаяния, разобрал смысл только двух слов:

— Crazy Gorbachev!

Владимир Данилович оказался провидцем. Вот как он описывает драматическое развитие событий после падения Берлинской стены: “24 октября Эгон Кренц возглавил Госсовет ГДР. Первого ноября прибыл в Москву на встречу с Михаилом Горбачёвым, который будет ему лгать, глядя в глаза, что для него вопрос объединения (Германии) не стоит в повестке дня. На самом деле между ним и Гельмутом Колем была уже достигнута договорённость, что СССР не будет вмешиваться в процесс поглощения ГДР. Эгон Кренц располагал достоверной информацией о той потаённой договорённости. Разведка ГДР была одной из самых сильных в мире”.

Встреча на Севастопольском

Судьба так распорядилась, что повторное знакомство с Владимиром Даниловичем произошло через целую прорву лет — на верхнем этаже высотки на Севастопольском проспекте, в столовой компании “Итера”. Академик Фарман Салманов, легендарный первооткрыватель тюменской нефти, представил меня своему близкому товарищу — старшему вице-президенту “Итеры” Владимиру Попову. И надо же! Мы не опознали друг друга!

Однако почти с полуслова поняли, что в одинаковой мере не празднуем торжество “дикого” капитализма” в бывшей свехдержаве. Редко, когда случается такое совпадение мировоззрений в наше время, когда кто в лес, кто по дрова. Бывшие сусловские ревнители марксизма-ленинизма ныне подвизаются в Высшей школе экономики — миссионерском заведении Запада.

С Владимиром Даниловичем мы крепко подружились. С годами у нас сложилось на редкость ладное творческое содружество. “Ну, чисто Ильф и Петров!” — подтрунивали знакомые.

Вместе с депутатом Европарламента, известным итальянским публицистом Джульетто Кьезой, мы втроём задумали и издали книгу — стенограмму диалогов “Европа и Россия в сумерках капитализма”. Главы из неё напечатали газета “Советская Россия” и журнал “Наш современник”. В дни выхода тиража в августе 2008 года разразился мировой экономический кризис. Его-то трое авторов, как на грех, “напророчили”. Вместо эпиграфа на первой странице — курсивом вешее предвидение “отца социологии” Питирима Сорокина: “Построенный западным человеком за предыдущие столетия величественный социокультурный дом рухнет. Его падение сметёт договорную демократию, договорной капитализм вкупе с частной собственностью и договорное общество свободных людей”. Суровое предвидение Питирима Сорокина датировано пятидесятью годами прошлого столетия. “Золотой век” Америки, начало экономического “чуда” Германии и Италии. Ничто не предвещало, казалось бы, “сумерек договорного капитализма”. Всё, что так метко предвосхитили интуиция и социологический дар Сорокина, участника Февральской революции 17-го года, пришлось как раз на время, которое мы и Запад переживаем ныне.

У памятника героям Плевны

...Срок командировки в ГДР завершался. Посол Вячеслав Иванович Комечасов твёрдо поддержал решение Владимира Попова вместо Дипломатической академии поступить в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС.

“Годы работы в ГДР были насыщенными, расширили кругозор, понимание картины мира, — вспоминает В. Попов. — Исколесил Республику вдоль и поперёк. Встречался с вузовской интеллигенцией. Штудировал выходящие в Федеративной Республике аналитические работы о перспективах развития отношений двух германских государств. Закрытой информацией делились работавшие в штате посольства люди с Лубянки. Пришёл к неутешительному выводу, что будущего у ГДР нет, если догматичное руководство СЕПГ не изменит парадигму политики...” Восточная политика канцлера Брандта, признание ГДР и границы по Одере-Нейсе, которые так обнадежили Старую площадь, на поверку, — “игра в долгую”. Латентная цель, твёрдо был уверен инакомыслящий секретарь посольства Владимир Попов, — постепенное поглощение ГДР.

Жёсткие аналитические выкладки Попова резко противоречили официальной линии МИДа. Но это его ничуть не беспокоило. Карьерным дипломатом он себя не ощущал.

“...Владимир, то, что ты написал, чудовищно смело, но мыслишь правильно”, — сказал Рудольф Яковлевич Яновский, ректор Академии общественных наук. Откровенный разговор касался аналитической записки В. Попова о подноготной отношений ГДР и ФРГ. “Почти готовая кандидатская диссертация”, — отозвались о реферате на кафедре Академии.

Как ни старались здешние ортодоксы, им не удалось, благодаря полемическому дару Попова, уличить его в “ревизионизме” и завалить защиту кандидатской диссертации.

...И всё же с Академией пришлось распрощаться. В 1989 году позвали работать в Комиссию по экономической реформе Совмина СССР, на вакантную должность заведующего сектором. В деятельность Комиссии вовлечены были ведущие ученые-экономисты Академии наук, специалисты и эксперты Госплана, союзных министерств. Основательно, без догматических шор, в полемическом настрое рождалась развёрнутая долгосрочная стратегия перехода от “директивной” к гибкой планово-рыночной модели экономики.

“Все мы сознавали огромную опасность псевдорыночного экстремизма”, — подмечает В. Попов в восьмой главе своего повествования о былом. — “Концерты экономистов” собирали толпы...”

И в самой Комиссии жёстко противостояли друг другу разные подходы к реформированию народного хозяйства. Группа Ясина, Явлинского, Алексашенко держалось особняком. Не мудрствуя лукаво, они взяли себе за основу хваленую “шокотерапию” поляка Бальцеровича. На поверку это была лишь ученическая копия Вашингтонского консенсуса. Ярые демагоги-“рыночники” сочинили подражательную утопическую программу “500 дней”. Её взахлёб хвалили в печати и на телевидении. Это был яркий образчик авантюрного ненаучного подхода.

“Наша группа стояла на том, чтобы органически соединить рыночные и плановые регуляторы преобразования экономического уклада, — повествует В. Попов. — “Лоция” постепенного системного перехода к многоукладной экономике была уже полностью готова. Премьер Николай Рыжков и его заместитель академик Леонид Абалкин поручились за неё всем своим авторитетом”. Тем временем явлинские и ясины воспользовались негласной поддержкой “архитектора перестройки” — “златоуста” Александра Яковлева. Завязалась тёмная политическая интрига, в которую вовлечены были Горбачёв и Ельцин. Эти два хитрована на людях, в публичных выступлениях представляли непримиримыми противниками. Просто на дух друг друга не выносили... Однако в самый решающий момент Горбачёв, с присущим ему вероломством, предал Николая Рыжкова. И одним махом пустил по ветру весь труд совминовской Комиссии.

И вот как это было — свидетельство из первых рук. “...Горбачёв, и глазом не издавший разработки, аналитику нашей Комиссии, позвонил с юга Николаю Рыжкову. И нисколько не вникая в его сообщение о завершении работы Комиссии, тоном, не терпящим возражений, заявил, что поручил готовить

окончательный проект рыночной реформы академику Аделу Аганбегяну. “Ваши наработки можете передать ему”.

Реалистическая совминовская программа оказалась не только произвольной перечёркнута верхоглядом Горбачёвым, но вдогонку бессовестно оболгана в “демократической” прессе. Было из-за чего негодовать, отчаиваться, опустить руки. Мол, плетью обуха не перешибить... И всё-таки дерзкий казачий норв Владимира Попова подвиг его на запретный, через головы высокого начальства, политический демарш. Он позвонил по вертушке заместителю Генерального секретаря ЦК Ивашко.

— Вы хоть отдаёте себе отчёт, любезный, что это совсем не ваш уровень?! — возмутился помощник шефа. — Владимиру Антоновичу даже Абалкин звонит крайне редко.

Против ожидания, Ивашко принял “наглеца” для “серьёзного разговора” на второй день полудни. Попов ему всё без утайки и поведал о двурушничестве Горбачёва. И про то, как легковесно и цинично он обошёлся с многолетним трудом Комиссии.

— Горбачёв мне ничего об этом не говорил, — удручённый, развёл руками задетый за живое Ивашко. — Вчера только был разговор с ним.

Заместитель Генерального секретаря, как прояснилось, толком и не знал сути программного документа Совмина. И тотчас через помощника его затребовал.

Попов, была не была, как на духу высказал второму лицу в партии, что никуда не годится, просто возмутительно, когда совминовский документ, который призван кардинально повлиять на судьбу перестройки, с порога отвергнут. И добросовестные разработчики его непременно будут ошельмованы “демократическими” изданиями. Непостижимо, что важнейший программный документ Совмина, вопреки десятилетиями отлаженной процедуре, даже не поступил на рассмотрение Секретариата ЦК и Политбюро.

— Уважаемый Александр Антонович, — в завершение решился высказать Попов, — дело приобретает вовсе скверный оборот. Если будет принят к исполнению авантюрный “радикальный” вариант долгожданной рыночной реформы, управление целыми отраслями народного хозяйства захватят авантюристы, мошенники, “теневики”. Последние уже легализовали свой бизнес в кооперативах. Грядёт потеря управляемости в народном хозяйстве, а следом — неминуемый хаос и разруха...

— Владимир Данилович, не стоит отчаиваться, партия этого не допустит, — твёрдо заверил заместитель генсека Ивашко. — Мы крайне озабочены происходящим в стране. Что конкретно вы предлагаете?

— Для начала — принять закон “О государственной службе”, по примеру ФРГ. Там самое совершенное в мире законодательство на этот счёт. Мы в Комиссии многое из него взяли. Внесли проект закона в Верховный Совет, но нас даже не пригласили в профильный комитет на обсуждение. И, сказать по правде, от нашего проекта закона остались рожки да ножки.

Под конец Ивашко сказал, что это был честный разговор коммуниста с коммунистом.

— Мне надо хорошенько всё обдумать, — с озабоченностью сказал на прощанье заместитель генсека. — А завтра у вас непременно состоится разговор с заведующим Социально-экономическим отделом ЦК Александром Владимировичем Власовым.

Ивашко поручил помощнику срочно связать его с Абалкиным. И всегда соединять с товарищем Поповым, когда тот будет звонить по вертушке...

В тот же вечер Попов, обнадёженный, позвонил главе Комиссии Петру Кацуре: “Надо срочно переговорить без свидетелей”.

Встреча с Александром Власовым состоялась вскоре. Обсудили тактику защиты и продвижения совминовской Программы. Власова глубоко возмутило безответственное скоропалительное решение Горбачёва. Оказывается, прознав о моей с Ивашко “самодеятельности”, Михаил Сергеевич впал в неопределяемый гнев. “И чуть ли не выставил всех нас “заговорщиками”, — с горькой усмешкой сказал Власов. — На самом-то деле ещё не известно, о чём они сговорились с Ельциным”.

В. Попов далее вспоминает: “Ещё несколько раз встречались для “конспиративных” разговоров с Власовым в сквере у памятника героям Плевны, прямо напротив дома ЦК. “Наши с вами инициативы, — поведал Власов, — вызвали у Горбачёва отповедь, полнейшее неприятие”.

Бесподобный Егор Тимурович

“...Самым большим моим открытием стало то, что основные решения принимались не в правительстве Черномырдина, а в заведении, которое называлось Институт экономики переходного периода, – вспоминает В. Попов. – Когда Верховный Совет прогнал из правительства Гайдара и присных, они переместились под сень этого тёмного “института”.

По иронии судьбы, именно В. Попову поручено было написать Положение о загадочном новом институте при Академии народного хозяйства.

Ничем себя не проявивший до самого пика перестройки скромный консультант журнала “Коммунист” Егор Гайдар не без робости переступал порог Комиссии Совмина СССР. В разговоре с куратором проекта с глазу на глаз шло тотчас и вылезло из мешка.

– ...Егор Тимурович, какому правительству вы собираетесь давать рекомендации – Советского Союза или того, что от него останется? – взял быка за рога Владимир Данилович.

– Ну, это же очевидно! Советский Союз изжил себя.

Егор Тимурович, не иначе, уже мнил себя в скором времени чуть ли не новым Сперанским. На расспросы “партократа” отвечал путано, сбивчиво, но с бесподобным апломбом.

– Скажите честно, в вашей команде есть хоть сколько-нибудь сведущие специалисты, имеющие не популистские, а реальные представления о планировании развития производительных сил страны? Действительных, а не воображаемых проблемах, противоречиях ввергнутой в кризис экономики?

Ещё один вопрос на засыпку!

– Все ваши специалисты – заложники прошлого социалистического опыта, – горячился Гайдар. – Мы отрицаем его ценность”.

Будущий и. о. главы правительства, протеже круглого невежды Бориса Ельцина, вспоминает Попов, живо напомнил ему горе-реформатора Феденьку Кротикова из “Помпадуров и помпадури” Щедрина. “Не сеять, не пахать, не жать, а только собирать в житницы”. Таковы были “либеральные” представления Феденьки о смыслах и хлопотах ведения хозяйства.

– ...Зачем мы собираемся финансировать наших противников, открыто работающих на разрушение страны? – негодуя, вопрошал В. Попов главу Комиссии.

Петр Кацура в ответ сказал, как отрезал:

– Пока я здесь, постановление Совмина (об институте переходного периода) не будет принято.

Увы, то была лишь временная отсрочка. Над Россией сгустились тучи безвременья, измены и лиха. “Теперь Орда идёт с Запада”, – записал Попов на полях служебной бумаги.

По ходу Смуты у Егорушки Гайдара завелись влиятельные покровители в Кремле и, бери выше, в Америке. Они-то и двигали пешку в ферзи.

Взлёт и падение Сибирского торгового банка

“...Тот, кто хочет управлять живущими в полях методами покойных правителей, похожи на ожидающих у пня зайцев”.

Вот как, оказывается, наставляли в “школе служивых” Поднебесной.

В самом деле, с огорчением думал про себя В. Попов, партноменклатура, отставшая от века, утратившая волю к власти, ни дать ни взять – “зайцы, ожидающие у пня”. Двухсоттысячные митинги на Манежной, под стенами Кремля, с кличем “Долой!” вызывали оторопь, метания насельников Старой площади. Позавчера ещё всесильная партноменклатура пятилась под натиском “улицы” и клеветами “демократических” витий.

“...Их было мало, с опытной душой, кто крепким в качке оставался”. На таких норовистых упрямец косились. В Ново-Огарёве Горбачёв рядился с Ельциным и удельными князьками, как “обустроить” будущую несуразную конфедерацию на обломках Союзного государства”.

Однако до поры до времени краплёные карты по обе стороны не засвечивали... Осенью 1990 года атмосфера в аппарате Совмина стала совсем гнетущей. После долгих мучительных размышлений, с тяжёлым сердцем, Владимир Данилович написал заявление об увольнении. Пётр Макарович Кацура не

стал отговаривать своего ближайшего верного помощника. А вот разговор с деликатнейшим Леонидом Ивановичем Абалкиным неожиданно вышел резким и нелюдским. Как если бы он, Попов, никогда не терявший присутствия духа, бросает Комиссию в самый пиковый момент.

“Ответил я довольно жёстко: “Знаете ли вы, Леонид Иванович, что иные эксперты нашей Комиссии немалую часть рабочего времени обретают в ельцинском окружении? Сливают им наши теоретические разработки... Наша Комиссия сегодня – пустотелый сосуд... Почему вы не отстаивали нашу программу, когда Горбачёв топал ножкой на вас с Ивашко и Власовым? Чего вы боялись? Обвинений в нарушении партийной дисциплины или, быть может, в заговоре? А главный заговорщик, между тем, стоял напротив вас!”

... Пять лет спустя после бесславного роспуска Комиссии в очередную годовщину её создания собрались бывшие сослуживцы. Тогда же, в дружеском, ностальгическом настрое Леонид Иванович Абалкин признался: “... Вы, пожалуй, извините меня за тот резкий разговор. Я воспринял ваш уход как знак того, что дела наши совсем плохи... После вашего нашумевшего похода в ЦК вы стали для меня своего рода “барометром” всего того, что ещё грядёт”...

“В декабре 1990 года, не имея ни рубля за душой, ни навыков “делового человека”, ушёл в бизнес. Стихия “дикого” рынка покорила, но не сломила меня”, – говорит В. Попов про то, как пересёк свой Рубикон. На первых порах, с иронией вспоминает, не гнушался носить чемоданы за залётными молодцами из Европы и Америки. Они ловко изображали из себя потенциальных крупных инвесторов с якобы уже открытыми для России кредитными линиями в крупнейших западных банках.

По ходу дел в бизнесе, Попов дивился, сколько в Германии расплодилось проидох и мошенников в делах посредничества. В Москве с “варяжскими гостями” подписывали десяток внушительных “протоколов” о намерениях, а в Мюнхене или Ганновере, по приезду, вдруг оказывается, что “инвесторов” и след простыл.

Первый блин – комом! Но со временем дела пошли на лад. Пригодились старые связи со времён дипломатической службы в Берлине. И тонкое знание особенностей немецкого менталитета и деловой этики. А ещё вырuchал природный дар строить доверительные дружеские отношения с людьми, с которыми налаживал деловые контакты. Даже с такими “зубрами”, как Отто фон Америкен, миллиардер, глава Восточного комитета бизнес-сообщества Федеративной Республики. Вместе с Америкеном Попов организовал в Германии череду представительных конференций по инвестициям в Россию. Участвовали представители крупнейших концернов ФРГ. С нашей стороны – губернаторы краёв и областей, для которых общение с западным деловым миром – совсем внове.

Удалось вовлечь в этот круговорот Председателя Верховного Совета Руслана Хасбулатова, который на пару с фон Америкеном выступил на конференции с докладом.

Деловые контакты с немецким бизнесом, властями земель ФРГ весьма пригодились на следующем этапе рыночной “одиссеи” Владимира Попова.

Не прошло и пары лет, как в Новосибирске и Москве открылись офисы Сибирского Торгового банка (СТБ). Это было детище В. Попова. Замыслом создания сильного банка он увлёк многих деловых людей – директоров заводов, финансистов, смысленных программистов Сибирского отделения Академии наук. Примечательно, что СТБ не принимал участия в приватизации. “Этого греха за нами не водилось”, – подчёркивает В. Попов. СТБ поднялся за счёт выверенной стратегии и новейших технологий на растущем рынке межбанковских кредитов”. Тогда многие банки работали ещё по старинке, а СТБ одним из первых в стране внедрил электронную систему расчётов и транзакций. Банк стремительно наращивал обороты. Цивилизованному подходу Сибирского торгового банка к партнёрству доверились “киты” сферы межбанковских кредитов, самой бойкой и доходной на финансовом рынке. СТБ открыл филиалы в Петербурге, Калининграде, Барнауле.

Мозгом и мотором экспансии СТБ, конечно же, был Владимир Данилович. Попов, руководивший крупнейшим филиалом СТБ в Москве, через который шла львиная доля оборота банка. Вскоре открылся филиал СТБ в Дюссельдорфе. СТБ уже входил в число тридцати крупнейших банков страны, а на межбанковском рынке конкурировал с Инкомбанком. В одном только московском филиале работало 345 человек.

Владимир Данилович беспрестанно курсировал между Новосибирском, Бонном, Берлином и Дюссельдорфом.

Увы, головокружительный успех СТБ вскружил головы акционерам и членам Правления, заседавшим на отдалении, за тридевять земель, в Новосибирске. “Они быстро позабыли, кто водил их за “ручку”, знакомил с руководством ЦБ по Москве, президентами крупнейших банков-партнёров, просто влиятельными людьми...”

Кредитная политика главной “конторы” банка в Новосибирске становилась всё более рискованной и двусмысленной. Так, Западно-Сибирскому металлургическому заводу, который был в долгах как в шелках, опрометчиво выдали многомиллиардный, заведомо невозвратный кредит. В такого толка сделках явно были замешаны окольные интересы ведущих акционеров СТБ.

“Меня не покидала тревога: настанет время, когда самое дело перерастёт учредителей банка. И они продолжат принимать губительные решения, которые, как пить дать, под конец приведут к крушению бизнеса. Так оно и вышло...”

Во время отпуска в Сочи взял за правило совершать трёхкилометровые заплывы вдоль побережья. Однажды на берегу его ждала депеша из Москвы: разразился острый межбанковский кризис... Срочно вылетел в Москву. Банк напоминал пчелиный рой. Из Новосибирска “умники” прислали срочное распоряжение прекратить выдачу кредитов и ограничить платежи клиентам — верное предвестие банкротства банка. “...Я незамедлительно отдал распоряжение персоналу обзвонить всех пенсионеров и ветеранов войны и вернуть им всем все сбережения до копейки. К этой акции мы готовились заранее. Поэтому тысячи вкладчиков скромного достатка получили свои вклады со счетов, не потеряв ни копейки...”

Если бы “законник”-конфуцианец очутился в холодной Сибири...

“...Я выехал налегке в Гонконг, — сообщал в письме некто Кан Ювэй, — и впервые узнал, что западные иностранцы управляют государством на основании законов и на них нельзя смотреть, как на варваров”.

Любопытно, что бы написал дружкам в Поднебесной “законник” Кан, если бы направил стопы не в Гонконг, который жил по законам британской короны, а далече на Север, в Красноярск, в “лихие” 90-е? И подивился затеянной варварами междоусобице, прозванной у них “парадом суверенитетов”, раздаче вотчин, земель и доходных промыслов указами нетрезвого президента в подмену законов. Помянул бы, наверное, правоту Лао-цзы: “Когда растут законы и приказы, увеличивается число воров и разбойников”.

В море разливанном “дикого” рынка буква закона имела значение больше условное. Суды, арбитражи, даже нотариусы поворачивали “дышло”, куда хотели.

Но самым вопиющим беззаконием являлось то, что олигархи манкировали уплатой налогов в казну. “Схемы” уклонения от миллиардных налоговых выплат были почти легальны. Компании-экспортёры пробавлялись и криминальным “возвратом НДС” — обложили данью и без того тощую госказну.

Фискалы охотились за заначками мелкой сошки. Номинанты “списка Форбса” оставались неприкасаемы. “Убогая душа частного интереса”, по Марксу, никогда не воспарит до согласия по доброй воле делиться толикой барышей с обществом.

После преднамеренного, из-за алчности “бенефициаров”, разорения Сибирского Торгового банка Владимиру Даниловичу поступило предложение привести в порядок финансы Росбизнесбанка. Но “зигзаг судьбы” вновь привёл его на госслужбу. Попов возглавил созданное в пожарном порядке в фискальном ведомстве Управление по принудительному взысканию налоговых платежей и сборов с крупных налогоплательщиков. Стал вскоре влиятельным членом Коллегии Министерства по налогам и сборам. И — грозой распоясавшихся олигархов и их услужливых подручных, потатчиков на верхних этажах бюрократической иерархии.

“...Весь бюджет страны — 20 миллиардов долларов! — громко сокрушался в разговоре с Поповым новый глава налогового ведомства Виталий Артюхов. — И скоро мне начнут намыливать холку!”

Попов шёл на немалый риск, взяв на себя ответственность выколачивать баснословные суммы недоимок с Ходорковского и других неприкасаемых. “Иду на вы!” — словно говорил он, как князь Святослав, посылающий весточку половцам.

Попов оговорил “на берегу” жёсткие условия: полную свободу рук, полномочия по своему выбору, без рутинных “согласований и протекций, отбирать дельных, толковых управленцев старой закваски... Не робкого десятка, не падких на мзду... “Засланным казачкам” от акционерной компании “Сукрин и сын” — от ворот поворот...

Артюхов с готовностью согласился. Таскать каштаны из огня других охотников днём с огнём не сыщешь. А казна государства отчаянно нуждалась в деньгах — федеральный бюджет был позорно сопоставим с финансами захудалого штата США.

Бизнес АвтоВАЗа прослыл одним из “баловней” правительства. По долгам бюджету не платил под предлогом громадных убытков. В довершение ко всему, накануне специальным постановлением правительства погашение многомиллиардной задолженности Волжского автозавода “заморозили” на неопределённый срок. Об этом позаботился вице-премьер правительства.

“Когда тщательно разобрался с финансовой схемой увода денег АвтоВАЗа, в том числе в офшоры, принял решение придать их широкой огласке”, — вспоминает Владимир Данилович. В здании бывшего СЭВа состоялась пресс-конференция для телевидения и ведущих газет. По итогам проведённого расследования, Владимир Попов наглядно показал, каким макаром компании-неплательщицы плутуют. Попросту обируют государственную казну... И как скрытно пособничают самым злостным неплательщикам высокопоставленные персоны в правительстве... Скандал разразился неопишуемый! На следующий день в отчёте с пресс-конференции одна из тиражных газет вышла со слоганом на первой полосе: “Каждому крупному должнику в бюджет — по вице-премьеру!”

Постановление правительства по АвтоВАЗу отменили, но схватка продолжалась...

Чёрная метка от “бенефициаров”?

... По итогу, созданная Владимиром Поповым по всей стране вертикаль особых подразделений федерального налогового ведомства обеспечивала две трети всех налоговых поступлений в бюджет.

... Бывший сослуживец по работе в Комиссии Совмина в разговоре с глазу на глаз не сразу решился признаться, зачем вдруг пожаловал к нему на Неглинную:

— Володя, вчера оказался случайным свидетелем разговора, когда ненароком обсуждали вопрос, как тебя... устранить физически. Ты слишком рискованно работаешь. Побереги себя...

“Чёрная метка” ли то была, либо старый товарищ искренне, душой переживал за меня? — задумчиво обмолвился Владимир Данилович, вспоминая, скольким магнатам насолил, принудив раскошелиться для казны.

“... Немало поколесив в командировках по стране, убедился, что на местах немало порядочных людей — и в бизнесе, и во власти, но заправляли сверху донизу временщики и отъявленные прохвосты”, — вспоминает Попов.

... Как в кинокартине “Свадьба в Малиновке”, “власть снова переменялась”. Во главе ведомства Александра Починка сменил Борис Фёдоров. Тот самый, из первой волны “младореформаторов”. Былой его крайний “либерализм” остался в прошлом. Прагматик по натуре, Фёдоров отнёсся к назначению главой фискального ведомства как к новому шансу в карьере.

— Владимир Данилович! Мои товарищи настоятельно советовали мне найти с вами общий язык, а главное, не мешать вам работать, — в самом начале разговора выложил карты Фёдоров. — Что, признаться, я и собираюсь делать. Важно на первых порах не допустить опрометчивых шагов. Что посоветуете?

Попов, по своему обыкновению, зашёл с припасённой впрок “kozyрной” карты: “Предлагаю выйти в правительство с хорошо обоснованным предложением учредить своего рода налоговую ВЧК, а затем провести в столице и регионах ряд представительных совещаний. Чтобы с пристрастием, без потачек, рассмотреть полноту уплаты налогов крупными компаниями и корпорациями бизнеса.

— Хорошо. Я подумаю над вашим предложением, — отозвался новый глава ведомства.

Чрезвычайную комиссию образовали вскоре, в неё вошли первые лица силовых структур. Управление подготовило аналитические записки. “По поручению Фёдорова выступил с основным докладом, — рассказывает Попов. — В открытую уличил попытки потатчиков олигархов затушёвывать картину налоговых злоупотреблений”.

Через раз на заседания Комиссии приходил Владимир Путин. Внимательно слушал, вопросов не задавал...

Запад положил глаз на Газпром...

...События второй половины 1990 года, грозные предвестия дефолта — банкротства государства — нарастали стремительно. Резко упал хозяйственный оборот. Объём грузовых перевозок на железных дорогах убывал с каждой неделей — верная примета надвигающегося коллапса хозяйства. По стране прокатилась волна банкротств и неплатежей. Накалилась атмосфера в обществе. Заводские рабочие, учителя, врачи бастовали, требуя погашения долгов по зарплате. Отчаявшиеся шахтёры начали “рельсовую войну”, перекрыв движение по Транссибу.

Ельцин и его поделщики впали в ступор. Спасительных идей смены экономического курса не было и в помине. А свернуть с набитой колеи “Вашингтонского консенсуса” не велят закадычный “друг Билл” да сычи-кредиторы МВФ. Вся горячая надежда — вымолить у Запада “стабилизационный” кредит аж в 10–15 миллиардов долларов. “Толкачом” назначили Анатолия Чубайса в ранге специального представителя правительства на переговорах с неуступчивой западной стороной. Вхожий в кулуары Вашингтона Главный Ваучер должен был бить челом перед заправилами Фининтрена. Однако и ушлый Чубайс возвратился несолоно хлебавши...

“От источника в Белом доме мы в Госналогслужбе получили конфиденциальную информацию о содержании письма из МВФ правительству, — рассказывает В. Попов. — Чёрным по белому там прописаны жёсткие, считай, грабительские условия предоставления срочного кредита в зное количество миллиардов долларов. По сути — наглый ультиматум. Один из шести его пунктов — наиболее сокрушительный. А именно: требование раздробить, как полено топором, “Газпром” надвое — добывающую и транспортную компании. Ослиные уши западных конкурентов торчали наружу. Проглядывало типичная двухходовка: сначала раздробление Газпрома на части, на следующем витке — приватизация его активов с участием западных ТНК”.

Капитализация Газпрома на карликовом российском фондовом рынке не составляла и тридцатой доли стоимости его достояния — не по спекулятивным биржевым котировкам, а вещественной, реальной, сопоставимой. Немногие крупнейшие энергетические корпорации Запада могли сравниться с Газпромом по богатству. Вообразите: 69 газовых промыслов, многие десятки триллионов кубометров запасов природного газа 146 тысяч километров магистральных трубопроводов, 278 тысяч километров промысловых и сбытовых сетей, 21 гигантское хранилище газа...

Газпром и в советское время являлся коренником отечественной экономики. В кромешные, погибельные 90-е годы вся экономика России не рухнула лишь благодаря твердыне Газпрома. До самого дефолта 1998 года Газпром кредитовал большинство своих потребителей — промышленность, энергетику, коммунальное хозяйство, оборонный комплекс, село... И всё это, по большей части, с отсрочкой платежей, в долг, по бартеру или вовсе задарма. Все кругом были в неоплатных долгах Газпрому. Но и он, волей-неволей, задолжал миллиардные недоимки налоговых выплат. “Не могли же мы, мытари, брать в зачёт долгов газового монополиста векселя его должников вместо “живых денег”, — подмечает В. Попов.

Запад уже давно положил глаз на Газпром. Прозападное лобби в правительстве не единожды заводило волюнку о крайней необходимости “демонополизации” Газпрома. Идея вздорная: Газпром — классическая естественная монополия. Раздробить на куски единую целостную техноструктуру — нелепость, дилетантские наскоки. Но “дикому капитализму”, воскресшим из небытия

Разуваемым и Колупаевым, нет дела до технократических тонкостей, интересов государства-сироты.

И вот наконец-то и благословенный Запад подгадал момент, чтобы подобраться к Газпрому, а его “контрагенты” в Белокаменной очертя голову готовы были отдать национальное достояние в залог “спасительного” займа от МВФ. Затевалась в тайне от российского общества Большая игра с крупными ставками игроков по обе стороны на самом пике острого экономического кризиса.

“Такая мне выпала судьба, — признаётся Владимир Попов, — что под венец моей “государевой службы” оказался в самом эпицентре интриги, от драматического исхода которой зависела судьба Газпрома и, без преувеличения, российской экономики. Утрата контроля государства над Газпромом грозила обрушить остатки того, что ещё не так давно называлось народным хозяйством сверхдержавы”.

Некто Фридман из “Нью-Йорк таймс” измыслил чудной, завиральный Первый Закон петрополитики. Согласно ему, когда месторождения углеводородов и обильная рента от экспорта остаются в руках аборигенов, местных элит, которые пронесут барыш мимо западных ТНК, это непременно оборачивается прискорбным укоренением авторитарных “тиранических” режимов. Фридман лёгок на помине! Его фальшивый “закон петрополитики” стоит за попыткой янки свергнуть законную власть в Венесуэле. Когда чужая нефть и природная рента оказываются поживой западных ТНК, восходит якобы заря демократии. Эти незатейливые “либеральные” побасёнки приняли, не без лукавства, на веру наши “реформаторы” и стряпчие от западных ТНК. Перед дефолтом 1998 года “либерализм” в Белокаменной зашкаливал.

... Вслед за меморандумом МВФ события развивались стремительно. Игра шла “втёмную”, прямо-таки по детективной, туго закрученной фабуле...

Второго июля глава Газпрома Рем Вяхирев вёл переговоры в Вене с австрийскими банками о крупном кредите, который должен был пойти в погашение налоговой задолженности перед федеральным бюджетом. И вдруг из Москвы приходит шокирующее известие об... аресте имущества Газпрома и предстоящей незамедлительной замене его руководства. “Ложка к обеду” — чтобы сорвать переговоры.

Премьер-министр Сергей Кириенко поручил своему заместителю Борису Немцову срочно расторгнуть трастовый договор с Рэмом Вяхиревым на управление госпакетом акций Газпрома. А ведь не кто иной, как Кириенко на посту министра топлива и энергетики подписал вышеназванное поручительство Вяхиреву. И пяти дней не прошло, как собрание акционеров Газпрома подтвердило полномочия Вяхирева на ближайшие пять лет. И вот такой “сюркуп”, который как раз пришёлся на день, когда в Вене торжественно вручали Вяхиреву орден по случаю круглой даты — 30-летия поставок сибирского газа в Австрию.

“Сергей Кириенко и те, кто за ним стояли, ловко обставили дело так, что мы, Госналогслужба, и должны были творить неправоё дело, — повествует В. Попов. — Чтоб чужими руками жар загребать...” Министр Фёдоров получил письменное указание премьера Кириенко о незамедлительном взыскании всей задолженности Газпрома перед бюджетом.

“... Я не могу игнорировать указание премьер-министра, — развёл руками Фёдоров. — Что делать-то будем, Владимир Данилович?...”

Как мытарь парировал заговор против Газпрома

“... Уверен, премьер не самостоятелен, — сказал я министру. — Выглядит марионеткой в этом театре абсурда. Кто-то в Кремле ведёт свою игру и дёргает за ниточки. Кириенко, в свой черёд, подставил Бориса Немцова, а тому только дай помахать саблей. В создавшееся скверной ситуации нам следует действовать с умом, осторожно, на упреждение”.

У Попова созрел замысел скрытной контригры с целью сорвать заговор против Газпрома.

В тот же день с нарочным отправили письмо за подписью министра Фёдорова директору Федеральной налоговой полиции Алмазову с рекомендацией блокировать рублёвые и валютные счета всех непрофильных предприятий и организаций в структуре газовой монополии с перспективой обратить взыскания на “излишнее” имущество Газпрома в счёт его налоговых недоимок.

А там было много чего: загородные резиденции, дома приёмов, авиалайнеры, дачи, яхты, оздоровительные комплексы. Этого добра у газовиков накопилось выше крыши. “Это и был наш ход конём – обходной маневр, – рассказывает В. Попов. – Кропотливый учёт всего несметного непрофильного имущества Газпрома, процедура блокировка счетов займёт много времени и хлопот. И даст нам драгоценный шанс выиграть время”.

Прагматик Фёдоров включился в контригру.

Срочный звонок по вертушке Вяхиреву. Договорились о встрече для доверительного разговора с глазу на глаз. Когда свиделись, Попов твёрдо заверил Рэма Ивановича, что Госналоговая служба вступится за Газпром: “Это ведь наш общий долг – во что бы то ни стало отвести угрозу экономической безопасности страны”.

“– Вы же видите, Рэм Иванович, – сказал я. – Против вас затеяна оголтелая кампания дискредитации. Ельцинская “Семья” ищет козлов отпущения, на которых можно свалить вину за катастрофическое положение дел в экономике. Концы интриги тянутся на Запад. Это мутная подоплёка с займом МВФ... Кредиторы действуют заодно со “своими людьми” в правящей группировке там, на Краснопресненской.

Вяхирев с пониманием и доверием отнёсся к тому, что мы, налоговики, подставим плечо Газпрому в час судьбы. Посоветовал иметь дело с первым замом Вячеславом Васильевичем Шереметом.

В те незабываемые горячие деньки противостояния, – вспоминает Попов, – очень много зависело от убедительных итогов расследования нашей бригадой специалистов-финансистов, которые должны были провести тщательный аудит в недрах Газпрома.

С Шереметом мы легко нашли общий язык – разговор прямой, без недомолвок: “...В том, что сейчас на вас обрушилось, – высказал я упрёк, – есть и немалая вина самого Газпрома. Дорогущие “непрофильные” активы Газпрома – настоящая притча во языцех в деловом сообществе. Но сейчас не об этом... Надо перехватить инициативу у наших недругов. Чтобы убедительно опровергнуть нападки премьера, нам нужно иметь сейчас на руках полный, исчерпывающий реестр задолженности потребителей Газпрому и много чего ещё такого, что составляет коммерческую тайну”...

Шеремет на лету схватывал суть и со всем соглашался без колебаний.

“...И ещё: непременно и срочно через своих людей иницируйте протесты депутатских фракций в Госдуме. Надо всколыхнуть общественное мнение. А Рэму Ивановичу надо обязательно пробиться на приём к Ельцину...”

Десант на улице Намёткина

На следующий день утром в цитадели Газпрома на улице Намёткина высадился “десант” проверяющих Госналогслужбы. Формально они выполняли предписание правительства. И работа закипела...

“Однако час от часу не легче, – раздался звонок от Фёдорова.

В предчувствии новых плохих вестей, я отправился с Намёткина к нам, на Неглинную. Застал Фёдорова встревоженным:

– Кириенко обязал меня проверить платёжный баланс Газпрома, структуру его исполнения. Придётся вам взять это на себя.

...Очередной разговор с Шереметом длился несколько часов. Напряжение не спало с его лица, мы все чувствовали, как туго натянулась нить интриги. Давление на Газпром всё нарастало. Усердствовали в “обличениях” и “либеральные” медиа... Казалось, сила солому ломит. Противная сторона насаждает во всеоружии... Но не могли же мы опустить руки! По известной поговорке: “не столько сражались, сколько были сражаемы”...

Фёдорову предстоял тягостный разговор с вице-премьером Немцовым, который затребовал отчёт о наших, Госналогслужбы, действиях. За разговором с министром я напрямую предложил с моим участием “сломать” Немцова. Предъявить ему всю неопровержимую фактуру и выводы нашего сплошного аудита финансов Газпрома, начисто опровергающие огульные обвинения тех, кто проворачивает комбинацию с займом МВФ. Быть может, сметливый Немцов умерит прыть и сочтёт за благо выйти из игры?

...Видно было, что Немцов просто сгорает от нетерпения:

– Ну, рассказывайте, что вы там накопили!..

И по мере того, что мы с Фёдоровым ему втолковывали, раскрывали карты, Немцов всё больше задумывался, мрачнел. Весь замысел интриги против, казалось бы, неотвратимо попавшего под раздачу ушлых “приватизаторов” Газпрома рушился у него на глазах. В спокойном тоне, без нажима, я всё разложил по полочкам:

— Рассуди здраво, Борис. Ведь почти шестьдесят процентов долгов потребителей перед Газпромом приходится на бюджетные организации и энергетические компании, входящие в РАО ЕЭС. Но правительство обрушилось с нападками на Вяхирева и делает вид, что Чубайс здесь вовсе ни при чём. А у того огромные долги не только перед газовиками, но и перед бюджетом. Да если бы Газпром не стал входить в положение должников — воинских частей, коммунальных служб, больниц и школ — и предпринял законом предусмотренные суровые меры, уже завтра в России наступил бы “ледниковый период”. И нынешняя власть оказалась бы сметена с ещё большим ожесточением, чем советская. Во-вторых, разве тебе невдомёк, что правительство зашло слишком далеко? Регионы против вас. Госдума с ними заодно. Депутаты полны решимости не допустить расчленения Газпрома в угоду МВФ. В этой изменившейся ситуации Ельцин от вас отвернётся. И, чтобы всех умиротворить, за просто отправит в отставку Кириенко и тебя. Возьмёт сторону Вяхирева.

Немцов с изумлением, нескрываемой тревогой слушал сокрушительные доводы едва знакомого ему налогового Попова про то, как будут развиваться события на самом деле... Вся выстроенная фабула кампании сокрушения Газпрома вдруг оказалась шаткой. И промелькнула нехорошая догадка, что теперь он ненароком может стать козлом отпущения...

— Борис, ты вникай, вникай, пока не поздно, — мягко увещевал Фёдоров. — Я готов вместе с тобой пойти к Кириенко и выложить ему всё, что только что откровенно высказал Владимир Данилович. Лучше уж мне и самому подать в отставку, если на то пошло...

Ещё час-другой убеждали, уламывали поникшего, опечаленного Немцова. Под конец разговора вице-премьер, всё про себя взвесив, согласился. В тот же день ничего не подозревавший Кириенко встретился с Немцовым и Фёдоровым. Разговор поначалу пошёл на повышенных тонах, бурный... Премьер был вне себя от возмущения, поверить не мог, что всё насмарку... И что у Газпрома нашлись заступники, которые его обыграли. Замечательный план раздробления газовой монополии к выгоде внешних игроков повис в воздухе.

В итоге прагматичный Кириенко не стал лезть на рожон. Контригра, затеянная Фёдоровым, Поповым и его командой, удалась на славу...

Через некоторое время произошла встреча Вяхирева с Ельциным. Она и поставила точку в интриге вокруг Газпрома. Сорвался заговор с умыслом пожертвовать коренником российской экономики ради спасительного “щедрого” займа Международного валютного фонда.

...А вскоре в августе 1998-го разразился дефолт, отставка Кириенко и уход из чертогов власти Бориса Немцова.

Управленческий триллер

“В большинстве иерархий сверхкомпетентность принимается за большее зло, нежели некомпетентность”. Так гласит один из знаменитых “Принципов Питера”. Положа руку на сердце, так оно и есть на самом деле. Не хватать звезду с неба — золотое правило успешной карьеры чиновника. Своего рода круговая порука посредственностей.

“Принцип Питера” — явным образом в строку с перипетиями жизненного пути управленца высокого полёта Владимира Попова. Всегда и везде — на дипломатической службе в Берлине, в Комиссии Совмина, в “чрезвычайке” Госналогслужбы он, с его острым умом, казацкой отвагой, неуёмностью, честолюбием, не вмещался в аппаратные рамки своей “компетенции” и ранга в иерархии.

Даровитый управленец, Владимир Попов, насквозь советский по мировоззрению, по большому счёту оказался не ко двору. Кому, ельцинастам? Нет, поздней, утратившей созидательный пафос, косной партноменклатуре. Она не помышляла о притоке свежей крови в святая святых власти. Выставлен был

незримый глухой заслон обновлению Системы. И уж подавно не востребовавшее поколение управленцев советской складки чуждо коррумпированной, запродавшейся Западу новой бюрократии при самовластье Ельцина и его непредсказуемой дикарской нелепой кадровой политике. В самые верхи власти набилась случайные люди, все эти “прапорщики Крыленко”, вознесшиеся на самый верх власти в годы переворота 1991–1993 годов. По стопам их на “ловлю счастья и чинов” ринулись все новые проворные растиньяки, смышлёные, нос по ветру, и бестолочи без разбора.

“...Пройду стороною, как проходит косой дождь”. Он, Владимир Попов, яркий представитель последнего поколения советских управленцев, не потерялся, не склонил головы. И как мог противостоял “Ордену столоначальников”, пришедшему на воеводство после смены караула в Кремле.

“Орден столоначальников” – кто такие? В книге памфлетов “Углеродородный Третий Рим?” (2005) Владимир Попов по-своему толкует подоплёку и издержки метаморфозы российской власти, неизбежные после десятилетия ельцинского “разгосударствления” и морака.

“Орден столоначальников – порождение не столбовой государственной ветви власти, а муниципальной. При Собчаке причастные к ней занимали должности в мэрии, а до этого – в районном звене. Во власть пришли иной раз прямо с митинга на Дворцовой. А вот теперь в меру сил вершат государственными делами в Кремле, Охотном ряду и Белом доме. Почти никто из них не был в прошлом топ-менеджером крупной корпорации, не руководил такими махинами, как Кировский завод или “Электросила”. У них образ мышления муниципальных служащих. Если человек стремглав выбился в большие начальники из клерков, печать тому неизгладима”.

“Это сущий Орден столоначальников, замкнутый только на себя, – зорко разглядел В. Попов. – И все вместе они живое воплощение закона Паркинсона: “Всякая бюрократическая система устроена так, что каждый в ней обретающийся стремится достичь предела своей некомпетентности”. “Питерские”, дескать, этот предел перемахнули, даже ничего не заподозрив. Вот они и решили по своему разумению привести дела в государстве в порядок. Как если бы вся Росси была Васильевским островом. Знатоки циркуляров, искусники “прохождения” бумаг, они не смыслят ни в промышленном, ни в финансовом менеджменте, вообще живого дела не знают и знать не хотят. И чем уже кругозор прибывшего к “Ордену столоначальников”, тем рискованнее он в нововведениях и притязаниях. Ему всё кажется простым. И некому, увы, дать острастку “административному восторгу”, даже когда дело валится из рук.

Да ведь и впрямь сказанное – картинка с натуры всего того, что вытворяют в реформаторском раже грефы, кудрины и вся несменяемая компания “питерских” во власти. Лет пятнадцать с гаком минуло после публикации в “Советской России” памфлета “Орден столоначальников”. И нельзя не оценить прозорливости автора: “...Скоро мы убедимся в том, что убаюканные благоприятной нефтяной конъюнктурой цен на рынках и мнимым затишьем в обществе, “реформаторы” – выходцы из Смольного – разбудили лихо”. Они, мол, пребывают в счастливом неведении, какие грозные центробежные силы выпустят на волю, дай только разгуляться запущенным эдаким волчком пагубным скоропалительным новациям. Сегодня мы все видим кружение этого “волчка”: безумная пенсионная реформа, перекладывание налогового “тягла” на неимущих, плавающий “курс” рубля с двукратным падением и проч. А Дума и Совет Федерации безмолвствуют, давно превратились в подобие департаментов Старой площади...

И вот что бросается в глаза любому грамотному управленцу, подводит В. Попов черту нелюбезным размышлением о строгих артикулах “Ордена столоначальников”: “Вместо раскидистого живого древа советской государственности в лучшие годы СССР, которое с усердием глупца корчевал барвихинский лиходей, воздвигается строгих форм пирамида единовластия. Вера в “магическую” силу чиновничества в умах “питерских” непоколебима. Полёту “административной фантазии” уже тесно в рамках Конституции, в которой намечены купюры. Как говаривал классик отечественной словесности: “Результатом такого положения вещей является, конечно, не торжество государства, а торжество ловких людей”.

“Сослали из Сибири в Сибирь...”

“...Одна половинка моей души – казацкая, вторая – сибирская, крестьянская”, – признаётся Владимир Попов в первой главе книги “И вся непрожитая жизнь”.

Дед по матери вернулся с германской на боевом коне, а через два месяца покинул дом, уйдя со станичниками воевать на стороне большевиков. Род Поповых раскололся: одни – за белых, другие, с оружием, на стороне красных. И что особенно трагично, с болью пишет В. Попов, в этой кровавой усобице жалости друг к другу не знали.

Следом нагрянуло “расказачивание”, когда выжигали целые станицы. Не миновало лихо и хутор Попова под Вешенской.

В казачьем роду Поповых выжило всего несколько семей. “В 1919 году старший в роду Захар Иванович собрал глав семей и сказал, что, пока живы, надо уходить с Дона прочь. Брать с собой детей, раненых казаков, собрать пожитки и податься на край света, в Сибирь. Там, дескать, места хватит всем и легко затеряться в тайге...”

Так Поповы и стали “иногородними”. Беглецы прижились в деревне Елбань Новосибирской области.

Путь на перекладных был долгим и мучительным и занял три месяца... Село, где нашли приют Поповы, затерялось в таёжной глуши между Новосибирском и Барнаулом. Со временем обжились, срубили избы, благо лес рядом, а земли – вдоволь. Только жизнь наладилась, как грянула коллективизация. Дед, в гражданскую воевавший за красных, не захотел ни в какую вступать в колхоз. Подался работать на шахту в Кузбасс. Его родной брат, в прошлом белоказак, – неисповедимы пути Господни! – стал уполномоченным по проведению коллективизации в Елбани и окрестных деревнях. Как рассказывала мама, под дулом револьвера заставил моего деда Захара передать построенную им мельницу в колхоз. Не в меру ретивого родича осудили за “перегибы”. И бедолага бесследно исчез в жестокой круговерти 30-х годов.

История эта имела трагическую развязку. Сыновья одного из раскулаченных бежали из спецпоселения. Гонимые чувством мести, выследили единокровного брата своего обидчика. Поутру тот вышел кормить скотину и получил удар в грудь австрийским штыком. “Так покинул свет лихой казак Сергей Попов в далёкой сибирской стороне”, – излагает семейное предание автор.

“...В войну моя мама, Екатерина Сергеевна, руководила одновременно сельсоветом и сельпо. Однажды здешние ссыльные эстонцы, не получив положенного им очередного казённого пайка, взбунтовались. Екатерина Сергеевна запрягла лошадку и на санях отправилась за тридцать вёрст в райцентр разбираться насчёт невесть куда пропавших пайков. Дошла до первого секретаря райкома, прокурора... Домой вернулась заполночь. А на следующий день с рассветом на порог явились трое милиционеров и, ничего не объясняя, велели собраться и увезли в Маслянино. И, точь-в-точь по Высоцкому, под стражей этапом сослали “из Сибири в Сибирь”. Дело сплошь тёмное, поводом послужила клеветническая анонимка, а на самом деле это была расправа районного начальства. Неправый суд приговорил к десяти годам лагерей. Домой вернулась летом 1947 года”.

“Бомба западнизма” и “папенькины сынки”

По ту сторону от Владимира Попова, его родни, всех работающих людей “захолустья”, обитателей русской глубинки – чуждые отпрыски номенклатурных семей, которые ради красивой жизни фарцевали, отираясь у “Интуриста”, бойко спекулировали театральными билетами и подвизались на побегушках у “теневиков”-воротил.

Сынкам больших начальников, по окончанию МГИМО, светила заграница со всеми её соблазнами. И “презенты” от фирмачей во внешторговских представительствах. Ближе к пришествию “перестройки”, под лавочку конвергенции двух враждующих социальных систем, избранным выпали стажировки в Венском институте системного анализа – питомнике будущих “агентов влияния”: авены, нечаевы и прочие младореформаторские порождения высшей партноменклатуры. Сановники, давно сменившие кители военного покроя на

цивильное платье, их домочадцы и приживалы выделились в замкнутое, обособившееся от простого люда сословие.

“Проклятая каста!” – как в сердцах прозвал эту людскую породу Иосиф Виссарионович.

“Папенькины сынки”, некрасовские гордые “князей Утятиных холопы”, молились на Запад. И в Смуту вовремя перебежали к Ельцину, кумиру столичного бомонда, который и сам-то был куклой, которую дергали за ниточки из Спасо-хауса.

Бывшие фарцовщики и мелкие выжиги в чаду “шоковой” терапии”, ваучерной круговерти “департамента хищений и раздач” – Госкомимущества – в прах разбили мощную экономику СССР и проворно раздали-растащили “активы”. Увы, личности, которых автор этого очерка относит к не востребовавшему поколению советских просвещённых управленцев партократией отторгались, прямо-таки как “буржуазные” специалисты при военном коммунизме. Основатель НОТа – научной организации труда в РСФСР – Гастев негодовал: портного “пролетарского” происхождения поставили рулить металлургическим заводом! Другие времена на дворе... И сколько же таких “портных” ныне на высоких постах! Куда ни кинь, вплоть до “Роскосмоса”.

Насельники Старой площади с овечьей покорностью разбрелись восвояси, когда Ельцин, понукая Горбачёва, распустил КПСС. “Бомба западнизма”, взорвавшаяся в России, утверждал философ Александр Зиновьев, “произвела неслыханные опустошения не только в сфере государственности, экономики, идеологии и культуры, но и в человеческом материале”. Да, наибольшая невосполнимая утрата – человеческий капитал, который мусорным ветром “либеральных” реформ сквозняков унесло за кордон до самой Кремниевой долины. Падение качества управленческой элиты оказалось невосполнимым. “Орден столоначальников” – меткая метафора Владимира Попова раскрывает всю глубину вырождения элиты, падение качества управления сверху донизу.

Два антипода, два мировоззрения, представители которых никогда не пойдут на мировую, – Егор Гайдар и Владимир Попов – по символическому стечению обстоятельств схватились в Комиссии Совмина по экономической реформе. Каждый пошёл своей дорогой.

“В КАЖДОМ НОМЕРЕ МНОГО ИНТЕРЕСНОГО”

* * *

Здравствуйтесь, уважаемые Станислав Юрьевич и члены редколлегии журнала “Наш современник”!

Продолжаю оставаться подписчиком и пристрастным читателем любимого журнала и в каждом номере нахожу для себя много интересного. Всегда радуюсь неисчерпаемому богатству опубликованной поэзии, смелости и честности новой прозы и публицистики. Вот и замечательная повесть Натальи Лесцовой “Имба-читальня” заставила взяться за перо. И этот мой читательский отклик недавно опубликовал журнал “Национальные приоритеты России”.

К предстоящему 90-летию со дня рождения В. М. Шукшина прочла его рассказы, роман, публицистику, и родился цикл стихов о Шукшине и его матери. На встречах с читателями в сельских библиотеках читаю эти стихи, а в конце встречи непременно читаю Николая Заболоцкого “Душа обязана трудиться” и Станислава Куняева “Никогда не желал отличать правду жизни от правды искусства”. Эти стихотворения очень родственны характеру и мировоззрению Василия Макаровича, ведь он всю свою короткую творческую жизнь отстаивал право говорить правду зрителям и читателям всеми доступными ему жанрами и силами духа. Герои его фильмов и рассказов это не приукрашенные, не прилизанные и редко счастливые и довольные судьбой люди, вот почему они так дороги и близки нам.

С уважением **Валентина Останина**
Омская область

* * *

Станислав Юрьевич, здравствуйтесь!

От всей души поздравляю с очень важной датой в Вашей судьбе – 30-летием руководства журналом “Наш современник”. Примите мои добрые пожелания, а также краткий отклик на некоторые публикации в одном из недавних номеров издания.

Сорок лет, ещё с семидесятых годов, являюсь читателем “Нашего современника” и почти четверть века публикуюсь в этом уважаемом издании. Журнал стал для меня, помимо всего, и местом встречи с моими давними друзьями, товарищами, добрыми знакомыми.

Так, в январском номере “Нашего современника” напечатана отменная поэтическая подборка “Мгновенья дивные проносятся”. Её автор – Сергей Агальцов, с которым меня связывает более 45 лет рязанского литературного братства. Открывается номер стихами вятского поэта Валерия Фокина “Жить вместе со своим народом”. До сих пор помню нашу встречу в марте 1990 года в литинститутском общежитии. Тронул меня и опубликованный в журнале “афганский” рассказ питерского прозаика Сергея Гуляева “Дети Кушки”. Это

произведение дышит щемящей есенинской интонацией и даже завершается такой фразой: “Да откуда нам на самом-то деле знать, что там творится в душах братьев наших меньших?..” Вспоминаю, как вместе с Сергеем работали мы в Гостелерадиокомпании “Ока”: он возглавлял телевидение Рязанщины, а я был собственным корреспондентом областного радио в городе Сасово и соседних районах. Посчастливилось мне встретиться на страницах журнала и с моим старшим собратом по всероссийскому Аверкинскому фестивалю народного творчества, поэтом и публицистом Александром Бобровым. Его пронзительный очерк “Вечно старший брат” посвящён славной судьбе Николая Боброва, совершившего свой подвиг в июле 1942 года. Стрелок-радист бомбардировщика СБ-2 был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Александр Бобров приводит строки из писем старшего брата, бережно сохранённые его единственной любовью – Ириной Старичковой: “Как-нибудь потягаемся, авось, будем жить – Господь милостив. Положимся на него, судьбе уже далее доверять преступно и глупо! Обними же своего вояку, пожелай ему счастья!.. Особенно не волнуйся, верь в меня, в нашу любовь, которая по-прежнему сильна и молода. Жизнь у нас ещё впереди”. Это написано 22 июня 1941 года.

Говоря о нынешнем времени, Александр Бобров задаёт пронзающие сердце вопросы: что за страну построили? Какую идеологию навязываем? С чем в трудное время пойдём?

В завершение этого отклика хочу привести стихотворение “Братья”, посвящённое Александру Боброву:

*Мы — братья младшие героев,
мы после встали на крыло.
Нас время берегло от горя
и от сражений отвело...*

*А в небе бой гремит, неистов,
и старший брат на смерть идёт,
и вышней мстью —
на фашистов —
летит горящий самолёт!*

*И нескончаем век мятежный:
в стране — разрыв,
а ветер снежный
доносит беловежский смрад.
И вновь на площади Манежной —
протест.
И первым — старший брат!*

*И что гадать, кто сделал больше,
кто меньше сделал для страны?
А жизнь —
как вскрик прощальной боли,
как вздох надорванной струны.*

*А жизнь то стихнет, то кружится,
то ввысь уносит свой напев,
и тенью мраморной ложится
на поднебесный барельеф.*

...Такие вот добрые встречи недавно произошли у меня на страницах журнала. Спасибо тебе, “Наш современник”!

Владимир Хомяков,
председатель совета Сасовского литературного клуба
“Первая строка”

* * *

Здравствуйтесь, уважаемые сотрудники редакции журнала “Наш современник”! Пишет вам главный редактор Национального книжного издательства “Ир” Республики Северная Осетия-Алания, председатель секции литературной критики Союза писателей Северной Осетии Тамерлан Техов. В первую очередь благодарю за умный и добрый журнал, у которого даже в эпоху отупения, в которую нам выпало жить, имеется свой верный, думающий читатель. И пусть таковых будет больше.

Во-вторых, благодарю за серию публикаций о Валентине Распутине и большое внимание к литературной критике и литературным критикам.

И, наконец, третий момент. Очень хочу через вас поблагодарить Александра Иваницкого за книгу воспоминаний “Ломаные уши”. Он тепло отзывается об осетинских борцах, в частности, Борисе (Бадзи) Кулаеве, чью семью хорошо знаю, являюсь их другом и соседом. Еще раз – спасибо, всего наилучшего.

С надеждой на сотрудничество
Тамерлан Техов

* * *

Здравствуйтесь, Станислав Юрьевич!

Сегодня я получила авторские экземпляры журнала “Наш современник” (№ 3, 2019) с подборкой моих стихотворений.

Благодарю Вас за публикацию, а также за редакторское внимание к моим стихотворениям.

Надеюсь на плодотворное сотрудничество в дальнейшем, поскольку концепция Вашего журнала, его материалы близки мне своим содержанием.

Примите сердечные пожелания доброго здоровья, бодрости духа Вам и процветания Вашему делу, столь важному для русской литературы и культуры.

С уважением **Татьяна Шорохова**

* * *

Уважаемая редакция журнала “Наш современник”!

Примите огромную благодарность от меня и моих друзей за ваш труд! С удовольствием читаю ваш журнал в библиотеке нашего города. Мне и моим друзьям уже за 65, большую часть жизни прожили в Советском Союзе. Безусловно пережили распад страны. Заранее буду благодарен вам, если вы вышлете мне наложенным платежом книгу Станислава Куняева “Жрецы и жертвы холокоста”.

Холод Георгий Павлович
г. Анапа Краснодарского края

* * *

Уважаемый и дорогой Станислав Юрьевич, здравствуйтесь!

Сто лет, сто лет не болейте!

У меня не хватает слов, чтобы выразить Вам свою благодарность и восхищение Вашим мужеством, мудростью, стойкостью и талантом.

Примите искренние пожелания от читающих с радостью Ваши произведения и журнал “Наш современник”.

Мы совместно с 80-летним отцом постоянно выписываем и читаем “Наш современник”, с особым интересом – “Дневник третьего тысячелетия”, “Шляхта и мы”, “Сергей Есенин”.

Мой дедушка долго проживал в Гродненской области, занятой панской Польшей, за связь с подпольной организацией был арестован в день своей

свадьбы. В тюрьме перенёс побои и издевательства. Днями не выпускали в туалет, что было страшнее побоев. Умер в 57 лет.

Очень прошу Вас, вышлите, пожалуйста, наложенным платежом книги “Шляхта и мы” и “Сергей Есенин”, которые мы очень любим.

Подскажите, как добиться, чтобы Ваши произведения издавались в Беларуси.

С большим уважением почитательница Вашего таланта
Кожанова Елена Анатольевна
г. Минск

* * *

Добрый день, уважаемый Станислав Юрьевич!

Очень надеюсь, что Вы, Ваша семья, члены редакционной коллегии незаурядного журнала “Наш современник” здоровы и благополучны.

Продолжаю внимательно и раздумчиво изучать книги, присланные Вами, возвращаюсь к ним вновь и вновь. Недавно в окололитературном кругу, когда я пыталась познакомить друзей с Вашей “рискованной книгой” “Любовь, исполненная зла”, которую Вы “не могли не написать”, как подписали её мне, местный автор нескольких произведений сказала: “Зачем это писать и читать? Для чего ворошить прошлое? Пусть всё остаётся так, как было”.

Ваши слова о том, что Серебряный век “отнюдь не был продолжением или развитием века Золотого, а, наоборот, был во всех отношениях смертельным его врагом — “ущербным веком”, как назвал его Георгий Свиридов”... — вызвали тягостное молчание и, по-моему, неприятие.

Я тоже искала ответы на эти вопросы (всё-таки сложно простому советскому учителю, воспитанному и наученному совсем по другим учебникам и программам).

Нашла я их в Вашей статье “Всё начиналось с ярлыков” (“Наш современник”, № 9 за 1988 г., стр. 185). “...Многое мы пересматриваем сейчас в нашей истории. И революция и её поэты предстают перед нами в большей сложности, нежели вчера. И от многих иллюзий приходится отказываться, как бы трудно это ни было... Будем благодарны нашему времени, которое позволяет осветить самые мрачные и драматические страницы истории.

Но это — лишь начало большой работы. Настоящая работа по восстановлению исторической истины относительно судьбы многих писателей и поэтов 20–30-х годов — впереди. И эту истину надо восстанавливать, чтобы понять всю беспримерную трагедию русской культуры и извлечь из неё уроки для будущего”.

Прошло более 30 лет... Как восстанавливается историческая истина — ищете в Ваших книгах, публикациях Ваших (наших) замечательных авторов: Н. И. Рыжова, Г. Цаголова, А. Смолко, Сергея Куняева, В. Распутина, Г. Свиридова, С. Кара-Мурзы, В. Кожемяко, В. Крупина и многих других...

Грустно и обидно, что журнал “Наш современник” на весь город Котельнич и Котельничский район Кировской обл. выписывают одна я. Библиотеки не выписывают его примерно с 2010 г. — ничтожное финансирование. Но, как мне кажется, дело не только в этом.

Огромная признательность и низкий поклон, что не забываете российскую глубинку: народ здесь нравственнее, разумнее, чище.

Недавно позвонил мне троюродный брат из Вохмы Костромской области (это недалеко от Пыщуга) — Смердов Анатолий Витальевич. Он замечательный, творческий, пишущий человек, всю жизнь на людях, на земле — недаром и фамилия у него говорящая. На Руси много таких — скромных, неординарных умельцев, у каждого свой дар. Несколько раз я говорила ему: отошли ты Куняеву свои произведения, это “Редкостный русский человек”.

Наконец он решился. И Вы позвонили ему, да не раз, и сказали, что рассказы Смердова А. В. будут напечатаны в майском номере.

Радости, волнения, гордости моей нет границ. Я рада за всех малоизвестных провинциальных творческих порядочных авторов.

Где найдётся ещё такой редактор? Дважды звонит деревенскому автору, говорить о его творчестве, расспрашивать о делах в области, района, села!

За последнее время я знаю четырёх человек, которым Вы звонили. Я потрясена, открылена. Спасибо Вам за то, что Вы есть на белом свете и помогаете жить!

*“Природа-мать! когда бы таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...”*

Здоровья Вам, Вашей семье, всей редакции.

С уважением и признательностью
Бабенко Галина Леонидовна
г. Котельнич Кировской области

Р. С. Многоуважаемый Станислав Юрьевич!

Из-за болезни продлить подписку на 2-й квартал этого года я пришла на почту 15 марта в 16 часов. Мне отказали, сказав, что уже поздно. На главпочте тоже отказали.

Не могли бы Вы помочь мне в приобретении “Нашего современника” № 4 (апрельского номера) за этот год? Я переживаю: вдруг начнётся печатание Вашей книги “К предательству таинственная страсть”.

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Я моложе Вас, но мне, также пожившему в сталинские времена, близки воспоминания о дворах у дома, сараях, картофельных огородах, водоразборных колонках, из которых можно было пить воду “сырую”, и о радости, наполнявшей грудь при исполнении “Широка страна моя родная” (где так вольно дышит человек). Неведомо нынешним.

Я понял, что именно наше поколение, пока еще не вымерло до конца, должно сказать свое слово и послужить Родине. **Ужасно не хватает Вадима Кожина**. Именно сейчас. Действительно, “на кого он нас оставил”, что ж так не поберег себя, еще мог бы пройти немало рука об руку с Вами.

Здоровья Вам и всего самого наилучшего.

В. Ремизов
Нижний Новгород

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Очень любят либералы “мусолить” тему репрессий. Репрессии были: сначала был “Красный террор”, затем – “Большой террор”, как справедливое возмездие за “Красный террор”.

По мнению **В. Кожина**, с 1918 по 1922 годы, т. е. за период “Красного террора”, погибло около 20 млн человек. (Архивных следов за этот период не найдено или они уничтожены). Выходит, что у нас была не столько Гражданская война, сколько – **ГЕНОЦИД** мирного населения (в основном русских). Для его сокрытия и был придуман статус якобы самого большого за советский период террора 1937-1938 годов (архивы этого периода рассекречены и известны). (“НС” № 2 за 2011 год, стр. 228). Но, несмотря на это, продолжают лживые извращения со стороны нынешних либералов. В настоящее время эти репрессии из разных периодов Советской власти и периоды правления разных правителей – объединены и приписываются **Сталину**, в то время как репрессии сталинского периода (так называемый “Большой террор”) носили характер наведения порядка, где больший процент составляли репрессированные за экономические преступления (коррупция, воровство, казнокрадство), за уголовщину и бандитизм. Был, разумеется, какой-то гораздо меньший процент и политических репрессий.

Сталин считал, что самый сложный период в его жизни и в жизни Страны был не во время репрессий 1937 г., а в период коллективизации и индустриализации. Знаменитые слова **И. Сталина**: “Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние за 10 лет. Либо

мы сделаем это, либо нас сомнут”. А **троцкисты**, в отличии от **него**, готовы были поджечь Россию ради мировой революции.

Сталин понимал, что социализм можно построить в отдельно взятой стране, но для этого надо провести коллективизацию, а затем индустриализацию. Без коллективизации невозможно было построить индустриально развитую страну. И только это давало в дальнейшем возможность победить в войне...

Все эти политические сведения я преподношу, чтобы “преклонить колени” перед своей деревенской роднёй, которая спасла Россию в тяжелейшие годы под руководством **Сталина**, пополнив ряды пролетариата. Может быть, в будущем осуществится моя мечта: построят мемориальный центр памяти **И. В. Сталина** и памяти героизма советских людей, особенно русского крестьянства, поднявших Россию из пепла разрухи после революции, гражданской войны, геноцида (т. е. “Красного террора”) и Отечественной войны.

З. Софрончук
г. Москва

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Я живу в Нижнем Новгороде, который Вам, конечно же, безразличен. Здесь до сих пор помнят фамилию Куняев. Когда экскурсоводы проводят экскурсии и оказываются на месте, где была больница Красного креста, они обязательно рассказывают о выдающемся человеке, основателе этой больницы — Аркадии Николаевиче Куняеве. Мне это известно и как жителю Нижнего Новгорода, и как экскурсоводу, и как медику по своему первому образованию.

Мне, как и многим, безразлична судьба России, и Ваш журнал яркое этому подтверждение.

С уважением **Евгений Станиславович Орехов**

* * *

Станислав Юрьевич!

От души желаю Вам благополучия участника встречи группы “Лири” при Районной центральной библиотеке! Будьте здоровы умом, душой и телом! Спасибо Вам за книгу Ваших стихов “Высшая воля”.

С уважением член семьи инвалида ВОВ 1941–45 гг. **Т. Аглямов**
с. Пономарейка Оренбургской обл.

* * *

Дорогой Станислав Юрьевич!

В Татьянин день, в день студенчества, в День Памяти Вадима Кожинова я получил Ваши дары и Ваше письмо!

Как же оно меня согрело, и поддержало, и окрылило... и тронуло!

...Книга “Высшая Воля” явилась неожиданнейшим и одновременно долгожданнейшим подарком: я уж никак не рассчитывал её достать, смотрел содержание по разным интернетным сайтам, прикидывал, что я знаю, чего не знаю, кое-что читал в сборнике “Мать сыра земля”, кое-что в публикации за 2010 г. № 1 в “Огнях Кузбасса”, и всё же именно теперь я смог прочесть, вобрать в себя эту книгу как “кубический кусок горячей, дымящейся совести”. Кажется, мало к какой книге так подходят эти слова Пастернака, как к “Высшей Воле”, и ко всем Вашим книгам вообще. Я сразу начал читать вслух (а так я делаю всегда со стихами или прозой, которые меня захватывают) — маме, которая также была поражена и восхищена!

Книга “Сквозь слёзы на глазах...” — отныне моя настольная, у меня ведь не было Вашего одностомника избранного... Правда, найдя в ней огромное количество своих любимых стихов, очень многих я не нашёл (“Вековые деревья сплелись...”, “На всё недоставало сил...”, “В могилу поставили гроб...”, “Как славно быть самим собой!..”, “Не вчера ль я глядел в синеву...”, “Так же будет струиться Ока...”, “Я воздух морозный губами ловил...” и др. — называю из тех, которые всегда и постоянно со мной), но, с другой стороны, тем интереснее посмотреть, что автор включил в итоговое издание, а что — нет; какие стихи вошли в книгу, а каким (по каким-то причинам) в ней места не нашлось... Книга ведь, даже если она и представляет собой собрание из 12 книг, всё равно — единый, цельный организм... Грандиозный двухтомник воспоминаний (второй его том) уже прочитан (и про себя, и вслух), оба тома перечитываются... Если первый том я нашёл в одной из наших библиотек, то многие части второго, вопреки тому, что не читаю прозу на электронных носителях, читал в интернете (главы о Вадиме Кожинове и Фёдоре Сухове, “Рубцовскую тетрадь”, “Сучий паспорт”, многие проглотил сейчас, но какое счастье читать и перечитывать сердечные и горькие, нежные и беспощадные страницы Ваших воспоминаний по книге, иметь эти бесценные тома дома!..

Отдельно хочу сказать о работе “Любовь, исполненная зла”. Я, к счастью, был духовно подготовлен для того, чтобы понять и осмыслить её. И даже не только потому, что являюсь крещёным и православным человеком. Не раз мама говорила мне (но всё как-то общо, не конкретно) о гнилой сущности “серебряного века” и его поэтов. Но тогда я чуть не махал на неё руками, так как отовсюду слышал только славословие этим поэтам и их бессмертным творениям... Как же! Серебряный век!.. А тут мама какие-то непонятности говорит... И тут явилась Ваша Книга!

Мы с мамой прочли её каждый сам себе по отдельности и чуть не одновременно — вслух, друг другу, — взахлёб. Как верен и необходим Ваш подход: спрашивать с поэта прежде всего как с ЧЕЛОВЕКА, а его человеческие поступки анализировать по стихам (отсюда и потрясающее исследование вологодской трагедии, гибели Николая Рубцова “в борьбе неравной двух сердец” — расследование поэтическое! Поистине, “следствие ведут знатоки”!). А что могут создать люди, духом прогнившие и смердящие?.. При всём таланте (и уж тут, пожалуй, тем страшнее, чем больше талант...). То, что Вы написали о Пушкине — по-моему, не имеет себе равных по чуткости, внимательности и глубине понимания всеохватного творчества великого поэта...

Но как жаль, что тираж книги — всего 300 экз.! Такая книга должна издаваться массовым тиражом... Утешает только то, что это — третье издание. Уверен, вскорости, когда оно раскупится, последует и четвёртое...

Уже скоро (со следующего года) мы будем проходить хвалёный “серебряный век” (на третьем курсе филфака). Я примерно представляю, что буду слышать о его бесспорно талантливых чадах... Но со мной — Ваша Книга, а с таким ориентиром с толку меня уже не собьёшь!

...Вот я сказал о своей учёбе на филфаке... Честно говоря, у меня нет никаких единомышленников среди сверстников и вообще близких по возрасту моему поколению людей — из тех, кого я знаю... Я учусь на филологическом факультете, где окружающие меня будущие мои коллеги не проявляют никакого интереса не только к поэзии, но и вообще — к литературе... Это очень горько. При том не могу не поделиться с Вами известием, не так давно огорошившим меня совершенно. На 4 курсе мы должны будем пройти поэзию второй половины двадцатого века... Но что за имена! — Евтушенко, Вознесенский, Рождественский, Ахмадулина, Окуджава, Высоцкий! Сейчас я всего только на 2 курсе, но уже успел впитать то лучшее, что было создано в русской поэзии XX века — ставшее безусловной и необходимой классикой не только в контексте ушедшего столетия, но и, по моему глубокому убеждению, — всей истории русской литературы: Ваши стихи, стихи Горбовского и Рубцова, Кузнецова и Тряпкина, Передреева и Казанцева... Вы можете представить моё отношение и мою реакцию на имена, которые полагаются нам “по программе”. Важно то, что на этих поэтах (“эстрадесятиках”, как я их называю) можно только обломать себе вкус и понимание поэзии, чувства её в себе. Может, я слишком запальчив и горяч? Но я довольно хорошо знаю писания этих умельцев (по сути, “проходить” мне их и нечего), знаю за каждым из них и истинные стихи, но мало того, что стихи эти можно перечислить

по пальцам, к ним нужно ещё и пробираться через завалы того рифмованного пустословия, в изобилии созданного каждым из названных “икон” (прости, Господи!) в отдельности.

А. Казинцев говорил в одном из интервью, что в этом году Вы закончили/закончите книгу о “шестидесятниках”. Прочсть бы эту книгу (наряду с “Сучьим паспортом” и, конечно, “Любовью, исполненной зла”) всем тем, кто до сих пор навязывает нам имена и произведения этих умельцев...

Сколько же жалоб в одном письме! Но что поделать: говорю о наболевшем с Вами, как с родным, близким человеком...

Я сам это выбрал – жить в Армении, учиться здесь, работать... Из нашей страны все уезжают, а из оставшихся больше половины только и думают о том, как бы уехать... Армения любима мною “душевно и кровно”, я ни за что не хотел бы уехать отсюда, и при этом (в чём парадокс!) мне кажется, я где-то могу о себе сказать вслед за Сталиным: “Я – русский человек армянского происхождения”. И не только лишь потому, что думаю на русском (и зачастую – по-русски), живу в русской культуре, общаюсь с русскими людьми... Сам не знаю – может, даёт о себе знать даже тот факт, что рождён я в Москве, а, как известно, “где родился, там и пригодился”? Да и прожил добрую половину из своих 18 лет на Руси...

Ваши строки –

*Я люблю эту кровную участь,
от которой сжимается грудь...*

– я, кажется, мог бы отнести не только к Армении, но где-то и к России...

Читаю сейчас с большим интересом книгу “Средь шумного бала”, книгу, о существовании которой я до её получения даже не подозревал, правда, о том, что у Вас есть рассказы и повести конца 70-х и начала 90-х, знал. А одновременно с ней – “Стихи и поэзию” Вадима Валерьяновича...

...Да! Я хотел ещё сказать Вам, Станислав Юрьевич, что, радуясь Вашему сайту в интернете, где собраны многие Ваши критические и публицистические работы, а также интервью и отзывы о Вас, я всё же переживал, что нигде нету поэтической страницы Станислава Куняева. Много где есть Ваши стихи, на многочисленных сайтах, но, во-первых, не все, а во-вторых, хотелось собрать их вместе и сделать так, чтобы они были прочитаны как можно большим количеством Ваших читателей. Вот потому я, человек, несмотря на возраст, не шибко “интернетный”, решил написать маленькое эссе и создать с началом нового года в социальной сети (ВКонтакте) страничку, посвященную Вашей поэзии. Многие люди, знающие и любящие Вас, стали подписчиками страницы, в том числе Захар Прилепин, Диана Кан... Каждый день я перепечатаваю из книг одно стихотворение, иногда подбирая к нему Ваше фото или фотографии Вашей родной Калуги (так и я её узнаю понемногу: Золотая аллея, Загородный сад, стадион “Центральный”, вид на Оку...). Люди читают, перепечатавают стихи у себя... Меня это чрезвычайно радует! Иногда я вместо стихотворения печатаю кусочек из воспоминаний...

Надеюсь, Вы хорошо на это смотрите? Во всяком случае, я должен был Вам сказать, что, кроме сайта, где представлена Ваша публицистика и интервью, есть ещё Ваша поэтическая страница, где печатаются стихи и воспоминания (думаю иногда печатать и переводы)...

Я не брезгую интернетом, потому что сейчас это, как ни странно, – один из наиболее продуктивных способов доносить до людей стихи... На почве любви к поэзии я электронно знакомлюсь и общаюсь с разными русскими людьми, которые читают, бывают рады открывать для себя новые имена... Правда, всё это люди поколения моих родителей, а то и старше... И ещё одна особенность: кажется, все они, читатели поэзии, являются ещё и людьми пишущими, и разница только в том, что кто-то из них выставляет в интернете свои стихи, а кто-то – стихи своих любимых поэтов. Такая закономерность навеяла мне несколько рифмованных строк, которые я позволю себе привнести тут:

*На Руси писание стихов —
из первейших жизненных устоев.*

*Воздух на поэзии настоян.
Слова отовсюду слышен зов.*

*Вновь мотив, прозрачно-невесом,
обрывается на верхней ноте...
Пишется, поётся обо всём:
О любви, о дружбе, о работе,
о берёзках белых, о снегах,
о судьбе отечества,
о Боге...*

*Пишем — не надышимся никак,
замерев у песни на пороге...*

...Для меня этот год счастливо начался — с заочного знакомства с Вами, очень хотелось бы, чтобы оно успело в этом же году стать очным. Дай-то Бог!
Низкий поклон Вам от меня и от мамы.

Костя Шинкарян,
г. Ереван.

АЛЕКСАНДР БЕЛОНЕНКО

директор Свиридовского института

ШОСТАКОВИЧ И СВИРИДОВ: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Итак, в трёх главных докладах определилась расстановка сил, намечалась завязка драмы, в последующих прениях и обсуждении этих докладов произошло столкновение разных позиций, завязалась довольно ожесточённая борьба.

За шесть дней работы съезда помимо доклада и двух содокладов было заслушано 47 выступлений на прениях. Как и на многих общественных собраниях того времени в Советском Союзе, заметно было, что композиторская среда тоже почувствовала некоторую возможность высказываться более или менее самостоятельно о своём, наболевшем, а не по заранее написанным и проверенным цензурой речевым сообщениям, состоящим из сплошных штампов и избитых мыслей, с выражением полного согласия и одобрения доклада генерального секретаря, как это было на Первом съезде композиторов в 1948 году. Как и следовало ожидать, главное внимание привлёк к себе основной доклад генерального секретаря Союза советских композиторов СССР. Точно так же вызвал спор, в основном, среди музыковедов, содоклад Хубова.

Выступавшие в прениях чётко разделились на четыре основные группы. В первую группу, по тому, как их с почётом принимали, входили иностранные гости съезда. Вторую представляли, в основном, руководители и авторитетные члены республиканских композиторских организаций. Третью группу составляли голоса российской периферии, крупных городов РСФСР. И, наконец, в четвёртую группу входили композиторы и музыковеды центра, Москвы и Ленинграда, как члены правления ССК СССР, так и рядовые композиторы.

Иностранных гости, в основном, партийные функционеры и руководители композиторских союзов социалистических стран или сочувствовавшие СССР, левые по своим убеждениям композиторы капиталистического Запада, выступали в комплиментарном тоне, стремясь выразить свои дружеские чувства к своим советским коллегам¹. Они высказывали своё восхищение советской музыкой, хвалили конкретных композиторов и сочинения, высказывались не столько в защиту пресловутого соцреализма, сколько против додекафонии и экспериментальной музыки авангарда.

Так, к примеру, венгр Ф. Сабо², вкратце осветив события осени 1956 года в Будапеште, не преминул отметить, что среди творческих союзов после подавления восстания в Союзе композиторов была первой создана партийная организация. И далее Сабо продолжил: «Нормализация нашей музыкальной

Продолжение. Начало в №1,5,6 за 2016 год, №6,8 за 2017 год, №2 за 2018 год и №1 за 2019 год.

жизни идёт большими шагами. Значительное место в программах радиопередач и концертов занимают произведения тех композиторов, творчество тех исполнителей, которые до конца остались верны делу рабочего класса. Вновь обрела достойное место русская классическая и советская музыка. Ансамбль Советской армии под управлением Б. Александрова объехал всю нашу страну, и каждое его выступление проходило при переполненном зале. Венгерская музыкальная общественность ожидает, что советские композиторы, советские музыканты-исполнители и советские музыковеды всё больше и чаще будут посещать нашу страну...”³.

Вслед за Ф. Сабо выступил председатель Словацкого союза композиторов, первый заместитель председателя Союза композиторов Чехословакии Дезидер Кардош. Как писал корреспондент газеты “Советская культура”, “он передаёт сердечный привет съезду от музыкантов Чехословакии и желает ему успеха в работе.

— Мы все сознаём большое значение этого съезда, — говорит Д. Кардош, — результаты которого, несомненно, скажутся в дальнейшем развитии музыкального искусства у нас в Чехословакии и во всех странах лагеря мира. Советская музыка первая выступила на защиту музыкального искусства. В капиталистических странах музыка находится в состоянии безвыходного кризиса вследствие своей изоляции от широких народных масс. Борьба за оздоровление музыки, которую начали и широко развернули советские композиторы, является событием огромного исторического значения. И в нашей стране мы почувствовали благородное влияние этой борьбы и с воодушевлением присоединились к ней. Идя путём социалистического реализма, мы достигли значительных результатов во всех областях нашего творчества. Мы никогда не сойдём с этого пути, так как эта линия объединяет всех прогрессивных художников нашей эпохи”.

В таком же духе высказывались румын Джорж Балан, грек Манорис Каломирис, венгр Иштван Шаркези.

В интервью корреспонденту газеты “Советская культура” английский композитор-коммунист Алан Буш вспомнил, как он в 1938 году впервые посетил СССР, дирижировал сочинениями английских композиторов, как потом знакомил англичан с Пятой симфонией Шостаковича, с Мясковским, Хачатуряном. Среди услышанных им сочинений на концертах Второго съезда, Буш отметил Поэму памяти Сергея Есенина Г. В. Свиридова:

“Я нахожусь под огромным впечатлением от кантаты Свиридова “Памяти Сергея Есенина”. Прекрасная работа! Какой широкий диапазон выразительности, и в то же время она такая же русская, как музыка Мусоргского”⁴. И, конечно, он не мог обойти идеологемы “соцреализм”: “Я целиком разделяю точку зрения советских композиторов на то, что метод социалистического реализма предоставляет самые широкие возможности для создания произведений, различных и по содержанию, и по стилю, и по характеру выразительных средств. Всё зависит лишь от избранного жанра, таланта и жизненного опыта создателя музыки. Метод социалистического реализма объединяет советских композиторов в их главных целях и устремлениях и в то же время даёт неограниченный простор для развития их творческих индивидуальностей, творческих идей”.

* * *

Руководители республиканских союзов композиторов большей частью рассказывали о достижениях своих композиторских школ за годы советской власти. Это было похоже, скорее, на творческие отчёты. Впрочем, главы композиторских союзов подымали и насущные проблемы, жаловались на отсутствие своих музыкальных коллективов, профессиональных кадров, кто-то сетовал, что в Москве мало звучат произведения представителей национальных школ. Одним из самых больных вопросов почти у всех выступавших представителей национальных республик была проблема музыкальных издательств. Кто-то выступал нейтрально, сосредоточившись на своих внутренних проблемах и не выражая своего отношения к докладу Хренникова или содокладам. В таком духе выступали украинец Ф. Е. Козицкий, эстонец Э. А. Капп, туркмен В. Мухатов, литовец С. А. Вайнюнас, представительница Латвии

Л. Э. Красинская, представитель Дагестана Г. А. Гасанов, киргиз А. Аманбаев, таджик З. М. Шахиди.

Были и такие, кто приносил свою благодарность за помощь секретариату ССК СССР и Музфонду СССР, как, например, Л. Н. Сахаров из Марийской АССР.

Со стороны представителей республик изредка звучали слова критики в адрес секретариата, впрочем, что называется, в духе конструктивной критики. Так, представитель Казахстана К. Х. Кужамьяров, доложивший о значительных успехах казахских композиторов, посетовал на секретариат ССК за то, что тот «не всегда достаточно внимательно и серьёзно подходил к оценке произведений национальных композиторов».

Были и такие, кто в той или иной мере открыто выразил поддержку Хренникову. Так, глава Союза композиторов Молдавии Гершфельд нашёл способ поддержать генерального секретаря ССК СССР чисто по творческой линии. Как он отметил, «тут нам доказывали, что современная опера должна создаваться по принципу оперы Прокофьева «Война и мир». Такое утверждение уводит от правильного пути, по которому успешно идут многие композиторы нашей страны. Мне нравятся оперы «В бурю» Хренникова, «Семья Тараса» Кабалевского, «Заря» Молчанова...»⁵.

Некоторые докладчики выражали опасения относительно смены состава Правления Союза композиторов. Так, после весьма жёсткого выступления ленинградского музыковеда А. Сохора, открыто критиковавшего Хренникова и правление, глава узбекского союза композиторов А. М. Ашрафи возразил: «Недостатки в работе руководства союза были, но нельзя, как т. Сохор, огульно критиковать всех и всё. Я считаю его выступление даже бестактным (аплодисменты), особенно когда он говорил, что всё правление виновато и должны быть избраны все другие члены правления. Может быть, так и нужно, но пусть это решают делегаты. Это будут решать выборы. Неужели мы так бестактны к своим старшим товарищам и говорим им, что вы все никуда не годитесь и должны быть сметены. (Голоса: «Это неверно!» «Никто так не говорит!») Я говорю не буквально, но смысл был таков»⁶.

Как и следовало ожидать, проявил свою солидарность с Хренниковым председатель правления СК Украины и секретарь ССК СССР К. Ф. Данькевич. Причём не просто, высказав удовлетворение его докладом, как это сделал Н. Жиганов, а косвенно, в форме критики... Шостаковича. В начале своего выступления К. Ф. Данькевич выразил сожаление, что в освещении украинской советской музыки допускаются ошибки, и в качестве примера привёл статью Д. Шостаковича и В. Виноградова «Проблемы симфонизма в братских республиках», опубликованную в двенадцатом номере журнала «Советская музыка» за 1956 год. Данькевич указал, что «их выводы о состоянии украинской симфонической музыки оказались не только неполными, но и во многом спорными». Подвергнув подробному разбору эту статью, усмотрев в ней критику «сверху вниз», он вынес ей суровый приговор: она «с этической стороны была весьма ущербной»⁷.

Но на этом его критика Шостаковича не закончилась. Он продолжил её под видом спора с Г. Хубовым. Вот как газета «Советская культура» передаёт это место выступления Данькевича: «Приведя ряд аллегорических сравнений, тов. Данькевич говорит:

— Мы с вами являемся свидетелями и участниками невиданной в истории человечества эпохи бури и натиска, невиданного поединка двух идеологий, двух систем. Так неужели нам не ясно, что наше искусство должно быть героическим, светозарным, насыщенным высоким духом жизнеутверждения, оптимизма. Почему же некоторые наши весьма просвещённые музыковеды во главе с музыкальным критиком Г. Хубовым ставят рекорды трагедийного бега на месте в этой столь важной для нас проблеме? Разве мы против трагедийности?» Хубов в своём содокладе защищал право советской музыки на передачу трагических коллизий, отставая Десятую симфонию Шостаковича: «Пока существуют жизнь и смерть, любовь и ненависть, дружба и предательство, будет существовать и трагедия». Но всё побеждает, все окрыляет любовь к жизни, к правде жизни и великим деяниям в жизни, как говорил М. Горький. Наша музыка должна умножать нравственные силы наших матерей и дочерей, облагораживать души наших детей, укреплять волю к борьбе

и победе наших отцов и сыновей. Без духа высокой объективности в творчестве нам не достичь вершин той красоты, которая была свойственна гениям классического искусства. Ведь при всей индивидуальной остроте своего таланта они были потрясающе объективными. И недаром мы вспоминаем слова Глинки, что музыку творит народ»⁸.

Отметив в содокладе Хубова, «весьма интересном, но щедром на противоречия», ещё ряд спорных моментов, Данькевич закончил своё выступление миролюбивым призывом:

«— Я призываю товарищей к консолидации и братской дружбе в композиторской среде. А прекрасным образцом такой дружбы, такого единства являются немеркнувший и могучей силы пример нашей партии, содружество стран социалистического лагеря и, наконец, братство всех трудовых народов нашей планеты, борющихся за мир, свободу и счастье». Точно так же к миролюбию, к развитию творческой дружественной атмосферы призывали и некоторые другие выступавшие: член правления ССК СССР В. Власов, ленинградский композитор Г. И. Адмони и ряд других. К миролюбию призывали и Шостакович, и близкие к нему композиторы. Но главным миротворцем был куратор съезда, секретарь ЦК КПСС Д. Т. Шепилов. Впрочем, каждый «миролюбец» видел мир и согласие по-своему.

В отличие от республиканских делегатов, выступления представителей композиторских организаций крупных городов России — Свердловска, Новосибирска, Ростова-на-Дону — отличались более тревожным тоном, обеспокоенностью за судьбы музыкальной культуры российской провинции. Из этих выступлений было очевидно, что судьба композиторских организаций в российских городах была плачевна и не шла ни в какое сравнение с положением дел в республиканских союзах композиторов. Не случайно голоса периферии РСФСР оказались намного жёстче и требовательнее голосов республик, в их речах чаще раздавалась критика в адрес руководства ССК СССР.

Характерно в этом смысле было выступление руководителя композиторской организации Ростова-на-Дону А. П. Артамонова. Привожу его слова по газетной версии:

«— Я считаю совершенно необходимым поговорить здесь, на съезде, о положении периферийных организаций композиторов Российской Федерации, — сказал в начале своей речи оратор. Довольно подробно, аргументируя убедительными фактами, он показал, сколь серьёзны недостатки в руководстве этими организациями со стороны секретариата и правления союза. В сущности, ни секретариат, ни правление союза, как это подтверждается докладом тов. Хренникова, точно не знают, что же представляют собой периферийные организации Российской Федерации. Все их представления ограничиваются докладами тех, кто изредка выезжает к нам. А если учесть, что на пленумах союза прослушивается огромное количество произведений, то естественно, что многие из них очень быстро забываются, и у руководящих инстанций нет более или менее ясного представления об особенностях творчества того или иного композитора. Зачастую на произведение, прослушанное всего один раз, наклеивается ярлык, сопровождающий затем композитора долгие годы...»⁹. В конце своего выступления А. Артамонов высказал предложение «создать при секретариате или при правлении союза бюро по РСФСР»¹⁰.

Идею создания бюро поддержало несколько делегатов съезда, в основном, из российской провинции. В частности, свердловчане В. Трамбицкий и Д. Гибалин.

Глава композиторской организации Свердловска Д. Гибалин в начале своего выступления покритиковал самих композиторов — рядовых членов ССК СССР — за то, что они мало общаются с другими творческими организациями, слабо влияют на музыкальную жизнь, на деятельность музыкальных театров, филармоний, радио, телевидения, коллективов художественной самодеятельности, недостаточно участвуют в музыкально-пропагандистской деятельности, в воспитательной работе среди молодёжи. И все же, заметил он, «причины многих недостатков заключаются и в сложившихся организационных принципах руководства композиторскими организациями со стороны Союза советских композиторов. Секретариат союза своей практикой проведения пленумов, носящих часто торжественно-отчётный характер, всемерно старался создать атмосферу благополучия на музыкальном фронте. Он не нашёл форм для углублённого изучения творческой жизни местных организаций,

не сумел заинтересованно отнестись к творчеству многих “молчащих” композиторов, не был обеспокоен судьбой каждого музыканта”.

* * *

И всё же наибольшей критике подверглись правление и секретариат ССК СССР, персонально генеральный секретарь со стороны делегатов от центра, Москвы и Ленинграда.

Одним из первых с довольно резкими обвинениями на руководство ССК СССР обрушился ленинградский музыковед Арнольд Сохор. Арнольд Наумович Сохор прошёл войну, окончил Ленинградскую консерваторию и одновременно философский факультет Ленинградского государственного университета им. А. Жданова по специальности “эстетика”. В 1956 году он написал первую монографическую книгу о Свиридове, и в дальнейшем критик был одним из самых близких, верных друзей композитора. И в своём выступлении в прениях на съезде он занял принципиальную позицию как представитель, условно говоря, “партии” Шостаковича.

Он начал с критики статьи Ю. Кремлёва о 10-й симфонии Д. Шостаковича, опубликованной в журнале “Советская музыка”, затем раскритиковал доклад Б. Ярустовского об опере, упрекнув его за то, что в своём анализе тот не провел чёткой линии между действительно выдающимися произведениями, которые и должны были бы послужить предметом анализа, и произведениями посредственными.

Сохор раскритиковал руководство Союза советских композиторов за весь период его деятельности с 1948 года, упрекнул правление и секретариат, что вместо того, чтобы обеспечить объективное обсуждение, дискуссию, вместо создания атмосферы равноправного творческого соревнования разных творческих направлений, руководство союзом прибегало к жёсткому администрированию, уничтожению композиторов, облыжно обвиняемых в формализме. Напомнил, как третировались Вторая симфония А. Хачатуряна и фортепианный концерт Г. Галынина. Не забыл упомянуть и про мытарства Свиридова. “Жаль также, что такое крупное, яркое, талантливое произведение советской музыки, как Поэма Свиридова на стихи Исаакяна¹¹, написанная им в 1950 году, была исполнена только в 1953 году. И тогда это вызвало сильное сопротивление со стороны ряда деятелей музыки у нас в Ленинграде. Всё же в Ленинграде это произведение было исполнено, хотя и плохо, а в Москве эта Поэма так и не прозвучала¹². И, наконец, Сохор в открытую пошёл против Хренникова. Припомнил ему многие неблагоприятные факты, поставил ему в вину, например, что он был безразличен к возобновлению 5-й симфонии Шостаковича и даже критиковал за это Мравинского. В конце концов, в заключение своего выступления, коснувшись оргвопросов, он высказал свою известную фразу о будущем новом правлении, которое будет другим по составу.

Сохор выступал в первый день прений 31 марта. На следующий день эстафету от него приняли композиторы ленинградец Б. Клюзнер и москвич Н. Пейко.

Б. Клюзнер начал с большого вопроса несправедливого отбора произведений. И связал его с не менее злободневным вопросом отношения к молодым композиторам. Рассказал, как в Ленинграде В. П. Соловьёв-Седой забрал квартет В. Салманова и сонату Ю. Балкашина. Поставил в вину руководству союза недооценку камерно-инструментальных жанров. Не касаясь спора относительно выбора стиля, отвергая обвинения в формализме, он декларировал свой главный тезис: “Новая эпоха требует нового музыкального языка”. Это был фактически лозунг “либеральной” партии в Союзе советских композиторов, “партии” Шостаковича. В конце своего короткого выступления Клюзнер высказал своё убеждение: “Основная задача каждого композитора заключается в том, чтобы искать свой собственный путь в искусстве, искать свой собственный выразительный язык, который поможет ему отражать современную жизнь¹³”.

Тема молодых станет буквально через год актуальной проблемой, ей будет посвящён специальный пленум, который получит своё продолжение. В конце 1960-х — начале 1970-х послевоенное поколение обретёт силу, станет многочисленным, и для старших поколений возникнет очень серьёзная проблема —

неизбежно предстояло передавать бразды руководства в Союзе композиторов. Шостакович и Свиридов столкнутся с этой проблемой, о чём речь пойдёт позже.

Атаку на правление и секретариат ССК СССР продолжил Н. Пейко. Как передаёт газета “Советская культура” его речь, “оратор начал с критики отчётного доклада правления Союза композиторов. Главный объект критики – методы руководства творчеством композиторов.

– Деятельность секретариата, – говорит оратор, – могла быть по-настоящему плодотворной лишь в условиях полного товарищеского взаимопонимания между руководством и всем коллективом композиторов и музыковедов. На самом деле секретариат мало чем помогал композиторам в их творческой работе, а нередко и затруднял их деятельность”.

Не забыл Пейко и самого генерального секретариата ССК СССР. Опять цитирую газету “Советская культура”: “Тов. Хренников сам многое осуждает в методах руководства. Но ведь этого мало. Он был обязан возможно глубже проанализировать, почему эти методы продолжали долгое время существовать. Главная причина этого, на мой взгляд, прежде всего, в том, что секретариат создал обстановку, исключаящую внутри Союза композиторов самостоятельность суждений и оценок тех или иных творческих явлений”.

И от критики общей обстановки Пейко перешёл к вопросу, который поднял Сохор, – о свободе выбора композитором средств выражения и о произволе и субъективизме оценок некоторых членов секретариата. Пейко не согласился с мнением Хренникова, “что у нас есть ещё случаи, когда композиторы довольствуются тем, что их произведения поощряются узким кругом профессионалов, боясь, что, обратившись к широким массам, они вынуждены будут пойти на компромисс, отказаться от излюбленных ими сложных и как бы “новаторских” художественных приёмов”. “Очевидно, этой довольно туманной фразой, заявляет тов. Пейко, докладчик хочет сказать, что у нас есть композиторы, которым чуждо естественное стремление писать музыку максимально широкого диапазона воздействия. Я беру смелость заявить, что таких композиторов у нас нет. Зато у нас есть много композиторов различных поколений, различных национальностей, которые, я уверен, с радостью предстанут перед любой аудиторией с любым своим сочинением, многие из которых совсем не известны даже посетителям концертных залов Москвы и Ленинграда. Часто ли мы слышим симфонические и камерные сочинения В. Шебалина, автора, на мой взгляд, ряда выдающихся симфонических и камерных сочинений, инструментальных и вокальных, М. Вайнберга. Г. Попова? Почему ещё не исполнялся в Москве вокальный цикл Г. Свиридова на слова А. Исаакяна? Что знают хотя бы москвичи о творчестве ленинградцев В. Салманова, Б. Клюзнера, Г. Уствольской? Правы те товарищи, которые говорят и пишут о крайне редком исполнении в Москве и Ленинграде наиболее ярких произведений композиторов братских республик”.

Н. Пейко выступал в вечернем заседании 1 апреля. Это был день, насыщенный событиями на прениях. “Композиция” дня была выстроена так, что на ней буквально сшиблись лбами Д. Д. Шостакович и его самый яркий, убеждённый идейный противник, музыковед Ю. Кремлёв. Выступали и нейтральные люди, вроде белоруса Е. Тикоцкого, узбека М. Бурханова. С умеренной критикой выступал от Ленинграда композитор А. Лобковский, в то время как от Москвы – Б. Терентьев, который позднее, когда при нём упоминали 1948 год, без всякой иронии говорил “славное времечко было...” Председателями в тот день были назначены проверенные люди, сторонники Хренникова Н. Жиганов и М. Ашрафи.

Конечно, главным было выступление Д. Д. Шостаковича. Его все ждали и понимали, что от Дмитрия Дмитриевича зависело, даст он отпор Хренникову или выкинет белый флаг. От этого в известной степени зависел бы расклад голосов и, быть может, результаты выборов состава нового правления.

Д. Д. Шостакович оказался непреклонен, проявил присущее ему мужество и принципиальность. Практически ни разу не упомянув имя Хренникова, не вступая с ним в открытую полемику, он отстаивал свою позицию, а фактически – позицию всего антихренниковского направления. Так как в многочисленной литературе о Шостаковиче никогда не публиковалось это выступление, то я счёл возможным воспроизвести его в максимальном объёме, по стенограмме.

“Дорогие товарищи, дорогие друзья, я считаю очень важным с трибуны съезда ещё и ещё раз напомнить об ответственности советского композитора перед народом. Я хочу напомнить о единстве наших профессионально-творческих задач с общими великими целями всей советской культуры в целом. Оглядываясь на прошлое советской музыки, можно сказать, что всё лучшее из созданного за этот большой период было вдохновлено именно глубоким чувством ответственности композиторов перед народом; с другой стороны, всё слабое, неудачное, ошибочное было в той или иной степени связано с недостатком этого чувства или с неумением, неспособностью возвыситься в своём творчестве до уровня *общенародных интересов*. Что значит возвыситься в своём творчестве до уровня *общенародных интересов*?

Это значит – нести народу мысли и идеи, подымающие и возвышающие его, помогающие неуклонному развитию народа, ускоряющие это его развитие, его отношение к жизни и, в частности, обогащающее его художественный вкус. Таким искусством может быть только большое искусство. В нашей стране далёким прошлым стало такое положение, при котором подлинное, большое искусство являлось принадлежностью узкой группы ценителей. Народ, ставший у нас полновластным хозяином всей культуры, заявил свои права и на сокровищницу искусства. Большое искусство, которое стало достоянием народа, разумеется, не остановилось в своём развитии. Наоборот, в живом соприкосновении с широчайшей массой слушателей, читателей, зрителей оно получило новые мощные стимулы для своего развития. А это значит, что в наших условиях искусство ещё в большей мере, чем в прошлом, должно быть искусством *богатым, тонким, творчески разнообразным*; оно должно стоять на высшем уровне прогрессивной духовной культуры современного человечества. Создавать такое искусство в наши дни – это и значит возвыситься до уровня *общенародных интересов*. Я убеждён, что дело обстоит именно так. И поэтому, когда в нашей критике появлялись за последние годы голоса, порицавшие, осуждавшие произведения активно творческого характера, когда произведения этого рода окружались подозрительностью, когда за образцы нередко выдавались произведения, бедные мыслью, безличные по средствам выражения, – здесь не было действительной ответственности за судьбы нашего искусства. Критики этого рода не стояли на позиции *общенародных интересов* в области искусства, хотя в своих аргументах постоянно упоминали о народе и его запросах.

Точка зрения *общенародных интересов* несовместима с тенденцией упрощения, примитивизации творчества. Это постоянно подтверждается практикой. Сейчас очень странное и досадное чувство возникает, когда просматриваешь комплекты журнала “Советская музыка” пяти- или шестилетней давности, особенно отчёты наших творческих пленумов. Сколько здесь многозначительных определений, торжественных похвал, гордых эпитетов! Но как уже прочно забыты многие произведения, с которыми связаны были все эти слова. И забыты как раз те произведения, которые не обогащали сокровищницу нашего искусства, которые ни в чьих душах не вызывали живого отзвука, которые не вторгались в жизнь, а лишь следовали мёртвым, надуманным канонам!

Искусство, отвечающее *общенародным интересам*, развивающееся под знаменем социалистического реализма, – это непременно искусство *содержательное*. Извините меня за повторение этой общеизвестной истины! Но ведь знание истины не всегда означает следование ей. Существует инерция профессионализма. Нередко произведение пишется только потому, что по каким-то внешним причинам решено было его написать. Я глубоко убеждён, что, если существует только эти внешние причины, плюс профессиональная техника и энергия композитора, то есть если в процессе создания произведения не вступают в действие более глубокие, внутренние побуждения, – ничего значительного у композитора не получится. Глубокая, непреодолимая потребность высказать какие-то мысли и чувства, наличие объективно значительного содержания – вот те условия, при которых, как мне кажется, композитор может претендовать на внимание к своему произведению.

Когда я говорю об искусстве *содержательном*, я имею в виду такой его признак, как открытие нового. Вряд ли нужно специально оговаривать, что в реалистическом искусстве новизна не является самоцелью. Речь идёт об открытии *нового в жизни* и необходимых, неизбежных поисках таких средств,

которые бы запечатлели эти новые наблюдения и ощущения. Если не открыты эти новые средства, значит, невоплощённым оказалось и новое содержание. А если не отвоёван хотя бы небольшой участок нового содержания, не найден хотя бы какой-нибудь свежий поэтический штрих, — произведение не является шагом вперёд. И в этом случае плохим утешением явится, например, ссылка на то, что произведение, хотя и не содержит новизны, но зато написано в классических традициях. Здесь действует неумолимый закон: стояние на месте означает движение вспять. Великий образец, послуживший объектом для подражания, конечно, останется великим, но пассивное подражание всегда улавливает только внешние черты образца, игнорируя его дух, его сущность!

К сожалению, музыкальная критика за последние годы редко напоминала нам об этих требованиях и критериях. Зато было много скучного начётничества, конъюнктурщины. Впрочем, я не склонен винить в этом только одних критиков, так как их положение нередко было не очень самостоятельным. Для критиков, как и для нас — композиторов, — весьма прискорбным являлось то, что среди людей, которым доверено было руководство музыкальным делом, мы видели часто сухих догматиков, людей, по-видимому, мало знающих и недостаточно любящих музыку, хотя и имеющих специальное образование. (*Аплодисменты.*) Такие люди очень мешали и мешают нашему делу, развитию живой, творческой мысли. И это в значительной мере наложило печать на характер музыкальной критики последних лет.

Все эти трудности и недостатки вызывали у меня особенно большую тревогу, когда я думал о нашей композиторской молодёжи. У нас есть очень хорошая, талантливая композиторская молодёжь. Мы все ценим у неё то, что всегда так украшает творческую молодость, — живость, инициативность творчества, смелость и разнообразие исканий, принципиальность и упорство в отстаивании своего пути. Все эти естественные, нормальные черты творчества молодёжи с особой настороженностью встречались нашими критиками догматического типа. Задача воспитательной работы с молодыми композиторами и, в частности, с композиторами-студентами была понята очень упрощённо. Она превращалась в ряде случаев в антипедагогический, грубый нажим на молодого музыканта. Это приносило двойкий вред.

Во-первых, искусственно задерживали творческое развитие некоторых молодых композиторов, во-вторых, ориентировали не очень принципиальных и недостаточно целеустремленных представителей молодёжи на путь лёгкого конъюнктурного успеха, на путь карьеризма. Создавался ложный идеал приликанного, приглаженного творчества. Всё это было неестественно и фальшиво. Ибо ведь творческий эксперимент, “риск” пробы сил в разных областях, в разных направлениях — всё это неотъемлемые права каждого композитора и особенно молодого, ещё только определяющего свой путь”. (*Аплодисменты*)¹⁴.

Далее, сославшись на доклад Хренникова, Шостакович коснулся проблемы оперы. С тонкой иронией он заметил, что в противовес тяжеловатой традиционной манере современных опер, которых много написано (по отчёту Хренникова), есть прекрасные образцы советской оперы, и в качестве примера привёл сочинения С. Прокофьева “Семён Котко”¹⁵ и “Войну и мир”. Предложил создать экспериментальный оперный театр.

Не прошёл Шостакович и мимо массовой песни и эстрады. Заметил, что эти жанры страдают от дурного вкуса и кустарщины и что нужно быть внимательным к массовому музыкальному быту. Констатировал факт, что молодёжь тянется к зарубежной эстраде (опыт фестивалей). Отметил популярность джаза. И в конце этой части своего выступления он подвёл итог: “Не хватает творчески свежих песен”.

Затем перешёл к одному из самых злободневных вопросов, заявив, что не хватает творческих дискуссий. “Развитию дискуссии мешает, прежде всего, один из пережитков периода культа личности. Я имею в виду такие недопустимые методы спора, которые на деле превращаются в дискредитацию, очернение одной из спорящих сторон. Как только позиция одной из спорящих сторон идейно дискредитируется, спор фактически замирает. Между тем, совершенно ясно, что спорят между собой люди, прочно стоящие на позициях советской идеологии, стремящиеся к одним и тем же целям, но только по-разному трактующие путь к этой цели”. (*Аплодисменты.*)

И тут впервые в своём выступлении он обвинил секретариат в нежелании организовать настоящие дискуссии, а также в нападках на журнал “Советская музыка”, которые “длятся и по сей день”: “К сожалению, секретариат ССК более способствовал замораживанию дискуссии, чем её развитию. Об этом свидетельствуют упорные нападки со стороны некоторых секретарей ССК на журнал “Советская музыка”. Между тем, на довольно безрадостном фоне музыкально-критической литературы последних лет заметно выделяются номера “Советской музыки”.

И далее Шостакович, едва ли не единственный из выступавших в прениях, заговорил о нападках на журнал, которые, по его мнению, длятся и по сей день. “На чём они основаны? На огульном обвинении журнала, будто он предоставляет свои страницы не для дискуссии, а для одностороннего освещения творческих проблем. Однако достаточно просмотреть комплект журнала хотя бы за 1956-й и 1957 годы, чтобы убедиться в противоположном. В самом деле, разве не различны по своей установке напечатанные в журнале статьи Сабининой и Апостолова, Сохора и Кремлёва, Кухарского и Лебединского, Келдыша, Кабалевского, Грошевой и мн<огих> др<угих>? Я затрудняюсь объяснить происхождение всех этих нападков. Но несомненно одно: они служат тормозом в развитии дискуссии и поэтому вряд ли получают поддержку в широкой творческой среде. (Аплодисменты). Нам предстоит избрать на съезде новое руководство Союза композиторов. Необходимо отнестись с большой ответственностью к этой задаче. От нас зависит избрание хорошего, работоспособного правления, которое не будет повторять ошибок прошлого, которое оправдывает наши надежды и чаяния. Хочется пожелать, чтобы в новом правлении и секретариате было побольше людей творческого типа, людей пытливых, живущих активной жизнью художников и проявивших глубокое понимание задач советского искусства. Хочется пожелать, чтобы в нашем коллективе не оставалось места для элементов музыкального бюрократизма и канцелярщины, чтобы любители администрировать почувствовали себя уютно в нашем коллективе”. (Аплодисменты).

Закончил свою речь Шостакович на оптимистичной ноте, выразив пожелание: “Хотелось бы, чтобы жизнь нашего коллектива всемерно способствовала расцвету советского музыкального творчества во всём многообразии его стилей, направлений, индивидуальных творческих исканий; чтобы творческая дискуссия постоянно сопутствовала этим исканиям, не сужаемая искусственными догматическими рамками. Советская музыкальная культура преодолевала на своём пути различные препятствия и трудности и вопреки этим трудностям неуклонно двигалась вперёд. Сейчас для этого движения условия становятся всё более и более благоприятными. Мы как всегда чувствуем помощь и внимание к нам со стороны партии и советского государства, и мы должны оправдать оказываемое нам доверие, оправдать ожидания нашего широкого слушателя. (Продолжительные аплодисменты)”.

Из всех выступлений Шостаковича на съездах композиторов это, пожалуй, одно из самых принципиальных и одновременно благородных. Да, пришлось, как и всем в то время, прибегать к необходимым “этикетным” словесным формулам, к обязательному упоминанию соцреализма. Однако всё это — в очень взвешенных, микроскопических дозах и без всякого намёка на низкопоклонство. Но главное в нём — это открытый, бескомпромиссный вызов Хренникову. И недвусмысленный намёк на необходимость избрания нового правления. Вспоминаю один из разговоров со Свиридовым. Георгий Васильевич считал, что Шостакович в тот момент открыто стоял против Хренникова, решил бороться с ним за руководство в Союзе композиторов.

На следующий день, 2 апреля выступал Г. В. Свиридов. Как и во все остальные дни, состав участников прений подбирался так, чтобы не было перевеса одной из сторон. Поэтому наряду со Свиридовым и музыковедом Л. Данилевым, биографом Шостаковича, выступали К. Данькевич и Д. Гершфельд, а также музыковед Ю. Келдыш, который в отрицательной оценке содоклада Г. Хубова солидаризировался с Ю. Кремлёвым.

Музыковед Л. В. Данилевич был в близких отношениях с Д. Д. Шостаковичем, писал о нём монографию. В своём выступлении он пытался с чисто академической точки зрения, как бы вне партийной борьбы, беспристрастно осветить главные вопросы, затронутые на съезде: реализм и народность,

традиции и новаторство. В сущности, он высказал точку зрения, близкую, условно говоря, партии Шостаковича. Музыковед пришёл к выводу, что сложилось догматическое толкование новаторства, когда у композиторов в подлинных новациях видят влияние “буржуазного формализма”, что существуют неверные, зауженные представления о реалистическом направлении в советской музыке. “Мы спорили и спорим о творчестве крупнейших композиторов современности – Прокофьева и Шостаковича, – заявил Данилевич. – После того, как Свиридов написал свои талантливейшие произведения, вспыхнули споры и о Свиридове. Я принадлежу к тем, кто считает, что в лучших сочинениях Прокофьева, Шостаковича, Свиридова, как и в лучших сочинениях Хачатуряна, Мясковского, сказались в огромной мере самые лучшие, самые передовые тенденции нашего музыкального творчества. Я считаю, что эти сочинения принадлежат к числу величайших достижений реалистической музыки”¹⁶.

Близкие Шостаковичу мысли высказал Свиридов. Как и в своей статье в “Литературной газете” в день открытия съезда, он начал своё выступление с большой для советской композиторской школы проблемы совершенствования мастерства через освоение наследия. Но теперь он эту проблему поставил не в индивидуальном плане, а как проблему композиторской организации. И через эту проблему вышел на ту же тему о большом количестве неполноценных в художественном отношении сочинений, которые появились в конце 1940-х – начале 1950-х годов. “Чтобы создавать в искусстве художественные ценности, мало одних “благих намерений”. Надо уметь это делать. А для того, чтобы уметь, надо много знать и постоянно совершенствоваться. Это общеизвестно. Как же вопросы композиторского мастерства ставились до недавнего времени в нашей организации? Чрезвычайно узко, а порой и неверно. Мы учимся мастерству у великих композиторов прошлого, и наша задача – использовать всё богатейшее музыкальное наследие. Между тем, в недавние годы мы бывали свидетелями ограниченного, обеднённого представления об этом наследии. К нему подходили с куцей меркой, произвольно отбрасывая или недооценивая опыт даже таких художников, как гениальный Вагнер, таких замечательных мастеров, как Брукнер, Малер, Скрябин, Рахманинов позднего периода, Метнер, Дебюсси, Равель. Современный композитор не может считать себя мастером, не усвоив опыта этих выдающихся музыкантов. Нельзя двигаться вперёд и создавать новое, не зная достижений предшественников. Надо прямо и честно признать, что требовательность в отношении мастерства в период между двумя съездами была сильно занижена, в результате чего сплошь и рядом произведения слабые, беспомощные и примитивные выдавались не только за полноценные, но порой за выдающиеся”.

Проблему мастерства Свиридов увязал с проблемой новаторства. А дальше, что называется, пошло-поехало. И вновь, как и в выступлениях Шостаковича, Пейко, Сохора, посыпались замечания в адрес руководства ССК СССР. И опять прозвучала идея обновления состава правления, смены руководства союзом. Привожу по стенограмме этот фрагмент выступления Свиридова.

“Проблема мастерства теснейшим образом связана с проблемой новаторства. Наша задача заключается не только в усвоении богатейшего опыта классиков, но в создании на основе этого опыта нового искусства, проникнутого духом нашей современности. К сожалению, новаторские поиски композиторов далеко не всегда встречали правильное к себе отношение в нашей среде, а чаще безосновательно расценивались как глубокие творческие заблуждения. Нам мешали в работе и другие неверные тенденции, о которых убедительно говорилось с трибуны съезда: догматизм, нетерпимость к инакомыслящим по творческим вопросам, навязывание личных точек зрения в качестве обязательных, единственно приемлемых. Всё это не способствовало созданию в Союзе композиторов нормальной, здоровой обстановки, которая может сложиться только на основе творческой дискуссии и товарищеской нелицеприятной критики. Из-за отсутствия такой обстановки целый ряд композиторов, в том числе крупных мастеров, оказались надолго выключенными из жизни союза, и секретариат с этим смирился. Таким образом, приходится признать, что руководство нашего союза по существу не выполнило своей главной задачи – полного объединения и сплочения всех творческих сил, хотя для этого мы имели все возможности. Правление Союза композиторов фактически было бездейственным и передоверило свои функции секретариату,

слабо контролируя его. В результате вся большая работа по руководству текущей деятельностью Союза композиторов осуществлялась фактически всего лишь несколькими товарищами, которые не имели практической возможности справиться с ней. Нам надо серьезно подумать о том, как наилучшим образом организовать работу будущего правления, чтобы избежать допущенных ошибок. Очевидно, надо пересмотреть стиль работы союза, а возможно – и структуру его руководящих органов. Позвольте поделить по этому поводу некоторыми своими соображениями. Будущее Правление, мне кажется, должно чаще собираться для обсуждения насущных вопросов нашей музыкальной жизни, причём собираться не только в Москве, но и в столицах союзных республик. Такие пленумы будут весьма способствовать дальнейшему расцвету музыкальных культур народов СССР. Правление должно чаще и регулярнее заслушивать отчёты своего исполнительного органа. Общественная работа в Союзе композиторов и его выборных органах является почётным долгом членов нашей организации и не должна превращаться в службу. (*Аплодисменты*). Новое правление должно создать в союзе атмосферу творческого доброжелательства и взаимного уважения, не исключающих высказательной и строгой критики. Мы должны помнить, что все мы делаем одно общее дело. Мы должны теснее сплотить наши ряды, вдохновляясь общей задачей создания произведений, достойных великого советского народа. (*Аплодисменты*)¹⁷.

Разумеется, ни Хренников, ни его сподвижники не дремали. Была выбрана особая, отвлекающая тактика. Чтобы перевести огонь критики с генерального секретаря ССК СССР, под удар был подставлен главный редактор журнала “Советская музыка” Г. Н. Хубов и его содоклад. Хубова критиковали композиторы, но это была, так сказать, разведка боем, лёгкая, “точечная” критика по отдельным, частным вопросам. С главными артиллерийскими калибрами выступили музыковеды – давние оппоненты Хубова.

Первым выступил И. Я. Рыжкин 30 апреля, когда на прениях председательствовал К. Данькевич.

Музыковед И. Я. Рыжкин ещё до съезда критиковал журнал “Советская музыка” и поддерживал Т. Хренникова в его борьбе с главным редактором журнала. Будучи музыковедом-теоретиком, он обвинил Хубова в том, что тот “занимал шаткую, неверную позицию в серьёзных теоретических вопросах”. Неверным Рыжкин нашёл суждение Хубова о реализме¹⁸, оспорил его интерпретацию понятия модернизм.

Закончил своё выступление Рыжкин дипломатично, призывом освободиться от односторонности суждений. “Мне хотелось напомнить, – сказал он, – что сегодня мы подводим итог не только девятилетия нашего пути от Первого съезда композиторов, но и 25-летие нашей творческой организации – Союза советских композиторов. Эти двадцать пять лет – история нашей жизни и наших исканий, наших горестей и радостей. И когда я говорил, что наше искусство многогранно, что узость, которую мы проявляем в вопросах искусства, очень опасна, так как она порождает неправильные взгляды, то я хотел подчеркнуть основную мысль: искусство наше подчинено единой цели – служению народу, оно одухотворено единими идеями – идеями построения коммунизма, но оно отнюдь не отрицает того, что советское искусство многокрыло и многогранно.

В прошлом, заключает тов. Рыжкин, было неправильное мнение, что советская музыка может лететь на одном крыле; некоторые считали этим крылом Дзержинского и пытались “отсечь” другое крыло – Шостаковича. Другие надеялись на Хачатуряна и не хотели признавать Хренникова. А ведь на самом деле, сколько композиторов у нас в стране, столько и крыльев. Будем же добиваться того, чтобы эти крылья раскрывались пошире, действовали дружно и властно влекли нас к общей и высокой цели – к коммунизму!”

Куда более жёстким и более основательно фундированным было выступление Ю. Кремлёва в тот же день, 1 апреля, когда говорил Д. Шостакович. Кремлёв начал издали, как бы продолжая давнюю свою полемику, причём отнюдь не с Хубовым. Главным предметом критики Кремлёва был не музыковед, а композитор. И не отвлечённый композитор, а вполне конкретный – Шостакович. Сперва Кремлёв затронул проблему формализма. “В основе формализма – опасная возможность человеческого мышления превращать средства

отражения мира в самостоятельные сущности”. И от этой общей сентенции Кремлёв перешёл к музыкальному формализму. “Но можно в самых широких масштабах оперировать музыкальными звуками как таковыми – без сознательного и ясного учёта их внемузыкального содержания”. И завершил своё рассуждение о формализме ригористическим выводом: “Формализм – *постоянная* опасность всякого человеческого мышления, в том числе и музыкального. С этой опасностью надо бороться *всегда*”. И сам Кремлёв продолжал в 1957 году, как и в 1948-м, бороться с этой опасностью, свидетельством чему были его статьи о симфониях Шостаковича.

Затем Кремлёв перешёл к анализу категории “сложность”. “Одним из весьма ложных положений нашей критики является положение о так называемой “сложности” музыкального языка. Это старая теория, и теперь она, к сожалению, опять вытаскивается наружу. Прежде всего, есть сложность в искусстве, которую стоит преодолевать, а есть “сложность”, которую преодолевать не стоит, так как плоды такого преодоления невелики”. И вот тут Кремлёв позволил себе выйти за пределы музыки и совершил выпад против Б. Пастернака (дело было ещё до скандала с романом “Доктор Живаго”): “Кто скажет, что стихи Пастернака сложнее стихов Твардовского? Не сложнее, а неопределённое, сбивчивее, запутаннее, туманнее”. И вновь вернулся к музыке, поставив риторический вопрос: “Быть может, атональная пьеса Шенберга сложнее “Евгения Онегина” Чайковского?”

Дальше Кремлёв коснулся ещё одной злободневной проблемы – о доступности и популярности. “Говорят, что популярен Скрипичный концерт Шостаковича. Но популярна и лёгкая песенка”. <...> “Значительный успех того или иного произведения всегда интересен, но он ещё не решает вопроса о его действительной ценности”.

Речь Кремлёва строилась на парадоксах. Он брал общепринятое суждение и выворачивал его наизнанку, приходя к совершенно неожиданным выводам. Вот он касается злободневной проблемы, поднятой прогрессистами, – администрирование. Оно неуместно, говорит он. “Нельзя, например, прятать от зрителей картины Сезанна, Матисса или Пикассо, как это одно время делалось. Это своего рода обскурантизм. И реакция на него самая пагубная: достаточно почитать отзывы зрителей на выставках Кончаловского, Сарьяна, Врубеля, где нередко самые неудачные произведения этих живописцев больше всего расхваливаются – из соображений нездорового и бесперспективного протеста. Но одно дело – осудить администрирование, а другое дело – сдавать идейные позиции. Такая сдача для нас неприемлема”. Где администрирование, а где капитуляция, сдача “идейных позиций”?..

Парадоксы подчас приводили Кремлёва к на редкость спорным взглядам. В защите неоклассицизма он углядел антиисторические ошибки нашей критики. И обвинил критику, да ещё как! Зал пришёл в возбуждение. Послышались возмущённые голоса. “После перспективы Рубенса и Репина нельзя возвращаться к перспективе Джотто. После тематического творчества, тематического рисунка Бетховена, Глинки, Чайковского, Шопена, Грига нельзя возвращаться к *несовершенному тематизму* Баха (курсив мой. – **А. Б.**), если нет особых стилистических задач. (*Лёгкое оживление в зале*). Бах мыслил гораздо яснее и определённое, чем его предшественники, а необахисты мыслят туманнее и неопределённое, чем их предшественники – великие классики. Задача ныне иная – создавать темы более ясные, более определённые, более выпуклые и доступные, чем темы Бетховена или Глинки, Чайковского или Грига. Эта задача чрезвычайно трудна, но и насущна”. Под необахистами подразумевались представители неоклассицизма – Стравинский, Хиндемит.

Речь Кремлёва при всей своей парадоксальности, при всех его крайне спорных суждениях и оценках, имела определённую цель: доказать несостоятельность партии Шостаковича и ущербность самого Шостаковича, дабы сохранить старое руководство. В середине своей речи Кремлёв, не скрывая, выразил опасение, что, как и у художников, “крупные мастера, стоявшие в руководстве в прошлом, будут забаллотированы”.

В конце речи Кремлёв раскритиковал Хубова за шаткость и неясность позиции и то направление, которое главный редактор “Советской музыки” придал журналу. “Справедливы упреки, обращённые к редакции “Советской музыки”, в том, что она за последнее время поощряет и превозносит

композиторов определённой группы. Правда, печатаются статьи и о других композиторах. Но особое положение Шостаковича, Прокофьева, с недавнего времени Свиридова – остаётся. Они – предмет культа. “Позвольте, мы их критикуем!” – скажет редакция. Ну, что же. В некоторых наивных культах разрешается даже посечь бога культа. А всё-таки они боги, тогда как Соловьёв-Седой или Новиков, Хренников или Владимир Бунин, Держинский или Книппер – простые смертные. И редакции невдомёк, что Карл Маркс уже более ста лет тому назад поставил вопрос об отмирании неравенства дарований в условиях социализма. Невдомёк, что, оставив культ личности, надо оставить и культ личностей, что надо внимательнее и беспристрастнее относиться ко всем творческим силам”.

Под занавес своей речи Кремлёв выдвинул против Хубова очень серьёзное обвинение. В 1948 году оно могло бы дорого обойтись Хубову, будь он тогда главным редактором журнала. Причём и в этом персональном обвинении Кремлёв сумел обобщить взгляды музыковеда со всей партией композиторов-прогрессистов. “В заключение мне хочется отметить, что доклад Георгия Никитича Хубова огорчил меня, но, вместе с тем, и удовлетворил потому, что он явился наглядным показателем шаткости и большой теоретической слабости взглядов так называемой “новаторской” группы композиторов, взглядов, в которых гораздо больше неясностей и эклектизма, чем подлинного новаторства. Мысли доклада, на первый взгляд могущие показаться свежими /о реализме, фантазии, модернизме/, в действительности просто ревизуют основы марксистской эстетики. Весьма возможно, что в течение некоторого или даже продолжительного времени подобные взгляды будут одерживать те или иные выборные или административные победы, или даже победы общественного мнения. Но для меня несомненно, что эти победы будут пирровыми победами. Характерное свидетельство – тот факт, что столь опытный и искушённый человек, как Георгий Никитович Хубов, защищая подобные взгляды, вынужден был отойти от ряда элементарных и нерушимых положений марксизма”¹⁹.

Кремлёв – автор монографий о Шопене, Дебюсси. В его отрицательном отношении к неоклассицизму и к ново-венской школе не было ничего фальшивого, он искренне не любил музыку А. Шенберга, И. Стравинского, Д. Шостаковича. Он не поменял своего взгляда на этих композиторов на протяжении своей жизни. Эта честность и прямота, граничащая довольно часто с прямолинейностью и с некоторой толикой догматизма, отдающего эстетикой 1948 года, вызывала, с одной стороны, яростное неприятие и нелюбовь к музыковеду музыкальной общественности, с другой стороны – уважение к нему и негласную поддержку власти. Впрочем, в 1957 году ещё было много людей, которые разделяли его взгляды. Поэтому нет ничего удивительного, что по окончании речи Кремлёва, судя по стенограмме, зал наградил его выступление продолжительными аплодисментами.

Вечером 1 апреля эстафету от Кремлёва подхватил киевлянин Н. Н. Михайлов, историк музыки, автор книги о К. Данькевиче. Выступление Н. Н. Михайлова в основном было посвящено опере, постановкам советских опер в Киеве, в частности, и недавней постановке оперы С. Прокофьева “Война и мир”, оперному творчеству украинских композиторов, воспитанию и подготовке певцов. И лишь в конце своей речи Михайлов разразился критикой в адрес Г. Хубова.

Передаю фрагмент его речи в газетном изложении: “Доклад Г. Хубова, – говорит далее Н. Михайлов, – несмотря на всю эрудицию докладчика, произвёл на меня странное впечатление. Г. Хубов как будто всё время с кем-то воюет, с кем-то полемизирует, от какого-то невидимого противника отбивается и, не называя прямо своего противника, в пылу спора сам себе противоречит. <...> Он неправильно представил развитие эстетической науки. Он утверждает, что почти полная неразработанность жизненно важных проблем марксистско-ленинской эстетики, неразработанность критериев социалистического реализма и народности в музыке открыли дверь своеобразному эстетическому произволу, усилили пагубные проявления догматизма, начётничества и конъюнктурной вкусовщины в суждениях о советской музыке. Как же это так? Сам же докладчик назвал ряд музыковедческих работ. А разве исторические постановления Центрального Комитета нашей партии по идеологи-

ческим вопросам, которые сыграли такую огромную роль, не есть достижение советской эстетической науки? Утверждение Г. Хубова, по-моему, совершенно неправильно. Мне кажется, продолжал оратор, совершенно неправильно характеризовать процесс развития нашей музыки как процесс, связанный с культом личности и с последствиями его, которые якобы целиком определили это развитие. Г. Хубов призывал не наклеивать ярлыки на товарищей, а сам он это делает”²⁰.

Если Кремлёв воспринимал редакторскую деятельность Хубова в широком контексте борьбы направлений в советской музыке, то выступление Михайлова сводилось к чисто музыковедческой проблематике, по сути — к внутренней разборке взаимных обвинений. В таком же духе, но только более основательно, фундаментально подошёл к критике Хубова Ю. В. Келдыш. Солидный учёный, почтенный музыковед с очень длинной и непростой биографией, бывший РАПМовец, назвавший в 1929 году С. Прокофьева фашистом, Келдыш принадлежал к большой семье, в которой были крупные учёные. Его брат Мстислав Всеволодович был выдающимся учёным, организатором советской науки, в 1961 году возглавил Академию наук СССР. Юрий Всеволодович был человеком политическим, весьма тонко чувствующим ситуацию, конъюнктуру.

Его речь также была вполне взвешенной, острые углы он осторожно обошёл, даже избежав оценки Десятой симфонии Шостаковича, вообще оценки направлений в советской музыке. Сказал, что у критиков должно быть право критиковать даже выдающееся произведение и что журнал “Советская музыка” узурпировал это право. И нашёл этому объяснение: “У нас сейчас вместо одного жупела, каким являлись одно время слова “формализм” и “модернизм”, выдвигается другой жупел — догматизм”²¹.

Келдыш очень старался казаться объективным и стоять как бы вне партийной борьбы. И обвинил Хубова в том, что он, цитирую газету, “допустил даже неподозволительный приём передёржки, назвав среди критиков, отказывавших Десятой симфонии Шостаковича в реализме, Ю. Келдыша, который, по словам оратора, никогда не выступал в печати с подобной оценкой этого произведения”²².

Келдыш осторожно вступился за статью Ю. Кремлёва о Десятой симфонии и обвинил журнал “Советская музыка” в отсутствии ясной точки зрения на эту симфонию. “В 1954 году в журнале была помещена обстоятельная статья о Десятой симфонии Шостаковича, где наряду с общей высокой оценкой произведения содержалась серьёзная критика. Давая отчёт о дискуссии, состоявшейся в Союзе композиторов, редакция резко осуждала некоторых ораторов за одностороннее апологетическое отношение к симфонии. После этого до недавно появившейся остро критической статьи Ю. Кремлёва не было ни одного серьёзного разбора симфонии. Теперь же редактор считает недопустимой малейшую критику симфонии Шостаковича, никак не объясняя и не мотивируя эту неожиданную перемену своей позиции”.

После отрицательной оценки политики журнала Ю. Келдыш перешёл к оценке содоклада Хубова. Он обвинил Хубова в теоретической несостоятельности его доклада и подробно остановился на трактовке Г. Хубовым понятия “модернизм”. И опять обвинил Хубова в том, что тот позволил себе совершенно недопустимое искажение фактов. “Он говорил, что якобы с тем новым искусством, которое некие догматики, вроде Келдыша и Рыжкина, считают модернизмом, боролась только реакционная критика”. После чего Келдыш в свою поддержку воззвал к именам русских великих классиков Римского-Корсакова, Танеева, Глазунова, Лядова, Рахманинова и других.

Ближе к концу своей речи Келдыш вновь вспомнил о догматизме и заявил, что “понятием “догматизм” товарищи пользуются с предельной догматической прямолинейностью и пытаются таким образом снять с серьёзного обсуждения те коренные вопросы, от которых зависит судьба будущего советской музыки. Такая позиция, занятая редактором единственного нашего музыкального журнала, не может не вызвать очень серьёзной тревоги за дальнейшее развёртывание нашей дискуссии”.

В своём выступлении Келдыш осторожно упомянул речь Д. Шостаковича в предыдущий день, 1 апреля. “Д. Шостакович, защищая журнал “Советская музыка”, говорил, что в нём были напечатаны статьи Кремлёва, Апостолова,

Келдыша и других. Но дело не в отдельных статьях. Дискуссии надо направлять и стимулировать. Если же изредка предоставить возможность для высказывания той или иной точки зрения и потом наложить на неё вето и сказать, что спорить о произведении больше нельзя, потому что оно всеми признано, то это не будет настоящей плодотворной дискуссией”.

Не желая раздувать дальше огонь полемики, Келдыш закончил свою речь нейтральной и приемлемой для всех поддержкой тех товарищей, “которые требовали, чтобы больше исполнялось произведений советской музыки, в том числе и тех, которые вызывают спор. Предоставим слушателям возможность самим разбираться и в существе творческих явлений, и в существе тех споров, которые ими вызываются. Я глубоко убеждён, что наш народ достаточно идейно зрел и сознателен, чтобы разобраться во всём этом”.

Под занавес прений Хренников подготовил Шостаковичу ещё один неприятный сюрприз — отчёт Ревизионной комиссии, зачитанный скромным композитором Н. П. Чаплыгиным, в юности входившим в известную группу “Прокколл”, предшественницу РАПМа, после войны ставшим главным редактором музыкального вещания Всесоюзного радио.

В первой части доклада Чаплыгин осветил деятельность руководства СК СССР между двумя съездами. Высоко оценил Первый съезд ССК СССР²³, отметил большую и плодотворную работу правления и секретариата. А вот дальше Чаплыгин перешёл к серьёзным недостаткам в работе секретариата за отчётный период. Прежде всего, он отметил нарушение устава ССК СССР: “руководящими органами союза нарушено уставное требование созывать съезд композиторов один раз в три года”. Затем высказал замечание, что “секретариат слабо был связан с республиканскими и другими местными союзами композиторов, не осуществлял должного руководства их деятельностью”. Особо подчеркнул неблагоприятное положение в работе секретариата с композиторскими организациями Российской Федерации”.

Чаплыгин констатировал разногласия в секретариате, фактически призвав наличие разных музыкальных партий в союзе. “Во всей деятельности секретариата в известной мере отрицательно сказывалось отсутствие единства среди членов секретариата в понимании наиболее важных, принципиальных вопросов современного творчества, его оценки, путей развития. Это сказало особенно в первые годы послесъездовского периода в упрощённом понимании формалистического и реалистического в творчестве, в отношении к классическому наследию и новаторству, к вопросам народности в музыке, к творческим процессам, развивающимся за рубежом”. И дальше Чаплыгин показал, как такое положение сказало на работе творческих организаций союза, на работе комиссий и секций секретариата, на художественной практике композиторов.

Как положительный факт Чаплыгин отметил приход в союз молодёжи. К стати, в новое правление, избранное на Втором съезде, вошёл целый ряд молодых композиторов.

Вторую половину своего доклада Чаплыгин посвятил Музфонду СССР. И вот тут-то и была заложена бомба...

Докладчик начал издавека. Напомнил, что фонд был организован в 1939 году, что в 1949 году прошла его перерегистрация. Потом привёл сухие цифры. Чтобы читатель мог себе представить масштаб государственного финансирования композиторов, далее привожу текст доклада по стенограмме: “Государство выделило за отчётный период (с 1948 по 1956) 110 млн руб., в среднем 12–13 млн руб. ежегодно. На творческую помощь (творческие командировки, прослушивания, консультации, переписка нот и т. п.) — 19 000 000 руб. (в округлённых цифрах), на дома творчества композиторов — около 24 000 000 руб., на бытовую помощь (пособия, медпомощь, путёвки в санатории и дома отдыха, пионерлагеря и т. п.) — около 13 000 000 руб., на капитальные вложения — свыше 36 000 000 руб. и, наконец, на административные и прочие расходы — 19 000 000 руб. Общая сумма затрат на все виды творческой помощи равна 43 000 000 руб. (40% всей суммы расходов), материально-бытовая помощь, капвложения и административные расходы равны 68 000 000 руб. (60% всей суммы расходов). Превалирование расходов по материально-бытовой помощи по сравнению с затратами на основные цели, т. е. творческую помощь (60% и 40%)”²⁴.

И вот после перечисления этих довольно внушительных цифр, которые в переводе по курсу рубля на сегодня измеряются уже миллиардами, Чаплыгин для сравнения напомнил о грешках старого Музфонда, до перерегистрации в 1949 году, то есть ещё до проведения Первого съезда ССК СССР, при Оргкомитете Союза. “В прошлой деятельности Союза было осуждено иждивенчество: брали творческие путёвки в дома композиторов на написание балетов, опер и симфоний, потом отчитывались за них, а эти балеты и оперы никогда не ставились и не исполнялись. Деньги шли впустую” <...> “В качестве примера можно сослаться на задолженность Музфонду некоторой группы композиторов по возвратным ссудам, взятым ещё до 1948 года и до сего дня не погашенным”.

Эта на первый взгляд скромная, мало что значащая фраза и оказалась заложеной бомбой. Дело в том, что во время войны Секретариат Оргкомитета ССК СССР фактически бесконтрольно руководил Музфондом и члены Оргкомитета имели от руководителя Музфонда Левона Атовмяна безвозмездные ссуды, академические пайки и много других щедрых подарков, из-за которых при проверке финансовой деятельности Музфонда после войны Атовмяна посадили в тюрьму, недосчитавшись очень больших сумм в бюджете организации. Благодаря широте души секретаря Оргкомитета Арама Ильича Хачатуряна и его личным дружеским отношениям с С. С. Прокофьевым, Д. Д. Шостаковичем, Н. Я. Мясковским, В. С. Шебалиным, В. В. Щербачёвым и другими видными композиторами-симфонистами, Оргкомитет явно оказывал этим композиторам предпочтение в решении их бытовых проблем, денежного довольствия, квартирного вопроса и преодолении прочих обычных жизненных трудностей. Безусловно, это были самые видные и наиболее выдающиеся на тот момент композиторы, но другие были явно обижены. Так что Чаплыгин, хотел он этого или нет, но, не называя пофамильно, фактически упомянул членов Оргкомитета ССК СССР.

Как известно, Оргкомитет был осуждён в Постановлении ЦК ВКП(б) от 10 февраля, а ещё до этого – в Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 26 января 1948 года – было принято решение распустить старый состав Оргкомитета и его президиум, освободить от руководящей работы в Союзе советских композиторов тт. Хачатуряна А. И., Мурадели В. И., Атовмяна Л. Т., образовать новый Оргкомитет ССК и секретариат при нём во главе с генеральным секретарём Т. Хренниковым и членами в лице М. Ковалёва и В. Захарова²⁵.

И если в Постановлении ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 года старый состав Оргкомитета осуждался в основном за его эстетические установки, за то, что он стал “рассадником формалистических извращений”, за “затхлую атмосферу”, “отсутствие дискуссий”, то Хренников в своём докладе на Первом съезде обратил внимание на иную сторону его деятельности. “Особенно болезненно отразилась ошибочная линия Оргкомитета в работе Музфонда, в основном поставленного на службу ограниченной группе композиторов, – читал Хренников. – Попусту растрчивались громадные средства, которые были предоставлены государством для поощрения и развития творческой деятельности композиторов, расходовались без учёта требований важнейших идейно-творческих задач. <...> Оргкомитет замкнулся в сфере групповых интересов узкой кучки музыкантов формалистического направления, стал организацией, мешающей правильной развитию советской музыки”²⁶.

Да, прав был Свиридов: одно дело – получать яблоки, а другое дело – раздавать их... Вот почему съезды композиторов, выборы руководящих органов Союза по накалу страстей ничуть не уступали предвыборным страстям при выборах главы государства или партии.

* * *

Второй съезд советских композиторов СССР проходил в очевидной и напряженной борьбе музыкальных партий. Хренников и его сподвижники, выдвиженцы 1948 года, боролись за сохранение власти в Союзе. Им противостояла достаточно влиятельная группа композиторов, условно говоря, “прогрессисты” во главе с Шостаковичем. И хотя партия и правительство в лице секретаря ЦК КПСС Д. Т. Шепилова и министра культуры СССР Н. А. Михайлова призы-

вали композиторов к единению, согласию, и сами композиторы в своих выступлениях также говорили о солидарности, тем не менее, съезд обнаружил явное расхождение во взглядах представителей “реалистического” направления и, как их назвал Кремлёв, “новаторской” группы композиторов.

И до выборов состава нового правления, да и после выборов, для большинства композиторов не было до конца ясно, кого же члены нового правления выберут первым секретарём. Трудно сказать, знал ли Т. Н. Хренников о намерениях Президиума ЦК КПСС относительно руководства ССК СССР (да и было ли в тот момент сложившееся там решение по кандидатуре первого секретаря ССК), но некоторая неопределённость, даже неуверенность всё же чувствуется в его заключительном слове. Впрочем, Хренников был опытным и умелым игроком, он знал, когда нужно прибавить голосу “меди”, а когда — лить слёзы.

Неизбежный ритуал заключительных слов основных докладчиков был выстроен в следующем порядке. Сначала выступил Г. Хубов, затем Б. Ярустовский и лишь в самом конце — генеральный секретарь ССК СССР²⁷.

Выступление Хубова носило скорее характер продолжения дискуссии с его основными оппонентами Ю. Кремлёвым и Ю. Келдышем. Но время поджимало, и Хубов, в конце концов, предложил продолжить спор на страницах журнала “Советская музыка”.

Бедный Хубов! Он всё ещё не понимал, что его дни сочтены, скорее, он ещё надеялся на перемены в Союзе композиторов, благодаря которым у него сохранялся шанс остаться в своём кресле главного редактора. Он ещё пытался отстаивать журнал, убеждал, что редакция не только не препятствует, но делает всё возможное для развития творческих дискуссий на его страницах, что в журнале выступали авторы, придерживающиеся самых различных точек зрения. В противоположность своим критикам Г. Хубов утверждал, что редакция не мешает развитию творческой дискуссии на страницах журнала, что в журнале выступали неоднократно со статьями авторы, придерживающиеся самых различных точек зрения. Заметил, что “печатал журнал и статьи, в которых критиковалась работа его редакционной коллегии”. И при этом в конце примиренчески декларировал: “Другое дело, что дискуссия в “Советской музыке” не приобрела ещё систематического характера. Но для того, чтобы сделать её более активной и целеустремлённой, необходимо живое, заинтересованное участие музыковедов. Потому-то так важно сплочение всех наших творческих сил”²⁸.

Затем с коротким заключительным словом выступил Б. Ярустовский. Он возразил А. Сохору и остался при своём мнении, что все оперы хороши: и “Война и мир” С. Прокофьева, и “В бурю” Т. Хренникова.

Последним с развёрнутым заключительным словом выступил Т. Хренников. Свою речь Хренников тщательно продумал, тон её не имел ничего общего с победительной интонацией его доклада на открытии съезда. Сначала он извинился перед теми композиторами, которых не упомянул в основном докладе, и довольно долго называл их имена и сочинения по жанрам и по национальным школам.

Потом сразу перешёл к ответу на критику в адрес секретариата и правления. Он не стал ни оправдываться, ни возражать, согласившись, что в их работе были серьёзнейшие недостатки и что “о них совершенно правильно говорилось на съезде”²⁹. И далее Хренников повинился: “Мне хотелось бы особенно подчеркнуть слабость нашей работы в области изучения и пропагандирования достижений в музыке национальных республик, где за эти годы произошли огромные сдвиги”. Пообещал, что “организация издательства “Советский композитор”, деятельность которого должна быть направлена на издание произведений композиторов, живущих в национальных республиках, поможет в этом деле”. Это признание и обещание добавили ему в конечном итоге голоса представителей союзов композиторов республик, которые войдут в состав нового правления.

Он вынужден был признать, что “большим недостатком в работе секретариата и правления было слабое развёртывание дискуссий”, и определил задачу перед будущим руководством союза: “Задача нового правления и секретариата заключается в том, чтобы открытые творческие дискуссии сделать основным методом работы композиторской организации”. И этим ограничил-

ся, не отвечая на персональную критику в его адрес со стороны Шостаковича, Сохора и ряда других выступавших.

И всё же Хренников не удержался от возражения на ряд замечаний, остановившись на “некоторых полемических преувеличениях, прозвучавших на съезде”. Такое преувеличение он усмотрел в утверждении Г. Хубова, что “волна славословия заполонила советскую музыку”. Оспорил также слова Д. Шостаковича о том, что “программы пленумов ССК пять–шесть лет назад были засорены большим количеством слабых произведений”. “Несомненно, на пленумы и смотры достижений композиторов проникали и плохие, серые, слабые произведения, согласился он отчасти. Но большую часть в программах этих смотров всё же занимали те самые сочинения, о которых мы все здесь говорили как о наших лучших достижениях”. Возразил Хренников и Б. Клюзнеру, утверждавшему, что Союз композиторов не помогает композиторской молодёжи³⁰.

В конце своей речи Хренников опять признал справедливой критику. Как передаёт его слова газета “Советская культура”, “дискуссия, развернувшаяся на съезде, вскрыла большие недостатки в нашей работе. И мы должны их преодолеть, чтобы осуществить те задачи, которые были высказаны в приветствии ЦК КПСС съезду композиторов и которые мы услышали в речи товарища Д. Т. Шепилова”.

Создаётся впечатление, что будь Хренников уверен в результате выборов нового состава правления, он иначе бы выступил, не стал бы так виниться и признавать ошибки руководства ССК. Но такой уверенности у Хренникова, скорее всего, не было. Как показал результат выборов нового состава правления, “партия” Шостаковича получила существенную прибавку. В него вошли Кара Караев, Николай Пейко, Борис Чайковский, Георгий Свиридов, явно не симпатизировавшие Хренникову. Это помимо молодых, того же Ю. Балкашина и Э. Бальсиса, музыковеда М. Сабининой. В состав вошёл и обвинённый в 1948 году в формализме Б. Лятошинский. Никто не мог точно представить, сколько голосов может получить тот или иной кандидат на должность генерального секретаря ССК СССР.

Второй съезд завершился в торжественной обстановке в Кремлёвском дворце съездов в присутствии всего состава Президиума ЦК КПСС, членов правительства СССР.

Хренников предоставил слово главе партийной организации ЛОСК Л. Энтелису, огласившему состав вновь избранного правления и ревизионной комиссии ССК СССР, затем к иностранным гостям обратился Д. Б. Кабалевский³¹, К. Данькевич зачитал Приветствие делегатов съезда ЦК КПСС, а закрыл съезд произнесший небольшую речь старейший советский композитор Ю. Шапорин. Все выступавшие – испытанные бойцы, что называется, проверенные в деле. Даже такой сверхосторожный, как Юрий Шапорин. Хренников им доверял.

* * *

6 апреля в газете “Известия” была опубликована передовица по случаю окончания съезда под заголовком “За идейность и народность советской музыки”. Обычно в такого рода статьях обращает на себя внимание указание имён творцов и перечень произведений. В “Известиях” этот перечень выглядит следующим образом: “Достаточно назвать такие выдающиеся произведения, как оперы “Тихий Дон” И. Дзержинского, “Декабристы” Ю. Шапорина, “Богдан Хмельницкий” К. Данькевича, “Кёр-Оглы” У. Гаджибекова, “Огни мщениия” Э. Каппа, балет “Ромео и Джульетта” С. Прокофьева, 5-я и 7-я симфонии Д. Шостаковича, 27-я симфония Н. Мяскового, 2-я симфония Л. Ревуцкого, Скрипичный концерт А. Хачатуряна, песни И. Дунаевского, В. Захарова, В. Соловьёва-Седого, А. Новикова, В. Мурадели и многие другие”³². Формально всё вроде бы правильно: сначала – опера, потом – балет, затем – симфония. Но у Прокофьева была выдвинутая в том же 1957 году на Ленинскую премию опера “Война и мир”. Да и разве важно было соблюдать принцип жанровой иерархии? Ведь ценятся произведения независимо от

жанра. Но такова была оценка газеты “Известия”: самыми первыми из выдающихся названы оперы И. Дзержинского и К. Данькевича.

Не менее красноречивы и некоторые пассажи из этой передовицы, подобные следующему: “В своих выступлениях на съезде композиторы говорили об огромной вдохновляющей силе идей марксизма-ленинизма, о плодотворности партийного руководства искусством. Они указывали, что решения ЦК партии в послевоенные годы по идеологическим вопросам помогли деятелям советской музыки преодолеть ошибки и заблуждения в своём творчестве, вывели нашу музыку на широкую дорогу служения народу...”

Газета “Правда” 6 апреля вышла с передовицей “Музыка для народа”. В ней нет никакого не то что перечисления, даже упоминания какого-то имени советского композитора. Нет и напоминаний о послевоенных Постановлениях ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам. Конечно, в ней не могло не быть цитаты или ссылки на какие-нибудь партийные документы. Тем не менее, передовица в “Правде” в сравнении с известинской выглядела вполне либерально. Ключевое слово передовицы в “Правде” – сплочение. “Выдающиеся успехи советской музыки одержаны благодаря тому, что композиторские силы страны твёрдо стоят на позициях социалистического реализма. Их сплачивает (курсив мой. – А. Б.) воедино борьба за великие идеалы нашего времени, за правдивое гуманистическое искусство, доступное миллионам. <...> Можно не сомневаться, что широкая программа деятельности, намеченная съездом, сплотит (курсив мой. – А. Б.) всех деятелей советской музыки...”

Главным редактором газеты “Известия” был Константин Александрович Губин. Красноречива дата его назначения на этот пост – 6 января 1948 года. Лишь в 1959 году его сменил А. Аджубей. В “Правде” с 1956 года главным редактором был Павел Алексеевич Сатюков, один из доверенных людей в окружении Н. Хрущёва, соавтор знаменитой книги “Лицом к лицу с Америкой”.

За этими разночтениями не стоит искать следов идейных расхождений между главными редакторами двух центральных газет. “Правду” – центральный орган КПСС – курировал Д. Т. Шепилов. В его докладе на Втором Всесоюзном съезде советских композиторов можно найти близкий по составу перечень опер и балетов, который приводится в передовице “Известий”. Среди отмеченных Шепиловым как “значительные художественные произведения, достойно воплощающие новаторский дух нашего искусства”, фигурируют и “Семья Тараса” Д. Кабалевского, и “В бурю” Т. Хренникова, и им подобные по уровню произведения. Как и в передовице “Известий”, в своём докладе Шепилов отметил “огромное значение” идеологических постановлений партии 1946–1948 годов. “Основополагающие эстетические принципы, изложенные в указанных решениях, – сказал Шепилов, – остаются неизбывными”.

В то же время, как и в передовице “Правды”, Шепилов (относившийся к Сатюкову, мягко говоря, без симпатии) в докладе не избежал призыва к сплочению. “Союз композиторов – организация, которая должна работать на демократических основах, на началах коллективного руководства и сплачивать (курсив мой. – А. Б.) для дружной совместной работы все силы деятелей музыки”³³.

И всё же генеральным секретарём ССК СССР был вновь избран Тихон Николаевич Хренников. Кандидатуры на такую номенклатурную должность обычно обсуждались на Президиуме (Политбюро) ЦК КПСС. Свою роль сыграл в тот момент секретарь КПСС Д. Шепилов, который испытывал доверие к Хренникову и, что не менее важно, симпатизировал “демократическому” направлению в музыке. Хрущёв – человек народный – также симпатизировал больше композиторам-песенникам, нежели симфонистам. Сам этого не стеснялся. На встрече с творческой интеллигенцией 19 мая 1957 года он признался: “Когда исполняют Хренникова, Соловьёва-Седого, это мне импонирует, я подтягиваю. Я рабочий. Значит, Седой и Хренников подстроились ко мне, я не виноват в этом. Это говорит о народности музыки”³⁴.

Тем не менее, Хренников был избран по правилам, согласно уставу. Придаться было не к чему. 8 апреля состоялся первый пленум Правления СК СССР. Присутствовало 60 человек нового состава. Среди присутствовавших были Н. Пейко, Э. Мирзоян, О. Тактакишвили, Ю. Свиридов, А. Хачатурян, Д. Шостакович, М. Сабина. Впрочем, явно числом превосходили

сторонники Т. Хренникова. Собрание вёл министр культуры Н. Михайлов. Сначала избрали членов Секретариата СК СССР. Ими стали С. Аксюк, К. Данькевич, Н. Жиганов, М. Заринь, Д. Кабалевский, К. Кужамьяров, А. Новиков, В. Соловьёв-Седой, Т. Хренников, А. Хачатурян, Ю. Шапорин и Д. Шостакович. Уже по составу нового секретариата нетрудно было догадаться о результате выборов первого секретаря. Вопрос этот решился тут же, вероятно, без долгого обсуждения. Д. Кабалевский огласил результат голосования: “Разрешите довести до вашего сведения, что на первом собрании Секретариата мы избрали первым секретарём Т. Н. Хренникова”³⁵. И передал слово сияющему избраннику.

Хренников родился в счастливой рубашке. Повремени́ правление ССК СССР с проведением Второго съезда композиторов хотя бы на пару месяцев, после июньского пленума ЦК КПСС судьба назначенного Сталиным генерального секретаря ССК СССР могла бы сложиться иначе...

* * *

Второй съезд действительно имел историческое значение. С него начался новый этап в истории самого Союза композиторов, и одновременно определилась новая расстановка композиторских сил как внутри ССК СССР, так и в республиканских союзах. Новая в том смысле, что теперь не было такого неравноправия, как в 1948 году, когда была внушительная партия композиторов “реалистического” направления, целиком господствовавшая в ССК СССР, и были “мальчики для битья” в виде группы осуждаемых композиторов-“формалистов”. Второй съезд явно обозначил два равносильных и противостоящих друг другу лагеря.

Второй съезд ещё более сблизил Шостаковича и Свиридова. И если в творчестве они постепенно всё больше и больше расходились, то в общественной жизни, в композиторском союзе они выступали солидаризированно, единым фронтом. Объясняется это, с одной стороны, тем, что к этому времени Свиридов уже стал достаточно самостоятельной и весомой силой и уже не нуждался, как ранее, в поддержке своего бывшего учителя, а мог, что называется, подставить своё плечо старшему коллеге. С другой стороны, их сблизил, как это ни покажется парадоксальным, Хренников. Именно противостояние вновь избранному генеральному секретарю ССК СССР и сплотило их как никогда ранее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Впрочем, были и интересные. Любопытную реплику отпустил поляк Тадеуш Селиговский. Поприветствовав съезд советских композиторов, он заметил: “Мы все делали ошибки, но вы, советские композиторы, должны помнить, что каждая ваша ошибка засчитывается за две” (РГАЛИ, ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1294, л. 97).

² Ференц Сабо (1902–1969) — человек с очень непростой биографией. Вступил в компартию ещё будучи студентом Будапештской музыкальной академии им. Ф. Листа (1921–1926). В 1932–1945 годах жил в Москве, работал в Коминтерне, во время “большой чистки” сдал своих соотечественников-коллег по Коминтерну НКВД. После подавления венгерского восстания 1956 года возглавил Будапештскую музыкальную академию.

³ Цит. по газетному изложению: Сов. культура. — 1957. — Вторник, 2 апреля. — № 46. — С. 1.

⁴ Если это произойдёт... (интервью А. Буша) // Сов. Культура. — 1957. — Пятница, 5 апреля. — № 49. — С. 4.

⁵ РГАЛИ, ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1294 (2) от 2 апреля 1957 года. На 142 листах. (Шестой день. Председатель — генерал Петров И. О.). Начиная с листа 72. — Л. 107.

⁶ РГАЛИ, ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1294 от 2 апреля 1957 года. — Л. 16.

⁷ Эту статью К. Данькевич критиковал годом раньше, на съезде украинских композиторов.

⁸ Сов. культура. — 1957. — Четверг, 4 апреля. — № 48. — С. 4.

⁹ Сов. культура. — 1957. — Вторник, 2 апреля. — № 46. — С. 2.

- ¹⁰ Там же. Идея создания бюро по РСФСР при ССК была скопирована с существовавшего в то время бюро по РСФСР при ЦК КПСС. Как известно, Хрущёв, преследуя цель укрепления своей власти, инициировал процесс децентрализации госорганов и партии. Как раз в то время, когда проходил съезд композиторов, Хрущёв выступил с инициативой создания совнархозов. Раньше, ещё в феврале 1956 года было образовано бюро по РСФСР при ЦК КПСС. В дальнейшем идея бюро союза трансформировалась в проект создания отдельного композиторского союза вместе с другими творческими союзами РСФСР.
- ¹¹ В газете “Советская культура” от 2 апреля 1957 года, № 6, с. 2, вместо А. Исаакяна ошибочно указана фамилия поэта М. Исаковского.
- ¹² РГАЛИ, ф. 2077, оп. 1., ед. хр. 1292, л. 25 – 25 об. (Стенограмма от 31 марта 1957 года. На 51 листе. Председатель М. И. Чулаки).
- ¹³ См. изложение выступления Б. Ключнера: Сов. культура. – 1957. – Среда, 3 апреля. – № 47. – С. 2.
- ¹⁴ РГАЛИ, ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1293 (1). Стенограмма заседания Второго Всесоюзного Съезда Советских композиторов от 1-го апреля 1957 года. На 140 листах. Л. 48–57.
- ¹⁵ Упоминание Шостаковичем оперы “Семён Котко” имело свой подтекст. Хренников её не упоминал в своих докладах ни на Первом, ни на Втором съездах композиторов. В 1940 году по поводу этой оперы Прокофьева и оперы Хренникова “В бурю” разгорелась дискуссия, в которой большинство критиков отдавали предпочтение опере Прокофьева.
- ¹⁶ РГАЛИ, ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1294. Стенограмма заседания Второго Всесоюзного Съезда Советских композиторов от 2 апреля 1957 года. На 142 листах. Шестой день. – Л. 2.
- ¹⁷ РГАЛИ, ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1294.
- ¹⁸ “...суждение тов. Хубова о проблеме реализма является неверным. Запечатление душевных переживаний человека – это очень важно в музыке. Но тут есть решающий критерий – объективная правдивость; соответствие субъективного, то есть того, что переживает человек, тому, что в действительности происходит в жизни. Тов. Хубов же выдвигает критерий переживаний односторонне” (Сов. культура. – 1957. – Вторник, 2 апреля. – № 46. – С. 3).
- ¹⁹ РГАЛИ, ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1293 (1). Л. 38.
- ²⁰ Сов. культура. – 1957. – Среда, 3 апреля. – № 47. – С. 2.
- ²¹ РГАЛИ, ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1294, л. 70.
- ²² Сов. культура. – 1957. – Среда, 3 апреля. – № 47. – С. 4.
- ²³ “Первый съезд идейно и организационно сплотил композиторов и музыковедов в их стремлении к утверждению в музыкальном творчестве принципов социалистического реализма. Съезд направил их деятельность на борьбу с формалистическими явлениями, с проникновением буржуазной идеологии в музыкальное творчество, на создание высокохудожественных произведений, отражающих жизнь и идеалы советского народа” (Сов. культура. – 1957. – Четверг, 4 апреля. – № 48. – С. 4).
- ²⁴ РГАЛИ, ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1294 (2), л. 92.
- ²⁵ См. Музыка вместо сумбура. Композиторы и музыканты в Стране Советов 1917–1991 / Сост. Л. Максименков. – М.: Международный фонд “Демократия”, 2013. – С. 288.
- ²⁶ Доклад Генерального секретаря Союза советских композиторов Т. Хренникова “Тридцать лет советской музыки и задачи советских композиторов”. Цит. по изд.: Первый Всесоюзный съезд советских композиторов. Стенографический отчёт. – М.: ССК СССР, 1948. – С. 54.
- ²⁷ В номере 49 от 5 апреля 1957 года газеты “Советская культура” заключительные слова печатались в противоположном порядке: сначала шло выступление Т. Хренникова, затем – Б. Ярустовского и в конце – Г. Хубова.
- ²⁸ Сов. культура. – 1957. – Пятница, 5 апреля. – № 49. – С. 3.
- ²⁹ Там же. Далее цитаты приводятся по этому печатному изложению речи Хренникова.
- ³⁰ Как передаёт газета, “оратор выразил также своё несогласие с утверждением Б. Ключнера, что композиторская молодёжь развивалась вопреки деятельности союза. Может быть, говорит он, действительно союз помогал мало молодым авторам, но нельзя не замечать того, что произведения нашей молодёжи получали большой доступ в программы концертов пленумов, что молодые композиторы принимались в члены союза, что им оказывалась материальная помощь”.

- ³¹ На Втором съезде присутствовало много гостей из зарубежных стран, о чём Кабалевский сказал в своей речи. Международным связям композиторов после 1953 года придавалось большое значение. Партийное руководство в СССР явно преследовало цель создания некоего музыкального Варшавского пакта. Эта идея, возникшая ещё в 1948 году, долгое время стояла на повестке дня. Её колебали события в Чехословакии в 1968 года. Тем не менее, с советской стороны постоянно инициировались как двусторонние, так и многосторонние контакты с композиторскими организациями соцстран.
- ³² “Известия”. — 1957. — Суббота, 6 апреля. — № 82. — С. 1.
- ³³ Ш е п и л о в Д. Т. Творить для блага и счастья народа. Речь на Втором Всесоюзном съезде советских композиторов 3 апреля 1957 г. — М.: Госполитиздат, 1957. — С. 36.
- ³⁴ Стенограмма встречи руководителей КПСС и Советского правительства с писателями, художниками, скульпторами и композиторами. 19 мая 1957 года. Цит. по кн.: Никита Сергеевич Хрущёв: два цвета времени: документы из личного фонда Н. С. Хрущёва, в 2-х тт. [Международный фонд “Демократия” (Фонд Александра Н. Яковлева)]; гл. ред. Н. Г. Томилина, сост. А. Н. Прокументшиков (отв. ред.) [и др.]. — М.: МФД, 2009. — С. 488 (в разделе VII “За советскую, социалистическую культуру!”).
- ³⁵ См.: Ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1313. Протоколы (подлинники) и стенограммы заседаний Секретариата СК СССР с № 1 — № 5 за 1957 год. Начато 8 апреля 1957 года. Окончено 21 июня 1957 года. На 178 л. Л. 1, 3, 5. Протокол № 1 Пленума Правления Союза Советских композиторов СССР 8 апреля 1957 года.

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

ВАДИМ КОЖИНОВ

ГЛАВА 4

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ БАТАЛИИ

При поступлении в университет Вадим заполнил соответствующую анкету, в которой были следующие пункты:

“Участвовал ли в революционном движении и подвергался ли репрессиям за революционную деятельность до Октябрьской революции?”

Участвовал ли в партизанском движении и подпольной работе (как вступил, где и когда и выполняемая работа)?

Военная служба в старой армии с... по... последний высший чин в Красной гвардии с... по... в каких должностях.

Участвовал ли в боях во время гражданской или Отечественной войны?

Был ли в плену (где, когда, при каких обстоятельствах попал и когда освобожден из плена)?

Служил ли в войсках и учреждениях “белых” правительств?

Находился ли на территории, временно оккупированной немцами в период Отечественной войны?”

Даже теоретически к Вадиму мог бы иметь отношение лишь пункт о нахождении на оккупированной территории (его будущий однокашник по филфаку Пётр Палиевский был практически в этом же возрасте угнан в Германию и вернулся только после окончания войны). Все эти пункты Кожинов обозначил прочерком, а против пункта “служил ли в войсках и учреждениях “белых” правительств?”, видимо, уже в состоянии иронического раздражения, вывел слово “нет”.

На дневное обучение на филологическом факультете он поначалу не поступил.

Конкурс был – 8 человек на место. На вступительных экзаменах Вадим на “отлично” сдал иностранный язык, историю народов СССР и географию. Устный экзамен по литературе и русскому языку был сдан на четвёрку. А по сочинению была поставлена оценка “удовлетворительно”.

“СПРАВКА

Тов. Кожинову в приёме отказано за отсутствием мест.

Отв. Секретарь Приемной комиссии МГУ, канд. хим. наук Хомченко”.

Но вместо Хомченко подпись поставил декан химического факультета Баландин. И он же, видимо, после индивидуального разговора с Вадимом,

Продолжение. Начало в № 1-4 за 2019 год.

написал письмо, адресованное лично члену-корреспонденту АН СССР В. И. Спицыну:

“Настоящим прошу о приёме в МГУ на филологический факультет Кожина В. В., который сдал приёмные испытания и факультетской комиссией был принят, но не утвержден Центральной Комиссией.

В. В. Кожин — очень способный и многообещающий молодой человек, и я уверен, что он будет отлично учиться в университете. В средней школе № 16 г. Москвы он был первым учеником по литературе, и его отметки (4 и 3) при испытании по этому предмету объясняются тем, что на него сильно подействовала внезапная смерть его товарища. Остальные отметки у него отличные.

Прилагаю отзыв директора школы № 16, очень высоко характеризующий т. Кожина.

Академик А. Баландин, декан химического факультета МГУ”.

В результате Вадим был зачислен “в экстернат филологического факультета” (то есть на подготовительное отделение). И лишь в порядке исключения с 25 февраля 1950 года стал студентом 1-го курса филфака (отделение русского языка и литературы) “без стипендии и общежития”.

О каком его умершем товарище шла речь — установить пока не удалось.

“... Я не был пионером, — вспоминал Вадим Валерианович, — не очень меня туда звали. К тому же это были военные годы с эвакуацией, переездами. Но и в комсомол я в школе не вступил — по причине аполитичности. Потом это сказало при поступлении на филологический факультет МГУ — мне занизили оценку и приняли только на заочное отделение. На очном я оказался после сданных на “отлично” экзаменов за первый курс”.

“Утверждая, что оценка за моё сочинение была искусственно занижена, — писал он в одной из своих последних книг “Россия. Век XX. 1939–1964”, — я исхожу из двух фактов. Во-первых, среди принятых тогда на факультет имелось всего лишь *несколько* “беспартийных” (то есть не состоящих в ВКП(б) и ВЛКСМ), а во-вторых, я точно знаю о занижении оценки поступающему на факультет вместе со мной широко известному впоследствии деятелю литературы Станиславу Лесневскому, с которым мы подружились во время экзаменов. Его отец был репрессирован как “враг народа” в 1937 году, и чья-то бдительная рука выставила Станиславу “2” за сочинение, что означало отстранение от дальнейших экзаменов. Однако дерзкий юноша всё же явился на устный экзамен и блистательно сдал его. Восхищённый экзаменатор, впоследствии один из видных фольклористов, Пётр Дмитриевич Ухов (1914–1962) на свой страх и риск переправил незаслуженную “двойку” за сочинение на “четвёрку”, и сын “врага народа” Лесневский стал студентом”.

* * *

Чувства, бушевавшие студентов в ту эпоху, были крайне противоречивыми.

Михаил Петрович Лобанов вспоминал на склоне лет, как он, недавний фронтовик, “будучи студентом Московского университета, выходя из университетской библиотеки на Моховую и глядя на зубчатые стены Кремля, особенно в зимние метельные вечера, ...думал о таинственном Сталине, живущем, работающем за этими стенами, и чувствовал, что нахожусь в самом центре мира, куда сходятся токи истории”.

И это было общее ощущение тех лет, порождённое Великой Победой. Москва, в самом деле, воспринималась, как центр мира. В ней, действительно, сходились “токи истории”.

... Начало учёбы естественным образом совпало с бурными обсуждениями “черт современности” в студенческом кругу.

Понятно, что филологи не могли не обсуждать “Постановление о журналах “Звезда” и “Ленинград”, ждановский доклад на ту же тему, да и массу других тем — политических и литературных — тех лет. В общественной жизни тех лет кипели нешуточные страсти, разгорались форменные сражения, что, естественно, отражалось и на студенческой аудитории.

Анатолий Ланщиков, чьи статьи будут “наводить шороху” в 1960–1980-е годы, писал в одной из них, отвечая ещё одному участнику критических баталий тех лет, Феликсу Кузнецову (в 1940-е — студенту журфака), который в

начале 1960-х стал утверждать, что в университет его поколение поступало, “не умея мыслить”, но “крепко веруя”, ибо им “всё было ясно, и будущее виделось... в образе бесконечных голубых параллелей, уходящих в века, вперёд...” И отвечал Ланщиков не без сдержанного (думаю, еле сдерживаемого) негодования:

“Юридический факультет, скажем, не мог отнестись безразлично к теории Вышинского “о презумпции виновности в пролетарском государстве”. Биологи были хорошо наслышаны об августовской сессии ВАСХНИЛ. Физиков обязали не признавать кибернетику и т. д. Неужели все эти “мероприятия” не наводили ни на какие мысли? Неужели никто не думал? А может, боялись думать? Может быть. Только здесь не нужно злоупотреблять словом “все”. Кто-то не думал. Кто-то боялся думать, но думал. Кто-то просто думал. А кто-то просто боялся. Верно и то, что в это время кое-кто занимался строительством “голубых параллелей”. Но и здесь следует говорить: занимались столь безмятежным делом тоже не все”.

Физики, кроме всего прочего, не могли не читать в 1946 году разгромной работы Л. Ландау, В. Гинзбурга, М. Леонтовича, В. Фока о создателе современной теории плазмы Власове, причём научно этот разгром был совершенно не обоснован... Но перейдём всё же к филологии.

Кожин относился к думающим. Придя на факультет, по его собственному признанию, аполитичным, критически настроенным ко многим проявлениям современности в идеологии и культуре, он, естественно, не мог не включиться в общий процесс чтения, размышления над многочисленными громоподобными статьями, которыми изобилвала та же “Литературная газета”.

“Сила нашей литературы”, – так бескомпромиссно называлась рецензия Зиновия Паперного на сборник статей журнала “Звезда” под общим названием “Против безыдейности в литературе”, вышедший в “Советском писателе”. Цитаты из Герцена и Максима Горького, восторженные похвалы статьям А. Еголина, Л. Плоткина, Н. Маслина подводили к самой сути:

“Характеристике антинародного творчества Ахматовой и Зощенко посвящены статьи И. Сергиевского и Л. Плоткина. Используя определение, данное тов. А. А. Ждановым поэзии А. Ахматовой, И. Сергиевский раскрывает её социальные истоки, связь с буржуазно-дворянской литературой периода реакции. Вопрос об истоках “творчества” Зощенко приводит нас к началу 20-х годов, когда ещё продолжали действовать остатки буржуазно-дворянских литературных школ. Л. Плоткин убедительно показывает связь произведений Зощенко с творчеством Замятина, одного из наиболее законченных выразителей реакционных тенденций в литературе, непосредственного учителя “Серапионовых братьев”...

В докладе о журнале “Звезда” и “Ленинград” тов. А. А. Жданов указывает, что “ленинизм” воплотил в себе все лучшие традиции русских революционеров-демократов XIX века”. Статья Б. Мейлаха “Борьба Ленина с идеологией “Вех” показывает эту преемственную связь между идейной борьбой Ленина против реакционной идеологии и деятельностью его предшественников – революционеров-демократов Белинского, Чернышевского, Добролюбова.

Сборник статей журнала “Звезда” “Против безыдейности в литературе” – очень своевременная и нужная книга”.

Паперный (из молодых, да ранний) был в те годы лихим бойцом на литературно-критической ниве, но бойцом из тех, что чутко ловят ноздрями меняющийся воздух конъюнктуры. Сергиевский, Плоткин, Ермилов были испытанными, битыми, прокалёнными в идеологических схватках мастодонтами. А Зиновий только начинал оттачивать клыки.

Впрочем, об этом чуть ниже.

...Вадим пришёл на факультет, как он сам позже писал, “в сущности, без политических убеждений”. И тут же столкнулся с носителями этих самых “убеждений”, что называется, лицом к лицу. Учась в “экстернате”, он приходил в качестве вольнослушателя на занятия дневного отделения в группу, где выделялся своим ораторским даром воинствующий комсомолец и общественник Игорь Виноградов (с этим человеком, в будущем известным литературным критиком, произойдёт занятная эволюция в последующие десятилетия). Избранный комсоргом группы, Игорь произнёс пламенную речь, цитируя боевые строчки Маяковского:

*Я хочу,
чтоб в конце работы
запирал мои губы
замком.
Я хочу,
чтоб к штыку
приравняли перо,
С чугуном чтоб
и с выделкой стали
о работе стихов,
от Политбюро
чтобы делал
доклады Сталин.*

Тогда для Вадима это было поистине в новинку. Он после собрания на полном серьёзе спросил своего нового знакомого: неужто тот думает, что Маяковский писал всё это “от души”, а не за деньги и почести? Виноградов с жаром начал убеждать собеседника, что стихи эти совершенно искренние, что писались они с абсолютной верой в грядущий коммунизм.

“И подобное, – вспоминал Вадим Валерианович, – так сказать, “советско-революционное” сознание, вернее, даже энтузиазм был, безусловно, присущ большинству тогдашних студентов. Меня особенно впечатляло, что и сын репрессированного Станислав Лесневский был полон этим энтузиазмом и, в частности, весь пронизан стихами Маяковского. И поскольку я пришёл в университет без какого-либо политико-идеологического “багажа”, этот своего рода вакуум в моём сознании был, должен признаться, быстро, за несколько месяцев заполнен тем, что заполняло умы и души окружающих меня молодых людей. . .”

А “умы и души” тогдашних молодых людей занимала тогда грядущая “третья мировая война”, “революционная война”, долженствующая закончиться победой социализма во всём мире. Казалось (именно – казалось!), что это устремление “синхронно” с государственной волей “верхов”. Так, Сталин в своём выступлении 9 февраля 1945 года, уже обойдясь без слов “патриотизм”, “Россия”, “русский”, подчёркивал, что победил именно “советский строй”, “Коммунистическая партия” и “Красная армия”. . . Сам Сталин, жёсткий прагматик до мозга костей, чутко улавливавший ветры времени, пытался найти в новой эпохе необходимый баланс между русским патриотизмом и “пролетарским интернационализмом”. В расчёте на население стран Восточной Европы, вошедших в орбиту влияния СССР, “что, – писал Вадим Валерианович в книге “Россия. Век XX. 1939–1964”, – в частности, выразилось в возрождении (разумеется, частичном и переосмысленном) наследия российского славянофильства XIX века”, – начал (ещё во время войны) издаваться журнал “Славяне”, был восстановлен Институт славяноведения Академии наук, где “так или иначе оживала славянофильская традиция”. И никакой речи, естественно, не шло ни о “революционной войне”, ни о “революционных традициях”. Наоборот, создавалось впечатление наступающей “реакции”.

Впрочем, вид, этой “реакции” был чрезвычайно загадочным, если судить по газетным материалам того времени.

В 1947 году началась борьба с “антипатриотизмом”. И протекала она следующим образом: Александр Фадеев на пленуме правления Союза писателей в июне месяце объявил родоначальником “низкопоклонства перед Западом” великого русского филолога Александра Веселовского. В кампанию против учёного, скончавшегося в 1906 году (!), тут же включились исполняющий обязанности директора “Пушкинского дома” Лев Плоткин в “Литературной газете” и заместитель директора Института мировой литературы Валерий Кирпотин (Рабинович) в журнале “Октябрь”.

Поначалу эта милая “шарашка” встретила достойный отпор: не промолчал автор вышедшей годом ранее книги “А. Н. Веселовский и русская литература” академик В. Ф. Шишмарёв, ответивший Кирпотину в “Октябре” в конце того же года (естественно предположить, что Плоткин и Кирпотин “расчищали

место”, ибо кампания против Веселовского автоматически была по Шишмарёву: само по себе “низкопоклонство” было в данном случае чрезвычайно удобно истолковано “в своих интересах”). . . Наступил январь 1948-го – и в “Октябре” появилась статья Кирпотина под весьма длинными и угрожающим заголовком: “О низкопоклонстве перед капиталистическим Западом, об Александре Веселовском и его последователях и о самом главном”. “Самое главное” заключалось в том, что такого “низкопоклонника”, как Шишмарёв, невозможно было держать на столь ответственном посту директора Института мировой литературы. Шишмарёв был снят, а 20 марта 1948 года в “Литературной газете” появился анонимный материал “Против космополитизма в науке о литературе”, весьма “расширивший” площадь “обстрела” и обозначивший новых “фигурантов”, среди которых уже числился, очевидно ставший “обузой”... Л. Плоткин!

Начало, естественно, с Веселовского, литература под пером которого якобы “теряет свой живой, человеческий, общественный, свой национальный характер. В его работах она предстаёт перед нами вне времени и пространства. . . Взгляд учёного-космополита воспаряет кверху, он скользит над жизнью, он витает в мире мёртвых абстракций, условных схем, неизменных, устойчивых сюжетов. Холодными равнодушными глазами окидывает он бессмертные художественные творения. . .” и т. д. и т. п.

Но это лишь прелюдия. Основное действие начинается через несколько абзацев.

“Ошибка дискуссии об А. Н. Веселовском, затеянной журналом “Октябрь”, заключалась, как совершенно правильно указывает газета “Культура и жизнь”, в том, что вместо прямого и непримиримого разоблачения буржуазно-либеральной концепции А. Веселовского участники спора толковали о его “противоречивости” и выясняли, в какой степени он “полезен” и в какой “устарел”, в чём он якобы приближался к марксизму и в чём с ним расходился. Столь же двусмысленный и половинчатый характер носила критика А. Веселовского в статье Л. Плоткина, опубликованной в “Литературной газете”...

Вредная и лженаучная концепция А. Веселовского является ничем иным, как одной из разновидностей буржуазного космополитизма. Именно отсюда идут у последователей Веселовского и отрицание своеобразия могучей русской национальной культуры, и рабское низкопоклонство перед иностранщиной, и бессмысленная “охота за параллелями”, формальными соответствиями в литературе разных народов. Перед нами статья Б. Томашевского “Проза Лермонтова и западноевропейская литературная традиция. . .”

... Мелочное, крохоборческое сличение отдельных фраз и оборотов, выяснение, откуда взял или мог взять русский писатель ту или иную мысль, у кого он её позаимствовал. . . – это, по уверению космополитов, и есть подлинное литературоведение. . .”

Без выводов такое сочинение оставлять нельзя. И вывод последовал:

“Нужно серьёзно, критически просмотреть работы наших литературоведов. Немало ещё низкопоклонства, угодничества перед буржуазной культурой Запада, немало ещё лженаучных космополитических “концепций” встречается в “Учёных записках”, в “Научных вестниках” университетов и институтов, в отдельных томах “Литературного наследия”, в историко-литературных сборниках, альманахах, журналах. Немало лженаучных теориек преподносятся с кафедр нашим студентам и аспирантам. . .”

(Упомянутая статья в газете “Культура и жизнь” – это разгромное сочинение, посвящённое как раз работам Института мировой литературы, в частности, в ней упоминалась диссертация ещё не ведомого Кожинкову Михаила Михайловича Бахтина, посвящённая анализу творчества Франсуа Рабле).

Поле дальнейшей “деятельности” было обозначено.

Кирпотин, проваренный в котлах многочисленных литературных “чисток”, сам автор фундаментальной анонимной статьи 1937 года в “Новом мире”, направленной против тогдашнего редактора журнала Ивана Гронского, – тот получил после неё 18 лет заключения – прекрасно понимал, что подбираются к нему самому. И усилил свой личный нажим на “конкурентов” под ширмой “борьбы с космополитизмом”. Не помогло. Подобрались.

А дальше было ещё интереснее.

25 февраля в “Литературной газете” появилась статья Иоганна Альтмана – будущей “жертвы” антикосмополитической кампании. И эта “жертва”

вдохновенно глумилась над книгой выдающегося русского театрального деятеля Василия Сахновского “Мысли о режиссуре” с соответствующими политическими выводами.

“...Задача режиссёров, театроведов и педагогов ГИТИС заключалась, прежде всего, в том, чтобы дать правильную оценку глубоко ошибочной, вредной книге. Этого, к сожалению, не произошло <...> в выступлениях режиссёров и театроведов не было серьёзной попытки проанализировать “Мысли о режиссуре” с принципиальных позиций марксистско-ленинской эстетики. За исключением А. Мацкина и Е. Холодова, никто не постарался вскрыть порочную методологию режиссёра, историка, театроведа, автора многих работ В. Г. Сахновского... Книга “Мысли о режиссуре” – характерный пример рабского подражательства, экзальтированного и буквально самозабвенного преклонения перед реакционной, формалистской эстетикой буржуазного Запада... Многие наши театроведы... пробавляются эклектической окрошкой из декадентских театральных теорий...”

Пройдёт немного времени – и Холодов (Меерович), и Мацкин станут сами объектом обвинений в космополитизме. А ещё через некоторое время и они оба, и Альтман войдут в историю под видом “невинных жертв антисемитской кампании”. О том, что они творили на журнальных и газетных страницах сами, никто вспоминать не пожелает.

В том же номере “Литературной газеты” объявился и уже упоминавшийся Зиновий Паперный со статьёй “Покончить с буржуазными пережитками в литературоведении”. Но это было только начало. Через несколько месяцев в статье “Перечитывая Белинского” он, цитируя слова критика о “беспачпортных бродягах в человечестве”, прямо указал на Валерия Кирпотина и Льва Субоцкого.

Это – пока ещё “исключение из правила”... “Я, – вспоминал Кожин, – ...ещё в последних классах школы достаточно внимательно следил за ходом дискуссий и “кампаний” в сфере литературы и культуры... и могу свидетельствовать, что вплоть до 1949 года нападкам подвергались *главным образом* деятели науки и культуры русского происхождения – уже упомянутый академик В. Ф. Шишмарёв, академики В. В. Виноградов, А. С. Орлов, действительный член Украинской Академии наук А. И. Бедецкий, профессора В. А. Десницкий, И. П. Ерёмин, Г. Н. Поспелов, И. Н. Розанов, А. Н. Соколов и многие другие...”

Александр Каменский и Дмитрий Сарабьянов (будущие “вольнодумные искусствоведы”) уничтожали в той же “Литературной газете” в статье “В плену буржуазных теорий” замечательного исследователя русской и мировой живописи Михаила Алпатова (будучи, кстати говоря, его учениками). А. Гурвич громил в “Новом мире” пьесу Н. Погодина, отнюдь не отличающуюся серьёзными художественными достоинствами. Другое дело, что Гурвич (ещё в 1930-е годы отличившийся в травле Михаила Булгакова и Андрея Платонова) нашёл и здесь выражения, весьма характерные для типичного русофоба:

“Понятно, что самые отсталые, отягощённые предрассудками советские люди должны были найти для себя в страшных испытаниях войны доступную для них моральную опору... Но воспеть этот древний слепой инстинкт самосохранения как бессмертную силу духа народного – значит повернуть время вспять... Непостижимая тайна русской народной души предстаёт перед нами как *идея в штанах*... Идея эта – исконный, вечный, непоколебимый дух русского человека, а штаны – старые казацкие штаны с лампасами...”

(Эту фразеологию мы ещё успели застать на рубеже 1980–1990-х годов. Ничего нового здесь не придумывалось, “старое грозное оружие” вынималось из нафталина, чистилось и пускалось в ход...).

Но дальше всё развивалось в соответствии с неумолимым законом “взаимопожирания”, когда “разогревшиеся” на деятелях русской науки и культуры гонители, преимущественно еврейской национальности, начали сводить счёты друг с другом.

Паперный печатает статью “Существо бездушное” – о Субоцком-космополите. А Субоцкий, ещё недавно – секретарь Правления Союза писателей, – на заседании, посвящённом его исключению из партии, произносит поистине бессмертный монолог:

– Я заявляю! И прошу занести это в протокол! Трибуналы революции... Трибуналы войны... Я отправил на расстрел больше нечисти, чем сидит вас сейчас в этом зале! Понятно?!

“Нечисть” лихие бойцы продолжали расстреливать и далее — на газетных страницах, естественно, апеллируя к власти и карательным органам. Читатели этих статей (особенно молодые читатели) могли с лёгкостью впасть в ступор, видя, как “борцы с космополитизмом” разделяются с шедеврами русской классической литературы и тяготеющими к классике современными авторами.

“Против идеализации реакционных взглядов Достоевского” — так называлась статья старого идеологического “кавалериста” Давида Заславского в “Культуре и жизни”. Не проходит и года, как на белый свет появляется брошюра ещё одного “бойца” с богатой биографией (судьба-индейка через десяток с лишним лет сведёт его с Кожинным при весьма занятых обстоятельствах) — Владимира Ермилова почти под тем же заголовком (кто у кого списывал?): “Против реакционных идей в творчестве Достоевского: Стенограмма публичной лекции”.

А в конце 1947 — начале 1948 года в “Литературной газете”, “Комсомольской правде”, “Новом мире” разворачивается коллективное избивание замечательной прозаической книги Александра Твардовского “Родина и чужбина”, Твардовского, чей “Василий Тёркин” был в каждой городской квартире и во многих деревенских избах, и который, казалось бы, обладал абсолютным защитным иммунитетом, будучи любимцем и народа, и власти. В этом “действе” принимали участие Борис Рюриков, Ермилов и ещё “недоразгромленный” Субоцкий. Тогда же в Союзе писателей состоялось обсуждение этой книги, на котором особенно лютовал будущий автор “твардовского” “Нового мира” Валентин Овечкин.

В это же время на литературной “поляне” разыгрывалось самое настоящее сражение, в котором каждая сторона рассчитывала если не на физическое уничтожение противника, то, как минимум, на его вечное исчезновение “с поля боя”. Если внутривластные столкновения совершались за кулисами, тайно от всех, то писательские ристалища на авансцене смотрелись куда как эффектно!

Объединение критиков при Всероссийском театральном обществе, пользуясь поддержкой руководителя комиссии по драматургии Александра Крона (Крейна), заместителя генерального секретаря Союза писателей Константина Симонова и заведующего Отделом пропаганды Дмитрия Шепилова, фактически царил на страницах “Культуры и жизни”, “Известий”, “Советского искусства”, “Нового мира”, “Театра”... Имена этих деятелей войдут в историю сначала как “разоблаченных космополитов”, потом — как “неправедно ошельмованных”. Но факт остаётся фактом: речь тогда шла о доминировании в литературной политике определённой группы, которая не терпела никаких конкурентов на своём пути. Юзовский, Борщаговский, Малюгин, Мацкин, Гурвич, Альтман, используя поддержку “сильных мира сего”, бросили вызов самому генеральному секретарю Союза советских писателей Александру Фадееву и сгруппировавшимся вокруг него Анатолию Сурову, Михаилу Бубеннову, Аркадию Первенцеву, Борису Ромашову, Анатолию Софронову... Сначала на стол Шепилова легла докладная записка, в которой подверглись разному пьесы Софронова, Вирты, Ромашова и Сурова, а затем, в конце ноября 1948 года в Москве под эгидой Всероссийского театрального общества, Комитета по делам искусств и комиссии по драматургии ССП состоялась творческая конференция, посвящённая спектаклям, поставленным московскими театрами к 31-й годовщине Октябрьской революции. Доклад, в значительной степени напоминавший пространственный донос на конкурентов, делал Александр Борщаговский.

“Центром нападения” этой “команды” должен был стать, по замыслу групповщиков от драматургии и театральной критики и поддерживавшего их руководства Агитпропа, Константин Симонов, которого готовили на место Фадеева. Если бы эта операция удалась, к руководству в Союзе писателей пришла бы однородная спящая группа, а Агитпроп во главе с Шепиловым значительно укрепил бы свои позиции. Однако Фадеев провёл блестящую контратаку, сначала организовав донос на имя Сталина некоей Анны Бегичевой, писавшей, что “в искусстве действуют враги” и называвшей этих “врагов” поимённо, а затем совместно с А. Софроновым подготовив злободневные доклады на XXII пленуме ССП. Демарш Симонова не удался — “космополиты” потерпели сокрушительное поражение и были обречены в течение нескольких лет влачить жалкое литературное существование. Не подлежит,

впрочем, сомнению, что на такую же, если не на ещё горшую участь они обрекли бы своих противников, если бы вышли из этой схватки победителями.

Через полвека при описании этих событий многими авторами делался упор на “национальном” аспекте разразившегося конфликта, а точнее, на “антисемитских тенденциях”, проявленных группой, объединившейся вокруг Фадеева и тем самым потравившей “антисемиту” Сталину... Особое внимание национальной подоплёке происходившего уделялось в книгах А. Борщаговского (который, кстати говоря, в 1947 году в “Литературной газете” в статье с говорящим названием “Мутные воды” уничтожил роман талантливого украинского прозаика Юрия Яновского: “И самый этот вымысел, и националистические ошибки, тяготение к буржуазному объективизму, пристрастие к архаике, этнографизму и неразлучной с ними стилизации свидетельствуют о наличии серьёзных идейных пороков в творчестве Ю. Яновского”)... Подобная подоплёка, действительно, имела место. Прежде всего, надо сказать о демонстративной спекуляции на своём национальном происхождении группы писателей, театральных работников, кинематографистов еврейской национальности. Это была своего рода реакция на поворот внутренней политики в сторону державных традиций в середине 1930-х годов, чего эти “интернационалисты” не могли принять, как говорится, на дух.

“Двурушник Борщаговский”, “Враг советской культуры Гурвич” – эти заголовки в газете “Советское искусство” вполне соответствовали тональности, которую задавали на газетных страницах и сам Гурвич, и Борщаговский. При этом никого из жестоко раскритикованных не то что не репрессировали (исключение составил лишь Иоганн Альтман, и его арест был связан отнюдь не с “космополитизмом”), но даже не исключили из Союза писателей (не в пример Михаилу Зощенко и Анне Ахматовой), не изъяли из продажи их книг. Более того, уже в начале 1950-1951 годов они как ни в чём не бывало вернулись на газетные и журнальные страницы, и тот же Гурвич стал “своим автором” в “Новом мире”.

Александр Нилин свидетельствовал в своих воспоминаниях, как его отец, известный прозаик Павел Нилин, возвращавшийся в 1942 году из Ташкента в Москву, высказал в вагоне поезда в разговоре со своим собеседником – каким-то мелким кинодеятелем – недоумение по поводу того, что молодые, здоровые евреи сплошь и рядом приезжают в Ташкент и обосновываются там преимущественно на хозяйственных должностях. Сказано это было без какой бы то ни было попытки унизить собеседника и безо всяких широковещательных выводов – Нилин был, что называется, человеком, лишённым “национальных предрассудков”. Когда же писатель появился на “Мосфильме”, где должен был рассматриваться его сценарий, там его встретил Алексей Каплер и произнёс многозначительную фразу: “Теперь вы узнаете, что такое евреи, когда они действуют сообща”. После этого ни о какой работе для Нилина на “Мосфильме” речи, естественно, не заходило.

Годы войны показали этим людям чрезвычайно благоприятными для восстановления “утраченных позиций”, тем более, что теперь можно было открыто говорить о себе как о представителях пострадавшего народа, ввиду чего любой человек, высказавший сомнение в справедливости подобного подхода, тут же клеймился ярлыком “фашиста” и “антисемита”. Расчёт этих людей был, в принципе, верным. Они не учли только одного: кардинальных изменений во внешней политике.

И в это же время, время, о котором через полвека будут трубить из всех труб как об “эпохе лютого антисемитизма”, Сталинские премии в области литературы и искусства вручались Агнии Барто, Михаилу Вольпину, Евгению Долматовскому, Эммануилу Казакевичу, Льву Кассилю, Семёну Кирсанову, Самуилу Маршаку, Льву Никулину, Анатолию Рыбакову, Александру Чаковскому, Льву Шейнину, Якову Эльсбергу, Роману Кармену, Юлию Райзману, Александру Столперу, Александру Файнциммеру, Фридриху Эрмлеру и изме с ними.

* * *

Изучая историю России советского периода через много лет, Вадим Валерианович пришёл к непреложному выводу: так называемая “борьба с низкопоклонством” после Великой Отечественной была необходимой и во многом

оправданной акцией. Другое дело – кто конкретно осуществлял эту операцию и какими средствами.

Конечно, тогда, наблюдая на сцене Малого театра и МХАТа пьесы Анатолия Софронова и Анатолия Сурова, каждый более или менее культурный человек не мог не прийти к выводу о полной ничтожности внутренней театральной и литературной политики и, соответственно, задаться вопросом: чему же, собственно говоря, посвящена эта “борьба” с так называемым “низкопоклонством”... У любого, кто трепетно относился к русской классической поэзии, ничего, кроме омерзения, не могла вызвать опубликованная в “Литературной газете” статья тогдашнего рядового преподавателя литературы Александра Дементьева “Серьёзные ошибки “Библиотеки поэта””, где громились литераторы, включившие в однотомники Тютчева и Есенина “стихотворения, идейно и художественно неприемлемые”, а также те, которые “добились издания в “Библиотеке поэта” сборников стихотворений таких представителей реакционного лагеря в поэзии, как Шевырёв, Павлова, Бенедиктов, Случевский, Сологуб, Белый, Хлебников”.

В идеологии и культуре проводилась линия, которая только дискредитировала национальную русскую идею, что, в конечном счёте, сыграло свою роковую роль.

Мгновенно переориентировался Симонов. “Успехи советской драматургии, – писал он, – достигнутые ею вопреки клеветническим проискам космополитов, антипатриотов в театральной критике, особенно радостны и заслуживают самого пристального внимания... “Зелёная улица” Сурова посвящена борьбе наших новаторов на транспорте с предельщиками, консерваторами, людьми, успокоившимися на достигнутом и потому отставшими... В отлично написанном центральном образе пьесы – образе академика Рубцова – Сурову удалось показать передового человека... Это один из интереснейших характеров, созданных в советской драматургии за последние годы...” И, читая его статью в “Новом мире”, громящую уже упоминавшееся сочинение Гурвича о пьесе Погодина “Лодочница” (разделанной “под орех”, кстати сказать, четырьмя годами ранее в ещё не перелицованной “Звезде” в статье Павла Громова) нельзя было не задаться вопросами, которыми Кожинов поделился с читателями через несколько десятилетий, уже рассматривая 1940-е как и с т о р и ю: “. . . А что, если “клевета” содержится уже в самих пьесах? Что, если Россия в них действительно лишена идеала и самодовольна?.. Что, если невольная, так сказать, “злая насмешка”, объективный комизм присутствуют уже в самом образе героя пьесы, который берётся – без необходимого овладения наукой и техникой – переиграть Америку и “перелбрасывать” принцип производства на десять лет вперёд?..” Тем более, что сам же Симонов назвал пьесу Погодина “Лодочница” “неудачной”... “И если героями этой пьесы в самом деле движет “слепой инстинкт самосохранения” (цитата из Гурвича. – С. К.), не следовало бы искать, так сказать, корень зла и в авторе пьес, а не только в её критике? Правда, критик совершенно напрасно резюмировал, что “воспеть этот слепой инстинкт самосохранения – значит повернуть время вспять”. Как бы далеко мы ни обращались вспять, в прошлое великой русской литературы – к боевым одам Державина и Ломоносова, глубже, к повестям Смутного времени, к сказаниям о монгольском нашествии, наконец, к воинским эпизодам “Повести временных лет”... – нигде мы не обнаружим никаких следов воспевания “слепого инстинкта самосохранения”. Повсюду открывается перед нами вполне “зрячий”, осознанный и с течением времени всё обогащающийся и возвышающийся пафос подлинного патриотизма”.

Кожинов, в данном случае, был, на мой взгляд, чрезмерно деликатен. Он (и это было совершенно правильно) не давал овладеть собой даже праведной негодующей эмоции – он разбирался в сути дела. И всё же он не мог не понимать: Гурвич тогда сам прекрасно знал историю вопроса. Но будучи абсолютным ненавистником исторической России и её традиционной культуры, подбирал самые оскорбительные выражения и определения, чтобы окружающим (в первую очередь, единомышленникам) было ясно: дело тут не в Погодине и не в его “Лодочнице”.

Конечно, у завязтого театрала, ценителя классической драматургии, каким Кожинов был в годы своей учёбы в МГУ, ничего, кроме отвращения, не могла вызвать ни “Лодочница”, ни “Зелёная улица”, ни “Великая сила”... Вадим ещё школьником присутствовал на классических спектаклях МХАТа,

об одном из которых — “Мёртвые души” — он вспоминал спустя много лет: “Одним из больших событий моей духовной жизни был... спектакль, который я видел ещё подростком в Художественном театре 1944 года. Он стал для меня своего рода противоядием при позднейших столкновениях с убогими толкованиями “Мёртвых душ” как всего лишь “картинки” дурных нравов. Во мне жили образы, созданные под руководством Станиславского такими выращенными им же мастерами, как Белокуров, Ливанов, Грибов, и всё равно продолжал чувствовать и осмыслять стихию гоголевской поэмы — дикую, подчас страшную, но внутренне насквозь пронизанную жизненной мощью и порывом, который вдруг открыто вырывается в мчащей Чичикова тройке, — ту стихию, которая походя разрушила дьявольские планы Чичикова — этого нового Наполеона, вознамерившегося завоевать Россию рублём...”

В его архиве сохранился листок, на котором прилежно выведен список просмотренных спектаклей за годы студенчества в разных театрах:

“ГАБТ. (Большой). “Евгений Онегин”, “Князь Игорь”, “Золушка” (Прокофьев), “Алые паруса” (балет).

МХАТ. “Мёртвые души”, “Пиквикский клуб”, “Вишнёвый сад”.

Малый. “Русский вопрос” (Симонов), “Великая сила” (Ромашов), “Пигмалион” (Шоу), “Бесприданница”, “Ревизор”, “Горе от ума”, “Голос Америки”.

Камерный. “Без вины виноватые”, “Адриенна Лекуврер” (Скриб) — конец Коонен.

ЦТКА. “Ночь ошибок” (англ.), “Учитель танцев” (Лопе), “Давным-давно” (А. Гладков), “Доходное место”.

Вахтангова. “Соломенная шляпка” (Эжен Лабиш), “Заговор обречённых”.

ТЮЗ. “Сказка о правде”.

Ромэн. “Грушенька” (Лесков).

Станиславского. “Лола” (балет). “Штраусиана” (балет). “Царь Кощей” (опера). “Перикола” (опера). “Нищий студент” (опера). “Любовь Яровая” (опера).

Сатиры. “Женитьба Белугина”.

Драмы (Таганка). “Генерал Брусиллов”.

Транспорта. “Принцесса цирка” (Кальман), “Зелёная улица” Сурова.

Гастрольный. “Соперники” (Шеридан).

Белорусский. “Ромео и Джульетта”.

Л. Комсомола. “Сирано де Бержерак”. “Живой труп”.

Драмы (Герцена). “Девушка с кувшином” (Лопе де Вега”).

Список, естественно, неполный, но дающий отчётливое представление о театральных интересах молодого человека.

Но в университетских стенах — чем дальше, тем отчётливее — в нём начали вызревать совершенно новые настроения.

В 1988 году Кожин, вспоминая события сорокалетней давности, писал о начале своей студенческой жизни:

“... Я пришёл в университет, будучи переполнен своего рода “чисто эстетическим” мироощущением. Я жил тогда художественными и духовными ценностями пушкинской и тючевско-фетовской поры, а также не имевшей “официального” признания поэзией начала XX века, прежде всего, символистской. Можно с полным основанием сказать, что я находился “вне политики”, даже не был членом ВЛКСМ и стал им лишь в 1950 году, двадцати лет от роду.

Но общая атмосфера в университете (не “официальная”, а именно общая, захватывающая всех) была такова, что почти невозможно было не проникнуться господствующим идеологическим воодушевлением. Кое-кому это может показаться странным, но среди моих тогдашних сотоварищей были и дети репрессированных “врагов народа”, которые с полной искренностью разделяли этот общий пафос (Вадим Валерианович, очевидно, в первую очередь, имел здесь в виду Георгия Гачева и Станислава Лесневского. — С. К.). Правда, были немногие отдельные студенты, выросшие в таких семьях и в такой среде, которая сумела воспитать в них решительное недоверие к тогдашней политической действительности или даже прямое её неприятие. Но их в самом деле было очень и очень немного, и они, понятно, молчали: об их настроенности можно было только смутно догадываться.

Скажу со всей откровенностью, что в университете я довольно быстро стал, если угодно, искренним, убеждённым “сталинистом”. Это отнюдь не означало бездумного приятия всего того, что я видел, слышал, знал. Напротив,

очень многие конкретные явления жизни и литературы раздражали или возмущали. Но я, как и подавляющее большинство, полагал, что они представляют собой либо уродливые “отклонения” от главной, верховной линии (отклонения, в которых Сталин никак не повинен), либо пока ещё не преодоленные беды и пороки прошлого. Общее представление было тогда таким: есть великий народ и великий вождь, ведущий его в прекрасное будущее, а где-то “между” ними гнездятся пока ещё очень многочисленные неразоблаченные и недовоспитанные ничтожества либо злодеи, с которыми надо вести долгую и упорную борьбу.

Это представление лежало в основе и всей тогдашней литературы: в данном отношении, строго говоря, не было очевидного различия между популярными в то время произведениями, скажем, Бабаевского и Леонова, Грибачёва и Твардовского, Чаковского и Эренбурга, Рыбакова и Катаева и т. п.; все эти писатели к тому же были увенчаны званиями лауреатов Сталинской премии.

...Надеюсь, и так ясно, что юношами, вступавшими в “идеологическую” жизнь в конце 1940-х годов, как правило, овладевал “культ Сталина”.

И от этого не были свободны ни я, ни И. Виноградов, ни подавляющее большинство наших сотоварищей, учившихся в конце 1940-х – начале 1950-х годов на филологическом факультете университета. . .

Словом, если говорить по крайней мере о людях молодого тогда поколения, о них, по сути дела, нельзя судить в зависимости от их отношения к Сталину. Но это отношение – что очень важно – было, так сказать, “надмирным”, а каждый из нас непосредственно сталкивался с вполне конкретными земными явлениями. И вот с этой точки зрения люди и тогда достаточно резко различались. . .”

Это писалось в эпоху крайне обострившегося противостояния между политиками, литераторами и вообще людьми различных профессий. Вадим Валерианович и здесь постарался по возможности “смягчить” тональность своих слов (что было не так-то легко!) в ситуации, когда “отношение к Сталину” квалифицировалось как своего рода “опознавательный знак”, говорящий о том, стоит ли вообще с данным человеком иметь дело. . . Потому некоторые существенные акценты он, видимо, не счёл нужным прояснять.

А существенно здесь следующее: возраст от 17 до 23-24 лет (пора студенчества) – чрезвычайно благодатный во многих отношениях. Человек только-только вступает в жизнь и сразу погружается в атмосферу, в которой сталкиваются, кипят, бурлят различные взгляды, мнения, страсти. . . Он исполнен молодого самомнения, уверенности в непреложности своего призвания и в то же время чрезвычайно податлив различным тенденциям эпохи. Он, как губка, впитывает в себя разнородную информацию, многочисленные эмоциональные послылы – всё, что окружает его в это время. Очень важен здесь точный выбор наставников, путеводителей – слишком многое в жизни зависит от этого выбора в дальнейшем. И перед Вадимом проблема выбора встала довольно быстро.

Первым его наставником стал Сергей Михайлович Бонди. Вадим Валерианович до конца жизни хранил конспекты его лекций и вспоминал отдельные выражения: “В чём задача литературоведа? Он должен положить руку на пульс произведения”. “Товарищи, мы не можем ни улучшать, ни ухудшать историю. Товарищ Сталин запретил нам это”. При чём тут товарищ Сталин – никто не спрашивал, но тонкий ход профессора со ссылкой на несуществующий запрет понимали все. . . Лекционный курс по первой трети XIX века Бонди закончить не сумел – в отведённое ему время он не всё ещё сказал о своём любимом Пушкине! И его лекции о пушкинской поэзии, о пушкинской эпохе стали для Вадима поистине путеводными.

Но общая атмосфера действовала неумолимо. И Вадим со всё большим вниманием вчитывался в столь нелюбимого доселе Маяковского, открывая в нём настоящую поэзию! Он уже не задавался вопросом – искренен ли был поэт, мечтавший, чтобы о качестве стихов делал доклад Сталин. . . Он читал лирику Маяковского, читал его поэмы, всё более и более проникаясь его ритмом, его гиперболами, его образной системой, не порывая при этом ни с Пушкиным, ни с Тютчевым, ни с полюбившимися поэтами “серебряного века”.

В студенческой тетради Вадима – краткий конспект “учения Марра о языке” соседствует с полюбившимися стихами, которые он выписывает для

себя: Саффо, Катулл, Анакреонт, Ивик... И после переписанных текстов – запись уже от себя:

“Когда я изучал историю античной культуры, это “золотое детство человечества”, я как-то сильно почувствовал весь гигантский размах Человека, музыка страшной и напряжённой силы сорвала меня с места. Я ощутил дыханье истории. Всё это страшно наивно, но я чувствую так. Это здорово. Какое счастье – жить и мыслить.

Жить и радостно, и горько – всё равно, только бы чувствовать, только бы мыслить, видеть красоту и силу жизни, слышать, осязать, обонять вкусы и запахи жизни. Человек – это самое большое чудо Вселенной. Да, всё это написано по-детски смешно, декларативно, подражательно, но ведь это я сам, своим слабым разумом, своей посредственной, может быть, душой, понял, почувствовал, и только сейчас. Жалко только, что нельзя всё выразить на бумаге так, чтобы у каждого читающего закружилась голова от чётких, сильных чувств и мыслей”.

После этой записи снова идут стихи: Александр Блок (“Я пригвождён к трактирной стойке...”, “Шли мы стезёю лазурною...”, “К Музе”, несколько строк из поэмы “Возмездие”), Михаил Кузмин (“Александрийские песни”), два стихотворения Константина Бальмонта и целые страницы, исписанные стихами Бориса Пастернака (очевидно, из “Избранных стихотворений и поэм” издания 1945 года): “Февраль. Достать чернил и плакать!..”, “С утра жара...”, несколько строчек из “Марбурга” и, видимо, полюбившиеся с первого чтения: “Лето”, “Сосны”, “На ранних поездах”, “Опять весна”, “Дрозды”, “Пространство спит, влюблённое в пространство...” А сразу после Пастернака – Маяковский. Его фотоизображение, вырезанное из газеты. Переписанные ответы Маяковского на записки, полученные на публичных выступлениях. И – целые куски из поэмы “Про это”.

Отдельный раздел тетради – “К 150-летию со дня рождения Пушкина”. Стихотворения, вклеенные в тетрадь, очевидно, вырезанные из дореволюционного издания, со старой орфографией, с подписью “Лучшие стихи”: “Пророк”, “Поэту”, “Я памятник себе воздвиг нерукотворный...”, “Моя эпитафия”, “Поэт”, “Вахическая песня”, отрывок из “Вновь я посетил...”, “Стансы”, “26 мая 1828”, “Воспоминание”, отрывок из “19 октября 1825 г.”, “Возрождение”, “Фонтану Бахчисарайского дворца”, “Зимняя дорога”, “В альбом”, “Желание”, “Ночь”, “Ненастный день потух...”, “Пью за здоровье Мэри...”, “Погасло дневное светило...”, “К морю” и несколько эпиграмм.

И рядом – стихи современных поэтов Сергея Наровчатова, Николая Тихонова, Павла Шубина.

“Восемнадцать лет, – пишет Вадим. – Любимые поэты”. И далее следуют имена с датами жизни и смерти: А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Ф. И. Тютчев, А. А. Фет, А. А. Блок, В. В. Маяковский, С. А. Есенин. В отдельный столбик выписываются “лучшие из современных”: К. Симонов, М. Алигер, А. Коваленков, П. Антокольский, М. Светлов, С. Щипачёв. Интересно, что страницами переписываемый Пастернак в “современных” здесь не числится.

Стихотворные подборки перемежаются вырезками из газеты “Московский университет”. Для начала идёт коротенькая заметка некоей Э. Лещинской:

“ЛИТЕРАТУРНАЯ ВСТРЕЧА

На филологическом факультете состоялся традиционный литературный “вторник” газеты “Комсомолия”, на котором старшекурсники встретились с молодыми поэтами-студентами 1 курса. На “вторнике” выступили студенты: Графский, Строганов, Краевский, Дубровин, Алфимов, Кожинов, Воробьёв, Старков, Левина”.

А далее следуют корреспонденции самого Вадима: “100 тысяч рублей экономики”, “Советской стране – прочную ткань”, “В Ботаническом саду”, “Исследования большого практического значения” (о лауреате Сталинской премии, профессоре МГУ Халиле Рахматуллине), “В нашем клубе”, “3-я научная студенческая конференция”, “25 лет со дня смерти Д. Благоева”... Моё внимание привлекла заметка от 13 мая 1949 года “Защита дипломных работ на Учёном совете МГУ”, где впервые мелькнула фамилия будущего близкого знакомого Вадима:

“9 мая состоялось открытое заседание Учёного совета МГУ... На заседании Учёного совета состоялась защита 9 лучших дипломных работ студентов

МГУ. Эти работы, заслужившие в этом году отличную оценку при защите на факультетах, посвящённых разнообразным актуальным темам...

Большое внимание привлекла дипломная работа студента-заочника биологического факультета В. Доброхвалова – “Очерк истории степного лесоведения в нашей стране”. Интересные вопросы затронуты в работах студентов гуманитарных факультетов – “Эстетические позиции Маяковского” (1921–1930 гг.) А. Синявского (филологический факультет), “СССР в борьбе с антисоветскими происками германского империализма в период Локарно (1925–1926 гг.)” А. Сучалкина (исторический факультет), “Правовой режим международных рек” В. Попкова (юридический факультет)...

Ректор МГУ академик А. Н. Несмеянов дал высокую оценку прослушанным работам, отметив их высокий идейный уровень и большое практическое значение”.

Андрей Синявский защищался у Виктора Дувакина. В скором времени и Кожинов придёт к этому преподавателю в семинар – изучать творчество В. В. Маяковского.

* * *

В стране в это время творились вещи, официально объясняемые и доказуемые, но с подтекстом, о котором, естественно, народ не имел никакого представления.

На авансцене – отмена карточной системы, ежегодное снижение цен, разрыв отношений с Югославией, прагматическая сдержанность во внешней политике, отказ от всяческих “революционных” жестов.

На авансцене – “холодная война”. “С лязгом и грохотом опустился над Россией железный занавес”, – писал Василий Розанов в 1917 году. Этот “железный занавес” возник спустя почти 30 лет в “фултонской речи” Уинстона Черчилля, “занавес”, призванный защитить Европу от “коммунистической агрессии”. Не исключено, что переключал этот термин в речь премьер-министра Великобритании стараниями советников-“кремленологов” (эта профессия стала активно развиваться именно после Второй мировой), хорошо знакомых с сочинениями русских эмигрантов.

На авансцене – “антикосмополитическая” кампания с постановлениями, обилием речей и газетных статей. Одновременно с этим ликвидируется Еврейский антифашистский комитет, во главе которого были давние сотрудники НКВД. “Один из тогдашних руководителей разведки П. А. Судоплатов, – писал Кожин в 1990-е в книге “Россия. Век XX. 1939–1964”, – свидетельствовал, что ответственный секретарь ЕАК с 1945 года И. С. Фефер был “крупным агентом НКВД”... В беседе со мной, состоявшейся в начале 1990-х годов, Павел Анатольевич сказал, что С. М. Михоэлс был намного более важным, чем Фефер, агентом НКВД”. Эта акция была непосредственно связана с тем, что новообразовавшееся государство Израиль (созданное во многом благодаря Советскому Союзу) вышло из-под советского контроля и избрало американсионистскую ориентацию. Форпост на Ближнем Востоке был безвозвратно утрачен, что в связи с разгоравшейся “холодной войной” стало крупным стратегическим проигрышем Сталина.

А за кулисами... За кулисами разыгрывалась трагедия, имевшая громадные и поистине роковые последствия для страны. Раскручивалось так называемое “ленинградское дело”.

И началось оно, по сути, тогда, когда Жданов, спасая себя и своё партийное окружение, оглашал знаменитый доклад, дезавуируя всё историко-патриотическое направление, которое развернулось сразу после прорыва блокады на страницах “Звезды” и “Ленинграда”.

Интереснейший документ был опубликован в “Ленинграде” в начале 1944 года.

“О восстановлении прежних наименований некоторых улиц, проспектов, набережных и площадей города Ленинграда.

Решение исполнительного комитета Ленинградского городского совета депутатов трудящихся от 13.1.1944 г.

Ввиду того, что прежние наименования некоторых улиц, проспектов, набережных и площадей Ленинграда тесно связаны с историей и характерными особенностями города и прочно вошли в обиход населения, в силу чего лучше обеспечивают нормальные внутригородские связи, Исполнительный комитет Ленинградского городского совета депутатов трудящихся решает восстановить наименования следующих улиц, проспектов, набережных и площадей города:

Существующие наименования *Восстановленные наименования*

Проспект 25 Октября – Невский проспект
Улица 3 июля – Садовая улица
Проспект Красных Командиров – Измайловский проспект
Площадь Красных Командиров – Измайловская площадь
Площадь памяти Жертв Революции – Марсово поле
Площадь имени Воровского – Исаакиевская площадь
Площадь имени Плеханова – Казанская площадь
Проспект имени Володарского – Литейный проспект
Проспект имени Нахимсона – Владимирский проспект
Проспект Карла Либкнехта – Большой проспект
Улица имени Розы Люксембург – Введенская улица
Набережная имени Рошаля – Адмиралтейская набережная
Проспект имени Рошаля – Адмиралтейский проспект
Улица имени Слуцкого – Таврическая улица
Советский проспект – Суворовский проспект
Проспект Пролетарской Победы – Большой проспект
Проспект Мусоргского – Средний проспект
Проспект Железняка – Малый проспект
Площадь Урицкого – Дворцовая площадь
Набережная 9 января – Дворцовая набережная

**Председатель Исполнительного
комитета Ленинградского городского
совета депутатов трудящихся**

П. Попков

**Секретарь Исполнительного комитета
Ленинградского городского совета
депутатов трудящихся**

А. Бубнов”.

Что и говорить, документ по тем временам из ряда вон выходящий. Подобного не удостоился больше ни один из советских городов, улицы и площади которых ещё почти полвека украшали (а кое-где украшают и поныне) таблички с именами Володарского, Урицкого, Либкнехта, Люксембург и им подобных.

К тому времени выросли два поколения, воспитанные в “интернационалистическом” духе. Имена “пламенных революционеров” всё это время были неприкосновенны! Да что – прошло, казалось, немного времени с тех пор, как некий театровед В. Блюм вещал в популярной газете:

“Пора убрать исторический мусор с площадей. В этой области у нас накопилось немало курьёзов. Ещё в прошлом году в Киеве стоял (а, может быть, скорее всего, и по сей день стоит) чугунный “святой” князь Владимир. В Москве напротив Мавзолея Ленина и не думают убираться восвояси “гражданин Минин и князь Пожарский” – представители боярско-торгового союза, заключённого 318 лет тому назад на предмет утешения крестьянской войны. . . Уцелел целый ряд монументов, при идеологической однозности не имеющих никакой художественной ценности или вовсе безобразных: ложноклассический мартосовский “Минин-Пожарский”, микешинская тумба Екатерина II, немало других истуканов, уцелевших по лицу СССР (если не ошибаюсь, в Новгороде как ни в чём не бывало стоит художественно и политически оскорбительный микешинский же памятник 1000-летию России) – все эти тонны цветного и чёрного металла давно просятся в утильсырьё. . .”

Подобные выступления уже не появлялись в печати после 1936 года. Но если говорить о подлинном повороте в сторону русской истории, русского патриотизма — перелом стал необратимым именно в годы войны.

А после прорыва блокады ленинградцы первыми (и единственными!) приступили к “уборке исторического мусора с площадей”. И если “всякая революция... всегда начинается с разрушения памятников” (как вещал Блюм), то можно было сделать однозначный вывод: в городе началась русская контрреволюция — “контрреволюция сверху”.

Зрелый Кожин назвал бы этот процесс **“реставрацией”**...

Революционные, “интернационалистические” традиции сдавались Ленинградским горсоветом в архив! Ленинград утверждал статус русского города, в котором связь времён, разрушенная в 1917-м, восстанавливалась зримо и отчетливо. Всем было ясно — речь идёт не просто о смене табличек.

Это постановление было делом рук ленинградцев. Это была их собственная инициатива — ни Сталин, ни ЦК, ни его Политбюро не имели к ней никакого отношения. Имея “наверху” мощную поддержку в лице Жданова и Кузнецова, ленинградская партийная организация не то, чтобы позволила себе не считаться с мнением других высокопоставленных лиц в государстве, но полагала, что восстанавливает справедливость по отношению к своему родному городу, причём делает это в русле общепатриотической государственной идеологической линии.

За эту дерзость пришлось заплатить слишком дорогой ценой. И не только за эту.

(Продолжение следует)

“НЕ ГОРЮЙ, МАМА, НЕ ГРУСТИ...”

Письма с фронта павшего смертью храбрых

Лев Павлович Жучков родился в 1923 году в Приморье в семье кадрового военного Павла Филипповича Жучкова, участника освобождения Дальнего Востока от белогвардейцев и интервентов, вынужденного вскоре оставить службу из-за резкого ухудшения здоровья. Это был человек корчагинского племени, страстно отдававший себя утверждению социалистического строя и не щадивший для этого ни сил, ни здоровья. Он рано сгорел, ему было немногим больше сорока лет.

Лев Жучков провёл отроческие и юношеские годы в городе Куйбышевка-Восточная (ныне Белогорск) Амурской области. Они совпали с расцветом советской эпохи. По всему Союзу гремели имена не толстосумов и эстрадных певцов, а людей труда: трактористки Паши Ангелиной, шахтёра Алексея Стаханова, машиниста паровоза Петра Кривоноса, ткачих сестёр Виноградовых и других тружеников.

Находясь во враждебном капиталистическом окружении, советские люди вынуждены были держать порох сухим. В тридцатые годы особым вниманием и почётом пользовались у населения воины Красной армии. О них писались книги, ставились фильмы. В 1940 году, когда учительница спросила, кем бы ученики хотели стать, все мальчишки нашего четвёртого класса заявили, что они будут лётчиками, танкистами, моряками. Лев Жучков вступил на военную стезю не только из-за желания идти по стопам отца.

Учась в школе, Лев увлекался спортом и музыкой. Он играл на баяне и даже пробовал сочинять. Ему уже на фронте, по свидетельству его однополчанина, ставшего впоследствии военным историком, полковника А. Г. Кавтарадзе, командование давало возможность учиться в консерватории. Но он отказался: не мог оставить воюющими товарищей и отправиться в тыл.

Жил он с открытым, чистым и честным сердцем. Таким остался и на фронте. “Это была любимая всеми нами душа, – вспоминал воевавший под его командованием рядовой Ф. Н. Сташкевич, ставший после войны Героем Социалистического Труда, – мы всей батареей оплакивали смерть Льва Павловича”.

В письмах с фронта Лев Жучков был краток, ласково журил мать за слишком придирчивое и горячее, по его мнению, беспокойство о нём. Писал всегда, когда позволяли обстоятельства, и почти ничего не сообщал о войне и о своём участии в боевых действиях. Наверное, ему не хотелось лишний раз вспоминать кровь и смерть. “Были горячие деньки”, – всего тремя словами он сообщает о своём участии в марте 1943 года в ликвидации Ржевско-Вяземского уступа, где, по воспоминаниям генерала Михайличенко, немцы “проутюжили” семь наших дивизий. Погиб при взятии печально знаменитой Зайцевой горы и Владимир Шененевич, командир 4-й батареи, огневыми взводами которой командовал Лев Жучков.

Он не писал домой о подобных и других боях и вообще о трудностях фронтовой жизни, чтобы лишний раз не волновать свою мать. Он очень любил её и свою сестру и старался писать так, чтобы родные меньше переживали за него. И всего лишь единственный раз описал бой, когда фашисты пытались окружить и взять его батарею, но, верный себе, сообщал о нём так, как будто это была игра в оловянных солдатиков. Кстате, за этот бой его наградили орденом Отечественной войны 2 степени.

В. Лисевич, исследователь истории 572-го арtpолка, где служили его двоюродный брат Владимир Шененевич (ему перед войной прочили в одесском университете карьеру учёного) и Лев Жучков, написал о погибших:

“Говорят, что со временем боль утраты притупляется, проходит. Не верю я в это. Не проходит она и не пройдёт. Потеря талантливых молодых людей, почти юношей, которым жить бы да жить и радовать Отечество добрыми делами, потеря верных сынов Родины Лёвы и Володи – утрата неизмеримая и боль вечная. В тяжелейшее для страны время они грудью прикрыли её от врага. Наша Отчизна выстояла, благодаря таким её защитникам, какими были Лев Жучков и Владимир Шененевич”.

...Пишу письмо из полевых лагерей. Поселили в палатках. Выдали форму: гимнастёрку, галифе, сапоги, пилотку. Место хорошее, кругом зелень. Мы пока обживаемся: вымылись, обмундировались, устраиваемся поудобней в палатках. Живём нескудно, кормят хорошо. Желательно получить от вас целлулоидные воротнички и щётки – бельевую и сапожную. Лагерь находится в 120 км от Томска на реке Томи. С приветом, Лёва. 30 июня 1941 года.

...Ты, мама, не должна на меня обижаться, что я редко пишу письма. Я выполнил твою просьбу – сообщил о здоровье, о том, где нахожусь, а больше писать пока не о чем. Прошу сообщить, какова жизнь города в военное время, хотя, наверное, никаких существенных изменений не произошло. Сегодня один наш курсант получил письмо, пишут, что в Куйбышевке призваны 1921 и 1922 г. Интересно узнать, как дела у Павлика (одноклассника и школьного друга Льва. – **Т. К.**), взят в армию или уехал в училище и какое? Напишите, как дела у Виктории, Юрия (двоюродного брата) и всех родных. 17 июля 1941 года. Лёва.

...Вчера, 21 июля, часов в 11 вечера я получил два письма. Одно от вас, другое от Дуси (школьной подруги. – **Т. К.**). Письма, когда находишься вдалеке от дома, как бы сблизжают, уменьшают это расстояние. Поэтому ваши письма будут приносить мне только хорошее. Вместе с письмами пришёл перевод на 50 р. Я благодарен тебе и очень, мама, что так беспокоишься обо мне, но прошу денег не присылать, пока не попрошу.

Мне приятно было читать твоё письмо, мама, я благодарен судьбе, что имею такую мать. Правильно, мама, сейчас стоит вопрос жизни или смерти нашей страны. Я постараюсь учиться так, чтобы не быть лишним человеком на фронте. Я знаю, что тебе тяжело сейчас, но эти мысли надо держать при себе и делать всё так, как этого требуют фронт, война.

В скором времени я постараюсь выслать вам справку о том, что я являюсь военнослужащим. Из письма узнал, что вы познакомились с Дусей. Надеюсь, она вам понравится. Пока. С приветом, Лев. 22 июля 1941 года.

26 июля 1941 года ...Вчера получил ваше письмо, за которое очень благодарю. Хорошо сделали, что отдали один воротничок Павлику, он ему в училище пригодится. А тетради не надо присылать, ими нас обеспечивают хорошо. Спрашиваете, как поступил в училище? В дороге к экзаменам не готовился, сильно трясло, с непривычки не мог читать. А по прибытии экзамены сдавали в тот же день. Я сдал хорошо и попал в одну группу с Лёней Ворониным, Саяпиным и другими, кто хорошо сдал математику. А Филатова отправили домой ещё в начале этого месяца. Об этом всё. Желая, мама, быстрее тебе поправиться. Ты просишь, чтобы я почаще писал письма. Мне кажется, что я и так их пишу немало. 28 июля 1941 года.

...Второй день, как я в Томске. Но города в сущности не видел. Мы выгрузились на товарной станции и сразу же направились в училище. Помещение у нас чуждое. Кругом чистота, всё побелено и покрашено. Спим на койках, составленных по четыре: две внизу и две вверху. По приезду в Томск, когда ходили в баню, удалось попробовать помидоров, истратил на них последние двадцать рублей. Но я не тужу, у меня в запасе 15 пачек махорки – надолго хватит. В училище я пока получил только сорок рублей, из них половину отдал в фонд обороны. Одобряю, что и вы отдали в фонд обороны

облигации займов, а значит, оказали помощь и мне, поскольку теперь я человек военный. Если возможно, пришлите перчатки, шерстяные носки, если они есть, белого материала для подворотничков и две иголки. 1 сентября 1941 года.

...Побывал в Доме Красной армии. Здание хорошее, старинное. Улица, где стоит ДКА, тоже понравилась. Учусь хорошо. По предложению командира взвода выдвинут кандидатом в красноармейский суд чести. Значит, кое-чего я стою. В предыдущем письме, наверное, тебя, мама, я напугал тем, что сижу без денег. Вполне обхожусь без них. К тому <же> пятнадцатого у нас полчка. 6 сентября 1941 года.

...Живу по-прежнему хорошо. Всё время поправляюсь. Мне об этом ребята чуть ли не каждый день говорят. У меня сейчас еле воротник сходится. Деньги, которые я просил в предыдущем письме, мне уже не нужны. Лёня Воронин на 100 рублей получил перевод. В выходной получили деньги и отдали часы в ремонт. Грустно, что я опять сижу без махорки, не говоря уже о папиросах. Поэтому, мама, выручай сына, а то он совсем разучится курить. Я об этом пишу, наверное, в каждом письме, но ничего не поделаешь — я стал несправимым и заядлым курильщиком. Мне сегодня пришла в голову мысль, что если бы мне пришлось позаниматься в школе так, как мы здесь занимаемся, то я считал бы себя просто молодцом. Сейчас я не могу понять, как это человек мог иметь столько незанятого, пропадавшего зря времени!

2 октября 1941 года.

...Сегодня, вернее, вчера, т<ак> к<ак> сейчас уже 2 часа ночи, получил ваше письмо, за которое очень благодарю. Посылку, о которой вы сообщаете в письмах, ещё не получил. Сладкого можно немного послать. Сахар нам дают, но если представится такая возможность, то я не прочь и полакомиться, хотя прекрасно обойтись могу и без засылания мне такого рода вещей. О перчатках не надо беспокоиться, нам их выдадут, только неизвестно, когда. Музыкальных инструментов здесь хватает, но ни на одном не играю — нет времени, так что баян высылать не надо, всё равно будет стоять без дела. Сфотографироваться до сих пор ещё не сумел. В прошлый выходной в город не ходил, участвовал в воскреснике, после которого сразу же заступил в наряд. Вы пишете, что хотели бы посмотреть на меня. Мне тоже хочется повидать вас, но не такое сейчас время, чтобы этим заниматься. Я, мама, сильно изменился. Это я замечаю даже сам за собой. Изменений много: стал аккуратным, опрятным, дисциплинированным и т. д. Так что папины слова на этот счёт не оправдались. Он обо мне не мог бы сказать ничего плохого сейчас. (Отец Льва умер незадолго до его отъезда в училище. — Т. К.).

10 октября 1941 года.

...Вчера получил посылку. Это уже третья. Она произвела на меня самое хорошее впечатление. Всё, что прислали, нужно мне. Главное — папиросы, да ещё пред праздником! Сегодня 7 ноября. Были на площади, после этого всё время отдыхаем. После обеда я проспал три часа, проснулся и подумал, что уже утро. Отдыхаем мы только сегодня. Завтра снова обычные занятия. Вот уже два дня идёт снег, наверное, не растает. Надвигаются морозы. Я одет хорошо, тепло. Мне нужны теперь только валенки. Их высылайте без промедления. Я, как и предполагал, пришёл к празднику только с хорошими и отличными результатами. Это мой вам праздничный подарок. Больше я вас ничем обрадовать не могу. Хотел послать поздравительную телеграмму, но на почту не пускали, а сейчас уже поздно. Да и из расположения батареи уходить нельзя: наше подразделение дежурное. Сейчас пойдём на ужин, а потом состоится встреча с бывшими курсантами, участниками Отечественной войны. Я и мои товарищи по взводу уже “старички”. Основное прошли. Я думаю отпустить волосы. Чувствую себя полноценным командиром. К военной жизни давно привык, то, что мы изучили, знаю хорошо. На фронте товарищам обузой являться не буду. Время свободное заканчивается. Скоро построение. Ребята дали высокую оценку последней посылке и очень благодарят за неё. 7 ноября 1941 года.

...Сегодня я выпустился из училища младшим лейтенантом (всех так выпустили). Получу обмундирование и более 500 рублей. Завтра еду в часть, на дорогу денег хватит. Будьте живы и здоровы. За меня не волнуйтесь. Привет родным и знакомым. Лев. 2 февраля 1942 года.

...Третьего февраля получил документы и выехал из Томска. Еду в Москву, на Западный фронт (в Москве пересадка). Денег дали 650 рублей да 150 у меня было. Еду без продуктов, но на станциях в буфетах кормиться можно, и довольно дёшево. Кроме того, в поезде есть ресторан. Так что голодать не придётся. Настроение нормальное. Привет всем. Письмо послал из Тюмени. 4 февраля 1942 года.

...5 марта 1942 года. Здравствуйте, мама и сестрёнка! Пишу письмо с фронта. Жизнь пошла другим руслом, пришлось приспособливаться. Взвод у меня хороший. Народ пожилой, воюет с начала войны. Приняли меня хорошо, я сразу как-то обжился и не отличаюсь от старых фронтовиков. Деньги на фронте девать некуда. Я послал вам из Можайска 300 рублей – остатки томских денег. Здесь мне нужно получить ещё рублей 800, но получать их некогда. С Ворониным в одно место не попали. Живу прекрасно – сыт, тепло одет, здоров. У меня даже насморк пропал, который часто мучил меня в Сибири (ходить-то в сапогах!). А тут получил ватную тужурку, штаны меховые, варежки, валенки и др. Так что обо мне не беспокойтесь. С приветом, Лев!

...10 марта 1942 года. Направлялся в баню, а машина пока не пришла, поэтому имею время написать письмо. Из училища я вам писал короткие письма, сообщать-то было нечего. Думал – с фронта буду писать метровые, а получается старое. Да и что писать-то? Воюем, да и всё. Сегодня поговорили в штабе, чтобы вам выслали справку, какую посылал из училища. Прошу выслать мне адрес Василия (родственника семьи Жучковых) и Павлика.

...28 марта 1942 года. У меня возникло желание узнать, что из себя представляет новый управляющий совхознаба. Что за человек, какая у него семья? Как у него идут дела? Скажи ему – пусть работает так, как на его месте работал мой отец. Лучшего я ему пожелать не могу. Напиши, мама, что с квартирой, дровами, продуктами. Вообще напиши подробнее, как живёшь, работаешь. Ну, а наши дела вы знаете из газет. Одно могу добавить – донимают сырость и грязь. Но пусть приходят почаще письма, и сырость мы переживём. Передайте привет, если он хороший человек, управляющему. Привет родным и знакомым.

...31 марта 1942 года. Я вам, наверное, надоел письмами, чуть свободное время – принимаюсь писать. Уже, кажется, обо всём переписал, а ответа ещё ни на одно письмо нет. Как будто у меня чего-то не хватает, недостаёт из-за этого. Я желал бы узнать, как поживают мои дядья, где и как работают, думают ли идти к нам с Василием на помощь. Насчёт помощи я так, для шуток, им и там, если захотят, работы будет по горло. А мы и без них управимся. Кстати, о Василии. Я, как уехал из дому, ничего о нём не знаю. Может, вы что-то о нём знаете, напишите. Раздумался я о вас и вспомнил, что дом наш стал оседать на одну сторону. Ремонтировали его или нет? Как чувствует себя Джек (собака)? Ведёте ли какое хозяйство? Видите, сколько у меня к вам вопросов, и ни на один ответа нет.

...22 апреля 1942 года. Очень рад вашему письму, наконец-то наладилась связь. Пишу письмо из санчасти. Я немного простыл, четыре дня продрожал в землянке, стал лучше – пошёл в санчасть, где признали бронхит в лёгкой форме и оставили там подлечиться. Сейчас чувствую себя совершенно здоровым, читаю книги да слушаю патефон. Насчёт травмы ноги я даже писать вам не стал. Это в письме домой из училища Воронин раззвонил. Правда, мне ещё и мизинец переломило. Я пролежал в Томске 13 дней в госпитале, обманным путём ушёл, притянул бинтом палец к остальным, уже в Москве он сросся. Деньги оставлять у себя не буду, они мне, повторяю, не нужны. Вот разве на покупку часов придётся истратить. Без часов трудно.

Вика, насчёт соцдоговора я не против, только ведь не обязательно комиссару проверять его. Он проверяется комиссией или всеми вместе, подводя итог. Вот и мы после войны с тобой его подведём. Я знал, что мама будет работать хорошо, и поздравляю её с благодарностью, а вот что ты работаешь так, что маме не нравится, это плохо. Может, ты и с отличниц уже скатилась? Почему мало пишете о себе? Как живётся, как дела с питанием, деньгами? Меня эти вопросы очень интересуют!

...3 мая 1942 года. Сегодня получил три письма, два от вас, одно от Дуся. Положил их перед собой, закурил, перебрал по одному, просмотрел все печати, штампы, посмотрел письма на свет и только после этого приступил к чтке. Поздравления ваши немного запоздали, но это не важно. Хоть и не роскошно, но и на фронте я сумел справиться и день рождения, и Первое мая. День рождения отмечал ещё в санчасти...

Адрес Павлика мне прислала его мать. Получил письмо от Василия. Он, оказывается, в училище и в апреле должен был выпуститься. Ты, мама, за меня не беспокойся. Правда, я нахожусь всё время в опасности, но таких, как я, много, и это должно придавать тебе бодрости. У меня не всегда есть возможность не только письмо написать, но и поспать. Это ты должна понимать. Поэтому задержка с письмами не должна приводить тебя в уныние. Ты должно всегда работать хорошо и радостно. Своей работой ты помогаешь мне.

...25 мая 1942 года. Порядочное время не писал вам писем. Были горячие дни. Сейчас врывается в землю, вернее, в глину. Целую пятидневку ходил грязный, как чёрт. Но основное сделано, и жить стал веселее. Нехватки ни в чём нет. Вот только кривой трубки не хватает. Нам сейчас дают лёгкий табак разных сортов по 100 граммов на неделю, и сворачивать сигарки неудобно. Но я заказал трубку с одним товарищем, уехавшим по делам в Москву. Время стоит тёплое, прилетели птицы, травка растёт. Вот только пейзаж портят воронки от разрывов бомб и снарядов. Я бы в это время мчался куда-нибудь на велосипеде. Да, если будет туго, то продавайте велосипед и баян. Приеду — новое наживём. Только часы отцовские берегите.

...11 июня 1942 года. Пришёл с НП (наблюдательного пункта), и мне ребята вручили письмо. Решил сразу же написать ответ. Получил письмо от Павлика. Он сейчас в Москве. Обижается — 5 месяцев едет на фронт и никак доехать не может. Живу хорошо. Родина обеспечивает абсолютно всем. Я, как и вы, подписался на заём — 1000 рублей. Ты, мама, наверное, хорошо научилась шить мужское. Вот приеду, ты мне сошьешь хорошую форму, подобающую артиллеристу. Ведь артиллерист считается самым культурным командиром. Так что за будущий военный костюм я теперь спокоен. Шутки шутками, но у меня есть серьёзный вопрос — каковы базарные цены на продукты? Опишите подробно. Передайте от меня привет красноармейцу Русяеву Д. Г. (дядя Льва). Надеюсь, что его дисциплиной здорово не жмут. Отвыкли ли они с дядей Володей от старой привычки (выпивки)? Передайте, что после войны им придётся держать отчёт по всей форме. Посматривайте за Германом (двоюродным братом). В его возрасте ребята начинают баловаться табачком. Просмотрите, поймёт вкус, трудно будет отучить. Извините, что стал реже писать.

12 июля 1942 года. Западный фронт. Мама, я был немало удивлён, что ты написала письмо командиру полка. Сообщаю тебе, что я по-прежнему жив и здоров и продолжаю бить фрицев. Прошу тебя, мама обо мне так сильно не беспокоиться, это ни к чему хорошему не приведёт, только последние нервы истреплешь, которые тебе нужны совсем для другого. Жизнь моя течёт нормально, настроение хорошее, условия неплохие, конечно, в разрезе фронтовых понятий. Получаю письма от ребят, с которыми учился в Томске, в том числе от Л. Воронина. Недавно получил письмо от Н. Ерёмченко (однокурсника). Пишет, что завидует мне и жалеет, что не пошёл вместе со мною в училище, думаю, что твоё сердце, мама успокоилось. Простите, что плохо написал. Дело в том, что сейчас 2 часа ночи и голова немного утомлена.

...7 сентября 1942 года. Опасаясь, как бы вы не написали опять командиру полка, спешу уведомить, что мне присвоено очередное звание, что наша батарея первая в дивизионе и, пожалуй, в полку. Вот коротенько всё.

...22 сентября 1942 года. Западный фронт. Большое спасибо за заботу, которую вы проявляете обо мне. Я всем обеспечен, деньги мне не нужны, на них на передовой ничего не купишь. Если сможете, то пришлите в письмах с десятком носовых платков и пробу с вашего урожая табака, тоже в письме. В куреве я не нуждаюсь, но просто хочется покурить домашнего, родного, дальневосточного.

...15 декабря 1942 года. Здравствуйте, мои дорогие! Несказанно рад, что вы не забываете меня, дармоеда. Обрадовался, мама, что ты теперь работать в дневную смену. Я очень беспокоюсь за тебя. Ночная работа может оставить тебя без зрения. Хорошо сделали, что не приняли от вас мёд. Подумаешь, достали полкило мёду и спешат отправить его мне! Мама, ты лучше за Викторией смотри, у неё здоровье не ахти, а я с успехом проживу, даже если придётся сидеть на одном хлебе. Я писал Дусе, что собирался с оказией побывать в Москве, но в связи с действиями на нашем фронте эту затею пришлось отложить. Если бы вы знали, как я по вам соскучился. Охота мне на вас посмотреть, а больше всего – на Динку (двоюродную сестру), она, наверно, изменилась больше вех. Как у неё с зубами? Мне почему-то кажется, что она меня забыла, т<ак> к<ак> была полтора года назад совсем маленькая. Остаюсь любящим вас сыном и братом, Лев.

...20 декабря 1942 года. Высылаю фото. Сфотографировался, как мог. Только наладили производство – вышел материал. Но думаю, вас пока мой портрет устроит, отдельные мои части на нём разобрать можно. Если не трудно, пришлите мне, пожалуйста, пятизначную таблицу логарифмов, если нет, то четырёхзначную (учебник средней школы) и шахматы, как можно меньших размеров и без доски. Простите, что я так часто надоедаю вам всякого рода просьбами.

...15 января 1943 года. В последние дни не имел свободного времени, чтобы ответить на ваши письма. Были всё время в движении. Переехали на новое место, заново оборудуемся. Думали – нас пошлют на юг, оказалось, что там без нас хватает людей. Дней пятнадцать побыл в тылу, где передвигались. Повидал многих томских товарищей. Встретил и одного земляка из Куйбышевки – Алексея Шевченко. Вместе встретили Новый год. Получил посылку, дошло всё, особенно рад свитеру.

...17 января 1943 года. Последнее твоё письмо, мама принесло мне большую радость. Хоть ты и не писала мне, что Павлик убит, я знал, что официально об этом сообщение было. Я никак не мог примириться с этим. И оказался прав: таких, как Павлик, не убьёшь. Так, значит, я на фотокарточке во многом изменился? Признаюсь, что я и сам замечаю в себе изменения, как положительные, так и отрицательные, не только внешне, но и внутреннее. Правда, в основном я остался прежним, да и измениться за 1,5 года сильно нелзя. Школьные увлечения – спорт, музыку – люблю по-прежнему.

Передайте маме Павлика, что я рад за него. Я даже завидую его положению. Хоть попал он на фронт позже меня, но испытать ему довелось больше и сделать пользы (в этом я не сомневаюсь) много.

...20 февраля 1943 года. За прошедшие дни получил несколько ваших писем, но ответить на них не имел возможности – всё время передвигались. Временно остановились в одной деревушке – спешу дать ответ, т<ак> к<ак>, по всей вероятности, следующее письмо придёт не скоро. Нахожусь в самом прекрасном состоянии духа, здоровье хорошее, всё в порядке. Мама, напиши, устроилась ли ты на новое место? (из-за большой потери зрения ей пришлось оставить швейное производство. – Г. К.). Всё ли у вас в порядке, как денежные дела? Продлить аттестат не удалось, в штабе не оказалось нужного бланка. Буду высылать деньги почтой. Не нужна ли новая справка?

... 4 марта 1943 года. Посылаю пару писем исключительно с почтовой бумагой, по 15 листов в каждом. То, что у вас нет бумаги, доказывает лист, вырванный из "Истории гражданской войны", использованный на письмо. Признаться, мне это не понравилось, потому что я сам "человек войны", мне будет больно, если к книге "Великая Отечественная война" (а она выйдет обязательно!) будут относиться так же, как вы отнеслись к "Истории гражданской войны". Подходит конец обороне и на нашем участке. Ждите писем с описанием боевых действий, а не сообщений о том, что жив и здоров, которые, мне думается, и читать уже надоело. Мама, не вздумай обижаться. Я просто изложил своё мнение в отношении ценных, поучительных книг. Думаю, ты со мной согласишься.

... 23 марта 1943 года. Простите, что долго не писал. Были горячие деньки. Несколько дней назад поставлен работать командиром батареи (заменял комбата, которого убило). На нашем участке оборона сменилась активными действиями, и радостно становится, когда, читая газеты, найдёшь строчку про дела, в которых принимал личное участие.

2 апреля 1943 года. Погода стоит замечательная, снега уже почти нет, вода заливает блиндажи и траншеи, кругом грязь. С водой приходится вести настоящую войну. Не имею никакой связи с Василием. Адрес дяди Павла (отца его) не знаю тоже. У вас просил – почему-то не прислали. Пишет ли дядя Дионисий?

Последние дни сижу в благоустроенном блиндаже, развлекаюсь радио, читаю, пишу письма, ну, и воюю понемногу.

... 28 апреля 1943 года. Если не ошибаюсь (подсчёт проводил довоенным способом), моё письмо должно прийти как раз к окончанию Викторией 7-го класса, поэтому поздравляю Victoriю с успешным окончанием неполной средней школы. Насчёт успехов, думаю, не ошибся. Спасибо, что хоть вы вовремя отпраздновали мои именины. А то я в то время в такую заваруху попал, что вспомнил о них только на третий день. От Павлика ничего нет. Не знаю, что и предполагать. Если не ошибаюсь, то вы с его мамой частенько слезу пускаете сообща. Не думайте ничего плохого. После войны оба приедем. Я назло некоторым, вроде Галины Павловны (завуч школы, где учился Лев. – Г. К.), которые не считали меня человеком, приеду и докажу, что и мы не лыком шиты. Живу пока спокойной зажиточной жизнью. Даже зайца было заимел, да только он недолго у меня побыл: на третий день утром забыли дверь закрыть.

... 6 мая 1943 года. Я писал вам уже, что стал командиром батареи. За последнее время пришлось крепко поработать, испытание на комбата выдержал с честью. 1 мая был награждён медалью "За отвагу". Надеюсь, что в последующих боях принесу ещё больше пользы Родине в борьбе против немецких захватчиков. Несколько раз видел Воронина Леонида. Он тоже старший лейтенант, адъютант генерала. Получил письмо от Василия, он всё ещё учится. Получали ли справку, переводы? Аттестат я выслал. С начала мая будете получать по нему.

... 5 августа 1943 года. Здравствуй, родная! Ты пишешь, что боишься за свои письма, что они получают все на один лад, поэтому доверяешь писать Виктории. А я, наоборот, люблю твои письма за их простоту, мне кажется, что ты со мной сидишь рядом и говоришь. Виктория хочет казаться взрослой и пытается писать "умные" письма, составляет надуманные предложения, а мне бы хотелось, чтобы попроще, натуральнее писала, а эрзац-мысли оставила бы для обсуждения, когда вернусь домой. Только ты, мама, не говори ей об этом, а то будет ходить надутая и совсем перестанет писать. Живу хорошо, порой даже кажется, что не на фронте, а у бабушки в тайге. Всё так же, только сопки острых нет, да и лес помельче.

... 15 августа 1943 года. Здравствуй, Виктория! Ты письмом меня сильно напугала. Неужели мама написала командиру полка снова? Да он меня съест. Мы в июне-июле наступали, и было не до писем. Сообщаю, что скоро получу "Красную Звезду". Видишь, я от тебя не отстаю, воюю, кажется, неплохо.

Обо мне не беспокойтесь. Я уже столько разных испытаний и опасностей прошёл, что думаю – других и выдумать невозможно, и цел. Надеюсь, и в дальнейшем будет так же. Сегодня видел Л. Воронина, он на той же должности, но хочет попасть куда-нибудь в часть.

...1 сентября 1943 года. Здравствуй, Вика! Спасибо маме, что она запросила обо мне у меня же, а то бы мне крепко досталось. Хороши ли места, в которых я нахожусь? Все леса избиты бомбами да снарядами, всё в траншеях и окопах, деревни вокруг все немец пожёг. Красоты осталось мало, но жить можно, терпимо. После войны сюда жить ехать не советую – у нас гораздо лучше. Можно съездить лишь на экскурсию, посмотреть на места, где проходили бои. Можешь меня поздравить – недавно приняли из кандидатов в члены ВКП(б) и награждён орденом “Красная Звезда”. В остальном всё постарому. Маме скажи, чтобы так зря больше не волновалась.

...20 сентября 1943 года. Здравствуй, мама! Заметь, как добросовестно я тебе пишу. Хотя мы и наступаем, я использую свободную минуту для письма. А ты это не ценишь. Мама, я верил в наши силы, в нашу победу всегда, но такого, чтобы наступать от Таганрога до Рославля, представить себе не мог. Несколько дней уже еле поспеваем за пехотой. Правда, этому мешают переправы. За эти дни я превратился в какого-то дорожного мастера. Война научила меня всему помаленьку: пищу готовить, жильё строить, дороги ремонтировать и многой разной мелочи. Настроение прекрасное. Вступили на территорию Белоруссии.

...16 октября 1943 года. Повинуясь твоему, мамаша, приказанию, сообщая, где нахожусь. Я был участником освобождения г. Кричева, наш полк получил наименование Кричевский. От Павлика давно нет известий. Сделал попытку найти его через Москву. Мама, меня интересует, можно ли достать хромовые сапоги и сколько они будут стоить?

...4 ноября 1943 года. Здравствуй, сестрёнка! Большое спасибо за подворотнички. Неплохо и в дальнейшем продолжать в этом же духе. От носовых платков и воротничков я никогда не откажусь. Жизнь у меня однообразная – войкой да войкой. Разленился я в армии здорово, разъелся и вообще испортился. Приеду домой, не рады будете иметь такого родственника. Профессия у меня такая – только бить да ломать. Её я, кажется, освоил неплохо, чем больше разрушу, тем больше радости. Боюсь, что привычка разрушать останется у меня навсегда. Адрес Павлика получил, написал ему, но ответа пока нет.

...11 декабря 1943 года. Мама, я очень прошу передать дяде Володе, что написал ему несколько писем, но ни на одно ответа не получил. Спроси, есть ли у него совесть. Посылку не получил, и нет надежд на неё – могли отправить в другую часть. В жизни и службе всё благополучно. Пока большего не желаю, кроме скорейшего окончания войны, а там будет видно. Будем надеяться на счастливый исход в моей жизни. Какая у вас зима? Здесь всюду грязь.

...20 декабря 1943 года. Вика, прошу тебя, если только это можно провернуть, чтобы ты снабжала меня художественной литературой. По-моему, бандеролью можно будет присылать. Не откажусь и от художественных журналов. Шли Пушкина, Чехова, Гоголя, Горького, Зощенко, Шолохова, Островского и др. Какие будут книги, те и шли, хоть каждый день. Если нужны на это деньги, вышлю.

...6 января 1944 года. Не терпится узнать, чем порадовал вас Новый год. Для меня всё началось благополучно. Наступаем. Присвоили очередное звание – капитан. Для двадцати лет вполне достаточно, даже, пожалуй, сверхдостаточно. Все мои желания исполнились так быстро, что на 44-й год ничего не осталось, кроме сильного желания окончить войну. Постараюсь приложить все силы для этого. Уже 15 дней ни от кого нет писем. Тут какая-то загадка: чем больше пишу, тем меньше получаю. Наверное, чтобы больше получать, не надо отвечать на письма. Только нет охоты подвергать себя опасности получить внеплановую нахлобучку от командира части. В остальном всё хорошо. У нас

ещё не было настоящих холодов. Валенки не надевал и шубу тоже. Виктории советую писать побольше о жизни школы и передавать учителям от меня каждый день привет, а то посчитают, что воспитанник их забыл.

...20 января 1944 года. Меня удивляет, мама, что считаешь меня скрытым. Обманывать не собираюсь. В самом деле живу хорошо. На войне тоже можно комфортабельно устроиться, конечно, относительно: на фронте привыкаешь довольствоваться малым. Ну, а о мокрых валенках, бессонной ночи и других мелочах, повсеместно сопровождающих нас, по-моему, нечего и писать, неинтересно тебе и мне. Пожелания твои Лёне Воронину могу передать лишь письмом. Вот уже месяца четыре с ним не встречался. Он сейчас командует противотанковой батареей. На этот счёт я, кажется, всех друзей переощеголял: у меня потяжелее орудия. Живу, мама, хорошо, правда, не как на даче, но всё же в тепле, свете, даже сплю без сапог, что не всегда себе разрешаю. Батарея на Новый год стала передовой в части, что, правда, не мешает мне получать нахлобучки и даже “сутки” от ком. части, но без этого, как ни стараюсь, никак обойтись не могу. Вот и всё, что я мог тебе написать, ничего не скрыл, вернее, ничего не наврал, хотя не обо всём написал. Я имею большую обиду на цензуру, никак не дают написать что-либо серьёзное. Получишь другой раз письмо от друга, а там и читать нечего. Вместо писем какие-то мозаичные листки получаешь. Как успехи у Виктории? Признаться, она мне нос утёрла, несколько лет учится отлично. Я, пожалуй, восторжествовал бы, если бы она получила хоть один “пос”*, всё же на меня будет похожа.

...7 февраля 1944 года. Здравствуй, Виктория! Спасибо за песню, за труды, но... у меня уже нет интереса к плаксивым словам. Сейчас увлекаюсь книгами (по возможности) и немилосердно терзаю баян, даже сам сочиняю. Правда, написал всего один фокстрот, послал его на оценку Б. Авдееву, известному музыканту. Боюсь, что на этом моя композиторская деятельность и закончится. Завожу дружбу с хозяйственной частью, чтобы с её помощью перешить гимнастёрку на китель и шить в шаровары неполюженный красный кант. Видишь, какими серьёзными делами я занимаюсь, а ты ко мне с лирическими, да ещё плаксивыми песенками лезешь. Так что в другой раз присылай пободрее, а в основном упор бери на художественную литературу – посылай книги бандеролью.

...15 февраля 1944 года. Вика, маме я побоялся сегодня писать, боюсь, как бы она опять не сделала из моего письма какого-либо вывода, не соответствующего действительности, и обязательно не в мою и не в свою пользу. В прошлый раз написал ей: “...заболело внутри – тянет слишком домой”. Получаю в ответ вопрос – опасно ли я болен, скоро ли поправлюсь. Передай маме, что “проболел” всего два дня, теперь, слава Богу, вылечился – домой так не тянет. Но всё же при воспоминании о вас иногда опять проступают признаки “болезни”. И, пожалуй, совсем вылечить мне не удастся. Дуся пишет, что мама у нас замечательная, а я бы этого не сказал. Не знаю, как ты, но я с ней жил довольно-таки плохо: колотить тебя не разрешала, запрещала курить, поздно приходило домой (правда, здесь я отвоевал себе некоторую самостоятельность, когда попал в духовой оркестр железнодорожного клуба), заставляла мыть пол и посуду и делать другую “бабью” работу, а какой скандал поднимала, если я приносил к концу четверти два-три “поса”, выливая сколько слёз! Нет, для меня мамаша ничего хорошего не представляет, и я рад, что не принято мамаш на фронт пускать, а то бы тут, на меня глядя, она с ума каждый день сходила. Пусть мамаш сидят в тылу и представляют нас, их защитников, вечно стреляющими, потными, грязными, кричащими нечеловеческим голосом “ура!”, героями всех фронтов и боёв, серьёзными и значительными во всех делах и поступках, пусть представляют нас такими, какими хотят видеть. Этого им запретить нельзя. Одного бы я хотел, чтобы не выказывали своих женских слабостей и не писали бы таких душераздирающих писем, от которых можно лишиться сна и аппетита. Интересно, как ты с мамашей живёшь? В моей жизни пока всё без перемен. От нечего делать сижу и выдумываю разную чепуху, чтобы не остаться у тебя в долгу.

* Школьная оценка “посредственно”.

...21 февраля 1944 года. Отвечаю на ваши вопросы. Отпуска получаем. Я в 43-м ездил в Москву. Надеюсь, и в 44-м там побывать. Но отпуска короткие, а чтобы у вас побывать, надо суток 40-50. А на такое время меня никто не отпустит. Как же мне не помнить Дегтяря, если он однажды выгнал меня из музыкального кружка за то, что я не поехал с джазом в Благовещенск? За его скаредность мы устроили ему что-то вроде забастовки и не играли на танцплощадке целых полмесяца. Свободные часы стали скучноватей – опять забрали у меня баян. Книг непрочитанных тоже нет, а Вика новых присылать не собирается. К баяну пристрастился здорово, решил заводить свой, уже отложил на книжку 300 рублей. Я очень плохой эконом. Как будто деньги и девать-то некуда, а скопить не получается. А ведь мог уже не на один баян собрать. “Вырасту”, научусь и этой премудрости. Любящий вас Лев.

...5 апреля 1944 года. Начало апреля, а у нас настоящая зима разыгралась: снег, мороз и ветер, дороги все перемело, еле ноги таскаю. Вот только когда оправдало себя зимнее обмундирование. Хоть настоящую зиму почувствовали. Настроение хорошее, жизнь пока улыбается. Остались ли ноты для баяна? Если есть, то вышлите в конвертах по листу, по два вальс “Прекрасный розмарин”, “Радость любви” Крейслера, “Турецкий марш” Шуберта, “Чардаш” Монти и что-либо из танцевальной музыки. Конечно, не всё сразу, но как можно побыстрей. Выслал 1000 рублей. При первой возможности вышлю ещё.

...9 апреля 1944 года. Мама, Виктории уже шестнадцать с половиной лет, она уже девушка, и надо меньше мешать ей жить. Кино и танцплощадка в определенном возрасте составляют важную часть жизни не только для девушек. Была бы она мальчишкой, я посоветовал бы ей ходить вечно с синяками, целыми днями сидеть в речке, крутиться на турнике, ходить на охоту и т. д. Это, конечно, в “личное время”, как у нас говорят. Трудно в такое время удовлетворить все её желания, а хотелось бы, чтобы хоть она пожила у нас без забот, чтобы от юности у ней осталось самое светлое, самое радостное воспоминание. Может, мы успеем что-либо для неё сделать, ведь конец войне не за горами.

...29 апреля 1944 года. Сижу в блиндаже на высотке, пришиваю пуговицу. Твоя, мама, наука пригодилась. Вспоминаю твои уроки и то, как отец тоже что-нибудь пришивал или зашивал. Интересно, какие доводы ты ему приводила? Мне же говорила, что не век с мамой жить будешь. А ему? В данной местности, где нахожусь, болот много, а грязи даже на возвышенных местах полно. Обитаю на горке, а в блиндаже – вода. Сразу поправляюсь – немного воды, не уточни – будешь, мама, опять беспокоиться, как бы я насморк не схватил.

...9 июня 1944 года. Боюсь, что у вас полупаника, так как я почти месяц ничего не пишу. Был в доме отдыха под Москвой. Домой меня не пустили – поезжай в Подмосковье, в случае надобности чтоб мог вернуться. Отдохнул замечательно, всю Москву избегал, даже заблудился один раз. Но большую часть времени находился в доме отдыха, загорал, купался, играл в бильярд, а вечером ходил на танцы. К танцам у меня большой охоты нет, но неудобно просто было: все танцуют, а я сижу. Набрался нахальства и стал учиться танцевать. У меня страдали лишь сапоги, а некоторые партнёры и партнёрши чуть было не лишились ног (вес-то во мне порядочный). Азы танцев усвоил, надеюсь, что через полгода всё забуду. Настроение, здоровье, дела по службе – всё прекрасно. Ни на что не жалуясь, ни на что не претендую. Кто как, а я даже в таких условиях рад жизни. Хорошо быть молодым, здоровым, иметь уйму радужных надежд на будущее. Открылся второй фронт. Дела пойдут, пожалуй, вдвое быстрее.

...4 июля 1944 года. Мамаше и сестрёнке привет от неблагодарного, неаккуратного родственника! Вины моей в молчании нет, опять начались жаркие делишки. Я как-то писал вам, что у нас день на день похож, но это в обороне. А в наступлении отличаются они порой сильно. Прошлом лето я участвовал в порядочных боях, но в этот год они ещё более сильные. Во взятии Могилёва есть частица моего труда и пота. Пленных ведут сотнями, их ещё и после нас

вылавливают в лесах. Хорошее настало время. Пленные фрицы с перепугу говорят, что война окончится через десять дней. Посмотрели бы вы, как я с дружкой осваивал трофейную легковую машину! В Могилёве под огнём достали её, закатали за дом, а завести не можем — шофера-то у нас липовые. Пришлось пользоваться услугами пленных. “Усвоив” все правила и приёмы, поехали на командный пункт. За два дня тренировки мы до того напрактиковались, что у машины не стало работать сцепление, действовала только одна скорость, а для того, чтобы завёлся мотор, мы с помощью товарищей толкали её и на ходу заскакивали в кабину. Много мы наполучали насмешек, но продолжали ездить, подобрав хорошую команду толкачей.

...9 июля 1944 года. Не имею времени много писать. Идут великие дела, если выразиться громко. Наступаем. Письмо пишу в Минске. У меня всё в порядке. Раздолбал фрицкам батарею и пехоту и погонял малость. Вчера пришлось взяться за винтовки — фрицы подошли вплотную, хотели окружить. Нашлёпали им, а 22 взяли в плен.

...11 июля 1944 года. Не помню, отсылал ли я вам на этих днях письмо. Столько дел сейчас, что трудно всё запомнить. Три недели, как наступаем и успешно. Убитых и пленных немцев очень много, я ещё не видел их такое количество. За этот период я успел немного отличиться и предоставлен к награждению орденом “Отечественная война” 2 степени. Вчера проводил дружка в госпиталь. Крепкий парнишка: ранен в грудь навывлет, не ложился, ходил всё время, даже шутить пробовал. Влетел на той самой машине к немцам, сумел отбиться, даже пленных захватил. У меня пока всё в порядке, тоже разок попал в трудное положение, отделался благополучно, сдал экзамен на пехотного командира. Мне кажется, войне скоро конец, в 45-м ждите на побывку.

...20 июля 1944 года. Продолжаем наступать. Нахожусь в Западной Белоруссии. Посёлки здесь очень хороши, на красивых местах, чистенькие, в садах красивые постройки. Деревни от наших почти не отличаются, только садов больше. Но на Украине (село возле г. Куйбышевка-Восточная) тоже их хватает. Получил письмо от Павлика из г. Александрии. Пишет, что живёт хорошо, работает командиром роты.

...2 августа 1944 года. Добрый день, дорогая мамаша! Последнее письмо твоё меня очень удивило: кажется, ты и сейчас не прочь спустить мне штаны и выпороть. Да будет вам известно, что период таких воздействий давно прошёл (к вашему, несомненно, огорчению). Впредь творить что-либо подобное над собой никогда не позволю. Словами можно меня поносить, как угодно, словом меня не проймёшь. Кроме того, рукоприкладство в армии запрещено. Если бы не война, давно бы отказался от таких родственников, потому что пользы мне от вас никакой, только лишние хлопоты. Вот только некогда проверить это дело... Дальше писать в таком же тоне не хватает ни умения, ни искренности. У меня, мама, всё по-старому, если не считать то, что стал тебе чаще писать. Нахожусь на Втором Белорусском. Дело доходит до Германии (от Восточной Пруссии в 15 км). Сейчас временное затишье. Через несколько часов будем форсировать речку, неминуемо придётся покупаться. Это физически неприятно, но мало меня беспокоит, привык давно к подобному рода купаниям и другим вещам, что намного похуже. Пора заканчивать письмо. Темнеет. Погода здесь исключительная, не слишком жаркая и в достаточной степени сухая. Засушливые дни вам, связанным с огородами, может, и не по нутру, но я дождливую погоду отвергаю (правда, тучки в жаркий полдень, но без дождя — дело неплохое). С приветом, Лев.

* * *

Это было последнее письмо Льва. Спустя несколько дней наблюдательный пункт его был расстрелян прямой наводкой из нескольких “пантер”, атаковавших наши позиции.

В марте 1945 года матери Льва прислал письмо его школьный друг Павел Номоконов. “Добрый день, многоуважаемая и дорогая Ефросинья Григорьевна

и Вика! Сегодня я в пятый раз вернулся из госпиталя в свою часть. Мои товарищи по фронту накопили и сберегли целую кучу писем, и вот сегодня я целый день пишу ответы. Из письма мамы узнал страшную весть, и слёзы навернулись мне на глаза единственный раз за всё время войны. Что было мне делать? Я не хотел вам писать, чтобы не расстраивать вас лишний раз. Но я не мог не написать вам. Что я могу сказать? Единственное и самое сильное, чем я располагаю, – это жгучей ненавистью и жадной мести за своего любимого друга Лёву. Заклятые сволочи уже пять раз пытались убить меня, но это были только раны, от которых я выживал. И сейчас у меня ещё крепкое здоровье для того, чтобы отправить на тот свет не один десяток всеми проклятых немцев. А бью я их неплохо, судя по тому, что получил новую правительственную награду – орден “Красного Знамени”. Сейчас с ещё большей ненавистью буду уничтожать проклятых гадов везде, где только будет возможность. Возможно, Лёва ещё жив, ведь на войне всякое бывает. Моя мама тоже получала извещение о моей гибели в 42-м году, а я всё ещё жив. Так что сильно не расстраивайтесь, подождём до конца войны и тогда узнаем точно. Прошу извинить меня, если я вас расстроил. Жду от вас писем. Если нужна будет какая-то помощь, пишите мне. Жду от вас писем. С приветом. Целую, ваш Павел”.

Павел погиб, не дождавшись победы над врагом. Такая же участь постигла и Леонида Воронина. Из юношей, окончивших вместе со Львом десятый класс, осталось в живых два человека.

Письма Льва Жучкова хранятся у дочери Виктории Ольги Лихачёвой, проживающей в Новокузнецке. Подготовлены к публикации с её разрешения.

**Геннадий Кузнецов,
член Союза журналистов СССР**

СЕРГЕЙ КУЧИН

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ ГЛАЗАМИ РУССКИХ ЛИТЕРАТОРОВ

*... Духи лжи, готовя нашу гибель,
Сперва подобьем правды манят нас.
Чтоб уничтожить тяжестью
последствий.*

*Зло есть добро, добро есть зло,
Летим, вскочив на помело...*

Шекспир “Макбет”

1

Откуда “есть пошёл” этот самый вопрос о женской доле? В чём там вымысел? Что есть миф, а что — “истинная правда”?

Поделюсь одним из недавних наблюдений: во дворе дома за столиком детской площадки, присматривая за игрой детишек, попивают пиво и покуряют три особы бальзаковского возраста. Одна из них посвящает слушательниц в приёмы облапошивания мужей. (Они, конечно, не первые в осваивании такого процесса: и крестьянки, и дворянки, и купчихи иногда успешно осуществляли его). Надо полагать, некоторое время назад эти особы мечтали о замужестве, получили его, и теперь что-то в брачном союзе им не нравится. Развод их не устраивает, но надо же на ком-то отыграться за разочарования. На мужьях, конечно. Да за что же вы их так, бабоньки дорогие? За то, что Бог вас в чём-то обделил? Что ж, по такому поводу убиваться, что ли, искать виноватого? А у замеченных мною за пивком с сигаретками дам, кажется, такое намерение созревает, жалоб на своё неудачное замужество они могут выплеснуть море. И что получается: такие “проблемные” супружницы затмевают своими жалобами основную массу нормально живущих хозяек, самостоятельно решающих конфликты и терпеливо переносящих невзгоды.

Конечно, бывают семейные конфликты, которые жена самостоятельно не может разрешить, хотя она старается быть терпеливой даже в униженном состоянии, надеясь на молитву или на счастливый случай. Тогда обществу приходится вмешиваться в семейные дела и спасать жену. Но это другой разговор, не об этом я собираюсь писать.

А вот о чём.

Куда ни глянь, к чему ни прислушайся, всюду в потоке информации неизменно присутствует отражение переживаний и страданий, наполняющих

в избытке “женскую долю”. Все эти “страдания” — и в группе “умеющих жить”, и в группе живущих по закону и моральным нормам, — если коротко определить, сводятся к претензиям. Кто же им, далеко не “сырым и убогим”, теперь мешает, когда патриархальное давление с них снято (и следа-то его не сыщешь!), права полов уравниваются законами, а в формируемых теперь обычаях уже виден явный перекося в пользу женщин, и их общественное положение находится в их же руках? Нельзя сказать, что биосферная роль женщин (с учётом достижений медицины) более уязвима, чем мужская. Представляется, что “женский вопрос” навязывается обществу без объективной необходимости заострять на нём особое внимание.

Ведь, по большому счёту, “доля” на Земле у всех одна. Политические и экономические объединения ни для кого не закрыты. В профсоюз шахтёров на равных могут войти оба пола, но само собой понятно, что женщины в забой не опускаются, и в таком ограничении ничего унижающего их нет. В любые зарегистрированные минострем партии вступление никому не заказано — выполняй только параграфы Устава. Не заказано и положение в органах управления, — главное (это уже твоё личное дело), соответствуй требованиям начальников независимо от того, мужчина ты или женщина. И от природных, и от социальных факторов у всех зависимость одинаковая. А если кажется, что ущемляют твои права, — попробуй обратиться в суд. Федеральный или общественный, товарищеский. Такой суд представляет наше телевидение. Вот один такой случай и был вынесен им на экспертное обсуждение.

Молодая женщина, мать троих малолетних детей от разных мужей, служит древнейшей профессии с усердием, не оставляющим ей времени на выполнение самых простых родительских обязанностей. До того доходило, что ранним утром по пустынным улицам посёлка бредут её малютки в поисках добрых людей, и милицейский наряд вынужден устраивать их в больницу — накормить и обогреть при живой матери. (Такие брошенные дети напоминают нам “ужасы проклятого царизма” на картинах передвижников). За подобные упущения в воспитании грозит матери лишение родительских прав. Все зрители по обе стороны телеэкрана возмущаются поведением родительницы: “Лишить её!” Она сидит, молчит, смотрит замороженным взглядом. И тут какой-то доброхот, не поддерживающий жестокое решение общественности, призывает пожалеть несчастную женщину, так как сама она прожила своё детство сиротой. Но при моём искреннем сочувствии положению этой действительно несчастной женщины, у меня возникают вопросы: в какой степени её вину перед своими детьми можно оправдать её сиротством? как она сиротой стала? Почему в семнадцать лет она оказалась неподготовленной к возможному риску при самостоятельном общении с разными личностями в обществе, от которого, как открыл нам классик, “быть свободным нельзя”? Дальше — больше.

Внимательный читатель и слушатель из обывателей в курсе всех разговоров широчайшего спектра о беспардонном поведении представительниц прекрасного пола: от непонятого движения феминисток, — между прочим, они хотят иметь собственное мнение и убеждения (неужели не хватает?) — до подростковой беременности при кажущемся или явном затухании материнского инстинкта, на что указывают участвовавшие сообщения о брошенных, иногда жестоко, матерями младенцах. (Некоторые сообщения в голове не укладываются: мать продала новорожденного за модный телефон — во, какая продвинутая! Ещё дальше “продвинулась” другая мамаша, заявившая о желании улететь с командой исследователей на Марс. А детей кому оставит?) Телевидением напоказ выставляется бесстыдство, выворачивается подноготная артистической (семейной!) жизни (для подражания, что ли?). Это при воплощённой теперь давней мечте замученной патриархатом женщины о воле. Воля перед нами. И что на виду? А на виду сейчас, как и раньше, нравственность упирается в чувство меры. Ещё древние высказывали некоторые сомнения в наличии этого чувства у женщин. (Теперь мы должны уточнить, — не ко всем это замечание относится.) Кажется, Марк Порций Катон Старший, римский консул (избави Бог, какой домостроевец!) ещё в 195 году до новой эры вопрошал, можно ли, дав волю женщинам, надеяться, что они сами положат предел своей вольности? Неужели у него были основания так полагать?

Не отягощаю больше своё вступление ссылками на упоминание женских проблем в СМИ, на форумах и элитарно-научных конференциях.

Не готов высказывать мнение о разрешимости “женского вопроса”. Ограничусь малым: посмотрю, что типического находят “инженеры человеческих душ” в общем потоке событий, происходящих с борющимися за улучшение своей “доли” женщинами.

Попробую обнаружить итог многолетней борьбы за свободу, равенство и процветание “слабого” пола, отразившийся в случайно выбранных мною художественных произведениях авторов – наших современников. (За поступающую читателям продукцию с явно психиатрическими сюжетами я не берусь; чтобы анализировать эту писанину, нужны специальные знания, мне не доступные). Заодно вспомню творчество И. С. Тургенева, одарившего историю (не только литературы) особенными “тургеневскими барышнями”, теми самыми, что, на взгляд Н. Гумилёва, “надменны, нежны и чисты”.

Предварительно приведу мнения известных в истории России людей о серьёзности и важности роли литературы в социальном процессе. Ещё в позапрошлом веке “одарённый дилетант” (по определению литературной энциклопедии) Василий Петрович Боткин высказал мнение, что на литературу у нас начали смотреть “как на самый могущественный проводник в общество идей образованности, просвещения, благородных чувств и понятий”. А Афанасий Афанасьевич Фет в одном из писем 1879 года указывает конкретный пример влияния литературы на общество: “Когда Шиллер написал своих “Разбойников” – студенты ушли в Богемские горы на разбой. И чем выше голос говорящего, тем ужасней последствия недоразумения его речей”. Комментариями послужат следующие заметки.

А теперь – к теме.

С какими же героинями выбранные мною авторы знакомят нас?

2

В рассказе “Всё нормально” Романа Сенчина мы встречаемся (пишу мы, так как у Сенчина много читателей, а не один я) с женщиной лет тридцати семи, кандидатом исторических наук, приехавшей из какой-то южной области на конференцию в провинциальный педагогический университет чернозёмного региона и встретившей там доктора исторических наук москвича Чеснова. Обсуждению темы собрания учёных историков (“Крестьянство – опора государства Российского”) автор значения не придавал; так, несколькими мало значащими строчками упомянул только, да и понятно, почему: конференции такие проводились, по существу, ради того, что “происходит по вечерам за банкетным столом”. И основному герою рассказа Чеснову, “профессиональному участнику всевозможных научных собраний”, за банкетом и после банкета “ведь действительно нужно с кем-то сойтись, чтобы эти три дня не были совсем уж пресными” (здоровый мужской взгляд, ничего не попишешь!). Его единственное “историческое” высказывание (открытие?), относящееся к теме их собрания, автор приводит при описании постельных действий: “Крестьяне не знали презервативов, вот и плодились... и Россию кормили”, – заявил Чеснов партнёру.

Итак, она звалась Ларисой. Сидя за банкетным столом после первого “трудового” дня, посвящённого обсуждению крестьянских забот, она подумала, что не плохо бы сблизиться с этим обаятельным доктором исторических наук. А Чеснов ещё в зале обратил внимание на симпатичную, “налитую здоровой полнотой” коллегу с несколько тяжеловатым задом, неудачно упакованным в шорты. Они переглянулись, перебросились короткими фразами и вскоре лежали рядом на двупальной кровати мужского номера гостиницы. Выпили, закусили, он влез. Слез, плеснул себе в стакан: “Тебе налить? – Чуть-чуть”. Выпил, смотрел в потолок, влез, слез, плеснул опять. Лежали рядом. Говорили о детях. Она поведала о разводе с мужем и вынужденном житье в общей квартире с ним: бывший муж с сыном в одной комнате, она с дочкой в другой. Лариса в быту пьёт предохранительные таблетки, надо понимать – на всякий случай. Иногда бывает и с мужем близость. Мужчин, призналась она, у неё после развода было меньше, чем хотелось бы.

Об интеллекте её и эрудиции по тексту рассказа трудно судить. Мы узнаём, что “Архипелаг ГУЛаг” оставил в душе Ларисы глубокий след. При этом свой взгляд на прочитанное она выразила пессимистично: “Большой разницы между знающим и незнающим нет. Повседневность всё застилает, вытравливает

все знания”. К такому выводу Лариса приходит на основе наблюдений за коллегами или на основе собственного жизненного опыта? Может быть, она жалеет своё время, затраченное на образование? Лучше бы было ей научиться какому-то полезному умению? Понять из повествования Сенчина, почему так решила женщина, трудно...

Обратим внимание только на поведение и слова Ларисы. Выпив “на посошок”, она глянула “ему ниже живота”, но он отказался, сославшись на усталость. Она, видимо, не собиралась уходить из его номера, а он пренебрёг ею! В конце второго “рабочего” дня за ужином в ресторане Лариса посылала призывные взгляды Чеснову, всё-таки ожидая продолжения близких отношений, а он не реагировал. Тогда ей пришлось сдаться на приставания писателя-почвенника, тоже участника конференции. Обидно! Так вот понадеялась женщина на верное плечо случайного встречного, а он, попользовавшись её слабостью только разок, взял и отвернулся. Нехорошие мужчины, ненадёжные!

В итоге за время конференции Лариса получила некоторую порцию семейни для здоровья. И то хорошо, не впустую съездила!

Это действительно всё, что автор сказал о женщине в одном эпизоде своего произведения. Сказал о её разводе с мужем из-за того, что надоели друг другу, – вот невидаль-то! А ради чего было предпринимать развод, если жить раздельно негде, если мужчина ей всё-таки нужен? И каково детям Ларисы при избранной ею самой “женской доле”? Какой пресс испытывает героиня рассказа? Что давит её? Недостаточно успешный поиск партнёра? Разочарование в знаниях, ею полученных? Чем же ей помочь? Обернуться, внимательно рассмотреть путь освобождения от гнёта и найти развилку, на которой общество свернуло на неверный путь? И пойти другим путём? Можно продолжать задавать вопросы. Однако автор решил обойтись только минимумом штрихов в обрисовке характера незначительной, надо понимать, для него персоны. Значит, так, не углубляясь в причинно-следственные связи, и мы должны воспринимать его картину.

3

Если у Сенчина женский образ играет вспомогательную роль (нужно же Чеснову с кем-то “переспать”), и эпизодик с участием героини оставляет читателя в неведении многих сторон формирования личности Ларисы, то у Юрия Буйды в повести “Нора Крамер” женщина – главное лицо, и всё повествование полностью посвящено ей. Читателям представлен российский вариант Золушки в период становления “нового строя”.

Элеоноре Ложкиной в детстве не нравилось её имя, так как его уже носила американская актриса Дузе, а делиться наша Золушка не любила. И вот эту внешне нескладную девчонку “фея” по имени Буйда “вывела” на вершину московской театральной славы. “В будущем своём величии она никогда не сомневалась”, пишет автор о своей героине. Обратим внимание: *никогда* – то есть и тогда, когда посещала все детские кружки от самбо до драматического. О каком величии она тогда, до открытия своего призвания к театру в выпускном классе, мечтала? Автор раскрывать этих сдвигов в сознании героини не пожелал.

Жила наша Золушка в провинциальном городке. Мать – продавщица продуктового магазина, имевшая навар с отпуска товаров в долг. Нажитья на этом она не сумела, наварить на “наваре” не смогла, и дочери даже начальный капитал не обеспечила. (Невероятно! Известные мне по жизни, а не по беллетристике некоторые продавщицы, реализовав те ещё накопления в наше время, обеспечили себя неплохим жильём и дочерей устроили на хорошую чистую работу. А те труженицы прилавков, у которых накоплений оказались меньше, чем у счастливиц, близких к ранее дефицитным товарам, без особых сложностей доживают свои дни достаточно материально обеспеченными).

Лена поняла своё призвание трагической актрисы после того, как в драмкружке продумала и прочувствовала стихотворение Ф. И. Тютчева “Вот бреду я вдоль большой дороги...”

“Она всегда умела добиваться своего”, – утверждает автор. Сама?

После школы в медицинское училище поступить не смогла, устроилась продавщицей москательных товаров и вышла замуж за только что демобилизованного соседского парня, родила сына, умершего в трёхмесячном возрасте,

а вскоре оказалась свидетельницей самоубийства мужа в присутствии своей матери и её сожителя. Почему молодые у тёщи жили, хотя рядом дом родителей мужа?

Девятнадцатилетней искательницей счастья в 1991 году Элеонора подалась в Москву поступать в театральное училище, но сроки приёма документов к тому времени уже прошли. И путь на сцену начался с различных работ.

Это было в те самые времена, когда “элита” бесшабашно тратилась на развлечения, а в приземлённом пространстве всё чаще встречались на улицах спивающиеся русские женщины и почти перестали встречаться беременные. Безработные отцы семейств собирали пустую посуду и металлолом, их сыновей накрывал психоз от личной неустроенности, а их дочери, уже не особенно стесняясь, подрабатывали и на жизнь, и на смерть своими телами. Гражданский мир раздваивался, растрескивался и вдоль, и поперёк, и горизонтально, и вертикально. И границы возникали между образующимися мирами, и всё глубже становилась между ними пропасть, и всё больше оказывалось вокруг чужого.

Путь Элеоноры в этом мире красиво выписан “феей-конструктором”.

Удачно встретила приехавшая за московской славой провинциалка приютившего её – безденежную – старичка-киоскёра. Работала уборщицей в метро. Находила время для посещения театров и кино. Читала Кафку. Через подругу своего доброго старичка устроилась домработницей к отставной актрисе Сухановой, которая упростила серьёзных знакомых помочь провинциалке поступить в театральное училище. После смерти Сухановой, живя в студенческом общежитии, попала провинциалка на глаза хозяйке стрип-клуба Лизе Феникс и сразу успешно выступила на сцене. Где и когда Ленка научилась стриптизу? Ведь на приёмном показе в клубе всё делала так, что “у неё чуть подошвы не задымились”, за что вся обслуга увеселительного заведения аплодировала ей и смеялась! Ну, прямо киношный сон!

“Она тогда жила весёлой и страшной жизнью, как в горячем сне: утром занятия... вечером она становилась Бешеной Элли: шест, боль, яркие огни, столонные купюры в трусиках... рассып таблеток на ковре, секс с человеком, который утром даже не спрашивал, как её зовут”. Мужчин становилось всё больше; Лизе, хозяйке своей, в ласках она тоже не отказывала. И волшебник Юрий Буйда подводит Ленке делового принца, оказавшегося потомком крымских немцев, – Генриха Крамера. Новый серьёзный знакомый увозит её в Италию (за какие заслуги – читатель пофантазирует сам), там делает предложение руки и сердца, свадьбу справляет в Большом Кремлёвском дворце. На свадьбе тысячи гостей, всех не перечест: журналисты, политики, звёзды шоу-бизнеса, отставные шпионы, бывшие политзаключённые, бандиты, новые князья и графы – дети палачей НКВД, спортсмены, актёры, епископы... “и каждый второй министр, диссидент и модный философ разгуливал под ручку с патентованной шлюхой”. Потом для друзей жениха-бизнесмена, не въездных в Россию, устроили торжество бракосочетания во Франции, в Гранд Опера...

У счастливой пары родилась дочка, к несчастью, с физическим недостатком, и на том этапе волшебник-автор избавляет Нору от мужа (почему-то застреленного в очереди у “Макдональдса”, – это после свадьбы в Гранд Опера! Но... неисповедимы пути фантаста), оставляя ей приличную часть богатств погибшего супруга.

Нора Крамер уже была известной актрисой, когда Лиза Феникс познакомилась с Донатасом (Доном) Таркасом, известнейшим режиссёром, “весёлым раздолбаем, пьяницей, бабником” и амфетаминщиком. С той встречи Нора стала жить с режиссёром и готовить постановку “Макбета”. В день премьеры того спектакля Дона застрелил влюблённый в него околоактёрский мальчик из ревности к Норе. Премьера прошла триумфально, а Нора от переживаний за Дона после представления потеряла сознание. Очнувшись она через два месяца на груди волосатого художника, обладавшего большим “достоинством”, Кропоткина, тоже человека небедного, – отправилась встречать с ним Новый год в Париж, и три месяца прожила во Франции.

Так вот девочки из захолустья делают свою жизнь сами (или всё же с помощью “феи”?) в возрасте сорока с лишним лет эта психопатическая особа выделяется на сцене, и Буйда пытается разжечь в нас эстетическое наслаждение: “Никогда ещё она так не танцевала, никогда ещё не чувствовала

себя такой свободной, лёгкой, безумной, прекрасной, великолепной! Она взлетала по шести, вращаясь, изгибаясь и хохоча, и зал кричал от восторга и аплодировал стоя”.

С Кропоткиным они прожили шесть лет, пока не повесилась забеременевшая от него дочь Нора, то есть его падчерица. (Богема, что тут скажешь! Жизнь художественная...)

В этот момент автор удаляет Кропоткина с глаз читателя (потом окажется, что того забрала на улице “скорая”), чтобы в таком трагическом стечении обстоятельств выявить сущность Нору. Подозревая, что совратитель и изменщик подлый скрывается от объяснений, в великом гневе она настойчиво предлагает своему тогдашнему, вроде бы постоянному любовнику, журналисту Бессонову, расправиться с мужем, убить его каким-либо образом, уничтожить, отрубить голову. Так аукнулась в ней по-настоящему леди Макбет. “Фея” расправы не допустила (не допустил, точнее), совратитель дочери обнаружился в больнице, Нора приступила к исполнению роли внимательной жены. А после премьеры “Генерала Арестова” (переделка “Агамемнона” Эсхила) Бессонов застрелил-таки выздоравливающего Кропоткина. И Нора Крамер замолчала. Прошли перед ней вереницей полицейские, врачи, друзья и подружки... Она “молчала молчанием рыбы, молчанием куста”.

Автор утверждает, что Нора “освоила великое искусство молчания”. Искусство молчать параллельно бурному, беспощадному прожиганию жизни – это что-то запредельно философское. “Искусством молчания” по преданиям владели только отшельники. Отшельничеством здесь не пахнет, а видим мы почти на каждой странице безудержное совокупление.

Театрально заканчивается повесть. Всё бегом, бегом, бегом – чтобы к финалу замолчать после убийства мужа любовником. К чему спешить-то было? К высокому интеллекту?

Интеллект в повести исчерпывается броскими сентенциями и афоризмами. Правда, не сама Ленка-Элеонора-Нора – это её окружение умничают. Насколько ярко – судить читателю. Пожалуй, самые откровенные и глубокие афоризмы произносит работницы стрип-клуба: “Любовь любовью, а толстые сиськи всегда сверху”, “У каждой красавицы есть дырка в заднице”. От Сухановой Элеонора слышит драгоценное умозаключение: “Пессимизм, скептицизм и нигилизм продаются на каждом углу, а трагизм надо выстрадать”; от Дона – “Трагедия сейчас никому не нужна, потому что и в России, и в мире все больны, все слабы, а трагедии нужны только сильным и здоровым людям”. Подразумевал режиссёр, вероятно, таких зрителей, которые смотрели “Макбета” в его постановке на Эдинбургском фестивале, в которой “двадцать пять голых актёров с ножами и дубинками в руках, сбившись в тесную толпу, пятнадцать минут молча били и резали друг дружку, а в финале из горы трупов выбирается Малькольм, весь окровавленный, и говорит: “Мы времени чрезмерно не потратим на то, чтобы со всеми рассчитаться за их любовь...” Актуально для сильных и здоровых людей! Надо понимать, от Дона же Нора слышит мнение о шекспировских героях и записывает в тетрадь: “Все живут здесь и сейчас, не задумываясь об оправдании, не оглядываясь ни на людей, ни на Бога... ни совести, ни чувства вины, ни любви, ни сострадания – ничего того, что сегодня считается человеческим...”

Особый взгляд на связь литературы с жизнью Буйда провозглашает устами заведующего литературной частью театра Полонского, просвещавшего Нору: “Искусство романа сродни искусству семейной жизни. У этого искусства есть название – “искусство болтовни”. Надо ведь заполнить чем-то все эти страницы и все эти годы, причём так, чтобы это не убивало ни книгу, ни брак... Искусство болтовни – это высокое искусство, это известь, которая скрепляет людей не хуже водки и секса...” (Кажется, автор владеет таким искусством в совершенстве! Не без оснований, наверно, специалисты называют его “современным Чеховым”. Но мы ведём разговор о женских типах, так что восторги по поводу авторского мастерства оставим филологам).

На первой странице своей повести Ю. Буйда чётко и ясно перечислил все умения героини – “безгрудой кривоногой стервы с непристойным ртом и мятежным взглядом”. Она физически натренированная (ходила на руках), терпеливая (пила спирт, не закусывая, прятала деньги в заднице), “из ничего делала модные шмотки”, запоминала большие тексты, овладела английским языком, могла пользоваться кастетом, повелевала и подчинялась,

была матерью, женой и любовницей. С такими умениями в разведку надо подавать, а не в театр! Поскольку не все эти утверждения убедительно представлены читателям, то так и хочется в список умений и навыков добавить способность полоскать горы белья в проруби, пахать, доить коров, косить и выпекать хлебы.

“Фея” по имени Буйда превращает Золушку в театральную принцессу, достигшую мира шамбертена и кортона, мира, в котором мелькали “пидорасы” и лауреаты, лесбиянки, сводницы и бисексуалы, знаменитые художники кисти и слова... Она стала известной актрисой, сыграла Федру и леди Макбет, Заречную и Маргариту Готье.

Наша Золушка разве об этом мечтала?

Так мы ведь не знаем, как рисовала она себе будущую свою актёрскую жизнь, и автор не рассказывает нам об этом, зато выбирает характерные моменты реальной актёрской жизни, в мерзость которой погрузилась театральная принцесса: “тайные беременности, неминуемые разводы, домашние склоки, болезненные пристрастия, любовные треугольники и сексуальные предпочтения”. Кроме репетиций и спектаклей, приходилось участвовать в странных “постановках” после театра, когда Дон “вёл всю актёрскую ватагу к себе... репетиции превращались в оргию в квартире, заваленной клочками бумаги, эскизами, разноцветным тряпьем, шпагами, латами, барабанами, знамёнами, пустыми бутылками, пластиковыми стаканчиками и женскими трусиками”. О Господи, тут и без перепоя от одного вида квартиры облевется можно!

И всего этого, по утверждению автора, героиня сумела добиться сама. Вот здесь я вынужден заявить: “Не верю!” Как не верю в некоторые её умения, перечисленные автором в самом начале повести, будто заполнял он на неё наградной лист. Это “фея” по имени Юрий Буда “превратила” “высокую, тощую, безгрудую, зубастую, с извилистыми ногами... яркими мятежными выразительными глазами” девчонку в “стерву с непристойным ртом и мятежным взглядом”, охочую до мужиков и привлекавшую их каким-то скрытым от читателя колдовством.

Придираться во мелочам унизительно и неблагодарно, но ведь иногда мелкие небрежности могут вызывать недоверие к основной (если такая есть) мысли автора.

Чем образ леди Макбет привлёк героиню Буйды? Почему провинциальная девчонка приняла близко к сердцу склонность к злу шекспировской героини? Смею предположить, ей оказались близкими утверждения леди, что, не замаравши рук, не возвыситься, что ради цели возвышения “пусть женщина умрёт во мне, пусть буду я лютою жестокостью полна”. Или Лену-Нору не оставляла мысль леди Макбет: “Завидней жертвою убийства пасть, чем покупать убийством жизнь и власть...”

Мне кажется, Ю. Буйда сочинил историю жизни героини с заданным финалом и подгонкой к нему подходящих эпизодов. Если так, то для чего подано нам произведение в таком виде? Чтобы показать отвратительную изнанку театра, чтобы не вводить девушек в искушение артистическим бытом?

И с дочерью-калейкой у Норы просто спектакль. “Они (мать и дочь) занимались лепкой будущей Ньюши – стройной красавицы, привлекательной девушки, секс-бомбы”. Тут “фея” Буйда взмахнул крылом, и доктор Шиц в Швейцарии исправил физические недостатки Ньюши. Она вернулась из-за границы с почти незаметной хромотой, светловолосая, высокая, полногрудая, с широкими бёдрами и правильными чертами лица. Снисходительно посмеивается, что ли, над нами автор, выдавая такой лубок? “Только бы в актрисы не подалась”, – говорит мать о Ньюше. Да, в театр актёру – как в забой идти, не дай Бог! Посмотрите, какие измученные они сидят на телепередачах под присмотром Швыдкого! Хочется клич бросить: давайте, люди добрые, скинемся по соточке на прокорм тем актёрам!

Боюсь ошибиться, но кажется мне, что авторская оценка всего того похабства, которое буйствует в повести, не слишком негативна. По мнению Буйды выходит, что если бы Нора (Лена-Элеонора) после стрип-клуба не обосновалась в мире шамбертена и кортона, сексуалов всех мастей, лауреатов, сводниц и знаменитейших художников, если бы не имела возможности сыграть свою свадьбу в Большом Кремлёвском дворце, где “каждый второй министр, диссидент и модный философ разгуливал под ручку с патентованной

шлюхой”; так вот – если бы она не пробилась в верхнюю тусовку, то вернулась бы в провинцию, “чтобы выращивать свиней”.

За что же так пренебрежительно относиться к свиаркам-то? Так и хочется призвать: “Постыдились бы!” Да кого призывать?.. Не грамматическая ошибка в художественном тексте страшна, страшно высокомерие, безгранично разрастающееся. Я знаком с многими выращивающими свиней людьми и заявляю ответственно, что их рассуждения, выводы, рассказы намного толковее вымученных баек, навязываемых нам бывшим культур-министром в передаче “Культурная революция”.

Если Лариса у Сенчина естественна, то Нора декоративна, и в целом путь её жизненный, сочинённый писателем, доверия не вызывает. Мелькнули спицы в руках кудесницы, и в результате ажурная безрукавочка получилась. И вот, чтобы Нора просто замолчала, её нужно было “протащить” через весь этот буйдовский лубок!

А итог я хочу подвести строчками Анны Присмановой:

*И полное лишь в сказке, знаю я,
Ждёт замарашку удовлетворение...*

4

В романе Татьяны Лестевой “Круговерть” (СПб, ООК “Аврора”, 2016) читатель встречается не с вершинами театральных шекспировских или чеховских страстей, а с сугубо земными страстями.

Нам представлены три главные героини-ленинградки Светлана, Евдокия и Калерия, и ещё более двух десятков названных и неназванных женщин. В окружении первой героини, Светланы, особое внимание привлекают её мать и невестки.

Мать – заслуженная учительница Ксения Васильевна – целеустремлённая женщина. Цель жизни её состоит в обслуживании обожаемого внука и помощи больному мужу. Похвальные стремления, да тяжёлый он человек. В общении такие упрямые особы, как Ксения Васильевна, неудобны, обо всем они имеют своё конкретное мнение и категорично его высказывают. Такого рода люди требуют от других беспрекословного подчинения и соответствия тем правилам жизни, какие сформировались у них в результате соответствующего воспитания. И они – упёртые – вырастают тираническими личностями. Такова и Ксения Васильевна. Она уверена в правоте своих требований и указаний; задержавшейся после работы дочери выговаривает: “Где ты шлялась? У тебя же ребёнок!” И ей же, после того, как сама спровоцировала уход Светы от мужа: “Ты почему замуж не выходишь?” Не выпускает зятя, идущего навестить мать, из его квартиры: “Не пущу! От сына уходишь! Не пущу!” Тяжелы такие женщины в роли тещ, ещё страшнее – в роли свекровей! Есть у них свои представления о долге – и проявляется этот долг у них весьма гипертрофированно. Так, внуку Юрочке, кумиру семьи, бабушка служила “верой и правдой, не оставляя ни минуты для себя”. Внуку ни в чём не отказывали: возили в Крым, покупали дорогие игрушки. Узкий круг гостей приходил к ним в дом только на дни рождения, а ребята к Юре домой вообще не заходили (ведь могут плохому научить!). “Бабушка заменяла собой всех – и мать, и друзей, а главное – отца”.

Неприятный она человек, и её “правильность” далека от добродетели. С дочерью Ксения Васильевна общается в приказном тоне, а к внуку применяет неподходящие к реальной жизни приёмы воспитания, поощряющие в нём лживость и иждивенчество. Она не подготовила дочь к жизни так, чтобы Светлана могла приспособиться к сложившимся условиям, мешала правильно формированию отношений матери к Юре. Ксения Васильевна разрушила семью дочери (чего ради?) и породила во внуке глубокую зависть к единокровному брату, имевшему постоянного, а не изредка навещавшего его отца.

Почему эта заслуженная учительница так вредна? В какой “неволе” она находится? В неволе от принятой на себя чужой роли...

Невестки Светланы (законные и незаконные) заставляют её часто нервничать. Первая в этом ряду Виолетта. При занятых служебными разъездами родителей, она воспитывалась бабушкой, надеявшейся вырастить из неё артистку. (Внимание: из Юрочки его бабушка стремилась слепить элитного мальчика,

из Виолы собирались сделать не обыкновенную женщину, а – артистку! С такими “необыкновенными” мы уже познакомились в “Норе Крамер”). Но девочка оказалась бесталанной: “не любила читать, не любила школу... любила только танцевать”. В пятнадцать лет на пустынном пляже Виола потеряла невинность с восемнадцатилетним учащимся ПТУ. Пришлось от этого первого и, возможно, единственного любимого человека сделать аборт. Потом ей удалось устроиться горничной на теплоход. Мужики вились вокруг неё, однако замуж не звали. Нужно было самой устраивать семейную жизнь – “выкупить” проигравшегося в казино Светиного сыночка Юру, ходившего на том же теплоходе помощником капитана. Светлана за него расплатиться не смогла, а Виола, по её собственному признанию, “перетраханная всем пароходом”, стала женой Юрочки и матерью Харитона, ненаглядного внука Светланы. К мужчинам Виола относилась бесстрастно, просто как к жизненной необходимости. После того случая, когда муж застал её в каюте с каким-то очередным самцом, пришлось семейную жизнь с Юрочкой закончить и искать покровителя. Чувство долга, даже необходимость простой благодарности людям у Виолетты заглушены, она стержневая, эгоистичная особа. Даже уклонилась от участия в организации похорон Светланы, завещавшей наследство внуку Харитону, сославшись на занятость: “Для меня каждый час – это деньги, Калерия Ивановна. Я вам потом все деньги отдам, когда получу похоронные”. Деньги, деньги! Кроме них у неё других интересов нет. Кто навязал ей такую “долю”?

Инстинкты, конечно, спасают женщину – своё нужно брать, иначе семья не будет. Но гипертрофированное стремление “брать” подавляет любое сочувствие.

Замечательна “долей своей женской” невестка другой главной героини романа, Евдокии – девятнадцатилетняя девушка, сама решающая, как жить вообще и как выходить замуж в частности. Она сторонница предварительного сожительства до брака с предполагаемым супругом. В соответствии с такой схемой полового поведения эта девица через две недели “бытового притирания” с Ярославом ушла к его другу (тому, который потом поспособствовал провалу бизнеса сына Евдокии).

И ещё одна привлекающая внимание женщина, знакомая Калерии, рыжая красавица Мила. Она “надрываться” в семье не хочет. Инженер, телеведущая, экскурсовод, натурщица, она, наконец, вышла замуж за состоятельного московского работника Внешторгэкспорта, но, возмутившись предложением свекрови заняться наведением порядка в квартире, ушла от мужа. Вернулась в Интурист, стала валютной проституткой...

А теперь от образов второго плана перейдём к главным действующим лицам.

Начнём со Светланы. Это милая, так и просится слово “забитая”, но не в прямом, а в переносном смысле этого слова женщина. “Забитая” своей маменькой, своими невестками и, самое обидное, – своим обожаемым сыночком Юрочкой. Детство Светы было действительно тяжёлым, голодным и холодным – блокадным. Юность, обыкновенная для того поколения городской молодёжи: походы в кино, театр, на танцы с одноклассниками и сокурсниками. Выучилась на инженера, работала в оборонном институте. Выйдя замуж за старшего помощника капитана в двадцать шесть лет, Светлана переехала к мужу, освободившись от гнёта родительницы. Так обрадовалась долгожданной свободе, что первые месяцы собственной семейной жизни не заезжала к родителям и даже не звонила матери, но после рождения сыночка была вынуждена принять от неё услуги няньки. Возвращавшийся из рейса муж, вот незадача, – часто ездил повидаться со своей матерью, на что Света обижалась: вместо отлучек мог бы помочь по дому. Тёща выговаривала ему о долге, который перед своей семьёй должен быть не меньше, чем перед матерью. Здесь кстати припомнить деревенский обычай: девица выходила замуж в новую для неё семью, обеспечивавшую ей долгожданный статус, и молодой муж не разрывался между женой и матерью. Ссоры переходили границы. Жене не нравились указания свекрови, мужу – нотации тётчи, и... Светлана вернулась к родителям. Относительная самостоятельность в замужестве оказалась для неё тягостнее, чем материнская тиранья. А в родительском доме она “всё больше замыкалась в себе, всё реже улыбалась и чаще отказывалась от приглашений в театр”. Юрочка рос, рос, дорос до студента и нанёс матери первый

оглушительный удар: его за лень отчислили из университета. С помощью отца устроился он через некоторое время помощником капитана, там сошёлся с Виолеттой и, не зарегистрировав брак, отправил её беременную жить к Светлане. Светлана — «мякотелая», непрактичная — не могла отказать сыну в приёме на жительство по существу чужой женщины, непонятно в каких отношениях состоящей с Юрой (беременная в гражданском браке дама всегда вызывает вопрос, от кого она беременна; хотя и в зарегистрированном браке может всякое быть). Виолетта расположила свекровь к себе, родила Харитона-Тоника, и молодая бабушка расцвела. Настолько расцвела, что в её услугах наметился явный перебор: она спала при грудном внуке, а мать младенца, «освобождённая от ночных бдений», спокойно высыпалась в другой комнате! Так ведь по своей природе ночные бдения — это проявление материнского инстинкта, и они не могут передаваться, перекладываться на другое лицо! Однако идиллия не продержалась долго. Когда после хирургической операции Светланы ей потребовалась небольшая уступка от невестки, та забрала Тоника и оставила свекровь одну.

Навалились новые переживания, теперь за внука. Да и Юрочка продолжал расстраивать. Сынок-кумир относился к матери, как к бесплатно доставшейся ему добрейшей служанке. Вернувшись из круиза, он не соизволил повидаться с матерью после её операции, даже не позвонил её, а пошёл к своей парходоной б... Зато через четыре дня заехал «обрадовать» мать: они, мол, с женой вместе отправляются в плавание, а полторагодовалого внука на целый год оставляют Светлане. И она обрадовалась нагрузке вместо того, чтобы отрезвить молодых родителей отказом за их оскорбительное поведение по отношению к себе.

Юрочка — отпрыск, искалеченный воспитанием. Энергии его хватает лишь на редкие вспышки: застав жену в своей каюте с иностранцем, в состоянии аффекта он кинулся убивать её острым горлышком разбитой бутылки, да только ногу ей порезал, за что всю семейку списали с корабля... Он игрок, не умеющий сосредоточиться на нормальной работе. Созерцатель без творческой жилки. И хам. Уезжая уже с новой женой, американской хохлушкой Натальей в Москву и забирая от матери свои вещи, выговорил ей: «...ты на мне крест поставила, когда отца выгнала. Лишила меня всего. Мне (досталась) только ты со своим нытьём! Так что кляни себя и бабу. Вы мне жизнь разрушили! Вы!»

А до Светланы никак не доходит, что пора затормозить «канитель» с любимым сыном и внуком (к добру ли такая любовь?), заняться, наконец, собой.

А вдруг ей, кроме излияния «любви» на сыночка с внуком, окажется и заняться нечем?..

Каким бы горьким ни было детство Светланы, всё же её окружали добрые люди: отец — морской офицер и мать — учительница. У Евдокии («Дульси-неи» — для узкого круга подруг) отца в семье не было, мать работала уборщицей. Однако возможности для способных детей из семей разного достатка предоставлялись советской властью равные, и дочка уборщицы получила высшее образование, обеспечившее ей трудоустройство в проектный институт. Юность и молодость Дуси проходили в типичных для того времени условиях. Подробностей того периода автор нам не сообщает и с «любовными» отношениями этой героини мы знакомимся тогда, когда она уже взрослой женщиной отдыхает со своей институтской подругой Ирой на кавказском берегу Чёрного моря. Близкая, давно знакомая Ире компания местной молодёжи Дусе, по правде говоря, была скучна. Лучик надежды у неё появился на, возможно, нескудное будущее с капитаном исследовательского судна, стоявшего на рейде Пицундской бухты. Вечера Дуся и капитан Николай проводили вдвоём на пляже, в кафе, говорили о жизни, делились воспоминаниями, постепенно сроднялись, и вот перед уходом судна в Батуми Николай намечает встречу, когда, по её предчувствию, он собирается сделать ей предложение.

Как вы думаете, читатель, чем должна заниматься женщина днём перед таким значимым событием? Она должна не только думать и представлять, о чём они с капитаном будут разговаривать и как действовать, она должна тщательно готовить себя к такой встрече. (Мужчинам достаточно упоминания о подготовке, а женщины сами знают, как много сил отнимают подробности

прихорашивания, на что времени всегда чуть-чуть не хватает). А чем же занята днём наша Евдокия? С утра поплавав в море, она за обедом оказалась в скучной компании друзей Иры, просидела с ними до вечера (вероятно, для разогрева перед встречей с Николаем), а далее поддалась уговорам Иры и её армянских друзей съездить ненадолго в горную шашлычную. Однако компания там развеселилась, никто не собирался возвращаться быстро, и, помня всё же о важном свидании, Дуся пошла к берегу одна. Через некоторое время догнавший её на машине компанейский Тигран предложил транспортные услуги. Хотя мужчина был ей неприятен, она согласилась поехать, — идти одной оказалось страшно. А он правильно понял, что женщина “созрела” (для него или нет, это дело десятое), и осчастливил её — насильно “доверчивую дурёху” всю ночь. (Горы, Дусенька, тебе не родной ленинградский двор!) Тигран старался не зря: пришлось ей делать аборт. А капитан, не дождавшись, вероятно, на своё счастье, береговую знакомую, бросил в прибрежные воды колючку и уплыл.

Потом у Дуси в любовниках появился харьковский учёный — “бесцветный Борис”, всё никак не решавшийся на развод с женой. Не дождалась — умер учёный. Дуся — женщина добрая, преданная — ездила проститься с ним в больницу. А в тридцать с лишним лет, наконец, вышла замуж за Фёдора и родила сына-вундеркинда Ярослава. Муж умер, когда сыну исполнилось двенадцать лет. И Дуся мучилась сознанием невозможности обеспечить сына так, чтобы он не отличался от других. “Невзгоды, горести, трудности — этого добра ей хватало сполна”. Радовавший своими успехами с детства сын стал приносить одни неприятности. Запутался (или его запутали) в предпринимательстве. В людях он разбирался плохо, места своего не находил; “все начинания его кончались прахом”. Для поиска сыночком своего места в жизни пришлось продать дачу и разменять квартиру, а потом долго жить “подпольно”, прячась то ли от нечестных компаньонов Ярослава, то ли от бандитов, требующих денег. Дуся была *обманываться рада* рассказами сына о том, что в неудачном бизнесе он не виноват, — это его подставляют. Наконец, он погиб в автокатастрофе. Дуся осталась одна, без внуков, в однокомнатной квартире в ста километрах от Петербурга. Доживает в нищете, скрашиваемой кошкой и поездками по воскресеньям в церковь.

В тревоге и запуганности заканчивается земное пребывание подруг. Они находятся в постоянном стрессе, часто обостряется у них страх. Противостоять этому состоянию по бессилию своему (приобретённому или врождённому) они не умеют. Они плохо ориентируются среди людей, замкнуты, не умеют поставить себе ясные цели, затрудняются в осмыслении происходящего. С экономическими последствиями государственных преобразований они сталкиваются постоянно, а кафедрально демонстрационные баталии горячего перестроенного времени их не касаются. В чём дело? Автор не придаёт этому значения или намеренно показывает женское равнодушие к политике?

Нет жизненного фундамента у Светланы и Евдокии, не заложены в них интересы человеческого рода, и свою “женскую долю” они лепят сами, точнее, идут за обстоятельствами, не сопротивляясь им, — бесхозные, без царя в голове бесхребетные дамочки.

В шестидесятые годы жители Советского Союза посмотрели американский боевик “Великолепная семёрка” о том, как семеро рискованных мужчин, не щадя себя, становятся на защиту обнищавшей деревни от бандитских поборов. И вот несколько ленинградских девчонок-школьниц (среди них и наши подруги) в честь американских парней называют свою группу “великолепной” семёркой — этакий питерский вариант амазонок. Кого и от кого они собирались тогда защищать, автор не рассказывает. Понятно, что не было у них ни горячего, ни холодного оружия и даже Конька-Горбунка в сарайчике не стояло, но “великолепными” им называться и быть хотелось. Но из Светланы и Евдокии защитниц даже своих интересов не получилось, а настоящей защитницей не оружием, а словом и буквой закона стала из всех подруг только Калерия. Она не боится вступать в борьбу за свою честь и честь своей фирмы даже в стенах всемогущего нашего дорогого суда: кому приходилось бывать в руках его, те оценят мужество Калерии. И ведь как много она успевает! Её социальный девиз: “Аферисты не должны размножаться!” А к неаферистам она щедра: отзывается на просьбы и подруг, и далеко не близких ей

людей, нуждающихся в совете, а иногда не отказывает им и в приюте. Калерия сама постоянно тревожится за Светлану с Дусей и их родных, звонит им, выслушивает нерадостные сообщения, подбадривает, спешит на помощь и по просьбе, и по зову своего сердца. Но сама себя “Божьей работой” она не считает. Она трезво воспринимает жизненные коллизии, панике не поддаётся, находчива. “Она твёрдо стояла на материалистической почве, не верила в бессмертие души и загробную жизнь”. Калерия – реалистка, понимающая, что обживать пространство нужно собственными усилиями, а не надеяться на приготовленное кем-то благо. “Масло” (имеется в виду басенное, то, что в горшке с молоком образуется, если не падать духом, а упорно болтать ногами) нужно “сбивать” самой. Для неё “мещане и либералы” – понятия ненавистные.

Калерия после окончания химфака университета защитила диссертацию, долго работала старшим научным сотрудником в НИИ, участвовала в практическом внедрении научных разработок, после расформирования института при “демократической” оптимизации пришлось ей заняться предпринимательством, а в последнее время она трудится директором по найму в крупном холдинге. Тоже оказалась матерью-одиночкой, как и её подруги. Муж Клим, военврач, погиб в одной из горячих точек, Калерия осталась вдовой с шестилетним сынишкой Игорем, замуж больше выйти не решилась. Сына вывела в люди, он стал успешным военнотружеником. Сама занята работой и многочисленными социальными заботами близких, не упускает возможности удовлетворить свои склонности и симпатии. Её трепетное отношение к самоцветам не угасло с молодости. Она и ценитель искусства: следит за премьерами в театрах, посещает выставки живописи, покупает (насколько позволяет семейный бюджет) картины, приобретает альбомы репродукций. В отличие от подруг, много избирательно читает. К примеру, “деревенщики” с их особенностями речи её не интересуют ещё с советских времён. Она следит за книжными новинками, покупает модернистов, неореалистов и постмодернистов, предпочитая Проханова, Пелевина и Лимонова, притом оставаясь поклонницей творцов Серебряного века. Правда, все эти увлечения отвлекают Калерию от бытовых занятий ненадолго. Чувствует она усталость “тягловой лошади с вечным двигателем”. Но, кажется, как-то лихорадочно мечется среди проблем близких и дальних родных и знакомых, судебных процессов, увлечений художниками, писателями и театром потому, что боится незаполненного всей этой круговертью времени.

“Был бы жив Клим, и я бы жила иначе”.

Вот если бы был Он!

Почему же нет?

К сожалению, бывает, что умирают безвременно. Но ведь Светлане судьба давала шанс стать самостоятельно вьющей семейное гнездо женщиной. А у неё не хватило терпения (умения?) сжиться с мужем. И вся её женственность обратилась на сына, который без крепкой мужской руки и твёрдого обучения правильно поведению превратился в нравственного урода.

Или что привело инженера-технаря Милу в стан валютных проституток? Возможно, близкая к богеме работа на телевидении спровоцировала пренебрежительное отношение к неизбежной в семье бытовой лямке?

У Сенчина и Лестевой (Нора Буйды к этому ряду не относится) показаны будничные типы, в сравнении с которыми даже старушки на лавочке у подъезда кажутся намного ярче их и информационно, и эмоционально. Общее впечатление от героинь – не своим делом они вроде бы занимаются, уклоняясь от предназначенной роли. Ну, и попробуем оценить самое главное в женщинах, – их привлекательность, соблазнительность для мужчин. Так вот, мне, при всём сочувствии им, ни с кем из упомянутых женщин даже поговорить пять минут добровольно не хочется; о каком уж там соблазне речь! Только мимолётный образ Оксаны в “Круговерти” заманчиво блеснул “вечной женственностью”.

А народу в целом (не только мужчинам) какой от них толк?

Благородную цель провозгласили мечтатели, борцы-эмансипаторы. И вот цель достигнута, есть и воля, и свобода, а получается при этом разброд, шатания и ещё большее недовольство. Много ли “образованности и просвещённости” (вспомним мнение В. П. Боткина, упомянутое в начале) участников научной вузовской конференции показал Р. Сенчин? И станет ли примером

“благородства чувств и понятий” Нора Крамер или Виолетта с прочей молодой, свободной от патриархата порослью из “Круговерти”?

Что, исправлять наше положение придётся опять-таки женщинам, подобным Калерии Ивановне, если рядом с ними в рассмотренных произведениях мужчин, действующих настоящих мужиков, мы не видим? Где же они, настоящие? (А от кого они появятся?)

5

Настоящих мужчин в упор не видел уже (или ещё) “прозорливый” Н. Г. Чернышевский, а только надеялся, что через несколько поколений потомки его современников “будут уметь действовать как честные и благоразумные граждане”. Симпатии и надежды его в большей степени, нежели на мужчин, обращены были на “новую” нарождающуюся на глазах читающей публики женщину. Ну-ну!

Сочувствие тяжёлой доле женщины, не находящей понимания своим чистым помыслам и возвышенным чувствам со стороны грубых, с примитивными запросами, зачастую относящихся к хрупким созданиям враждебно и вместе с тем нерешительных мужчин, начали обсуждать прогрессивно мыслящие наши литераторы лет полтора назад, разбирая в своих длинных статьях подходящий по теме беллетристический материал о рвущихся к свету, свободе и воле представительницах угнетённой по половому признаку группы. Таким благодатным материалом сполна обеспечил критиков Иван Сергеевич Тургенев. Имена его барышень сделались нарицательными. Вспомним некоторых.

Начнём с Аси из одноимённой повести. Чернышевский в обширном труде “Русский человек на randevу”, положительно упоминаемемся и в некоторых статьях нашего времени, выразил поддержку искренним порывам героини и осудил недостойное поведение героя. Что же там произошло?

Семнадцатилетняя девушка Ася, путешествуя со своим братом по заграничю, встретила молодого человека, обозначенного в тексте буквами Н. Н., и влюбилась в него. И герой проявил к ней симпатию. Этим симпатиям окрепнуть бы, но решительная Ася назначает сама (!) свидание и, склонив голову на грудь Н. Н., шепчет: “Ваша...” Асин порыв его и радуется, и смущает, ибо Асино “ваша” намекает на близкое венчание, а к такому акту следует относиться с величайшей осторожностью. “Жениться на семнадцатилетней девочке, с её нравом, как это можно!”

— Что мы делаем!.. — восклицает он в ответ на душевный порыв девушки. И после нескольких фраз они расстаются.

К такой развязке отношений подходят герои повести Тургенева потому, что невероятна любовь между Н. Н. и Асей. Тягомотная неубедительность их общения только так и могла закончиться. Любви в повести мы не чувствуем, нас только пытаются убедить, что она возникла у героев. (Привожу оценку самого автора, высказанную в письме Л. Н. Толстому от 8 апреля 1858 года: “Если б мне сказали, что “Ася” вышла отличная вещь, — я бы удивился, зная, в каком душевном расстройстве я находился, когда я писал её, но я бы поверил; а теперь я верю и даже как будто вижу, что она неудачна и плоха”).

Расстаются с болью, но в бытовом плане разрешилась их взаимная симпатия вполне благополучно. Ася получила урок не горячиться в проявлении чувств. Н. Н., хоть и тосковал о миленькой девушке, вероятно, убедился, что пока лучше обходиться кокетничающей со всеми молодой вдовой. Вполне обычный случай в цепи отношений между мужчиной и женщиной. А вот революционный демократ Чернышевский ставит сокрушительный диагноз русскому мужчине.

Эстетик упрекает Тургенева в том, что во всех рассказах, где герой должен бы проявить решительность в объяснении с женщиной, “каждый раз он выходит из этих положений не иначе, как совершенно сконфузившись”, предпочитая всякому решительному шагу отступление. “Пока о деле нет речи, — продолжает громить “мужчин на randevу” семейный либерал Н. Г., — а надобно только занять праздное время... герой очень боек; подходит дело к тому, чтобы прямо и точно выразить свои чувства и желания, — большая часть героев начинает уже колебаться и чувствовать неповоротливость в языке. “Ромео” (так называет Чернышевский героя “Аси”) не привык понимать ничего великого и живого, потому что слишком мелка и бездушна была его жизнь, мелки и бездушны были все отношения и дела, к которым он привык. Он робеет,

он бессильно отступает от всего, на что нужна широкая решимость и благородный риск, потому что жизнь приучила его только к бледной мелочности во всём”.

При чём здесь мужчины, спросит меня читатель, — если взялся за “женскую долю”, то и говори об этой доле! Так ведь как без контраста? И критик Н. Г. Ч. о том же...

Господи, да что же в Асе высокого и великого? Обыкновенная взбалмошная девица. А Н. Н., да и других мужчин вряд ли можно обвинять в осторожности, которую “Ромео” проявил с Асей, и переносить их нерешительное поведение на все случаи жизни. Истории, подобные расставанию Аси с Н. Н., так и должны заканчиваться, потому что в этих случаях у мужчин обостряется чувство опасности, доставшееся нам от наших далёких предков: а вдруг эта хитрая паучиха голову пауку откусит? И, во-вторых, уже без углубления в древность, встаёт важный вопрос: а та ли это женщина, с которой всю свою жизнь должно связать? Не пожалеть бы потом о предпринятой сейчас “решительности”! Ведь “жена не сапог, с ноги не скинешь!” — поэтому в недавнюю ещё пору в народе был принят институт сватовства, осмеянный, окарикатуренный юмористами. В поговорке на этот счёт глубинный опыт общественно-бытовых связей заложен: выбирай корову по рогам, а девку по родам. Все согласятся, что в знании “родов” никто женщин — мать и сваху — не превзойдёт, вот тут-то им и карты в руки.

Но велика сила убеждения искусством, и Асино поведение представляется толкователями литературных произведений благородным образцом раскрепощающейся девицы, а русские мужики — никуда не годными мямлями.

6

В романе “Дым” Тургенев преподнёс читателям ещё один литературный портрет красивой женщины — Ирины Павловны Осининой (по мужу генералу — Ратмировой). Она из рода “настоящих, не татаро-грузинских, а исторических Рюриковичей”, правда, несколько бедноватых. Гордая и скрытная девушка Ирина долго не обращала внимания на Георгия Литвинова, когда он заходил в дом её родителей на правах знакомого семьи. А в какой-то момент возникает между Георгием и Ириной будто бы “взаимность”, и уже не скрывается жениховство. Начали всерьёз поговаривать о свадьбе. На беду или на счастье Литвинова, в тот исторический момент в Москву прибыл Двор, и Осинины собрались на царский бал. Ирина вначале не хотела ехать туда, но отец настаивал и через Георгия уговорил дочь собраться, людей посмотреть и себя показать. Сочувствующий невесте жених поддерживал такой выход (по своему происхождению — сын отставного служака из купеческого рода и дворянки — он не мог стать участником великосветского торжества). Однако для него совершенно неожиданно на следующий день после бала Ирина, сказавшись больной, жениха уже не принимала и вскоре переехала в Петербург к богатому дядюшке. Там её выдали замуж за военного. Проходит несколько лет. Она приезжает в Баден и узнаёт, что там Георгий ожидает приезда своей невесты Татьяны. Ирине скучно среди генералов и графинь, хочется освежить впечатления, и она напоминает о себе Литвинову — пишет ему записку: “Приходите, я буду рада вас видеть”. Он приходит в номер гостиницы, занятый молодой красавицей генеральшей. Она ему:

— Встретив вас так неожиданно, я сказала себе, что мы непременно должны сделаться друзьями, непременно...

Штамп женской речи, произнесённый подходящим к месту действия тоном с соответствующей мимикой и игрой глазками, вносит лёгкое напряжение в мысли мужчины. Приманка заброшена, и вскоре Ирина рассчитывается с Георгием по долгам — за нанесённую ему перед их предполагаемой свадьбой обиду. На другой день она резюмирует:

— Вчера я только долг свой заплатила, я загладила прошедшую вину... Ах! Я не могла отдать тебе мою молодость, как бы я хотела, но никаких обязанностей я не наложила на тебя, ни от каких обещаний я не разрешила тебя (намёк на невесту Литвинова Татьяну. — С. К.), мой милый! Делай, что хочешь, ты свободен как воздух, ты ничем не связан, знай это, знай!

Матовая белизна плеч, вкрадчивый голос, торжество красоты и затаённая, почти насмешливая радость, — куда же от этого деться! Благородная

женщина не забывает о своих долгах! Но Георгий-то что учудил: вместо того, чтобы получить с неё по счетам, он вновь влюбляется в великосветскую обольстительницу и отказывает по-настоящему предназначенной для семейного счастья своей невесте Татьяне. “Блесну”, брошенную обольстительницей, он схватил, нужно было умело подсечь, что Ирина выполнила безупречно, слегка отпуская леску и тут же подтягивая к себе бедного щучёнка.

И страсть любовников доходит до того, что они собираются бежать, да вовремя одумывается трезвеющая Ирина: что она с ним делать будет?! Георгий ей в будущем действительно не нужен. А кому она сама-то нужна? Правильно, никому, кроме её мужа. И другого ей замужества не требуется, да и, кроме суеты света, вряд ли что-нибудь ей нужно! А к имеющемуся стабильному состоянию иногда хочется “клубнички”...

Вы, читатель, что-то хотите сказать про измену мужу? Измена — это когда затмение нашло, бес попутал, грех случился, а когда это не из ряда вон выходящее явление, тогда это называется не “измена”, а образ жизни.

Литвинову же остаётся недоумевать, “каким образом он мог опять полюбить это испорченное светское существо, которому “стало уж слишком невыносимо, нестерпимо душно в этом свете”. (Уж если так невыносимо в свете, поехала бы летом в какую-нибудь знакомую помещицью экономию свёклу полоть или за поросятами ухаживать.)

Между тем в высшем свете об Ирине говорят, что у неё озлобленный ум. “Никто не умеет так верно и тонко подметить смешную или мелкую сторону характера, никому не дано так безжалостно заклеить её незабываемым словом”. Да что ж особенного-то? “Высший свет” все ругают, и притом стремятся влезть в него всеми правдами и неправдами.

Как же критика представила эту обыкновенную — как бы она ни относилась к своему постылому окружению — светскую женщину?

Николай Николаевич Страхов, аналитик внимательный, с взвешенным мнением, говорит об Ирине как о “далеко выдающейся над общим уровнем... представительнице таинственной природы” и в статье “Дым” отмечает открытость, искренность и простоту в каждом её слове, задушевность, теплоту, живую прелесть. А не актёрство ли это? И здесь опять, теперь уже от Страхова, как ранее от Чернышевского, слышен упрёк мужчинам. Литвинов, оказывается, “не сочувствует, не сострадает Ирине (да за какие же коврижки он ей должен сострадать? За испытываемые ею муки в высшем свете, что ли? — **С. К.**)... Его покорила одна её красота”. Так, может, он чувствовал за такой красотой фальшивость характера? А критик почему-то считает, что Ирина “ищет над собою власти и управы”. Такой поиск, если бы он действительно проявлялся, достоин поощрения, но, судя по её поведению, допустим и другой вывод: она всё время примеряет свою власть на кого-либо, кем можно помыкать.

Высокую оценку даёт Страхов Ирине, относя её к женщинам, “в которых природа воплощает свою таинственную силу, женщинам с таким обилием душевной мощи и прелести, с такой сияющей внутренней и внешней красотой, что перед ними всё покоряется, и высший, и низший свет, как будто перед урождёнными царицами”.

Какое нам дело до мнений критиков об Асе и Ирине? Тургенев изобразил их так, как подсказывала ему художественная интуиция. А дальше судить читателю — нравятся ему такие героини или нет. Но тут Тургенев, кажется, уходит в сторону, и за дело принимаются толмачи его творчества, старающиеся убедить нас в том, о чём у Тургенева мы не читали. Ну, ладно Чернышевский, ему для подтверждения верности стремлениям революционных демократов надо было возвысить взбалмошную девицу; но зачем “почвеннику” Страхову восторгаться Ириной? И вот не без влияния взглядов таких критиков всякие Аси и Ирины да ещё модельная Одинцова из “Отцов и детей”, боявшая сквозняков, затмили образы очень приятных, а главное — нужных женщин: невесты Литвинова Татьяны, жены Аркадия Кирсанова Кати и Фенечки — жены его отца Павла Петровича. (Ах, да! Они же “мещанки”, ненавистные всем “буревестникам” и “буревестницам”!). А образы Аси и Ирины бурно “проросли” в наш век; их “родословие” легко проследить до образов наших современников. Вот свеженький пример для подражания молодёжи — “делать жизнь с кого”. Сразу после публикации повести Буйды (“Новый мир” 2016, № 2) в библиотечном обзоре Нора Крамер названа талантливой провинциалкой, через страшные

испытания ставшей (из какого сора!) звездой русского театра. От такой характеристики погрязшей в разврате особы и “звездануться” можно.

7

Занятый нужным делом человек может упрекнуть автора обзора: “На кой чёрт ты читаешь то, что тебе не нравится?”

Беллетристическая выдумка, “обставленная” трудами критиков, начинает множиться в жизни. Вот как оборачивается пресловутая эмансипация, освящённая литературой. От мужского засилья освободились, волю вольную получили и ринулись подрывать здоровье нации (не следует забывать, что воспроизводство популяции зависит от физического и нравственного здоровья женщины).

Свежие примеры результатов свободы воли – и бесконтрольности.

Две пьяненькие подружки, одна из них за рулём автомобиля, попали в аварию со смертельным исходом.

Двух пьяных москвичек-дебоширок сняли с авиарейса Сочи–Москва. (Что тут страшного-то, перепились бабёнки!)

Двенадцатилетняя школьница в Дивногорске предложила двум подружкам сюрприз, если они повернутся к ней спиной. Они повернулись и получили по два удара ножом.

В интернете школьницы продают свои эротические фотографии.

* * *

Изложение жутких жизненных фактов можно продолжать. А разумные психологи, философы, социологи, физиологи и иже с ними, которых развелось превеликое множество, начали просвещать нас новой теорией: мужеско-женской двойственностью каждого человека. Детей предлагают “девчишками” называть, потому что мальчик и девочка – это названия неверные. Мало нам было теории коммунизма, с интернационализмом никак не распутаемся, теперь андрогинизм овладевает массами. В популярной газете социальный психолог-женщина просвещает стереотипно мыслящую публику в теории этого “изма”, приветствуя уход от традиционного общества и осваивание мужьями профессии домохозяйки. Оказывается, современному миру не нужны представления о мужчине-кормильце и о женщине, “заботящейся только о собственной внешности и воспитании детей, а нужен “андрогинный человек”. Это пишет не шизофреничка (признаков отклонения психики в её тексте не заметно, а человек с нормальным рассудком, женщина, способная осмысливать информацию и производить умозаключения. Она просто игрок, и ей обеспечивают возможность играть понятиями для обоснования теории, отвлекающей людей от полезной деятельности. Если бы этот человек и ему подобные “андрогины” не тратили попусту энергию “размышления” о “динамичных социальных ролях”, “гендерном равенстве”, положительности сожительства молодых людей до брака, о снятии на пути женщин всяческих барьеров в карьерном росте, о наполняемости женщинами представительных и законодательных органов минимум на 50% (это наводит на мысль, что у предлагающих такое соотношение полов является потолком), а выполняли бы необходимые жизненные функции, то не замечалась бы в обществе деградация личности, разложение моральных устоев, апатия и *неравенство* полов.

Ишь, чего захотел! – скажут расплодившиеся у нас психоаналитические спасатели. Шесть шагов к свободе одного из них публикуются и на сайте, и в газете. Мне особенно понравился совет “каждую минуту своей жизни заниматься только тем, что нравится, и заранее плевать на то, что думают об этом другие, а иначе вместо денег и любви будут болезни и депрессии”. Вспомнилась теория “стакана воды”, вот хорошо-то всем было! (И совсем свеженький пример из “думских” новостей – даже если это шутка, то значимая: женщины-депутаты пожаловались, что из-за переработки не успевают покормить мужей, на что им предложили или сдать мандат и идти на свою кухню, или научить супругов варить суп самим).

Недавно попало на глаза мне простое по форме, наивное стихотворение Дианы Кан, и не выходит оно из головы:

*Вспыхнула мысль...
Не прогнать, не унять её!
Только сегодня — сейчас! — поняла:
самое женское в мире занятие —
хлебные крошки сметать со стола.
И караваи заботливо пестуя,
ни на минуточку не забывая:
в мире занятие не менее женское —
детские слёзы в подол собирать.*

Неужели есть ещё женщины, так думающие! Конечно, я не рискну призывать к такой “доле” в наше разудалое время всяких продвинутых особ, но хотелось бы.

Смотрю в телевизоре нравственно-поучительное шоу с видеокадрами, снятыми самими участницами события: четырнадцатилетние девчонки жестоко избивают свою подружку. Оказывается, поцелуй мальчика не той достался! Это не Асины праправнучки на волю вырвались? Вот и психологи, педагоги, депутаты и домохозяйки с большим жизненным опытом на том шоу (делать им дома нечего!) обсуждают: как же такое может происходить? Да, ещё там юристы (без них в наше время никуда!) предлагают сразу консультации бесплатные. И в заключение сладкопевчий ведущий выскажет благостные надежды. Пообсуждают здесь и разойдутся по другим ток-шоу, от которых нисколько пользы-то не видно. Воз-то и ныне там.

Да, прав Николай Гаврилович: мужиков на вас нет!

К месту, может быть, будет привести здесь верное замечание Камилы Палья (помня притом все её, рискну определить, “пограничные” симпатии). Она предположила, что если б мир пребывал в матриархате, то мы бы до сих пор жили в травяных хижинах, и не было бы ни моста Джорджа Вашингтона, ни гигиенических прокладок.

И дело сейчас не в отдельных личностях, явно ничем не управляющих. Климат общества, особенно женская составляющая его, настораживает. Упаса Бог — но не докатимся ли мы так до хижин. И ксении васильевны, как наиболее принципиальные исполнительницы, будут запрягать; жалкую лямку потянут ларисы и светланы с дусями, а кнутиком пощёлкают какие-нибудь норы-элеоноры, — мужиков-то не особенно заставишь запрягать и впрягаться, они от женского верховенства всё равно на охоту сбегут. Только ведь, говорят, матриархата-то не было, значит, и возвращаться по спирали к нему не придётся.

ИРИНА МОИХОВА

“ЗВОНКИЕ ЖИВЫЕ ЛЕТОПИСИ”

Народная песня в жизни Н. В. Гоголя

Фольклор в разнообразных его проявлениях имел большое значение для Николая Васильевича Гоголя. Он вырос в атмосфере, в которой были живы отголоски старины. На слуху были различные легенды, сказки, поверья, — словом, те “побасёнки”, о которых он позже столь восхищённо писал: “Побасёнки!.. А вон протекли веки, города и народы снеслись и исчезли с лица земли, как дым унеслось всё, что было, а побасёнки живут и повторяются поныне. <...> Побасёнки!.. Но мир задремал бы без таких побасёнок, обмелела бы жизнь, плесенью и тиной покрылись бы души”¹.

В его окружении, среди родственников и многочисленных гостей хлебосольного дома Гоголей-Яновских в Васильевке на Полтавщине были люди, которые знали много старинных преданий, песен, обычаев и т. д. Да и сами хозяева дома, ближайšie родные Гоголя, были людьми, чуткими к прекрасному и в то же время жившими в среде, “пропитанной” народным искусством — передающимися от поколения к поколению напевами, историями, мифами и т. д.

Отец Гоголя Василий Афанасьевич был “охотником петь” (как назвал его один из знакомых), а также превосходным рассказчиком и вообще “душой общества”. Бабушка по отцовской линии Татьяна Семёновна знала старинные народные песни, которые Гоголь слышал от неё с самого раннего детства. Мать Мария Ивановна позже по просьбе сына — начинающего литератора — беспрестанно посылала ему в Петербург из Васильевки старинные были и былицы, тексты народных песен, описания местных обычаев и нравов, обрядов и костюмов (и даже сами костюмы).

Особенно большими познаниями в этой области обладала тётка Гоголя (сестра его матери) — Катерина Ивановна Ходаревская (урождённая Косяровская). От неё Гоголь узнал множество историй из украинского быта, использованных им потом при создании, в частности, “Вечеров на хуторе близ Диканьки”. Но прежде всего, она отличалась музыкальностью, знала большое количество малороссийских народных песен. Сестра Гоголя Ольга Васильевна Гоголь-Головня писала в своих мемуарах: “Катерина Ивановна хорошо пела, у неё был хороший голос. Большею частью она пела малороссийские песни. Гости всегда просили её петь, в особенности брат любил слушать её пение”².

Ходаревская нередко гостила в Васильевке, иногда подолгу, и была для Гоголя по части песен “главною музою” (по выражению П. А. Кулиша, первого биографа Гоголя). Порой она по целым дням напевала столь любимые Николаем Васильевичем народные мелодии. Для него это стало незабываемым

впечатлением. В одном из писем матери (в 1832 году) он писал: “Скажите Катерине Ивановне, что мне часто приходят на ум её песни, но я их не пою, потому что я мастер только подтягивать. А если бы запел соло, то мороз поддрал бы по коже слушателей” (X, 244).

Ещё в детстве и юности Гоголя проявилась артистичность его природы и восприимчивость к различным искусствам. Он увлечённо участвовал в весёлых забавах молодёжи с песнями и ряжеными на Святках и в другие праздники. В. А. Чаговец в книге “О Гоголе и его предках” описывал эти праздничные обычаи на родине Гоголя: “Вся семья бывала в сборе; приезжал и Никоша, “Нежинский гость”, как его называли; он-то бывал главным распорядителем во всех этих святочных забавах. Сестры рядились во фраки или в узкий лицейский мундир, выворачивали наизнанку шубы, а мужчины, в том числе и Николай Васильевич, в женское платье... Не обходилось без традиционного чорта, деда, ведьм. И вся эта наряженная компания с визгом, смехом, песнями неслась по улицам села к соседям, весело врываясь в старые помещичьи дома и внося веселье и радость среди полузаснувших обитателей, старосветских помещиков...”³.

Будучи вообще несколько замкнутым и молчаливым с детства, Гоголь в таких забавах как бы оттаивал, раскрепощался и мог дать волю душе. В. А. Гиляровский в книге “На родине Гоголя” приводит воспоминания старожилы — земляков писателя, — которые рассказывали, что Николай Васильевич “смирный, тихий был. Сядет за стол, бывало, опустит голову, слушает, что говорят. <...> Вот с парубками да с дивчатами — другой совсем: весёлый, песни поет”⁴.

Бывали в тех местах и народные певцы — кобзари, лирники, — в репертуаре которых были как весёлые плясовые напевы, так и протяжные думы, рассказывающие об истории Украины. Сопровождались песнями и плясками крестьянские праздники в Васильевке, которые Гоголь наблюдал ещё в детстве. Иногда местных крестьян приглашали попеть и поплясать в господскую усадьбу. В. А. Чаговец так описывает домашнюю атмосферу, окружавшую Гоголя в родительском доме и в детстве, и в юности, и позже до конца жизни во время его приездов на родину: “На веранде по вечерам собиралось всё многочисленное семейство Гоголей, с тётушками, бабушками, приёмными и приживалками и за чайным столом тихо беседовали или слушали чей-то рассказ, занимаясь рукоделием; здесь же и наш поэт, сидя на ступеньках и опершись спиной о колонну, любил иногда послушать заунывную песню кобзаря, сопровождаемую несложным аккомпанементом дребезжащей кобзы”⁵.

Видимо, полученные в начале жизни впечатления, связанные с народным искусством, были настолько сильны и созвучны душе самого Гоголя, что потом на всю жизнь любовь к песне осталась для него некоей отдушиной — неизменным источником радости. Он любил песни слушать и петь, собирал их и видел в них поэтическую живую летопись истории народа. Как подчёркивал биограф Гоголя В. И. Шенрок, “песни <...> сохраняли свою чудную власть над Гоголем во всю его жизнь”⁶.

Таким образом, народная песня для Гоголя была ценна не только её поэтическими и музыкальными образами, но и тем, что она сама по себе напоминала о самых светлых и счастливых впечатлениях детства, которые, по-видимому, многое определили в его дальнейшей судьбе.

* * *

Внимание Гоголя к народным песням проявилось двояко. Помимо непосредственной, идущей из младенческих лет любви к ним, у него многие годы был и исследовательский интерес. Николай Васильевич всю жизнь увлекался собиранием песен — сначала только малороссийских, а потом и русских тоже. Записывал он их тексты непосредственно от певцов, которых он сам слышал. Переписывал из песенных сборников, например, из книги “Малороссийские песни, изданные Михаилом Максимовичем”, которая вышла в 1827 году. Первые записи песен Гоголь сделал ещё в гимназические годы в записной книжке, которая называлась “Книга всякой всячины, или подручная энциклопедия”.

Позже, живя в Петербурге и работая над “Вечерами на хуторе близ Диканьки”, Гоголь зачастую в письмах домой просил прислать ему всевозможные

фольклорные произведения: анекдоты, истории, легенды, сказки, песни. Например, в 1829 году Гоголь писал матери: “У нас есть поверья в некоторых наших хуторах, разные повести, рассказываемые простолюдинами, в которых участвуют духи и нечистые. Сделайте милость, удружите меня которою-нибудь из них” (X, 144). В 1830 году Гоголь просит её описать старинные “нравы, обычаи, поверья <...> анекдоты и истории <...> забавные, печальные, ужасные” (X, 166). Пишет он об этом и сестре Марии в 1831 году: “Ты так хорошо было начала собирать малороссийские сказки и песни и, к сожалению, прекратила. Нельзя ли возобновить это? Мне оно необходимо нужно” (X, 208-209). Многие песни, посылавшиеся из Васильевки Гоголю в Петербург, были записаны со слов Ходаревской. Гоголь был благодарен ей за это и не раз упоминал о ней в письмах. В 1830 году он писал матери: “Приношу благодарность тётиньке Катерине Ивановне, которая решилась пожертвовать временем – собрать для меня несколько любопытных песен” (X, 171).

Создавая “Вечера на хуторе близ Диканьки”, Гоголь, наряду со старинными преданиями и легендами, использовал и песни. Ведь они так живо передавали характер народа, его обычаи, чувства и мечты, и, кажется, саму его душу. Песенный язык, песенные образы естественно вливались в создаваемый Гоголем художественный мир как один из его источников. Не случайно в ранних повестях Гоголя так много цитат из народных песен, а герои их нередко поют и пускаются в пляс. Да и сам слог его произведений своей простотой, мелодичностью и яркостью порой как будто идёт вслед песенной стихии, а порой будто соревнуется с ней (например, в “Майской ночи”). А в “Страшной мести” эти две стихии – народного творчества и гоголевского вдохновения – сливаются воедино: песня-дума слепого бандуриста, рассказывающая “про одно старинное дело”, становится (в изложении Гоголя) частью текста этой повести.

После выхода в свет “Повестей, изданных пасичником Рудым Паньком” интерес Гоголя к песням усиливается, приобретая ещё более серьёзный характер. Гоголь опять шлёт в Васильевку запросы о песнях и, получая их, сердечно благодарит. В одном из писем 1833 года он пишет матери: “Более всего одолжили вы меня присылкою старинной тетради с песнями, между ними есть многие очень замечательные. Сделаете большое одолжение, если отыщете подобные той тетради с песнями, которые, я думаю, более всего водятся в старинных сундуках между старинными бумагами у старинных панов или у потомков старинных панов” (X, 285).

* * *

С песенным творчеством украинского народа Гоголь теперь связывал не только сочинение повестей из малороссийской жизни, но и создание фундаментального исторического труда – “Истории Малороссии”. В 1834 году он поместил в трёх газетах (“Северной пчеле”, “Московском телеграфе” и “Молве”) объявление о подготовке такого издания. И теперь уже с просьбой о присылке разнообразных материалов, в том числе и фольклорных, обращался к многочисленным читателям: “Обращаясь ко всем, усердно прошу имеющих какие бы то ни было материалы: записки, летописи, повести бандуристов, песни, деловые акты, особливо относящиеся к первобытной Малороссии, – присылать их мне, если нельзя в оригиналах, то в копиях” (IX, 76-77).

При этом он очень серьёзно относился именно к песням как к важному источнику исторических сведений, называя их “живыми летописями”. Он писал И. И. Срезневскому в 1834 году: “Каждый звук песни мне говорит живее о протекшем, нежели наши вялые и короткие летописи, если можно назвать летописями не современные записки, но поздние выписки, начавшиеся уже тогда, когда память уступила место забвению. <...> Если бы наш край не имел такого богатства песен – я бы никогда не писал Истории его, потому что я не постигнул бы и не имел понятия о прошедшем, или История моя была бы совершенно не то, что я думаю с нею сделать теперь. Эти-то песни заставили меня с жадностью читать все летописи и лоскутки какого бы то ни было вздору” (X, 299).

Правда, задуманная многотомная научная работа так и не была осуществлена. Однако в сборнике “Арабески”, вышедшем в 1835 году, Гоголь

опубликовал две яркие статьи, в которых выразился его пристальный интерес к прошлому родного края, — “Взгляд на составление Малороссии” (при первой, журнальной, публикации это сочинение называлось “Отрывок из истории Малороссии. Том 1, книга 1, глава 1”) и “О малороссийских песнях”. Причём эти две темы — история и народная песня — для него были неразрывно связаны.

В статье о песнях он писал: “Я не распространяюсь о важности народных песен. Это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа. Если его жизнь была деятельна, разнообразна, своевольна, исполнена всего поэтического, и он при всей многосторонности её не получил высшей цивилизации, то весь пыл, всё сильное, юное бытие его выливается в народных песнях. Они — надгробный памятник былого, более нежели надгробный памятник: камень с красноречивым рельефом, с исторической надписью — ничто против этой живой, говорящей, звучащей о прошедшем летописи. В этом отношении песни для Малороссии — всё: и поэзия, и история, и отцовская могила. Кто не проникнул в них глубоко, тот ничего не узнает о протекшем быте этой цветущей части России. Историк не должен искать в них показания дня и числа битвы или точного объяснения места, верной реляции: в этом отношении немногие песни помогут ему. Но когда он захочет узнать верный быт, стихи характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа, когда захочет выпытать дух минувшего века, общий характер всего целого и пороэнь каждого частного, тогда он будет удовлетворён вполне; история народа разоблачится перед ним в ясном величии” (VIII, 90-91).

Но главным памятником, бессмертным монументом, который воздвиг Гоголь историческому прошлому родной земли, стал “Тарас Бульба”. Работа над этой повестью, опубликованной в сборнике “Миргород” в 1835 году, происходила в то же время, когда была задумана и “История Малороссии”. Гоголь в январе 1834 года писал М. П. Погодину: “Малороссийская история моя чрезвычайно бешена, да иначе, впрочем, и быть ей нельзя” (X, 294). Повесть “Тарас Бульба” была написана Гоголем под большим влиянием песенного народного творчества.

В письме к М. А. Максимовичу в ноябре 1833 года Гоголь восклицал: “Моя радость, жизнь моя! песни! как я вас люблю! Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, пред этими звонкими, живыми летописями! <...> Вы не можете представить, как мне помогают в истории песни. Даже не исторические, даже похабные: они все дают по новой черте в мою историю, все разоблачают яснее и яснее, увы, прошедшую жизнь и, увы, прошедших людей...” (X, 284).

Но особенно интересовали Гоголя исторические былины (думы). Он писал в марте 1834 года издателю сборника исторических и фольклорных материалов “Запорожская старина” И. И. Срезневскому: “Все думы, и особенно повести бандуристов ослепительно хороши” (X, 298). И действительно, многие образы (например, Тараса Бульбы и других казаков) и описания некоторых сцен этой повести явно навеяны впечатлениями от песен. И, главное, сам стиль эпопеи близок произведениям народного творчества — историческим балладам, и всё повествование пронизано песенными, былинными интонациями.

Ещё один всплеск интереса к песенному фольклору возник у Гоголя в конце 1830-х — начале 1840-х годов в связи с созданием трагедии “из истории Запорожья” и новой редакции “Тараса Бульбы”. В августе 1839 года Гоголь писал М. П. Погодину: “Малороссийские песни со мною. Запасаясь и тщуясь сколько возможно надыхаться стариной” (XI, 240-241). Тогда же он писал С. П. Шевырёву: “Передо мною выясняются и проходят поэтическим строем времена казачества, и если я ничего не сделаю из этого, то я буду большой дурак. Малороссийские ли песни, которые теперь у меня под рукою, навеяли их или на душу мою нашло само собою ясновидение прошедшего, только я чую много того, что ныне редко случается” (XI, 241). По свидетельству В. А. Панова (в письме к С. Т. Аксакову), летом 1839 года Гоголь “перечитывал и переписывал своё огромное собрание малороссийских песен, собирал лоскутки, на которых у него были записаны поговорки, замечания и проч.”⁷.

Поскольку замысел создать драму “из истории Запорожья” не осуществился, Гоголь использовал подготовленный литературный материал для новой редакции “Тараса Бульбы”. В результате доработки содержание этого

произведения значительно пополнилось. Вот, например, отрывок из второй редакции повести:

“Кроме рейстровых козаков, считавших обязанностью являться во время войны, можно было во всякое время, в случае большой потребности, набрать целые толпы охочекомонных: стоило только есаулам пройти по рынкам и площадям всех сёл и местечек и прокричать во весь голос, ставши на телегу: “Эй, вы, пивники, броварники! полно вам пиво варить, да валяться по запечьям, да кормить своим жирным телом мух! Ступайте славы рыцарской и чести добиваться! Вы, плугари, гречкосеи, овцепасы, баболюбы! полно вам за плугом ходить да пачкать в землю свои жёлтые чоботы, да подбираться к жинкам и губить силу рыцарскую! Пора доставать козацкой славы!” (II, 47).

А вот отрывок из думы об Иване Коновченко:

*На славной Украине,
У славном городе у Корсуне,
Кликне, покликне Хвилоненко,
Корсунський полковник:
“Годе вам, панове-молодци, домовати!
Идете зо мною на Черкеню-долину гуляти,
Славы лицарсьтва козацькому войску доставати!”⁸*

А вот отрывок из другого, более многословного варианта той же думы (в переводе на русский язык):

*На славной Украине, в городе Корсуне,
Там жил корсунский полковник, пан Филон.
Вот и стал он охочее войско снаряжать,
Стал охотника выкликать, —
Кличет-покличет винокуров, броварников,
Горьких пьяниц, голь корчемную:*

*“Эй, кому надоело по винницам вино курить,
Кому надоело по броварням пиво варить,
Время даром терять, —
Идите вы со мной, корсунским полковником,
В войске охочем служить,
Под город Тягыну,
На Черкень-долину,
За веру христианскую крепко стоять,
Рыцарской славы добывать”.*

*Так он объявляет,
В пятницу в город Черкасы отбывает,
А в субботу рано поутру
Цветную хоругвь крещатую выставляет.
Да как крикнет всем сотникам, полковникам,
Атаманам, есаулам,
Казакам молодым
И слугам войсковым:*

*“Эй вы, сотники и полковники,
Атаманы и есаулы,
Идите со мною, корсунским полковником,
В охочее войско воевать,
На Черкень-долину,
Под город Тягыну,
За веру христианскую крепко стоять,
Будем рыцарской славы добывать,
Будем сафьяновые чоботы топтать!”⁹*

Сравнивая эти тексты — Гоголя и исторических песен (дум) — можно заметить, что автор “Тараса Бульбы” не просто взял из песенных текстов самые

яркие слова, но глубоко постиг сам дух песни, – вот что, прежде всего, было близко Гоголю, вот что он, прежде всего, передал в своей исторической эпопее.

Текст повести пронизан интонациями, образами, настроениями дум, повествующих о подвигах казаков, их дальних походах, боях с врагами и их героической гибели. Эти думы – по существу, свидетельства участников и очевидцев событий, – рассказ от первого лица, который потом столетиями передавался от поколения к поколению и при этом сохранил осязаемое дыхание жизни того времени.

При создании повести Гоголь не только использовал слова, образы и сюжеты народных песен. Результат его знакомства с фольклором был гораздо более основательным – “впуская” в текст своего произведения народные сказания о “делах давно минувших дней”, Гоголь фактически предоставил возможность самим героям, самой эпохе поведать о себе и привнести в повесть свою энергетику.

Он сумел создать своё произведение так, что его литературный талант соединился с живым духом минувшей эпохи. Поэтому повесть приобрела необыкновенное качество: на её страницах прошедшее не просто талантливо описано – оно как будто воскресает, возвращаясь из небытия, а точнее – воскресает его дух. Вот почему повесть производит впечатление невероятное: как будто приоткрывается окно в прошлое.

Таким образом, к самому Гоголю можно отнести его слова из статьи “Петербургские записки 1836 года”: “Музыкальный гений из простой, услышанной на улице песни создаёт целую поэму” (VIII, 185). С той лишь разницей, что его гений воспринимал из песен не только мелодическое богатство, но и глубокие пласты исторического содержания.

* * *

Вообще повышенное внимание к народному искусству было характерно для того времени. Собирались и издавались песни как русские, так и украинские. Максимович писал в предисловии к выпущенному им в 1827 году сборнику: “Наступило, кажется, то время, когда познают истинную цену народности; начинает уже сбываться желание – да создастся поэзия истинно русская! Лучшие наши поэты уже не в основу и образец своих творений ставят произведения иноплеменные; но только средством к полнейшему развитию самобитной поэзии, которая зачалась на родимой почве, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изредка сквозь них пробивалась”¹⁰.

Гоголь в статье “О малороссийских песнях” отметил, что пришло время обществу осознать имеющееся у него богатство народной песенной поэзии и музыки, поэзии – прежде всего: “Только в последние годы, в эти времена стремления к самостоятельности и собственной народной поэзии, обратили на себя внимание малороссийские песни, бывшие до того скрытыми от образованного общества и державшиеся в одном народе” (VIII, 90). Вот почему, чётко чувствуя этот “вызов времени” (говоря современным языком), Гоголь много лет собирал песни, записывал их лично или с помощью переписчиков в отдельные тетради. Сначала он собирался издавать их совместно с Максимовичем, и в начале 1830-х годов в письмах к нему Гоголь постоянно возвращался к этой теме.

Например, в ноябре 1833 года: “Я вас прошу, сделайте милость, дайте списать все находящиеся у вас песни, выключая печатных и сообщённых вам мною. Сделайте милость и пришлите этот экземпляр мне. Я не могу жить без песен. <...> Я вам за то пришлю находящиеся у меня, которых будет до двух сот, и что замечательно – что многие из них похожи совершенно на антики, на которых лежит печать древности, но которые совершенно не были в обращении и лежали зарытые” (X, 284–285). В декабре 1833 года: “Жду с нетерпением от тебя обещанной тетради песен, тем более, что беспрестанно получаю новые, из которых много есть исторических, ещё больше – прекрасных” (X, 289).

Гоголь не раз упоминал о предполагаемом совместном издании песенного сборника, заботясь и о содержании его, и об оформлении. В декабре

1832 года он сообщал Максимовичу: “Тот художник, малоросс, <...> который один мог бы сделать национальную виньетку, пропал как в воду, и я до сих пор не могу его отыскать. Другой, которому я поручил, наляпал каких-то чухонцев и так гадко, что я посоветился вам посылать. <...> Однако ж жаль, что наши песни будут без виньетки” (X, 249). В январе 1834 года советовал: “Знаешь ли ты собрание Галицких песен, вышедших в прошлом году? <...> Между ними есть множество настоящих малороссийских, так хороших, с такими свежими красками и мыслями, что весьма не мешает их включить в гадаемое собрание” (X, 292). 26 марта того же года размышлял о порядке расположения песен в готовящемся сборнике: “По мне, разделения не нужно в песнях. Чем больше разнообразия, тем лучше. Я люблю вдруг возле одной песни встретить другую, совершенно противного содержания” (X, 306).

12 марта 1834 года он писал Максимовичу: “Песни нам нужно издать непременно в Киеве. Соединившись вместе, мы такое удерём издание, какого ещё никогда ни у кого не было” (X, 302). Для этого издания Гоголь посылал Максимовичу песни, о чём упоминал, в частности, в письме к И. И. Срезневскому 6 марта 1834 года: “Около 150 песен я отдал прошлый год Максимовичу, совершенно ему не известных. После этого я приобрёл ещё около 150. У Максимовича теперь уже 1200” (X, 300).

В 1834 году (по-видимому, в начале лета) в Москве вышел сборник “Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем”. В предисловии Максимович отметил: “Настоящим богатством моё Собрание обязано участию в труде моём князя П. П. Цертелева — первого издателя Украинских Дум, Н. В. Гоголя — нового историка Малороссии и автора “Вечеров на хуторе близ Диканьки”, И. И. Срезневского — издателя “Запорожской Старины”, А. Г. Шпигоцкого, переводчика Валленрода, почтенного И. В. Крамаренка, О. М. Бодянского и некоторых других лиц, коим всем приношу мою благодарность”¹¹.

В том же году вышел и ещё один сборник Максимовича — “Голоса украинских песен”, — включающий не только тексты песен, но и ноты (в аранжировке А. А. Алябьева). В примечании к предисловию говорилось: “Об украинских песнях и музыке оных читатели найдут прекрасную статью г. Гоголя в Журнале Министерства народного просвещения 1834 г. № 4”¹².

Как бы подытоживая всю эту историю совместной работы над собранием песен, Гоголь писал Максимовичу в апреле 1834 года, получив от него первые корректурные листы: “Как бы то ни было, я с радостью ребёнка держу в руках твой первый лист и говорю: “Вот всё, что отстоялось от прежних дум, от прежних лет!” — как выразился Дельвиг” (X, 312). В этих словах звучат отчасти радость и удовлетворение от завершённого труда, но отчасти и грусть.

Среди исследователей даже есть мнение, что в отношениях двух собирателей песен в этот период произошла некая неясная коллизия в ходе издания. В частности, высказывается такое предположение: “Книга вышла в свет, но... имя Гоголя глухо упомянуто лишь в предисловии М. А. Максимовича. Что произошло между ними — пока остаётся неразгаданной загадкой. Ссоры не было, но какая-то тень пробежала”¹³. И действительно, после столь насыщенной их переписки 1833–1835 годов потом этот оживлённый эпистолярный диалог больше уже не возобновился (за оставшиеся около 17 лет жизни Гоголь адресовал Максимовичу лишь одно весьма лаконичное письмо и две записки), несмотря на то, что они потом несколько раз встречались и дружески общались, в основном, в конце 1840-х — начале 1850-х годов.

В дальнейшем Гоголь, продолжая собирать песни, не намеревался сам их издавать, во всяком случае, не предпринимал для этого практических шагов. А песен за многие годы их собирательства у него накопилось много — сотни. Ещё в феврале 1834 года Гоголь писал в письме к Максимовичу: “Песен я тебе с большою охотою прислал <бы>, но у меня их ужасная путаница. Незнакомых тебе, может быть, будет не более ста, зато известных, верно, около тысячи, из которых большую часть мне теперь нельзя посылать. Если бы ты прислал свой список с находящихся у тебя, тогда бы я знал, какие тебе нужны, и прочие бы выправил с моими списками и послал бы тебе” (X, 297–298). Со временем собрание песен у Гоголя продолжало пополняться.

Некоторые из своих песен Гоголь передавал, помимо Максимовича, и другим издателям. Например, А. Л. Метлинский в книге “Народные южно-русские песни”, изданной в Киеве в 1854 году, поместил 7 песен, полученных от Гоголя (через Н. Д. Белозерского). 46 песен Гоголь передал П. В. Кире-

евскому для его издания “Русские народные песни, собранные Петром Киреевским”, вышедшего в 1848 году, правда, они не были туда включены. Как отметил М. Н. Сперанский, опубликовавший в 1912 году несколько десятков песен из гоголевского собрания, “Гоголь не знал хорошо, что Киреевского интересуют великорусские песни. <...> Деликатный Киреевский, хотя и не воспользовался этими песнями, в предисловии 48 года с благодарностью помянул и Гоголя, правдиво, но глухо отметив, что песни “идут из разных мест России”¹⁴.

Помимо книги Сперанского, десятки русских и украинских песен из гоголевского архива были опубликованы в 1908 году в издании Г. П. Георгиевского “Песни, собранные Н. В. Гоголем”. Этим, конечно, весь песенный архив Гоголя не исчерпывается. Ведь, по его собственному признанию, у него в 1834 году накопилось уже около тысячи песен, а потом это собрание ещё увеличивалось. Однако в своём полном составе эти материалы не сохранились. Со временем в различных архивах обнаруживались всё новые и новые песни, собранные Гоголем. Так, в 1959 году сообщалось: “В середине тридцатых годов писатель приступает к упорядочению собранных песен. <...> В результате этого упорядочения значительная часть песен была тщательно переписана (самим Гоголем либо переписчиком) в нескольких тетрадах. До настоящего времени обнаружено три таких тетради, из них последняя, содержащая 150 исторических песен, обнаружена сравнительно недавно”¹⁵.

Песни в собрание Гоголя попадали разными путями. Были там и те, которые он услышал лично от народных певцов и записал, и те, которые он получал из Васильевки от родных, и те, которые он заимствовал из других собраний, в частности, известного этнографа З. Я. Ходаковского. Как отмечал С. А. Красильников, “общее количество заимствованных Гоголем из собрания Ходаковского песен доходит до 225”¹⁶. Точное количество песен, собранных Гоголем, до сих пор не известно. Нет полной ясности и в других вопросах — какие именно песни Гоголь нашёл сам, какие — переписал из других собраний; сколько песен Гоголя вошло в сборники Максимовича и какие именно это песни (хотя некоторые из них установлены, но это единицы, а Гоголь всего передал Максимовичу их десятки, если не сотни). Словом, в этом гоголевском песенном хозяйстве по-прежнему присутствует та “ужасная путаница”, которая образовалась там ещё при жизни Гоголя.

* * *

Но зато всё вполне ясно, когда речь идёт о Гоголе как о человеке, который просто любил послушать народные песни, а при хорошем расположении духа — и спеть, а иногда даже и сплясать при этом. Тут уже имел место не исследовательский интерес писателя и историка к национальным традициям — тут уже была часть его собственной жизни. Знакомые с детства мотивы, как невидимая нить, связывали его всю жизнь с родной землёй, с чем-то очень дорогим и заветным.

Жизнь за границей, богатая событиями, не затмила для него радости воспоминания об этих милых душе впечатлениях детства и юности. П. В. Анненков так описал одну из прогулок с Гоголем в Риме, где он заканчивал работу над первым томом “Мёртвых душ” и находился по этой причине в весьма приподнятом настроении: “Гоголь взял с собой зонтик на всякий случай, и как только повернули мы налево от дворца Барберини в глухой переулок, он принялся петь разгульную малороссийскую песню, наконец, пустился просто в пляс и стал вывёртывать зонтиком на воздухе такие штуки, что не далее двух минут ручка зонтика осталась у него в руках, а остальное полетело в сторону. Он быстро поднял отломленную часть и продолжал песню”¹⁷.

Источником веселья остались для Гоголя песни до конца жизни. Приезжая в разные годы погостить к матери и сёстрам в Васильевку, он снова попадал в атмосферу детства и юности. Всё так же пела порой целыми днями малороссийские песни голосистая тётушка Катерина Ивановна. Повзрослевшие сёстры уже и сами играли на фортепиано, и не только популярные пьесы известных композиторов, но и народные мелодии. Особенности способности обнаружила младшая сестра Ольга, которую Гоголь обычно просил сыграть, а все домашние, включая и его самого, пели под этот аккомпанемент.

На основе её воспоминаний В. А. Чаговец описывал это совместное пение так: “По вечерам Ольга Васильевна садилась за рояль, раскрывала “Сборник малороссийских песен” и начинала играть. Николай Васильевич был постоянным и внимательным слушателем, иногда он подпевал тихим тенорком или же, притопывая в такт ногой, громко говорил сестре: “Живее, живее, громче, вот так, вот так!” И послушные пальцы, бегая по клавишам, наигрывали “Метельцу” или какую-либо иную любимую песню”¹⁸.

А. Н. Мошин, побывавший в Васильевке в начале XX века, записал воспоминания Ольги Васильевны Гоголь-Головня о Гоголе: “Он любил слушать, как поют или играют. Меня часто просил играть ему на фортепиано малороссийские песни. “А ну-ка, – говорит, – сыграй мне “Чоботы”... Стану играть, а он слушает и ногой притопывает... Ужасно любил он малороссийские песни”¹⁹.

Любил Гоголь, как и прежде, послушать народных певцов, выступления которых, по-видимому, были для него поводом не только повеселиться, но и углубиться в серьёзные размышления об исторической судьбе и душе народа, сложившего эти мелодичные “живые летописи” о своей жизни. В. А. Чаговец пишет: “Вообще Николай Васильевич любил музыку, любил пение, его душа была чутка ко всякому музыкальному звуку, и, слушая пьесу или песню, он уносился всем своим существом в поэтические грёзы и мечтания... Пригласит, бывало, старика-лирника, усадит его на крыльце дома, угостит, накормит и попросит спеть про старину... Плачет кобза, дрожит старческий голос певца, а поэт слушает его, опершись о перила, и рисуются перед ним образы былого могучего козачества... Но вдруг старик обрывает свою думу на полуслове, крикнет и лёгким перебором начнет “жартовливу” песню... да так ушкварит, что еле усидишь на месте... Куда делась старческая дряхлость, откуда взялся огонь в очах, ещё недавно тускло глядевших из-под нависших бровей!.. Этот-то контраст малорусской песни особенно нравился поэту, и о нём он говорит в своих сочинениях”²⁰.

А. Н. Мошин приводит воспоминания О. В. Гоголь-Головня о подобном случае: “Видела я, как он раз нищих позвал, и они ему пели... Но это он хотел сделать так, чтобы никто из нас не видел: он позвал их к себе в комнату... Брат жил тогда во флигеле... Я рассказала этот случай художнику Волкову, а он картину такую написал”²¹.

* * *

Со временем возрастал интерес Гоголя и к русским народным песням, которых немало появилось в его собрании и которые оказали явное влияние на его творчество. Живя за границей, он в числе прочих материалов, рассказывающих об истории России, просил прислать ему и песни. В 1837 году он писал из Рима Н. Я. Прокоповичу: “Если что-нибудь вышло по части русской истории, <...> пожалуйста, пришли <...> или хорошее издание русских песен, или малороссийских песен” (XI, 116).

В русской песне Гоголь чувствовал и характерные черты национального характера, и образ исторической судьбы народа. В “Выбранных местах из переписки с друзьями” (в главе “В чём же, наконец, существо русской поэзии и в чём её особенность”) он писал: “В наших песнях <...> мало привязанности к жизни и её предметам, но много привязанности к какому-то безграничному разгулу, к стремлению как бы унести куда-то вместе с звуками” (VIII, 369). Влияние русских народных песен, в которых выражена стихия русской природы и другая стихия – русской души, явно проявляется в “Мёртвых душах”, о которых В. Г. Белинский заметил, что “пафос поэмы <...> состоит в противоречии общественных форм русской жизни с её глубоким субстанциальным началом, доселе ещё таинственным, доселе ещё не открывшимся собственному сознанию и неуловимым ни для какого определения”²².

Созвучны этому замечанию критика слова самого Гоголя в “Выбранных местах...” о загадке русской души, выразившейся в народной песне: “Ещё доселе загадка – этот необъяснимый разгул, который слышится в наших песнях, несётся куды-то мимо жизни и самой песни, как бы сгораемый желаньем лучшей отцзы, по которой тоскует со дня создания своего человек” (VIII, 408).

К. С. Аксаков, размышляя о своеобразии украинских и русских народных песен под впечатлением от поэмы “Мёртвые души” и других произведений

Гоголя, отмечал, что художественный характер Малороссии “высказывается в её многочисленных, мягких звуками песнях, живых и нежных, округлённых в своих размерах. <...> А русская песня, которую так часто вспоминает Гоголь в своей поэме, русская песня! Что лежит в ней? Как широк напев её! Кажется, дух и образ великого, могучего пространства, о котором так прекрасно говорит Гоголь, лежит в ней. Нет ей конца, бесконечная песня, как называет её он же. В самом деле, нельзя сказать, что русская песня оканчивается; она не оканчивается, но уносится. Когда слушаешь, как широкие волны звуков раздаются слабее и слабее и, наконец, затихают так, что слух едва ловит последние звуки русской песни – нет, она не кончилась, она унеслась, удалась только и где-то поётся, вечно поётся”²³.

Интересно размышление А. И. Герцена о характере русских народных песен, в том числе и по сравнению с украинскими, отчасти перекликающееся с мыслями Гоголя, высказанными в “Мёртвых душах” и других произведениях: “Все поэтические начала, бродившие в душе русского народа, находили себе выход в необычайно мелодичных песнях. Славянские народы – народы-певцы в подлинном значении этого слова. <...> Русский крестьянин только песнями и облегчал свои страдания. Он постоянно поёт: и когда работает, и когда правит лошадьми, и когда отдыхает на пороге избы. Отличает его песни от песен других славян, и даже малороссов, глубокая грусть. Слова их – лишь жалоба, теряющаяся в равнинах, таких же беспредельных, как его горе, в хмурых еловых лесах, в бесконечных степях, не встречая дружеского отклика. Эта грусть – не страстный порыв к чему-то идеальному, в ней нет ничего романтического, ничего, похожего на болезненные монашеские грёзы, подобно немецким песням, – это скорбь сломленной роком личности, это упрёк судьбе, “судьбе-мачехе, горькой долюшке”, это подавляемое желание, не смеющее заявить о себе иным образом, это песня женщины, угнетаемой мужем, и мужа, угнетаемого своим отцом, деревенским старостой, наконец, – всех угнетаемых помещиком или царём; это глубокая любовь, страстная, несчастливая, но земная и реальная. Среди этих меланхолических песен вы слышите вдруг шум оргии, безудержного веселья, страстные, безумные выкрики, слова, лишённые смысла, но опьяняющие и увлекающие в бешеный пляс, который совсем не похож на драматический и грациозный хороводный танец”²⁴.

В неоконченной статье “Учебная книга словесности для русского юношества”, над которой Гоголь работал предположительно в первой половине 1840-х годов, рассматривая различные жанры и роды поэзии, он в разделе “Песня” отметил особенное значение этого жанра в народном искусстве и его взаимосвязь с развитием в дальнейшем литературы, поэзии: “Песня составляет самый богатейший отдел поэзии у народов славянских. Преобладание поэтического элемента в глубине славянской души и особенное мелодическое расположение нашего языка были причиною происхождения бесчисленного множества песен в нашей словесности, которы<е> уже и вдревле, когда слова не записывались и словесность, не переходя в письменность, оставалась в буквальном смысле словесностью, составляли наше достояние” (VIII, 474).

По воспоминаниям М. А. Максимовича, с которым Гоголь летом 1850 года отправился из Москвы в Малороссию, Николая Васильевича очень заинтересовало услышанное им по дороге пение местных крестьянок. Вот рассказ об этом случае (в записи П. А. Кулиша):

“Это было в Севске, на Ивана Купалу. Проснувшись на заре, наши путешественники услышали неподалёку от постоялого двора какой-то странный напев, звонко раздававшийся в свежем утреннем воздухе.

– Поди послушай, что это такое, – просил Гоголь своего друга, – не купальные ли песни? Я бы и сам пошёл, но ты знаешь, что я немножко из-под Глухова.

Г. Максимович подошёл к соседнему дому и узнал, что там умерла старушка, которую оплакивают поочередно три дочери. Девушки причитывали ей импровизированные жалобы с редким искусством и вдохновлялись собственным своим плачем. <...>

Проплакав всю ночь, девушки до такой степени наэлектризовались поэтически-горестными выражениями своих чувств, что начали думать вслух тоническими стихами. Раза два появлялись они, то та, то другая, на галерейке второго этажа и, опершись на перилы, продолжали свои вопли и жалобы, а иногда обращались к утреннему солнцу, говоря: “Солнышко ты моё

красное!” – и тем “живо напоминали мне (говорил г. Максимович) Ярославну, плакавшую рано, Путивлю городу на забороле...”

Когда он рассказал обо всём виденном и слышанном поэту из-под Глухова, тот был поражен поэтичностью этого явления и выразил намерение воспользоваться им, при случае, в “Мёртвых душах”²⁵.

Во втором томе “Мёртвых душ”, над которым тогда работал Гоголь, описано сложное неоднозначное восприятие народной песни, звучащей во время гулянья на реке. Возможно, автор “разделил” своё собственное противоречивое впечатление между различными персонажами, слышащими в пении гребцов разное? Вот эта сцена совместного исполнения-слушания-переживания русской народной песни, в которой участвуют действующие лица второго тома поэмы:

“Парень-запевала, плечистый детина, третий от руля, починал чистым, звонким голосом, выводая как бы из соловьиного горла начальные запевы песни, пятеро подхватывало, шестеро выносило, и разливалась она, беспредельная, как Русь. И Петух, встрепенувшись, пригаркивал, поддавая, где не хватало у хора силы, и сам Чичиков чувствовал, что он русский. Один только Платонов думал: “Что хорошего в этой заунывной песне? От неё ещё бо́льшая тоска находит на душу” (VII, 55).

Но, наверное, самым точным и полным выражением чувств Гоголя в отношении русской песни являются слова из первого тома “Мёртвых душ”, необыкновенная лирическая сила которых живо показывает состояние его души, встретившейся с народной песенной стихией: “Русь! <...> Почему слышится и раздаётся немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовёт и рыдает, и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзают и стремятся в душу, и выются около моего сердца?” (VI, 220-221).

Гоголь тонко подметил существенную разницу в характере русских и малороссийских народных песен. В 1833 году в статье “О малороссийских песнях” он писал: “Русская заунывная музыка выражает, как справедливо заметил М. Максимович, забвение жизни: она стремится уйти от неё и заглушить вседневные нужды и заботы; но в малороссийских песнях она слилась с жизнью – звуки её так живы, что, кажется, не звучат, а говорят; говорят словами, выговаривают речи, и каждое слово этой яркой речи проходит душу” (VIII, 96).

Объединяя свои впечатления и от русских, и от украинских песен, Гоголь писал в “Петербургских записках 1836 года” вообще о “славянской певучей природе”, которой свойственно сопровождать песней многие важные события в жизни человека и народа: “Покажите мне народ, у которого бы больше было песен. Наша Украина звенит песнями. По Волге, от верховья до моря, на всей веренице влекущихся барок заливаются бурлацкие песни. Под песни рубятся из сосновых брёвен избы по всей Руси. Под песни мечутся из рук в руки кирпичи, и, как грибы, вырастают города. Под песни баб пленяется, женится и хоронится русский человек. Всё дорожное: дворянство и недворянство – летит под песни ямщиков. У Чёрного моря безбородый смуглый, с смолистыми усами козак, заряжая пищаль свою, поёт старинную песню; а там, на другом конце, верхом на плывущей льдине, русский промышленник бьёт острогой кита, затягивая песню” (VIII, 184).

Гоголь по-разному воспринимал и любил русские и малороссийские народные песни, и, по-видимому, разное место в его жизни они занимали, но и те, и другие глубоко волновали его душу. В “Выбранных местах из переписки с друзьями” он признавался: “Я до сих пор не могу выносить тех заунывных, раздирающих звуков нашей песни, которая стремится по всем беспредельным русским пространствам. Звуки эти вьются около моего сердца, и я даже дивлюсь, почему каждый не ощущает в себе того же” (VIII, 289).

* * *

Всю жизнь для Гоголя народные песни (поначалу – именно малороссийские, а потом – и русские тоже) оставались одним из самых светлых впечатлений. Поэтому и с людьми, разделявшими это его пристрастие, ему было особенно легко. Исчезала его обычная замкнутость, застенчивость. По воспоминаниям А. О. Смирновой-Россет, с которой Гоголь познакомился, будучи совсем молодым, начинающим литератором, он очень смущался в её обществе.

Но всё изменилось, когда Александра Осиповна заговорила о впечатлениях своего детства, которое прошло в Малороссии, о природе и культуре этого края. Она вспоминала о своём общении с Гоголем в это время: “С ним тогда я обыкновенно заводила речь о высоком камыше и бурьяне, о белых журавлях на красных лапках, которые по вечерам прилетают на кровлю знакомых хат, о галушках и варениках, о сереньком дымке, который легко струится и выходит из труб каждой хаты; пела ему “Не ходи, Грицько, на вечерниці”²⁶.

А знакомство Гоголя с М. С. Щепкиным началось, вместо обычных приветствий, с песенного куплета. Сын знаменитого артиста П. М. Щепкин вспоминал: “Как-то на обед к отцу собралось человек двадцать пять – у нас всегда много собиралось; стол по обыкновению накрыт был в зале; дверь в переднюю, для удобства прислуги, отворена настежь. В середине обеда вошёл в переднюю новый гость, совершенно нам не знакомый. Пока он медленно раздевался, все мы, в том числе и отец, оставались в недоумении. Гость остановился на пороге в залу и, окинув всех быстрым взглядом, проговорил слова всем нам известной малороссийской песни:

*Ходит гарбуз по горóду,
Пытается своего роду:
Ой, чи живы, чи здоровы
Вси родичи гарбузовы?*

Недоумение скоро разъяснилось – нашим гостем был Н. В. Гоголь, узнавший, что мой отец тоже, как и он, из малороссов”²⁷.

Любил Гоголь бывать и у Аксаковых, где встречал всегда тёплый приём и повышенное внимание к его творчеству, заходил к ним “на вареники”, а летом бывал у них на даче в Абрамцево. В семействе Аксаковых Гоголь находил полное понимание своего увлечения народными песнями. Здесь их тоже ценили, любили послушать и попеть. Особенно хорошо их исполняла одна из дочерей С. Т. Аксакова – Надежда. Гоголь часто встречался с Аксаковыми в последние годы, когда жил в Москве. Порой вечером он приходил к ним, и они все вместе слушали и пели русские и украинские песни.

О. М. Бодянский, побывав в гостях у Гоголя, записал в своём дневнике 12 мая 1850 года: “Прощаясь, он спросил меня, буду ли я на варениках? <...> Под варениками разумеется обед у С. Т. Аксакова по воскресеньям, где непременно блюдом были всегда вареники для трёх хохлов: Гоголя, М. А. Максимовича и меня, а после обеда, спустя час-другой, песни малороссийские под фортепьяно, распеваемые второю дочерью хозяйина, Надеждою Сергеевною, голос которой очень мелодический. Обыкновенно при этом Максимович подпевал. Песни пелись по “Голосам украинских песен”, изданных Максимовичем, и кой-каким другим сборникам”²⁸.

Вера Сергеевна Аксакова писала об одном из таких вечеров И. С. Аксакову: “Вчера Гоголь сидел до половины первого, так был оживлён, пел малороссийские песни, что весело и интересно было его видеть”²⁹.

В другом письме (в феврале 1850 года) тому же адресату она рассказывала: “У нас часто поются малороссийские песни. Гоголь почти всякий раз просит Наденьку петь, а Максимович даже вместе поёт и учит. Любопытно видеть, какое сильное производят на них впечатление родные звуки. Они совершенно забываются, притоптывают ногами, и будь одни, непременно, кажется, заплясали <бы>. Недоставало ещё Бодянского. В воскресенье все опять соберутся на вареники и песни”³⁰.

Ещё в одном письме в феврале 1850 года В. С. Аксакова отмечала: “Гоголь, в самом деле, с таким увлечением, с таким внутренним сочувствием поёт их (малороссийские песни. – **И. М.**), разумеется, не умея петь, но для того только, чтоб передать напев и характер песни, что в эту минуту весь проникается своей народностью и выражает её всеми средствами – и жестами, и голосом, и лицом, а Максимович перед ним стоит и также забывает всё вокруг себя, поёт и топчет ногами, и разводит руками, но только выражая нежную сторону Малороссии. Бодянский же, было, припрыгнул с самого начала пения, но потом сконфузился и держал себя смирно, но тоже пел; все трое вспоминали прежние песни, а маменька клала их на ноты”³¹.

Сергей Тимофеевич Аксаков писал сыну Ивану в феврале 1850 года о своих гостях – Гоголе, Максимовиче и Бодянском: “По воскресеньям три хохла

у нас обедают и дают безденежно такое представление, за которое не грех и заплатить деньги. Они поют с большим выражением малороссийские песни и почти пляшут. Мы никого в этот день не зовём, чтобы им не мешать”³².

В июне 1851 года В. С. Аксакова в письме к М. Г. Карташевской рассказывала: “В воскресенье в ожидании наших я сидела у окна. Слышу, что кто-то напевает малороссийскую песню, это был Гоголь, он приходил осведомляться, приехали ли все из деревни. <...> На другой день Гоголь пришёл к обеду, принёс новые малороссийские песни (записанные у него дома в деревне), за которые мы и принялись после обеда”³³.

Надежде Сергеевне Аксаковой Гоголь напевал малороссийские песни, чтобы она положила мелодии на ноты. О. М. Бодянский, вспоминая о своём разговоре с Гоголем в январе 1852 года, приводит, в частности, такие слова Николая Васильевича: “Я в следующее воскресенье собираюсь угостить вас двумя-тремя напевами нашей Малороссии, которые очень мило Надежда Сергеевна положила на ноты с моего козлиного пенья; да при этом унёмся и прежними нашими песнями”³⁴.

Подобные свидетельства современников Гоголя (воспоминания, дневники, письма) не вполне соответствуют давно устоявшемуся представлению о последних годах жизни Гоголя как о периоде мрачных настроений, упадка и болезни. Публика, в большинстве своём не поняв и не приняв последнюю книгу Гоголя — “Выбранные места из переписки с друзьями”, — пыталась объяснить появление этого произведения болезнью автора, его чрезмерным увлечением религией и загадочными переменами в его характере. Правда, ко времени возвращения Гоголя из-за границы в Россию (в 1848 году) в основном страсти по его книге улеглись, и даже с Аксаковыми (которые тоже отрицательно восприняли “Выбранные места...”) отношения снова наладились. Но однако шлейф слухов, догадок и непонимания остался. И некий стереотип о Гоголе конца 1840-х — начала 1850-х годов как о мрачном, болезненном и чуждающемся общению человеке существует, кажется, в неизменном виде до сих пор. В этом плане интересны воспоминания современников, которые имели случай непосредственно убедиться, что подобные слухи приписывают Николаю Васильевичу много лишнего и не имеющего к нему отношения. В том числе это и воспоминания о Гоголе — любителе в часы отдыха повеселиться в кругу близких друзей, ценителе искусства, не оставившем до конца дней своего любимого занятия — собирания народных песен.

* * *

О. М. Бодянский и Г. П. Данилевский побывали в гостях у Гоголя в конце октября 1851 года, за четыре месяца до его смерти. Г. П. Данилевский рассказывал об этом визите: “Молва о помешательстве Гоголя, действительно, в то время была распространена в обществе. Говорили странные вещи: будто Гоголь окончательно отрёкся от своего писательского призвания, будто он постится по целым неделям, живёт, как монах, читает только Ветхий и Новый Завет и жития святых и, душевно болея и сильно опустившись, относится с отвращением не только к изящной литературе, но и к искусству вообще.

Все эти мысли по поводу Гоголя невольно проносились в моей голове в то время, когда извозчицы дрожки по Никитскому бульвару везли Бодянского и меня к дому Талызина. Одно меня несколько успокаивало: Гоголь пригласил к себе певца-малоросса, этот певец должен был у него петь народные украинские песни, — следовательно, думал я, автор “Мёртвых душ” не вполне ещё стал монахом-аскетом, и его душе ещё доступны произведения художественного творчества. <...>

Дверь растворилась. У её порога стоял Гоголь. <...>

— А где же наш певец? — спросил, оглядываясь, Бодянский.

— Надул, к Щепкину поехал на вареники! — ответил с видимым неудовольствием Гоголь. — Только что прислал извинительную записку, будто забыл, что раньше нас дал слово туда. <...>

Мои опасения рассеялись. Передо мной был не только не душевнобольной или вообще свихнувшийся человек, а тот же самый Гоголь, тот же могучий и привлекательный художник, каким я привык себе воображать его с юности”³⁵.

Такой вот контраст: ожидали найти сильно изменившегося Гоголя – болезненного, хмурого и нелюдимого, а встретили человека, живо интересующегося прекрасным, радужного и приветливого. И песня, вернее, непреходящий интерес к ней Гоголя, помог его знакомым увидеть в нём прежнего Гоголя – великого художника, продолжающего творчески работать, любящего жизнь, искусство.

Эта история с не пришедшим артистом имела продолжение почти анекдотическое. Тот же певец через несколько дней был приглашён выступить уже в доме Аксаковых. Послушать его пришли туда Гоголь, Бодянский и Данилевский. А певец опять не явился (теперь уже без всяких объяснений), что, по-видимому, даже расстроило Гоголя.

Г. П. Данилевский вспоминал об этом вечере: “Подъехал, наконец, Гоголь. Любезно поздоровавшись и пошутив насчёт нового запоздания певца, он, после первого стакана чаю, сказал Н. С. Аксаковой: “Не будем терять дорогого времени”, – и просил её спеть. Она очень мило и совершенно просто согласилась. Все подошли к роялю. Н. С. Аксакова развернула тетрадь малорусских песен, из которых некоторые были ею положены на ноты с голоса самого Гоголя.

– Что спеть? – спросила она.

– “Чоботы”, – ответил Гоголь.

Н. С. Аксакова спела “Чоботы”, потом “Могилу”, “Солнце низенько” и другие песни.

Гоголь остался очень доволен пением молодой хозяйки, просил повторять почти каждую песню и был вообще в отличном расположении духа. Заговорили о малорусской народной музыке вообще, сравнивая её с великорусскою, польскою и чешскою. <...> Но не прошло после того и десяти минут, Гоголь вдруг замолк, надулся, и его хорошее настроение бесследно исчезло”³⁶.

Вообще рядом с людьми, хорошо знакомыми, Гоголь как бы оттаивал душой, расковывался и мог позволить себе веселиться, как когда-то в молодости. Как отмечал П. А. Кулиш, “Гоголь чувствовал себя своим в домах московских друзей своих. Он мог ребячиться там так же, как и в родной Васильевке, мог распевать украинские песни своим, как он называл, “козлиным” голосом, мог молчать, сколько ему угодно, и находил всегда не только внимательных слушателей в те минуты, когда ему приходила охота читать свои произведения, но и строгих критиков”³⁷.

Больше всего могли понять неизменное пристрастие Гоголя к народным напевам его земляки. П. А. Кулиш писал: “Приглашая своего земляка и знатока народной поэзии О. М. Бодянского на вечера к Аксаковым, которые он (Гоголь. – И. М.) посещал чаще всех других вечеров в Москве, он обыкновенно говаривал: “Упьюсь песнями нашей Малороссии”, и, действительно, он упивался ими так, что иной куплет повторял раз тридцать кряду, в каком-то поэтическом забытьи, пока, наконец, надоедал самым страстным любителям малороссийских песен, и земляки останавливали его словами: “Годи, Мыколо, годи!”³⁸.

Наверное, эти радостные впечатления от слушания, пения и собирания народных песен остались чуть ли не единственным поводом для безмятежного веселья у Гоголя в его последние годы. И людям, общавшимся с ним, это было хорошо заметно. В последние дни Гоголя (во второй половине января 1852 года) его настроение было омрачено известием о тяжёлой болезни Е. М. Хомяковой. Тогда Н. С. Аксакова, чтобы отвлечь его от печальных мыслей, напомнила ему вновь о песнях. Об этом В. С. Аксакова рассказывала в письме матери Гоголя, Марии Ивановне:

“После половины января <1852 г.> я с сестрою Надей поехала в Москву. Как приехали, дали знать Николаю Васильевичу. Он навел нас, и мы нашли его довольно бодрым; но в это время занемогла жена Хомякова, сестра Языкова, с которым Николай Васильевич был так дружен. Всех очень встревожила и огорчила болезнь такой молодой женщины. Николай Васильевич навещал нас через день; хотя на короткое время, но приходил непременно узнать, что у нас делается, какие вести из деревни... Вы, может быть, слышали, что у нас как-то певались малороссийские песни, и Николай Васильевич сам их напевал для того, чтобы класть на ноты. Желая ему сделать приятное, сестра предложила ему заняться опять песнями”³⁹.

По-видимому, столь любимая Гоголем народная песня представлялась Н. С. Аксаковой последним средством, способным вернуть Николаю Васильевичу прежнее душевное спокойствие, — той “соломинкой”, за которую мог бы ухватиться утопающий.

Таким образом, история гоголевской любви к народной песне, начавшаяся в детстве, продлилась до последних его дней. Народная культура вообще и народная песня в частности стали тем источником, из которого взяло своё начало творчество Гоголя, чтобы потом, вырастая и возвышаясь, перелететь через все границы и достичь мирового масштаба и мирового признания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 тт. М.: Академия наук СССР, 1937–1952. Т. V. С. 170–171. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте.
- ² Гоголь-Головня О. В. Из семейной хроники. Мемуары. Киев, 1909. С. 41.
- ³ Чаговец В. А. О Гоголе и его предках: исследования и материалы. Киев, 1902. С. 37–38.
- ⁴ Гиляровский В. А. На родине Гоголя. (Из поездки по Украине.) М., 1902. С. 8.
- ⁵ Чаговец В. А. О Гоголе и его предках: исследования и материалы. Киев, 1902. С. 31.
- ⁶ Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1893. Т. 2. С. 131.
- ⁷ Аксаков С. Т. Полное собрание сочинений. СПб, 1886. Т. 3. С. 363.
- ⁸ Максимович М. А. Сборник украинских песен, издаваемый Михайлом Максимовичем. Киев, 1849. С. 81–82.
- ⁹ Украинские народные думы в переводах Бориса Турганова. М., 1963. С. 52–53.
- ¹⁰ Максимович М. А. Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем. М., 1827. С. 1.
- ¹¹ Максимович М. А. Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем. М., 1834. С. III–IV.
- ¹² Максимович М. А. Голоса украинских песен, изданные Михаилом Максимовичем. Аранжировка Александра Алябьева. Второе издание. М., 1961. С. 5.
- ¹³ Ухов П. Д. Н. В. Гоголь — собиратель дум и украинских исторических песен. // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1959, т. XVIII, вып. 1. С. 37.
- ¹⁴ Сперанский М. Н. К истории собрания песен Н. В. Гоголя. Нежин, 1912. С. 15.
- ¹⁵ Айзеншток И. Я. Гоголь — собиратель народных песен. // Журнал “Звезда”. 1959, № 4. С. 218.
- ¹⁶ Красильников С. А. Источники собрания украинских песен Н. В. Гоголя. // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. Т. 2. М., 1936. С. 396.
- ¹⁷ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 88.
- ¹⁸ Чаговец В. А. На родине Гоголя. Киев, 1902. С. 31.
- ¹⁹ Мошин А. Н. Ясная Поляна и Васильевка. СПб, 1904. С. 53.
- ²⁰ Чаговец В. А. На родине Гоголя. Киев, 1902. С. 30–31.
- ²¹ Мошин А. Н. Ясная Поляна и Васильевка. СПб, 1904. С. 53.
- ²² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. в 13 тт. Т. VI. М.: АН СССР, 1955. С. 430–431.
- ²³ Аксаков К. С. Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова, или Мёртвые души. // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М., 1981. С. 149–150.
- ²⁴ Герцен А. И. Собр. соч. в 30 тт. Т. 7. М., 1956. С. 185–186.
- ²⁵ Кулиш П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. М., 2003. С. 575–576.
- ²⁶ Смирнова-Россет А. О. Воспоминания. Письма. М., 1990. С. 398–399.
- ²⁷ Веселовский В. И. Первое знакомство Гоголя с Щепкиным. // Русская старина. 1872, № 2. С. 282–283.
- ²⁸ Бодянский О. М. Дневник. // Русская старина. 1888, ноябрь. С. 409.
- ²⁹ Литературное наследство. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1952. Т. 58. С. 726.

- ³⁰ Литературное наследство. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1952. Т. 58. С. 725-726.
- ³¹ Литературное наследство. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1952. Т. 58. С. 726-727.
- ³² ИРЛИ РАН, ф. III, оп. 3, № 13, л. 78 об.
- ³³ Аксаков С. Т. Собр. соч. В 3-х тт. М., 1986. Т. 3. С. 234-235.
- ³⁴ Кулиш П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. М., 2003. С. 593.
- ³⁵ Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952. С. 436-437.
- ³⁶ Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952. С. 442-443.
- ³⁷ Кулиш П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. М., 2003. С. 589.
- ³⁸ Кулиш П. А. Николай Васильевич Гоголь. Опыт биографии. М., 2003. С. 135.
- ³⁹ Аксаков С. Т. Собр. соч. В 3-х тт. М., 1986. Т. 3. С. 242.

ЭДУАРД АНАШКИН

...НА БОЛЬШУЮ ДОРОГУ...

В одном из своих эссе известный критик Лариса Георгиевна Баранова-Гонченко, говоря о книге Дианы Кан и цитируя её стихотворение, пишет: “Эти стихи замечательного русского поэта **Дианы Кан**. Из книги, которая вышла тиражом всего 600 экз. И как мы с этими шестьюстами экземплярами разберёмся и как познакомимся друг с другом?..” Речь шла о книге избранных стихотворений “Подданная русских захолаустий” – весьма объёмистой, почти в 200 страниц, вышедшей в 2003 году.

А я вот держу в руках тоненькую, всего на 70 страниц, новую книгу стихов Дианы Кан “Млечный мост”, вышедшую в 2019 году, в год 55-летнего юбилея автора, в Оренбурге тиражом всего сто экземпляров. Держу и думаю думу невесёлую. Вроде радоваться надо – книга вышла, замечательно талантливые новые стихи в этой книге собраны, которые до того, как попасть под тонкую книжную обложку, активно печатались ведущими литературными изданиями России. А радости нет у меня. Шестнадцать лет прошло после того, как книги поэтессы издавались тиражом “всего” шестьсот экземпляров. А тут такой “прогресс”: спустя полтора десятилетия плодотворной работы автора тираж книги уменьшился в шесть раз. Словно, чем более уважаемой коллегами и известной читателям становится Диана Кан, тем более уменьшаются тиражи её книг.

Позвонил я Диане и как смог тактичнее высказал ей свои мысли. В ответ услышал: “Эдуард Константинович, я рада даже такой книге, пусть даже мизерным тиражом, лучше такая, маленькая-тоненькая-малотиражная, чем никакой! К тому же эта книга дорога мне тем, что её издали мне мои читатели, обычные люди, никакие не олигархи. Взяли кредит, чтобы издать мне книгу, и я им очень благодарна...” Что мне оставалось сказать? Что “эта книжка небольшая // томов премногих тяжелей”? Это я и сказал, добавив, что в ней что ни стихотворение, то – самоцвет. А особенно приятно, что вошло в эту книжечку новое стихотворение Дианы, которое хоть и не посвящено мне, но я его считаю по праву своим. Ведь речь в нём идёт о моём пестравском самарском селе:

**“Ох уж эти пестравские бабушки, // Что тебя называют “желанная”.
// Накладуют такие оладушки, // Что сидишь, аки гостьюшка званая. //
А ведь ты нежданно-непрощено // Заскочила узнать, сколько времечка...
// “Ешь оладьи, моя хорошая!” – // И тебя поцелует в темечко. // И, забыв, что зашла ты наскоро, // Наклонишься над старенькой чашкою. //
И навстречу качнётся ласково // Духовитый чаёк ромашковый. // В нём степные просторы пестравские // Уместились, вовек неоглядные... //
И сидишь, словно гостя заправская, // Ешь оладушки, бабушку радуя.
// Угощаешься всласть смородиной, // Ищешь повод продлить гостевание. //
Хоть Пестравка тебе не родина, // Разве знала ты это заранее?..”**

Диана Кан не раз была (и надеюсь, ещё не раз будет!) желанной гостьей наших сельчан. Помнится, когда ещё не сгорел в нашем селе культурный центр, выступала она там. Когда культурного центра в селе не стало, Диана приезжала и читала свои стихи со сцены школы села “Майское”... И каждый раз это были новые стихотворения, которым люди не переставали удивляться – насколько многообразно творчество поэта.

Последние годы я стал видеть Диану очень редко, она уехала на свою оренбургскую родину, где когда-то начинала творческий путь. Я, да и большинство самарских писателей, надеемся, кто тайно, а кто и вслух, что Диана Кан вернётся в Самару. Потому что без неё литературный процесс потерял множество красок. Тем не менее именно благодаря нашей разлуке с Дианой я смог взглянуть на неё иначе. А стихи, которые она написала в разлуке с Самарой и Волгой, ещё более утвердили меня во мнении, что Диана Кан – поэт. Потому что такие не по-женски жёсткие, откровенные и самоироничные строки “поэтесса” никогда не напишет:

“Мы поэты... А значит, нам так и надо! // Не впервой терять, что с лихвой имеем, // Истекая жгучим змеиным ядом, // А отнюдь не сладкозвучным елеем. // Мы поэты... И место наше в буфете, // Не на сцене и даже не на галёрке, // Не в борделе, тем паче не в госсовете, // Где просадились тузы-шестёрки. // Хоть буфетчица не похожа на музу, // Но зато без всякого промедленья, // Видя в каждом потенциального мужа, // Нам плеснёт в бокал сто грамм вдохновенья. // ...Мы пощады у Господа не просили, // Хоть и падали перед Ним на колени. // Мы влюблялись, вскрывали вены, тусили, // Предаваясь самой изысканной лени. // Да не только Лене! Светлане, Кате... // Ну, а пуще – Вере, Любви, Надежде... // Мы, поэты, всегда приходим некстати. // Поименно – другие. По сути – те же. // Пусть поэзия – площадная девка – // Откликается на любое имя, // Но при этом помнит с тайной издѣвкой, // Что от веку зовут её Магдалина”.

Многих изумляет манера стихосложения Дианы Кан, когда она, словно играючи, соединяет бытовое с бытийным, высокое с низким, пафосное с ироничным, и делает это так естественно, что понимаешь – стихия русской речи дана Диане. Как она пишет в одном из стихотворений, она “породнилась с Волгой”. Я думаю, именно это и есть ключ к разгадке жёсткости стихотворения о самарских поэтах. Хотя я, было дело, позвонил и попенял Диане, мол, ну, зачем ты так о самарцах, мы тебя любим. Диана рассмеялась: “Так ведь и я вас люблю! Не любила бы, не тосковала бы. А не тосковала бы – не написала бы этот стишок”. Я возразил: “Какой это стишок? Это прекрасное стихотворение, хотя и жёсткое!” Диана отрезала: “Эдуард, я пафоса не люблю. Да и слово СТИХОТВОРЕНИЕ выговаривать долго, пока выговоришь, запутаешься!” Так вот странно и совсем не по-женски Диана Кан после расставания с самарскими поэтами объясняется им в любви. Правда, цитируя, я всё-таки опустил персоналии этого стихотворения, потому что дело ведь не в персоналиях.

“Пусть вы не торжество добра и света, // Как ни крути, вас не любить нельзя – // Сценичные циничные поэты, // Заклятые самарские друзья. // Ведь я была одной из вас когда-то. // Хотела б откреститься, да никак! // Разбойные запойные ребята, // Отчеством считавшие кабак... // Немало вы кровей моих попили // Вприхлёб с самарским пивом “Жигули”. // Немало, как князю, меня топили, // Но утопить в итоге не смогли! // Не утонула, породнилась с Волгой... // Она во мне свою признала дочь. // И с той поры – увы и слава Богу! – // Ни помешать нельзя мне, ни помочь. // И разве я могла в вас не влюбиться, // Как ни крутили пальцем у виска, // Когда взлетали страници-страницы // И строфы-катастрофы в облака? // Когда, презрев досужие советы // И больше не желая быть, как все, // И я взлетала с ними против ветра // По этой чёрной взлётной полосе?..”

Хочется от всего сердца поблагодарить оренбургских почитателей таланта Дианы Кан Сергея и Алину Мотыженковых, что издали замечательную книгу “Млечный мост”. Но не могу не выразить недоумение, что Оренбург с 2016 года так и не нашёл возможности издать хотя бы одну книгу выдающейся всероссийской поэтессы-землячки, чтобы появилась она хотя бы в библиотеках Оренбургского региона.

“Самару в Оренбурге помнят чаще, // Чем Оренбург в Самаре, ну, так что ж? // И там, и тут я прослыла пропащей. // То и другое – истина и ложь. // Но этой самой истинною ложью // Спасается подлунный грешный мир, // Где дураки похлеще бездорожий, // Чумы похлеще хлебосольный пир. // Ни в Бога и ни в чёрта не поверю, // Когда уже который век и год // Чумных пиров полынное похмелье // И порохом, и кровью отдаёт. // Текут века, а мне и горя мало. // Степным простором допьяна упьюсь... // ...Здесь, в междуречье Волги и Урала, // Моем стихом заговорила Русь. // Уральская печальная приبلуда, // Самарская лукавая змея... // Как жаль, что я давно не верю в чудо, // Ведь надо верить – чёрт возьми! – в себя!”

В новых стихах, написанных уже в Оренбурге, где раскрывается новая грань таланта Дианы – художественная самоироничность, которую практически не встретишь в стихах “поэтесс”, даже выдающихся. Как правило, самоирония – чисто мужское качество. Вот как, к примеру, рассматривает поэт Диана Кан чисто женский диалог с зеркалом, который начат ещё в творчестве Пушкина в образе мачехи, завидующей молодой падчерице:

“– Причешись, причепурись, // Улыбнись, примерь обновы!.. // – Свет мой, зеркальце, заткнись! // Мне и без тебя хреново. // По спирали жизнь бежит... // Поспирали, поспирали // Годы юный шёлк ланит, // Что остался в зазеркалье. // – Эвон, дочка подросла, // Красотой меня затмила... // Всё вы врётё, зеркала! // Хотя я правды не просила! // Строчка встала на крыло // И далёко улетела... // – Ах ты, мерзкое стекло! // Ну, твоё какое дело? // Бон суар, мон шер ами? // Ни фига! Ещё не вечер! // Свет мой, зеркальце, храни // Память нашей первой встречи. // В зазеркальных тайниках // Пусть живёт девчужка эта, // Что не ведаёт пока, // Что сулит судьба поэта”.

Конфликт стихотворения Дианы отнюдь не женский. Это конфликт поэта–творца стихотворений, которые “встали на крыло и улетели далёко” от своего создателя. Это конфликт поэта, который остаётся поэтом лишь в той степени, в какой в нём живёт детство. Самоирония пышно расцвела в творчестве Дианы Кан. Умение посмеяться над собой, над своими женскими слабостями и вывело её творчество из женской “резервации”. Сама Диана в шутку относит стихотворение “Разговор с психиатром о рае”, которое я с удовольствием процитирую сейчас, к “стихам про депутатов”. А эпиграфом к стихотворению служат её же собственные строчки из ранних романтических стихотворений: “... и смотрят последние астры в саду // На то, как топиться хожу я к пруду...” Девушка, которая когда-то ходила топиться к пруду, выросла на радость читающей России в большого поэта, умеющего посмеяться над собой:

“Хотела утопиться в тихом омуте // Без лишних элегических затей... // Но психиатр сказал с улыбкой: “Полноте! // Да пожалейте ж бедненьких чертей! // Ни перед кем ни в чём не виноватые, // Без потрясенных и душевных ран, // Они живут не клятые, не мятые, // А тут бултых-пардон – Диана Кан!..” // Сказала психиатру: “Пыл умерьте-ка! // Я не за это деньги вам плачу. // Ведь не к лицу подобная патетика, // Любезный, ни врачу, ни палачу! // Чертям для драйва я необходимая: // Мысль утопиться – это неспроста. // Умеют же устроиться, родимые – // В раю позанимали все места...”

Особенно близки мне у каждого поэта его стихи по малую родину, про тот клочок земли, из которой произрастает он корнями. Эта корневая связь питает любое поэтическое творчество. Ведь именно в малом, в мелочах, порой человек раскрывается наиболее полно:

“Здесь растут без всяких привилегий // Придорожной сорною травой // Россыпи приблудных аквилегий, // Принятых Россией на постой. // Здесь в дожде купается купена, // Предвкушая солнечный потоп, // И ромашки всходят белопенно, // Обживая фронтовой окоп. // Это всё она, моя Россия! // Это я, её родная дочь! // Кашки сами в руки попросились – // Их сорвать хотела – да невмочь! // Прикорнул к плечу татарник милый, // Даже не пытаюсь уколоть... // ...Эх, напрасно мама попросила // Доченьку картошку прополоть!”

В своё время Диана Кан начала свой путь к всероссийской известности именно как автор яркой гражданской оппозиционной лирики. Потом как-то

отошла от гражданственности, но, видимо, для того, чтобы вернуться к ней на новом витке своего творческого полёта. Не будем забывать, что Оренбуржье, где сейчас живёт и работает Диана Кан, да и Самарский край, ставший её поэтической отчиной, прославлены в веках, как места, связанные с Пугачёвским восстанием. Мало кто знает, что пленён Емельян Иванович Пугачёв был на территории Пестравского района, где я живу многие десятилетия. И именно через пестравское самарское село Мосты Емелька был этапирован генералиссимусом Александром Суворовым в столицу к месту казни. Как ни крути, придётся признать, что неоднозначная личность Емельяна Пугачёва навеки породила Урал с Волгой, а Оренбуржье – с Самарским краем:

“Край мой мятежный, // Край мой крамольный... // Ветер-ведьмак пугачёвщиной дышит. // Край мой, далёкий от Первопрестольной, // Горем завейся – Москва не услышит. // Горем завейся, ветром укройся, // Песней утешься, а я буду рядом... // Ойся ты, ойся! Столицы не бойся, // Край мой крамольный, оно тебе надо? // Царь ли, царевич? Король-королевич? // В банке уважь их да в печь на лопату. // Кроток в молитве и страшен ты в гневе, // Край мой, кровавым рассветом объятый. // Что приуныл, опечаленный в стельку? // Что пригорюнился, счастья не чая? // Где ж он, твой царь самозванный Емелька? // Чай, ты случаем по нём не скучаешь? // Тёплым платком оренбургским закутай // Зябкую степь, что от ветра продрогла... // Вспомни свою залихватскую удаль // И выходи на большую дорогу”.

Почитаешь и – поёжишься. Неужто опять поэт зовёт Русь к топору, к новой революции, чреватой кровопролитием? Сейчас даже самые “оппозиционные оппозиционеры” нет-нет, да и проговорятся о том, что лимит России на революции исчерпан в XX братоубийственном веке. При этом все сегодня понимают, что идёт активное уничтожение России “новыми ляхами”. И Россия, особенно в глубинке, как бы притихла и сосредотачивается на мысли: что же со всем этим делать? И где же тот спаситель Отечества, которого все так ждут, но в которого при этом никто не верит? Потому что не все хотят, чтобы этот “спаситель” пришёл с огнём и мечом. Вот как видит эту ситуацию не революционного, а эволюционного возрождения и спасения России в пространстве и времени поэт Диана Кан:

“Он вёл их молча по былинным, // По диким муромским лесам – // Иуд, что верили наивно // В то, что и он иуда сам. // Вёл, обходя в пути святыни, // Не тратя понапрасну слов, // Духовно-ядерной твердыни, // Что называется Саров. // Он вёл их, Китеж огибая // И светлый болдинский приют... // Знать, на Руси судьба такая, // Что первыми героев бьют. // В пути не раз им повстречался // Шальной Разбойник-Соловей, // Вослед ведомым так смеялся, // Что листья сыпались с ветвей. // Вёл, обходя Урал и Волгу, // Хоть их никак не обогнуть... // Во временах-пространствах долгий – // Единственно возможный путь! // И мысль одна терзала сердце, // Ведомым вовсе не в укор – // Как миновать в пути Освенцим, // И Саласпилс, и Собибор?... // ...А дальше, братья-ляхи, сами. // Эх, ни покрышки вам, ни дна... // “Кажись, пришли! – вздохнул Сусанин, – // Варшава-матушка видна!..”

Сегодня снова пришло время гражданской лирики. Да оно и не уходило: уничтожение России особенно заметно в глубинке. Народ придавлен нищетою и безнадёгой, мужики стараются устроиться работать на “севера”, чтобы хоть как-то прокормить семью. А родное село без мужской руки, оставленное только на женское попечение, как в войну, рушится и приходит в необратимый упадок. Мы слушаем по телевизору новости про то, как у нас в стране всё складно да ладно, но всё чаще хочется спросить у ведущих: “А вы, господа-товарищи, про какую такую неведомую страну нам рассказываете?” Я частенько звоню Диане, говорим, к сожалению, в основном о политике, как и все. Она порой говорит: “Я телевизор не смотрю и тебе не советую”. Но при этом настолько в курсе политической ситуации, что понимаю – правду сегодня можно узнать всюду: в интернете, в разговорах с людьми, только не в телеящике. А закончить своё слово о выдающемся русском поэте Диане Кан я хочу поразившим меня стихотворением “Новая Марсельеза”, которое на поверку оказалось пророческим. Спустя пару месяцев после его первой публикации начались события во Франции, когда французы, надев жёлтые жилеты,

стали отстаивать своё право на достойную человеческую жизнь... Я уважаю французов, поднявшихся на борьбу за свои права. Но при этом согласен с поэтом Дианой Кан, что судьба России уже решается не на земле...

“Пролетая, пролетая, // Как фанера над Парижем, // Пролетарий, пролетарий, // Революция всё ближе. // На гербе – орел двуглавый, // Вырезанный из фанеры. // И ни левым, и ни правым, // Ни центристам нету веры. // Толстый поп кадилом машет, // Отгоняя дух советский. // Двадцать первый век пустышный // Тупо занят жизнью светской. // Бесноватые уроды, // Что страну разворовали, // Про какие-то свободы // Будут мне читать морали? // Пролетарская Мадонна. // Православная аскеза. // Цвета марсала знамёна, // А над ними – Марсельеза”.

Регулярно бывая с супругой в одном из самых уважаемых и самых намоленных храмов Самарской области – Михаило-Архангальском храме в старинном селе Высокое, – мы всегда ставим свечу за здоровье рабы Божией Анны, а в миру – прекрасного русского поэта Дианы Кан. Многая лета тебе и много золотых строк, дорогая Диана Елисеевна!